INTERNATIONAL JOURNAL OF MEDICINE AND PSYCHOLOGY / МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ

2025, Том 8, № 2

Подписано к публикации: 18.03.2025

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, *доктор психологических наук, профессор*
Члены редакционной коллегии

Агранович Надежда Владимировна (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмурадовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) — доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Прокопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Хаидов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Цахаева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии» включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-3313 (online)
E-mail: ijmp-journal@yandex.ru
Сайт: https://ijmp.ru

DOI: 10.58224/2658-3313-2025-8-2

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2025

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мирзаева И.И., Мирзоева М.А., Имиликова Р.М., Хамсурхаджиева М.Х.
Персонализированный подход к удовлетворению информационных запросов пациентов в процессе кардиологической реабилитации 6-12

Чопалаева А.Г., Шугаева К.Я., Магомедова Р.Г., Агаева Э.Н.
Применение Алфлутопа в комплексном лечении больных остеоартрозом 13-20

Соколова Т.Ф., Фоминых С.Г., Соколов Е.Ю., Емельянов Ю.В., Разумовская А.А.
Современные возможности фармакотерапии биполярного аффективного расстройства 21-30

Иванова Е.Г.
Анализ распространенности сердечно-сосудистых заболеваний в условиях Крайнего Севера в отечественной литературе 31-37

Шугаева К.Я., Аскерова Я.Н., Яхъяева З.А., Магомедова З.Ш.
Хроническая ишемия мозга: современный взгляд на проблему 38-43

Магомедов А.М., Абдулгалимова Г.Н., Гаджимурзаева Н.О.
Биологические свойства и факторы патогенности Helicobacter pylori 44-49

Кузьмич Д.В., Гайдуков С.Н., Рухляда Н.Н.
Характеристика соматического и акушерско-гинекологического анамнеза беременных женщин с различными видами хирургической коррекции истмико-цервикальной недостаточности 50-56

Насрулаева Х.Н., Магомедова З.Ш., Алхазова Р.Т., Магомедова Р.Г., Табуева А.В.
Этиопатогенетические основы лечения обыкновенных угрей 57-62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ягудин Д.Р., Павлова И.В.
Роль зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции 63-68

Максимова Н.А.
Динамика восприятия иностранными студентами образовательной среды вуза 69-74

Борисова И.В., Наумов М.В., Успенская И.М., Шелегин И.В.
Влияние особенностей взаимодействия с родителями студентов I курса на выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях 75-80

Ядрищенская Т.В.
Взаимосвязь индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния и компонентов самоорганизации в условиях образовательной деятельности 81-88

Егорова И.А., Коновалова Н.В.
Тип мышления как личностная детерминанта склонностей обучающихся к научно-исследовательской деятельности 89-98

Громова П.Ю., Новикова Н.С., Котиков А.А., Левченко Е.В.
Проживание в приграничных районах как фактор формирования повышенного уровня личностной тревожности в условиях активных боевых действий 99-109

Лукашенко Д.В.
Психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде: психодиагностические подходы и педагогические перспективы 110-115

Лукичева М.А.
Преодоление психологических барьеров профессионального развития при помощи кинезиологии (методов или инструментов) 116-120

Сухотина Е.В.
Принципы системного подхода к изучению саморегуляции деятельности 121-131

Фёдоров А.Ф.
К вопросу понятия «стрессоустойчивости» сотрудников уголовно-исполнительной системы 132-137

Юркова И.Г., Каткова Ю.Э., Кладько Д.М.
Особенности профессиональной мотивации сотрудников организации гостиничной сферы 138-142

Еланцева С.А., Голынский В.А.
Формирование социально-педагогической компетентности у родителей подростков 12-13 лет со склонностью к девиантному поведению 143-150

Кузнецова Ю.Н., Зизикова С.И.
Современные аспекты оказания психологической помощи спортсменам 151-157

Шабанов Л.В., Лычагина С.В., Суханов Д.Г.
Взгляды на психологию потребительского поведения сквозь призму потребностно-мотивационной и мотивационно-потребностной сфер личности 158-168

Вавилова В.А., Ягудин Д.Р.
Типичные и атипичные реакции человека на эмоционально значимые стимулы. Особенности и роль психомоторных процессов, диагностика и способы коррекции 169-175

Пашкин С.Б., Морозов Д.Д.
Особенности профессиональной мотивации молодых специалистов социономического профиля 176-182

Скорикова О.В.
Взаимосвязь социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов 183-191

Демиденко Н.Н., Константинова Н.М.
Метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности будущего субъекта труда 192-198

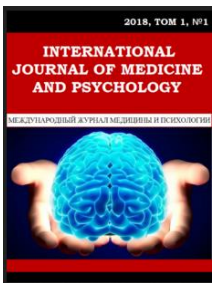
Домнина О.В., Новикова Е.Е.
Психология воздействия права. Междисциплинарный анализ психических методов реализации функций государства по охране правопорядка 199-205

Носакова Т.В.
Возможности и риски цифровой среды: психологические механизмы адаптации, развития и диагностики 206-212

Кравченко С.В.
Социальные сети как фактор формирования удовлетворенности жизнью: эмпирическое исследование 213-224

Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О.
Согласованность ценностно-смысловых ориентаций личности курсантов для работы в системе МВД 225-230

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)
УДК 616.12-008.46-083.98

[1] Мирзаева И.И.,
[1] Мирзоева М.А.,
[1] Имиликова Р.М.,
[1] Хамсурхаджиева М.Х.,
[1] Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России

Персонализированный подход к удовлетворению информационных запросов пациентов в процессе кардиологической реабилитации

Аннотация: *цель:* исследовать информационные потребности пациентов, проходящих кардиологическую реабилитацию, и выявить факторы, влияющие на эти потребности. *Материалы и методы.* В проспективное исследование были включены пациенты Дагестанского центра кардиологии, прошедшие курс реабилитации после инфаркта миокарда или таких процедур, как чрескожное коронарное вмешательство или аортокоронарное шунтирование. Изучены социально-демографические и психологические характеристики пациентов, а также их интерес к различным аспектам информации о здоровье. Использовались анкеты и данные из электронных медицинских карт. Статистический анализ проведен с применением SPSS версии 24.0. *Результаты.* Исследование показало, что низкий уровень образования и качество жизни ассоциируются с меньшим интересом к информации о питании и физической активности. Женщины и пациенты с высоким уровнем тревожности демонстрировали больший интерес к информации о психологическом благополучии. В то же время, большое число сопутствующих заболеваний снижало интерес к информации о лекарствах. *Выводы.* Персонализированный подход, внедрение цифровых технологий и интеграция психологической поддержки являются ключевыми элементами в удовлетворении информационных потребностей пациентов кардиологической реабилитации. Эти меры могут способствовать повышению эффективности реабилитационных программ и улучшению исходов лечения.

Ключевые слова: кардиологическая реабилитация, информационные потребности, персонализированный подход, психологическая поддержка, цифровые технологии, удовлетворение пациентов

Для цитирования: Мирзаева И.И., Мирзоева М.А., Имиликова Р.М., Хамсурхаджиева М.Х. Персонализированный подход к удовлетворению информационных запросов пациентов в процессе кардиологической реабилитации // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 6 – 12.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Mirzayeva I.I.,***
[1] ***Mirzoeva M.A.,***
[1] ***Imilikova R.M.,***
[1] ***Hamsurkhadzhieva M.H.,***
[1] *Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of Russia*

A personalized approach to meeting the information needs of patients in the process of cardiological rehabilitation

Abstract: *the goal:* to investigate the information needs of patients undergoing cardiological rehabilitation and identify the factors influencing these needs. *Materials and methods.* The prospective study included patients from the Dagestan Cardiology Center who underwent rehabilitation after myocardial infarction or procedures such as percutaneous coronary intervention or coronary artery bypass grafting. The socio-demographic and psychological characteristics of patients, as well as their interest in various aspects of health information, have been studied. Questionnaires and data from electronic medical records were used. Statistical analysis was performed using SPSS version 24.0. *Results*. The study showed that a low level of education and quality of life are associated with less interest in information about nutrition and physical activity. Women and patients with high levels of anxiety showed greater interest in information about psychological well-being. At the same time, a large number of concomitant diseases reduced interest in information about medicines. *Conclusions*. A personalized approach, the introduction of digital technologies and the integration of psychological support are key elements in meeting the information needs of patients in cardiological rehabilitation. These measures can help improve the effectiveness of rehabilitation programs and improve treatment outcomes.

Keywords: cardiological rehabilitation, information needs, personalized approach, psychological support, digital technologies, patient satisfaction

For citation: Mirzayeva I.I., Mirzoeva M.A., Imilikova R.M., Hamsurkhadzhieva M.H. A personalized approach to meeting information needs of patients in the process of cardiological rehabilitation. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 6 – 12.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 24, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Ишемическая болезнь сердца (ИБС) является одной из ведущих причин смертности и инвалидизации населения во всем мире. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно от сердечно-сосудистых заболеваний умирает более 17 миллионов человек, из которых значительный процент приходится на ИБС [1]. В последние десятилетия медицинская наука значительно усовершенствовала подходы к диагностике и лечению ИБС, включая современные методы кардиологической реабилитации. Однако, несмотря на достигнутый прогресс, одной из актуальных проблем остается недостаточное информирование пациентов, что может значительно снижать эффективность лечебных мероприятий [2-4].

Для пациентов с ИБС, проходящих курс кардиологической реабилитации, важно не только следовать медицинским рекомендациям, но и обладать достаточным количеством информации о своем состоянии, возможностях терапии и изменениях образа жизни. Информационные потребности больных нередко остаются неудовлетворёнными, что может быть связано с различными детерминантами, такими как уровень образования, эмоциональное состояние, возраст, культурные и социальные факторы [5-8].

Исследование детерминанта информационных потребностей у пациентов с ИБС, получающих кардиологическую реабилитацию, приобретает особую актуальность в контексте повышения качества и эффективности медицинской помощи. Понимание этих факторов позволит разработать более персонализированные и эффективные программы информирования и поддержки пациентов, тем самым улучшая их комплаентность и клинические результаты [9-11].

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе ключевых детерминант, влияющих на информационные потребности пациентов с ИБС в процессе кардиологической реабилитации. Это позволит разработать рекомендации по оптимизации информационного обеспечения пациентов, способствующие повышению эффективности реабилитации и улучшению качества жизни больных.

Материалы и методы исследований

В ходе проспективного исследования, проводившегося в Дагестанском центре кардиологии и сердечно-сосудистой хирургии имени А.О. Махачева с 1 января 2023 года по октябрь 2024 года, изучались пациенты, проходившие программу кардиологической реабилитации. Были использованы данные, собранные до начала реабилитации. В исследование включались пациенты, впервые получившие право на кардиологическую реабилитацию после перенесенного инфаркта миокарда или проведенного чрескожного коронарного вмешательства (ЧКВ) или аортокоронарного шунтирования (АКШ), за исключением лиц с недостаточным знанием голландского языка, сердечной недостаточностью с низкой фракцией выброса и недавно прошедших лечение от психических заболеваний. Пациенты заполняли анкеты для выявления своих информационных потребностей и факторов, на них влияющих, включая социально-демографические и психологические аспекты. Медицинские данные были получены из электронных карт. Программа реабилитации продолжительностью 6–12 недель включала групповые и индивидуальные занятия, такие как физическая активность и консультации различных специалистов. Участникам также рекомендовалось устанавливать личные цели на основе принципа SMART для персонализации реабилитации. В исследовании изучались информационные потребности по таким темам, как рискованное поведение, медикаментозное лечение и психологическое состояние, где пациенты выражали свое предпочтение в виде запроса на дополнительную информацию.

В исследовании изучались социально-демографические характеристики пациентов, такие как возраст, пол и уровень образования, при этом уровень образования делился на две категории: с высшим образованием и без него. Медицинская грамотность измерялась анкеты с тремя вопросами о понимании медицинской информации. Использование Интернета для поиска информации о здоровье исследовалось с помощью адаптированной анкеты. Психологические характеристики, такие как тревожность и депрессия, оценивались больничной шкалой с проверенными психометрическими свойствами. Тип личности D определялся с помощью специальной анкеты DS14. Качество жизни исследовалось анкетой SF-36. Восприятие болезни оценивалось через краткий опросник. Данные о заболевании собирались из электронных карт, включая диагнозы и сопутствующие состояния, а ИМТ классифицировался по стандартам ВОЗ. Статистический анализ включал использование $\chi 2$-теста, t-теста и U-теста для разных переменных. Для выявления факторов, связанных с информационными потребностями, использовался многофакторный логистический регрессионный анализ. Анализ проводился с помощью SPSS версии 24.0.

Результаты и обсуждения

В табл. 1 приведены основные характеристики участников исследования. В исследование было включены 32 человек. Средний возраст участников составил 66 лет, из которых 75% были мужчинами. Высокий уровень образования имели 18% пациентов, в то время как у 52% был относительно низкий социально-экономический статус, и 81% участников состояли в браке или имели партнёра. Из 32 участников у 57% был диагностирован инфаркт миокарда, а 62% прошли через ЧКВ перед программой ЧРЛ. Распространёнными факторами риска сердечно-сосудистых заболеваний были: ИМТ выше 25 кг/м² у 66% пациентов, артериальная гипертензия у 52%, гиперхолестеринемия у 18%, заболевания периферических сосудов у 8%, и сахарный диабет у 14%.

Таблица 1

Основные характеристики участников исследования.

Table 1

The main characteristics of the study participants.

Количество больных, н	32
Социально-демографические характеристики	
Возраст, средний, SD	66±10
Пол, n (%)	
Мужской	24 (75)
Женский	8 (25)
Семейное положение, n (%)	
Связь	26(82)
Нет отношений	6 (18)
Дети, n (%)	27 (88)
Образование, n (%)	
Не очень образованный	23 (78)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Высокообразованных*	20 (19)
Занятость, н (%)	
Трудоустроенный, работающий	6 (18)
Безработный	17 (51)
Характеристика заболевания	
Диагностированный инфаркт миокарда, n (%)	18 (58)
Обработка, н (%)	
Лекарство	2 (9)
ЧКД	16 (63)
АКШ	7 (27)
Другое†	1 (1)
Лекарственные средства, н (%)	
Бета-блокаторы	28 (89)
Ингибиторы АПФ	19 (74)
Нитраты	10 (41)
Антагонисты кальция	7 (23)
ФВЛЖ<40%, н (%)	4 (5)
Сопутствующие заболевания, n (%)	
ХОБЛ	2 (7)
Цереброваскулярные заболевания	3 (8)
Гипертония	11 (33)
Сахарный диабет	3 (12)
Гиперхолестеринемия	4 (19)
Заболевания периферических сосудов	7 (23)
Курение, н (%)	2 (7)
ИМТ, мед (МКР) кг/м2	6 (24–29)
Категории ИМТ, н (%)	
<25 кг/м2	11 (34)
25–30 кг/м2	12 (47)
>30 кг/м2	9 (20)
Использование Интернета	
По теме, n (%)	
Диета	9 (29)
Физическая активность	10(38)
Курение	7 (23)
Психологическое благополучие	16 (50)
Лекарство	7 (23)

**Примечание: Характеристики пациента описываются ±со средним SD для нормально распределенных непрерывных переменных (оценивается по критерию Шапиро-Вилка); медиана и IQR для ненормально распределенных непрерывных переменных и частот с процентами для категориальных переменных.*
**Высокообразованный означает высший уровень образования, высшее профессиональное образование или университет.*
**Note: Patient characteristics are described as ±mean SD for normally distributed continuous variables (estimated by the Shapiro-Wilk test); median and IQR for non-normally distributed continuous variables and frequencies with percentages for categorical variables.*
**Highly educated means higher education level, higher professional education or university.*

Среди всех участников исследования 14 человек (44%) обращались к Интернету для поиска сведений о своём здоровье, и более половины из них (55%) выразили желание получать максимально возможное количество информации.

В ходе многофакторного логистического регрессионного анализа мы установили, какие фак-

торы имеют независимую связь с потребностью в информации. Для каждой темы, такой как питание, физическая активность, прием медикаментов и психологическое благополучие, были разработаны отдельные модели (курение не анализировалось из-за малого числа курящих: 2 из 32).

Многомерный анализ с поочередным исключением незначительных ковариат выявил, что среди 20 переменных, связанных с информацией о питании, уровень образования, этническая принадлежность, аспекты восприятия болезни и качество жизни имели независимую связь с этой потребностью. Ниже уровень образования и ниже качество жизни были связаны с меньшим интересом к информации о питании. Эту модель можно использовать для предсказания отсутствия интереса к информации о питании с точностью 90,5%, что показано хорошим соответствием модели и значением AUC кривой ROC, равным 0,74 (95% ДИ от 0,67 до 0,80).

Аналогичный метод использовался для идентификации независимых факторов, влияющих на интерес к информации о физической активности. При этом, более выраженное восприятие болезни и отсутствие доступа в Интернет независимо коррелировали с более высокой потребностью в информации о физической активности. Точность прогноза отсутствия интереса к информации составила 72,7%. Тест Хосмера и Лемешоу подтвердил хорошее соответствие модели, а AUC на кривой ROC составил 0,62 (95% ДИ от 0,53 до 0,69).

Женщины имели в 2,62 раза более высокий интерес к информации о психологическом благополучии, чем мужчины. Дополнительно, высокий уровень тревожности повышал интерес к этой информации. Выраженное восприятие болезни в контексте "физических жалоб" и негативных эмоций снижало потребность в информации, тогда как эмоциональное восприятие болезни повышало её. Точность прогноза отсутствия интереса составила 93,8%, что подтверждено хорошим соответствием модели и значением AUC ROC 0,92 (от 0,87 до 0,97).

Большое количество сопутствующих заболеваний снижало интерес к информации о лекарствах. Работающие пациенты чаще нуждались в информации, чем неработающие (2,65 раза для работающих и 1,32 раза для трудоустроенных, не вернувшихся к работе). Точность прогнозирования отсутствия интереса составляла 95,2%, модель имела хорошее соответствие, AUC кривой ROC – 0,64 (от 0,56 до 0,72).

Наше исследование выявило значительные различия в информационных потребностях пациентов, перенесших инфаркт миокарда или прошедших процедуру чрескожного коронарного вмешательства (ЧКВ) или аортокоронарного шунтирования (АКШ). Эти потребности были связаны с социально-демографическими и психологическими характеристиками, например, уровнем образования и качеством жизни. Подобные наблюдения согласуются с результатами других исследований. Например, исследование Бубновой и коллег также демонстрирует, что уровень информированности о факторах риска и отношение к здоровью варьируются в зависимости от образовательного уровня и социально-экономического статуса пациентов с ишемической болезнью сердца [1].

Наш анализ продемонстрировал важность восприятия болезни как индикатора потребности в информации, что подтверждается аналогичными выводами Tsoulou et al., которые выявили, что пациенты с более высоким восприятием угрозы болезни чаще высказывают запросы на дополнительную информацию [7]. Другие факторы, такие как высокий уровень тревожности и использование Интернета, также существенно влияют на информационные потребности, как показано в предыдущих исследованиях [8].

Снижение интереса к информации о лекарствах среди пациентов с большим количеством сопутствующих заболеваний может указывать на определенную утомляемость или перегрузку информацией у этой группы пациентов. Это созвучно результатам работы Corra и Piepoli, которые подчеркивают важность адаптации информации к индивидуальным особенностям пациента для повышения эффективности вторичной профилактики [4].

Учитывая результаты нашего исследования и данные предыдущих работ, можно предложить несколько рекомендаций для оптимизации удовлетворения информационных потребностей пациентов в кардиологической реабилитации. Во-первых, следует внедрить персонализированный подход, учитывающий социально-демографические и психологические особенности, такие как уровень образования и эмоциональное состояние, для более точного адресного информирования. Во-вторых, целесообразно активнее использовать цифровые технологии и онлайн-платформы, где пациенты смогут получать актуальную и адаптированную информацию о здоровье. Кроме того, введение психологической поддержки в реабилитационные программы может улучшить эмоциональное благополучие и удовлетворённость информацией. И наконец, обучение медицинского персонала навыкам выявления и удовлетворения индивидуальных информационных потребностей пациентов позволит улучшить коммуникацию и качество оказываемой помощи. Реализация этих рекомендаций бу-

дет способствовать более успешной кардиологической реабилитации и улучшению исходов лечения.

Выводы

Наше исследование выявило разнообразные информационные потребности у пациентов, проходящих кардиологическую реабилитацию в Дагестанском центре кардиологии и сердечно-сосудистой хирургии. Выявлено, что социально-демографические факторы, такие как уровень образования, а также психологические аспекты, включая уровень тревожности и восприятие болезни, существенно влияют на эти потребности. Эти результаты согласуются с данными других исследований, подчеркивая необходимость персонализированного подхода в образовательных и реабилитационных программах. Внедрение цифровых платформ и интеграция психологической поддержки могут стать ключевыми элементами в повышении качества предоставляемой информации и удовлетворении потребностей пациентов. Это позволит улучшить эффективность кардиологической реабилитации и повысить общий уровень здоровья пациентов.

Список источников

1. Бубнова М.Г., Аронов Д.М., Новикова Н.К., Родзинская Е.М., Персиянова-Дуброва А.Л. Изучение информированности о факторах риска и отношения к здоровью больных ишемической болезнью сердца. Новая технология «реабилитационное консультирование» – первый опыт применения // Профилактическая медицина. 2019. № 22 (4). С. 114 – 123.

2. Loef M., Walach H. The combined effects of healthy lifestyle behaviors on all cause mortality: a systematic review and meta-analysis // Prev Med. 2012. № 55. P. 163 – 170.

3. Chow C.K., Jolly S., Rao-Melacini P., et al. Association of diet, exercise, and smoking modification with risk of early cardiovascular events after acute coronary syndromes // Circulation. 2010. № 121. P. 750 – 758.

4. Corra`1 Ugo, Piepoli M.F. Secondary prevention: Where we are? // Eur J Prev Cardiol. 2017. № 24 (3S). P. 14 – 21.

5. Dibben G, Faulkner J, Oldridge N, et al. Exercise-based cardiac rehabilitation for coronary heart disease. Cochrane Database Syst Rev 2021. № 11. CD001800. 10.1002/14651858.CD001800.pub4 Bellmann B, Lin T, Greissinger K, et al. The beneficial effects of cardiac rehabilitation // Cardiol Ther. 2020. № 9. P. 35 – 44. doi:10.1007/s40119-020-00164-9

6. Drenowatz C., Prasad V.K., Hand G.A., et al. Effects of moderate and vigorous physical activity on fitness and body composition // J Behav Med. 2016. № 39. P. 624 – 632. doi:10.1007/s10865-016-9740-z

7. Tsoulou V., Vasilopoulos G., Kapadohos T., et al. Information needs in percutaneous coronary artery intervention: validation and reliability analysis of NPCI-10 item scale // Cureus. 2021. № 13. P. e12718. doi:10.7759/cureus.12718

8. Greco A., Cappelletti E.R., Monzani D., et al. A longitudinal study on the information needs and preferences of patients after an acute coronary syndrome // BMC Fam Pract. 2016. № 17. P. 136. doi:10.1186/s12875-016-0534-8

9. Mendis S., Abegunde D., Yusuf S., et al. WHO study on Prevention of REcur rences of Myocardial Infarction and StrokE (WHO-PREMISE) // Bull World Health Organ. 2005. № 83. P. 820 – 829.

10. Mehta R.H., Bhatt D.L., Steg P.G., et al. REACH Registry Investigators. Mod ifiable risk factors control and its relationship with 1-year outcomes after cor onary artery bypass surgery: Insights from the REACH registry // Eur Heart J. 2008. № 29. P. 3052 – 3060.

11. Ferrari R., Ford I., Greenaw N., et al. on behalf of the CLARIFY Registry In vestigators. Geographical variations in the prevalence and management of cardiovascular risk factors in outpatients with CAD: Data from the contem porary CLARIFY registry // Eur J Prev Cardiol. 2015. № 22. P. 1056 – 1065.

References

1. Bubnova M.G., Aronov D.M., Novikova N.K., Rodzinskaya E.M., Persianova-Dubrova A.L. Study of awareness of risk factors and attitudes towards health in patients with coronary heart disease. New technology "rehabilitation counseling" – the first experience of application. Preventive medicine. 2019. No. 22 (4). P. 114 – 123.

2. Loef M., Walach H. The combined effects of healthy lifestyle behaviors on all cause mortality: a sys-tematic review and meta-analysis. Prev Med. 2012. No. 55. P. 163 – 170.

3. Chow C.K., Jolly S., Rao-Melacini P., et al. Association of diet, exercise, and smoking modification with risk of early cardiovascular events after acute coronary syndromes. Circulation. 2010. No. 121. P. 750 – 758.

4. Corra`1 Ugo, Piepoli M.F. Secondary prevention: Where are we? Eur J Prev Cardiol. 2017. No. 24 (3S). R. 14 – 21.

5. Dibben G, Faulkner J, Oldridge N, et al. Exercise-based cardiac rehabilitation for coronary heart disease. Cochrane Database Syst Rev 2021. No. 11. CD001800. 10.1002/14651858.CD001800.pub4 Bellmann B, Lin T, Greissinger K, et al. The beneficial effects of cardiac rehabilitation. Cardiol Ther. 2020. No. 9. P. 35 – 44. doi:10.1007/s40119-020-00164-9

6. Drenowatz C., Prasad V.K., Hand G.A., et al. Effects of moderate and vigorous physical activity on fitness and body composition. J Behav Med. 2016. No. 39. P. 624 – 632. doi:10.1007/s10865-016-9740-z

7. Tsoulou V., Vasilopoulos G., Kapadohos T., et al. Information needs in percutaneous coronary artery intervention: validation and reliability analysis of NPCI-10 item scale. Cureus. 2021. No. 13. P. e12718. doi:10.7759/cureus.12718

8. Greco A., Cappelletti E.R., Monzani D., et al. A longitudinal study on the information needs and preferences of patients after an acute coronary syndrome. BMC Fam Pract. 2016. No. 17. P. 136. doi:10.1186/s12875-016-0534-8

9. Mendis S., Abegunde D., Yusuf S., et al. WHO study on Prevention of REcur rences of Myocardial Infarction and Stroke (WHO-PREMISE). Bull World Health Organ. 2005. No. 83. P. 820 – 829.

10. Mehta R.H., Bhatt D.L., Steg P.G., et al. REACH Registry Investigators. Mod ifiable risk factors control and its relationship with 1-year outcomes after coronary artery bypass surgery: Insights from the REACH registry. Eur Heart J. 2008. No. 29. P. 3052 – 3060.

11. Ferrari R., Ford I., Greenaw N., et al. on behalf of the CLARIFY Registry In vestigators. Geographical variations in the prevalence and management of cardiovascular risk factors in outpatients with CAD: Data from the contem porary CLARIFY registry. Eur J Prev Cardiol. 2015. No. 22. P. 1056 – 1065.

Информация об авторах

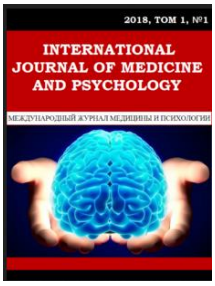
Мирзаева И.И., Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, imaismi92@icloud.com

Мирзоева М.А., Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, madina.mirzoeva.01@mail.ru

Имиликова Р.М., Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, rabiyat0412@mail.ru

Хамсурхаджиева М.Х., Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, khamsurhadjieva590@mail.ru

© Мирзаева И.И., Мирзоева М.А., Имиликова Р.М., Хамсурхаджиева М.Х., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)
УДК 615.036.8

[1] Чопалаева А.Г.,
[1] Шугаева К.Я.,
[1] Магомедова Р.Г.,
[1] Агаева Э.Н.,
[1] Дагестанский государственный медицинский университет

Применение Алфлутопа в комплексном лечении больных остеоартрозом

Аннотация: ревматоидные заболевания, включая остеоартроз (ОА), представляют собой серьезное и широко распространенное нарушение функций опорно-двигательного аппарата, характеризующееся поражением всех структур сустава, особенно артикулярного хряща, субходральной кости, синовиальной оболочки, а также сопутствующим вовлечением периартикулярных мягких тканей в воспалительный процесс, что значительно снижает амплитуду движений в суставах.

Согласно данным ВОЗ, от ОА страдает свыше 170 миллионов человек по всему миру. В развитых странах примерно 15% населения затронуты этой проблемой. В России, заболевания опорно-двигательного аппарата, к которым относится и ОА, занимают третье место по причинам инвалидности, уступая только кардиоваскулярным и онкологическим заболеваниям, являясь одной из основных причин временной утраты трудоспособности. Из года в год количество случаев ОА растет: если в 2016 году было зарегистрировано 2 769 901 случая, то к 2019 году число возросло до 2 978 435. Последние исследования показывают, что наличие ОА увеличивает риск смертности в 1,7 раза [11].

Остеоартроз служит одной из причин ранней потери трудоспособности и инвалидности. Раньше ОА считался частью нормального процесса старения, с возрастом риск заболевания действительно растет, к примеру, среди лиц старше 50 лет распространенность достигает 30%, а после 60 - до 98%. Однако, современные исследования подтверждают, что ОА является независимым заболеванием, отличным от естественных возрастных изменений суставов.

В последнее время внимание уделяется изучению патогенеза ОА, включая механические, клеточные и воспалительные процессы, хотя точные механизмы еще не выяснены полностью. В августе 2018 года FDA признало ОА серьезным состоянием, требующим своевременной диагностики и эффективного лечения.

Цель исследования: оценить клиническую эффективность комбинированной терапии препаратами Алфлутоп и НПВС в сравнении с монотерапией НПВС.

Ключевые слова: остеоартроз, хондропротекторы, Алфлутоп, фармакологические эффекты, механизм действия, комплексная терапия

Для цитирования: Чопалаева А.Г., Шугаева К.Я., Магомедова Р.Г., Агаева Э.Н. Применение Алфлутопа в комплексном лечении больных остеоартрозом // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 13 – 20.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Chopalayeva A.G.,***
[1] ***Shugaeva K.Ya.,***
[1] ***Magomedova R.G.,***
[1] ***Agayeva E.N.,***
[1] *Dagestan State Medical University*

Use of Alflutop in complex treatment of patients with osteoarthritis

Abstract: rheumatoid diseases, including osteoarthritis (OA), are serious and widespread disorders of the musculoskeletal system, characterized by damage to all joint structures, especially articular cartilage, subchondral bone, synovial membrane, as well as concomitant involvement of periarticular soft tissues in the inflammatory process, which significantly reduces the range of motion in the joints.

According to WHO, over 170 million people worldwide suffer from OA. In developed countries, approximately 15% of the population is affected by this problem. In Russia, diseases of the musculoskeletal system, which include OA, rank third among causes of disability, second only to cardiovascular and oncological diseases, being one of the main causes of temporary loss of working capacity. The number of OA cases is growing year after year: if 2,769,901 cases were registered in 2016, then by 2019 the number had increased to 2,978,435. Recent studies show that the presence of OA increases the risk of mortality by 1.7 times [11].

Osteoarthritis is one of the causes of early loss of working capacity and disability. Previously, OA was considered part of the normal aging process; with age, the risk of the disease does increase, for example, among people over 50, the prevalence reaches 30%, and after 60 – up to 98%. However, modern studies confirm that OA is an independent disease, different from natural age-related changes in joints.

Objective of the study: to evaluate the clinical efficacy of combination therapy with Alflutop and NSAIDs in comparison with NSAID monotherapy.

Keywords: osteoarthritis, chondroprotectors, Alflutop, pharmacological effects, mechanism of action, combination therapy

For citation: Chopalayeva A.G., Shugaeva K.Ya., Magomedova R.G., Agayeva E.N. Use of Alflutop in complex treatment of patients with osteoarthritis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 13 – 20.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 25, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

За последние десятилетия, методы лечения остеоартроза значительно эволюционировали, охватывая широкий спектр подходов от фармакотерапии и немедикаментозного вмешательства до хирургического вмешательства. Эти методы ориентированы на снижение болевых ощущений, улучшение мобильности суставов, торможение процессов дегенерации и, в конечном счете, повышение качества жизни пациентов, минимизируя риск ухудшения функционального состояния.

Современные руководства, включая рекомендации Европейского общества по остеопорозу и остеоартрозу (ESCEO) и национальные клинические стандарты, выделяют две ключевые категории медикаментов в терапии ОА: противовоспалительные средства без стероидов (НПВС) для контроля воспаления и боли и препараты симптоматического медленного действия (SYSADOA), например, Алфлутоп, способствующие улучшению состояния суставов за счет модуляции метаболических процессов в хрящевой ткани в долгосрочной перспективе [5].

Алфлутоп обладает свойствами облегчения боли и улучшения функции суставов. Кроме того, его длительное применение способно тормозить развитие ОА за счет воздействия на метаболизм хрящей. Эффективность препаратов этой категории проявляется при продолжительной терапии от 7 до 14 недель и обусловлена хондропротективным действием. Такой фармакологический эффект способствует замедлению деструкции хрящевых структур, активирует хондробласты и усиливает синтез аггрекана. Основное внимание сосредоточено на механизме действия мукополисахаридов, включая хондроитин 4-сульфат, хондроитин 6-сульфат, кератансульфат и дерматансульфат. Хондроитинсульфаты, имеющие наибольшее распространение гликозаминогликаны, играют важную роль в составе протеогликанов хрящевой ткани, поддерживая ее устойчивость и эластичность. Гиалуроновая кислота, ключевой компонент синови-

альной жидкости, обеспечивает смазывание суставов и поддерживает нормальные функции хряща. При патологических изменениях хряща, как при артрозе, происходит ухудшение его питания, ускорение дегенеративных процессов и разрушение коллагенового каркаса, что способствует развитию инвалидности [3].

Алфлутоп, воздействуя на ключевые механизмы повреждения и регенерации хрящевой ткани, замедляет процесс дегенерации и стимулирует регенерацию хряща, проявляя выраженные хондропротективные, противовоспалительные и анальгезирующие эффекты. Он активирует синтез гиалуроновой кислоты, ингибирует разрушительные энзимы и подавляет воспалительный процесс в суставах. Этот терапевтический эффект Алфлутопа делает его значительным элементом в комплексном лечении остеоартроза, включая варианты, такие как коксартроз, гонартроз и остеохондроз, для того чтобы улучшить функциональное состояние суставов и снизить интенсивность симптомов болезни [1].

Хондропротекторы, включая Алфлутоп, играют важную роль в замедлении разрушительных процессов в хряще. Они способствуют активации хондроцитов и сохранению структуры мукополисахаридов, входящих в состав хрящевой ткани. Данные препараты обогащены сульфатированными гликозаминогликанами, такими как хондроитинсульфат и кератансульфат, играют ключевую роль в поддержании прочности и эластичности хрящевой ткани. Гликозаминогликаны, важные компоненты протеогликанов, обеспечивают упругость и способность хряща сопротивляться сжатию. Они состоят из длинных цепочек, включающих дисахаридные единицы, и определяют общую структурную и функциональную целостность хрящевой ткани. Кроме того, существует несколько классов гликозаминогликанов, каждый из которых выполняет свою уникальную функцию в поддержании здоровья суставов - от обеспечения смазки до участия в регенеративных процессах. Хондропротекторы также проявляют выраженное воздействие на метаболические процессы в хрящах, угнетают активность ферментов, которые участвуют в разрушении межклеточного матрикса, и способствуют восстановлению биологического синтеза ключевых макромолекул, тем самым замедляют процессы дегенерации и разрушения суставов [2].

Физиология хрящевой ткани определяет ее уникальные адаптационные возможности и механизмы самовосстановления, которые, однако, могут быть нарушены в условиях патологии. Отсутствие кровоснабжения в хрящевой ткани делает непосредственно важным процесс питания через диффузию из синовиальной жидкости, который зависит от движения и механических нагрузок на сустав.

Алфлутоп комбинирует противовоспалительное, анальгетическое и хондропротективное действие, нацеленное на облегчение симптомов и замедление прогрессирования остеоартроза, поддержание функции суставов и предотвращение возможных инвалидизирующих осложнений, обеспечивая целенаправленный подход к терапии ОА [4].

Этиология и патогенез повреждения хрящевой ткани. Еще одной причиной повреждения хрящевой ткани служит несоответствие нагрузки и питания. Хрящевая ткань – живой организм, использующийся как подушка при движении. Поэтому по жизнеспособности она сравнима с непростым механическим прибором, требующим постоянного обновления и практически безотказной работы. Вертикальные нагрузки на сустав (застой) вызывают потребность хряща в питательных веществах лишь в определенные моменты: остро в момент нагрузки, незначительно – в норме. Уменьшение поступления биохимических веществ, необходимых для обмена, ведет к нарушениям структурной целостности хрящевой поверхности, усугубляемым повреждением капилляров. Хрящевая ткань с недостаточным питанием разрушена, не способна к синтезу прочной мембраны. Регулярное движение – основа здоровья хряща. Правильная двигательная активность активизирует венозные потоки, наполняя хрящ питательными веществами. Если физическая активность недостаточна, венозная кровь застаивается, а внутренние артерии, несущие питательные вещества, не имеют сильного «выталкивающего» тока. Длительное статическое положение истощает питательные вещества и вызывает диспропорциональную нагрузку на суставы. Последствием может быть дистрофия и деформация хрящевой ткани. Повторяющиеся нагрузки (даже меньшей величины) в повседневной практике тоже могут приводить к неблагоприятной патологии [6]. Избыточная масса тела, напряженные тренировки, длительные стоячие нагрузки и тяжелые физические нагрузки могут способствовать повреждению и износу хрящевой ткани. Это, в свою очередь, приводит к нарушению обмена веществ, что может вызвать такие заболевания, как остеоартрит и остеохондроз. Гипертрофия протеогликанов и снижение эластичности коллагена делают хрящевую ткань более восприимчивой к нагрузкам, что приводит к повреждению хрящевых клеток. Основные нагрузки испытывают межпозвоночные диски поясничного

отдела и суставные хрящи нижних конечностей [8].

Под разрушением хрящевой ткани начинает расти сеть капилляров из костной ткани, приводящая к кальцификации и окостенению хряща и к воспалительным процессам, проявляющимся болями. Деформируется остаточная деформированная хрящевая ткань. На начальном этапе происходит метаболическое нарушение хрящей, что препятствует их способности удерживать воду и выполнять её функции. Также нарушается белково-полисахаридный комплекс, увеличивая нагрузку на коллагеновый скелет хряща, что приводит к потере коллагенового каркаса и эластичности. С возрастом наблюдается уменьшение макромолекул протеогликанов в хрящах, связано с адаптацией состава гликозаминокислот. Это, в свою очередь, приводит к уменьшению гидрофильности и разрыву коллагена в хрящах [9]. Стареющая пульпозная протрузия межпозвоночных дисков теряет эластичность, и, повредив фиброзное кольцо диска, прорастает в образовавшиеся трещины. Это приводит к деформации соседних позвонков и выпячиванию диска. Диск может выпячиваться до радикулита и других нарушений функции спинного мозга.

Неполноценное питание хрящей приводит к недостатку веществ, необходимых для нормального синтеза хрящевой ткани, включая основные строительные ресурсы – коллаген и протеогликаны; в результате происходит недостаток хондроцитов и хондробластов, а также их деление без потери инертности. Гликозаминогликаны (особенно хондроитинсульфат (ХС)) играют ключевую роль в обмене веществ хрящевых клеток. ГК активируют синтез белка, пролиферацию хондроцитов, похудение тканей. ХС активно попадает в клеточную структуру и метаболизируется в гликозаминогликанах с образованием промежуточных продуктов обмена, которые стимулируют деление и метаболизм хондроцитов, улучшая состояние хрящевой ткани. Некоторые сульфатированные гликозаминогликаны способны угнетать активность разрушительных ферментов, действия на межклеточный матрикс соединительных тканей. К ним относятся гиалуронидаза, коллагеназа и кислые катепсины, которых активность повышается при воспалении, в котором значительную роль играют кислые протеиназы. Сульфатированный глюкозамин проявляет схожее действие, что делает его незаменимым для защиты хряща от разрушения.

Сульфатированные гликозаминогликаны (ГАГ) могут модифицировать влияние свободных радикалов в хондроцитах, повышая клеточную устойчивость к провоспалительным цитокинам, НПВП.

ХС активно подается в хрящевую ткань и субхондральную кору, особенно при остеоартрите. При малых дозах он может продемонстрировать нейропротекторные свойства, что указывает на его значение в лечении пациентов с болезнью Альцгеймера и недостатком мозгового кровообращения. ХС также предотвращает развитие ладонного псориаза, а в экспериментах замедляет атеросклероз аорты, что происходит на фоне снижения уровня триглицеридов и холестерина в плазме. Глюкозамин способствует удержанию серы, необходимой для синтеза хондроитинсульфатной кислоты и правильного размещения кальция в костной ткани, защищая хондроциты от разрушительного воздействия кортикостероидов. Глюкозамин обладает высокой биодоступностью: уровень глюкозамина в плазме и синовиальной жидкости повышается, увеличивается синтез протеогликанов, гиалуроновой кислоты и гликозаминогликанов. Клинические испытания показали, что глюкозамин хорошо усваивается после перорального введения и проявляет противовоспалительные и хондропротекторные свойства [7]. Препарат Алфлутоп не только укрепляет хрящи, но и обладает противовоспалительным и анальгезирующим действием, ясно демонстрируя эффективность в восстановлении хрящевой ткани, счастье предотвращения разрушения макромолекул суставных тканей. Препарат активирует противовоспалительную активность, способствует восстановлению тканей, в том числе тормозя гиалуронидазу, которая разлагает хрящевую ткань. К другим механизмам можно отнести нормализацию биосинтеза гиалуроновой кислоты, активацию синтеза определённых цитокинов, поддержание их нормального экспрессирования. Препарат препятствует взаимодействиям ИЛ-6 и ИЛ-8, а также активности коллагеназы и циклооксигеназы-2, вовлечённых в воспалительный процесс. Алфлутоп демонстрирует антиоксидантную активность, что связано с увеличением каталазы и уменьшением образования внутриклеточных перекисей и супероксидов, что предотвращает апоптоз хондроцитов. Также в препарате содержится глюкуроновая кислота, предшественник гиалуроновой кислоты, а также большое количество аминокислот, пептидов и микроэлементов (Na, K, Ca, Mg, Fe, Cu, Mn, Ni, Zn), необходимых организму. Данные составные вещества усиливают восстановительные процессы и предупреждают деструкцию макромолекулярных структур. Кроме того, Алфлутоп обладает гастропротективным эффектом, что особенно важно при совместном применении с нестероидными

противовоспалительными средствами, которые могут вызывать язвы [10]. Важно учитывать разнообразные заболевания в рамках назначений Алфлутопа. В их число входят первичный и вторичный остеоартроз, локализующийся в различных участках тела, коксартроз, гонартроз, остеохондроз, спондилез и другие.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняло участие 72 человека, соответствующих критериям включения, без противопоказаний для применения данного медикамента. Все участники эксперимента были рандомизированы в две равные группы (1:1). В первую группу вошли 36 пациентов, которым в рамках курса из 20 уколов вводили внутримышечно 1 мл Алфлутопа, дополнительно они принимали Мелоксикам в дозировке 7,5 мг. Вторую группу составили 34 пациента, принимавшие Мелоксикам в аналогичной дозе. Общая продолжительность терапевтического курса для обеих групп составила 20 дней. Для участия в исследовании использова лись необходимые критерии, протоколы подготовки которых были представлены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Критерии включения:	Критерии исключения:
1) Участники исследования имеют возраст от 35 до 65 лет. 2) Установлен диагноз «остеоартроз» на основании клинических данных. 3) Болевой синдром не менее 55 мм по визуально-аналоговой шкале. 4) Изменения фиксируются не менее 3-х месяцев, с периодическими обострениями. 5) Участники исследования подписали согласие на участие. 6) Подпись пациента с указанием даты.	1) Непереносимость компонентов препарата. 2) Интенсивный болевой синдром, ВАШ более 95 мм. 3) Период ухудшения состояния менее 3 месяцев. 4) Применение медленно действующих препаратов (сулфат хондроитина, глюкозамина, пиаскледин, диацереин) в последние 3 месяца. 5) Выполнение операций на поврежденных суставах. 6)Неконтролируемая гипертензия, недостаточность кровообращения IIa, IIb, III степени по NYHA, сосудистые катастрофы (инфаркт миокарда, инсульт), декомпенсированный диабет 1 или 2 типа, инсулинозависимый диабет, ишемическая болезнь сердца. 7) Склонность к кровотечениям, прием антикоагулянтов (включая аспирин, клопидогрел и др.). 8)Тяжелая стадия соматоневрологических заболеваний, состояния декомпенсации, угрожающие жизни больного и существенно влияющие на течение основного заболевания, которые не позволяют включить пациента в клиническое исследование. 9) Рецидивирующие пептические язвы ЖКТ за последние 3 месяца. 10) Тяжелая стадия цирроза печени, острая форма гепатита класса С по Чайлд-Пью. 11) Психические расстройства, наличие наркотической зависимости, в том числе злоупотребление лекарственными средствами; зависимости от алкогольной продукции. 12) Предшествующее наличие злокачественных опухолей, если рецидив заболевания не фиксировался последние 5 лет. 13) Прямое участие в других фармакологических испытаниях. 14) Гиподинамия или другие факторы, препятствующие посещению исследовательского центра. 15) Отказ от использования надежных методов контрацепции в ходе исследования. 16) Применение глюкокортикоидов в течение последних 2 месяцев. 17) Инфекционные болезни (ВИЧ, туберкулез и др.). 18) Отказ от участия в исследовании.

Участники обследования, которое проводилось три месяца, прошли четыре основных визита к врачу. Сначала был проведен скрининг на нулевом визите. Далее примерно через 0-3 дня после скрининга пациенты отметились на первом визите с началом курса лечения. Третий визит обозначен как визит 2 – контроль завершения лечения Алфлутопом. Завершился же трехмесячный курс визитом 3.

Результаты и обсуждения

Эффективность лечения оценивалась по нескольким параметрам:

1. Уровень болевого синдрома был измерен по шкале ВАШ. Исходные показатели боли в обеих

группах были сопоставимы: 66,5 балла в группе 1 и 67,48 баллов в группе 2. На третьем визите было зафиксировано снижение интенсивности боли в обеих группах: среднее значение в группе 1 составило 17,12 баллов, а в группе 2 - 24,35 баллов. Выходит, что пациенты, получавшие Алфлутоп, отметили более существенное уменьшение болевых ощущений по сравнению с участниками, принимавшими Мелоксикам, между первым и вторым визитами.

2. Потребность в НПВС. Оценка потребности в НПВС проводилась на каждом визите, а также по завершении курса лечения. В группе 1, где пациенты получали Алфлутоп, была отмечена меньшая потребность в НПВС.

3. Опросник DN4. Этот диагностический инструмент предназначен для различения типов боли и мониторинга изменений нейропатического звена болевого синдрома. Первоначальные группы были аналогичны по степени выраженности нейропатической боли: у 24 пациентов в группе 1 и у 22 пациентов в группе 2 был верифицирован нейропатический компонент. При анализе данных обнаружены статистически значимые различия в уменьшении нейропатической боли уже ко второму визиту среди пациентов, получавших Алфлутоп.

4. Индекс болевой активности в поясничном отделе (SBI). Индекс SBI применялся для оценки уровня болевой активности. Опросник делит боль на три категории: отсутствие, умеренная и выраженная. В нем также учитываются локализация и характер боли. К третьему визиту наблюдалось значительное снижение SBI в обеих группах, все же среди пациентов, получавших Алфлутоп, это снижение было более заметным уже ко второму визиту. Интересно отметить связь между уровнем боли по ВАШ и SBI: в группе с эффективным снижением ВАШ (более чем на 40 пунктов) значительно больше пациентов сообщали о высокой активности показателя «Боль в спине или ногах при сидении» – 65,7% по сравнению с 45% в группе с изменением ВАШ ≤ 40 (где ΔВАШ представляет собой разницу между первым и третьим визитами). Кроме того, следует подчеркнуть значительные различия между группами по показателю «Онемение или покалывание в стопах или паховой области».

5. Оценка качества жизни. Чтобы проанализировать качество жизни использовался опросник Роланда-Морриса «Боль в нижней части спины и нарушение жизнедеятельности». Пациенты заполняли опросник индивидуально. Первоначальный средний балл составил 8,34 в первой группе и 7,68 во второй. Ко второму визиту в обеих группах было зафиксировано значительное снижение показателя до 4,15 и 4,78 соответственно. К третьему визиту положительная динамика сохранялась, при этом пациенты, получавшие Алфлутоп, демонстрировали более выраженное улучшение: средний балл составил 3,13 для первой группы и 4,14 для второй.

При оценке параметров безопасности стоит заметить, что в ходе двух проведенных наблюдательных исследований не было зарегистрировано никаких побочных эффектов, связанных с применением лекарственного средства. Единственным зафиксированным нежелательным явлением в первой группе стал зуд в месте инъекции, который длился около 15 минут и прошел самостоятельно. Не было случаев преждевременного исключения участников из исследования. Следует добавить, что на этапе скрининга и при финальном визите не было обнаружено существенных различий между группами по данным артериального давления. Полученные результаты свидетельствуют о том, что комбинация Алфлутоп и НПВС предпочтительнее по сравнению с монотерапией НПВС, что обосновывается полученными результатами. Эффективность терапии была признана доказанной благодаря значительным различиям уровня боли по шкале ВАШ на финальном визите. Это предполагает, что в группе, получавшей Алфлутоп в сочетании с НПВС, наблюдалось более значительное снижение интенсивности болевого синдрома по сравнению с участниками, получавшими только НПВС. В итоге, к окончанию исследования была отмечена заметная положительная динамика всех рассматриваемых показателей в обеих группах.

Выводы

Артралгия занимает лидирующие позиции среди причин поиска медицинской консультации из-за дегенеративных и дистрофических изменений в суставах, диагностируемых у 93-97% взрослых.

Применение нестероидных противовоспалительных средств для облегчения симптоматики, связанной с дегенерацией и дистрофическими процессами в суставах, может вызывать побочные эффекты, включая нарушения функций желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) и проблемы с сердечно-сосудистой системой. В отличие от этого, препарат Алфлутоп, используемый в терапевтических целях, не способствует развитию подобных осложнений, к тому же может способствовать уменьшению потребности в НПВС в ходе лечения. Этот аспект приобретает особое значение для людей, испытывающих одновременно заболевания ЖКТ и нарушения в работе сердечно-сосудистой системы.

На основании данных, полученных в ходе

научного изыскания, установлено, что Алфлутоп выступает безрисковым и результативным средством в борьбе с остеоартрозом. Этот медикамент проявляет антагонизм к воспалительным процессам и обладает анальгетическими свойствами, что обеспечивает продолжительное действие. Его использование позволяет уменьшить потребность в приеме нестероидных противовоспалительных средств, отличается высокой усвояемостью пациентами и совместимостью с другими лекарственными средствами, назначаемыми для комплексного лечения сопутствующих заболеваний.

Таким образом, Алфлутоп проявил себя как медикамент, благоприятно воздействующий на проявления остеоартроза, обладающий многочисленными системными положительными эффектами, способными усилить результативность лечебных мероприятий остеоартроза и облегчения болевого синдрома в ходе терапии. В настоящее время Алфлутоп внесён в протоколы Российского научного медицинского общества терапевтов для оказания помощи пациентам с остеоартрозом и сопутствующими заболеваниями.

Список источников

1. Алексеева Л.И., Таскина Е.А., Лила А.М., Мазуров В.И., Шостак Н.А., Шмидт Е.И., Иливанова Е.П. Многоцентровое проспективное рандомизированное исследование эффективности и безопасности препарата Алфлутоп в альтернирующем режиме по сравнению со стандартным режимом. Сообщение 1: оценка эффективности препарата при различных схемах применения // Современная ревматология. 2019. Т. 13. № 3. С. 51 – 59. DOI: 10.14412/1996-7012-2019-3-51-59

2. Беляева И.Б., Мазуров В.И., Трофимов Е.А. Анализ терапевтических преимуществ медленнодействующих симптоматических средств при остеоартрите: акцент на структурно-модифицирующее действие // Современная ревматология. 2021. Т. 15. № 6. С. 117 – 123. DOI: 10.14412/1996-7012-2021-6-117-123

3. Дроздов В.Н., Ших Е.В., Сереброва С.Ю., Абросимов А.Г., Стародубцев А.К. Алфлутоп – в современной симптом-модифицирующей терапии остеоартрита // Терапевтический архив. 2019. Т. 91. № 5. С. 134 – 140. DOI: 10.26442/00403660.2019.05.000169

4. Живолупов С.А., Самарцев И.Н., Пономарев В.В. Количественная оценка и анализ центральных механизмов анальгетического эффекта Алфлутопа у пациентов с хронической болью в нижней части спины // Журнал неврологии и психиатрии имени Корсакова С.С. 2021. Т. 121. № 10. С. 1 – 7. DOI: 10.17116/jnevro20211211011

5. Alexander L., Denisov L., Zotkin E., Dydykina I., Kochish A., Rodionova S., Trofimova E., Yakupova S., Yakupov E., Gallelli L. Pharmacological Management of Osteoarthritis With a Focus on Symptomatic Slow-Acting Drugs: Recommendations From Leading Russian Experts // Journal of Clinical Rheumatology. 2021. Dec. P. 533 – 539. DOI: 10.1097/RHU.0000000000001507

6. Berenbaum F, Wallace I., Lieberman D., Felson D. Modern-day environmental factors in the pathogenesis of osteoarthritis // Nature Reviews Rheumatology. 2018. Nov. P. 674 – 681. DOI: 10.1038/s41584-018-0073-x

7. Lila A.M., Denisov L.N., Zotkin E.G. Pharmacological management of osteoarthritis with a focus on symptomatic slow-acting drugs recommendations from leading russian experts // Journal of Clinical Rheumatology. 2020. Jul. P. 245 – 247. DOI: 10.1097/RHU.00000 00000001507.

8. Misra D., Fielding R., Felson D. Risk of Knee Osteoarthritis With Obesity, Sarcopenic Obesity, and Sarcopenia // Arthritis Rheumatology. 2019. Feb. P. 232 – 237. DOI: 10.1002/art.40692

9. Molnar V., Matisic V., Kodvanj I. Cytokines and Chemokines Involved in Osteoarthritis Pathogenesis // International Journal of Molecular Sciences. 2021. Aug. P. 264 – 269. DOI: 10.3390/ ijms22179208

10. Olariu L., Dumitriu B., Buse E., Rosoiu N. The in vitro effect of Alflutop product on some extracellular signaling factors involved in the osteoarthicular pathology inflammation // Academy of Romanian Scientists Annals – Series on Biological Sciences. 2015. № 2. P. 7 – 18.

11. Sharma L. Osteoarthritis of the Knee // The New-England Medical Review and Journal. 2021. Jan. P. 384 – 389. DOI: 10.1056/NEJMcp1903768

References

1. Alekseeva L.I., Taskina E.A., Lila A.M., Mazurov V.I., Shostak N.A., Schmidt E.I., Ilivanova E.P. Multicenter prospective randomized study of the efficacy and safety of Alflutop in an alternating regimen compared with the standard regimen. Communication 1: evaluation of the efficacy of the drug with various application regimens. Modern Rheumatology. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 51 – 59. DOI: 10.14412/1996-7012-2019-3-51-59
2. Belyaeva I.B., Mazurov V.I., Trofimov E.A. Analysis of the therapeutic benefits of slow-acting symptomatic agents in osteoarthritis: emphasis on the structure-modifying effect. Modern Rheumatology. 2021. Vol. 15. No. 6. P. 117 – 123. DOI: 10.14412/1996-7012-2021-6-117-123
3. Drozdov V.N., Shikh E.V., Serebrova S.Yu., Abrosimov A.G., Starodubtsev A.K. Alflutop – in modern symptom-modifying therapy of osteoarthritis. Therapeutic archive. 2019. Vol. 91. No. 5. P. 134 – 140. DOI: 10.26442/00403660.2019.05.000169
4. Zhivolupov S.A., Samartsev I.N., Ponomarev V.V. Quantitative assessment and analysis of the central mechanisms of the analgesic effect of Alflutop in patients with chronic low back pain. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2021. Vol. 121. No. 10. P. 1 – 7. DOI: 10.17116/jnevro20211211011
5. Alexander L., Denisov L., Zotkin E., Dydykina I., Kochish A., Rodionova S., Trofimova E., Yakupova S., Yakupov E., Gallelli L. Pharmacological Management of Osteoarthritis With a Focus on Symptomatic Slow-Acting Drugs: Recommendations From Leading Russian Experts. Journal of Clinical Rheumatology. 2021. Dec. P. 533 – 539. DOI: 10.1097/RHU.0000000000001507
6. Berenbaum F, Wallace I., Lieberman D., Felson D. Modern-day environmental factors in the patho-genesis of osteoarthritis. Nature Reviews Rheumatology. 2018 Nov. P. 674 – 681. DOI: 10.1038/s41584-018-0073-x
7. Lila A.M., Denisov L.N., Zotkin E.G. Pharmacological management of osteoarthritis with a focus on symptomatic slow-acting drugs recommendations from leading Russian experts. Journal of Clinical Rheumatology. 2020. Jul. P. 245 – 247. DOI: 10.1097/RHU.00000 00000001507.
8. Misra D., Fielding R., Felson D. Risk of Knee Osteoarthritis With Obesity, Sarcopenic Obesity, and Sarcopenia. Arthritis Rheumatology. 2019. Feb. P. 232 – 237. DOI: 10.1002/art.40692
9. Molnar V., Matisic V., Kodvanj I. Cytokines and Chemokines Involved in Osteoarthritis Pathogenesis. International Journal of Molecular Sciences. 2021. Aug. P. 264 – 269. DOI: 10.3390/ ijms22179208
10. Olariu L., Dumitriu B., Buse E., Rosoiu N. The in vitro effect of Alflutop product on some extracellular signaling factors involved in the osteoarthicular pathology inflammation. Academy of Romanian Scientists Annals – Series on Biological Sciences. 2015. No. 2. P. 7 – 18.
11. Sharma L. Osteoarthritis of the Knee. The New-England Medical Review and Journal. 2021. Jan. P. 384 – 389. DOI: 10.1056/NEJMcp1903768

Информация об авторах

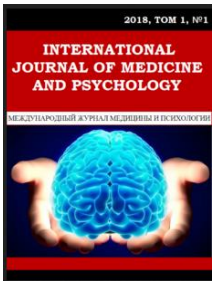
Чопалаева А.Г., Дагестанский государственный медицинский университет, chopalaeva.aischat05@gmail.com

Шугаева К.Я., кандидат медицинских наук, врач высшей категории, терапевт, баротерапевт, гастроэнтеролог, старший преподаватель, Дагестанский государственный медицинский университет

Магомедова Р.Г., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет

Агаева Э.Н., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет

© Чопалаева А.Г., Шугаева К.Я., Магомедова Р.Г., Агаева Э.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)
УДК 616.895-08

[1] Соколова Т.Ф.,
[1] Фоминых С.Г.,
[2] Соколов Е.Ю.,
[3] Емельянов Ю.В.,
[1] Разумовская А.А.,
[1] Омский государственный медицинский университет Минздрава России,
[2] Научно-клинический центр «Карповка», г. Санкт-Петербург,
[3] Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Современные возможности фармакотерапии биполярного аффективного расстройства

Аннотация: в статье представлены современные данные о возможностях фармакотерапии биполярного аффективного расстройства. Выполнен обзор литературы в базах данных PubMed и Google с анализом полнотекстовых статей, систематических обзоров, рандомизированных контролируемых исследований, метаанализов. Собрана доказательная база эффективности и безопасности лекарственных средств для терапии как маниакальных, так и депрессивных симптомов биполярного расстройства. Полученные материалы свидетельствуют о ценности и рисках лечении больных с биполярным аффективным расстройством стабилизаторами настроения, антиконвульсантами, антидепрессантами, атипичными антипсихотиками. Проведенная работа показала, что на сегодняшний день выбор лекарственных средств остается крайне сложным, поскольку ни одно из них не является универсально эффективным, все они имеют выраженные в той или иной степени побочные эффекты и действуют преимущественно на одну из фаз БАР. Так, нормотимики лучше купируют маниакальную и в меньшей степени депрессивную фазу. Антиконвульсант ламотриджин высокоэффективен при лечении депрессивной фазы БАР. Терапия антидепрессантами в ряде случаев не только не дает необходимый эффект, но и усугубляет состояние пациентов при эпизодах депрессии, приводит к возникновению быстрой смены циклов, увеличению риска возникновения суицидов. Атипиные антипсихотики кветиапин, карипразин являются самыми универсальными препаратами для терапии БАР. Это обусловлено уникальным фармакологическим действием препаратов, способностью купировать как маниакальную, так и депрессивную фазы болезни, очень хорошей переносимостью, низким уровнем нежелательных эффектов.

Ключевые слова: биполярное аффективное расстройство, фармакотерапия: нормотимики, антиконвульсанты, антидепрессанты, атипичные антипсихотики

Для цитирования: Соколова Т.Ф., Фоминых С.Г., Соколов Е.Ю., Емельянов Ю.В., Разумовская А.А. Современные возможности фармакотерапии биполярного аффективного расстройства // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 21 – 30.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Sokolova T.F.,
[1] Fominykh S.G.,
[2] Sokolov E.Yu.,
[3] Yemelyanov Yu.V.,
[1] Razumovskaya A.A.,
[1] Omsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
[2] Karpovka Scientific and Clinical Center, Saint Petersburg,
[3] Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov Ministry of Health of Russia

Modern possibilities of pharmacotherapy of bipolar affective disorder

Abstract: the article presents current data on the possibilities of pharmacotherapy of bipolar affective disorder. The literature is reviewed in PubMed and Google databases with the analysis of full-text articles, systematic reviews, randomized controlled trials, and meta-analyses. The evidence base for the effectiveness and safety of medicines for the treatment of both manic and depressive symptoms of bipolar disorder has been collected. The obtained materials indicate the value and risks of treating patients with bipolar affective disorder with mood stabilizers, anticonvulsants, antidepressants, and atypical antipsychotics. The work carried out has shown that today the choice of medicines remains extremely difficult, since none of them is universally effective, all of them have side effects expressed to varying degrees and act mainly on one of the phases of the BAD. Thus, normotimics are better able to stop the manic and, to a lesser extent, the depressive phase. The anticonvulsant lamotrigine is highly effective in the treatment of the depressive phase of BAD. In some cases, antidepressant therapy not only does not have the desired effect, but also worsens the condition of patients with episodes of depression, leads to rapid cycle changes, and increases the risk of suicide. Atypical antipsychotics quetiapine, cariprazine are the most versatile drugs for the treatment of BAR. This is due to the unique pharmacological action of the drugs, the ability to stop both manic and depressive phases of the disease, very good tolerability, and a low level of undesirable effects.

Keywords: bipolar affective disorder, pharmacotherapy: normotimics, anticonvulsants, antidepressants, atypical antipsychotics

For citation: Sokolova T.F., Fominykh S.G., Sokolov E.Yu., Yemelyanov Yu.V., Razumovskaya A.A. Modern possibilities of pharmacotherapy of bipolar affective disorder. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 21 – 30.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Вопросы диагностики и терапии биполярного аффективного расстройства (БАР) считаются наиболее значимыми и актуальными в психиатрии. Это связано и со значительной распространенностью данного заболевания, и с трудностями его диагностики и терапии [1]. БАР встречается у 0,5-2% людей, часто у лиц молодого возраста [2]. У 70% пациентов с БАР первые проявления болезни обнаруживаются в возрасте до 25 лет [3]. Биполярное аффективное расстройство является хроническим психическим дезадаптирующим заболеванием, сопровождающимся снижением психосоциального здоровья, качества жизни, и высокой смертностью [4, 5, 6, 7]. Риск смерти у больных БАР относительно общей популяции людей в 2 раза выше из-за суицидов, которые случаются чаще у больных БАР II в сопоставлении с БАР I [8, 9, 10]. Риски возникновения БАР включают генетические факторы и факторы внешней среды [11]. БАР I и II типа могут агрегироваться среди кровных родственников и имеют высокую наследуемость [12]. Роль неблагоприятных факторов окружающей среды подчеркивает связь между кесаревым сечением, курением матери во время беременности и поздним возрастом отца, психотравмирующими событиями в детском возрасте, употреблением в подростковом возрасте психоактивных веществ и большей тяжестью БАР (по показателю суицидов) [6, 13, 14]. Возникновение мании или депрессии у ранее психически здоровых людей может быть следствием инфекции. Известно что, люди, перенесшие COVID-19, подвержены повышенному риску психических последствий [15, 16]. Рост частоты психического неблагополучия был максимальным в течение первых двух месяцев после объявления пандемии, а затем стал снижаться [17] Вероятно, вирус SARS-CoV-2 через иммунные и нейровоспалительные нарушения, сходные с таковыми при психических заболевани-

ях индуцирует реализацию существующей предрасположенности [18].

БАР является циклическим состоянием, проявляющемся патологическими колебаниями настроения (субдепрессивными, депрессивными, гипоманиакальными, маниакальными и смешанными состояниями) [1]. Выделены клинические типы биполярного расстройства: БАР I и БАР II. Биполярные фазы при БАР I типа характеризуются повторяющимися эпизодами депрессии и мании, при БАР II типа гипомания переходит депрессию. Цикличность смены эпизодов у больных различна: у одних несколько эпизодов за жизнь, у других более 4 в год [2]. БАР-I типа затрагивает около 1.5-2% людей, распространенность БАР II типа составляет от 2,4% до 5% [11, 19].

Вопросы эффективной терапии БАР остаются важной текущей и будущей областью исследований [20]. Выбор фармакологических средств для терапии БАР остается сложным, поскольку ни одно лекарственное средство не является универсально эффективным, все препараты имеют побочные эффекты и часто встречаются лекарственные взаимодействия.

Целью исследования является оценка возможностей фармакотерапии биполярного аффективного расстройства.

Материалы и методы исследований

Проведен систематический поиск в базах данных eLIBRARY.RU, PubMed, Embase, ClinicalTrials.gov, Кокрейновской библиотеки, с анализом полнотекстовых статей, систематических обзоров, рандомизированных контролируемых исследований, метаанализов. Систематизированы современные литературные данные о имеющихся в арсенале врача лекарственных средствах для лечения больных БАР. Проведен анализ имеющихся групп лекарственных средств: нормотимиков, антиконвульсантов, антидепрессантов, антипсихотических препаратов, их влияние на маниакально-депрессивные фазы БАР I и II типов, с оценкой основных фармакологических эффектов, механизмов действия, показаний к применению и нежелательных эффектов. Выявлены возможные комбинации препаратов для более эффективного лечения БАР. Собрана доказательная база эффективности и безопасности терапии БАР при лечении как маниакальных, так и депрессивных симптомов биполярного расстройства.

Результаты и обсуждения

Основной группой лекарственных средств для лечения биполярного аффективного расстройства являются стабилизаторы настроения (нормотимики) [21]. Препараты лития у больных с биполярным аффективным расстройством хорошо купируют фазу мании и менее значимо депрессию [2]. Антиконвульсанты: вальпроаты, карбамазепин, ламотриджин имеют доказательную базу эффективности и широко применяются в повседневной практике лечения пациентов с расстройствами настроения, как при маниакальных, так и депрессивных фазах БАР [22]. В последнее время для лечения больных с БАР широко применяются атипичные антипсихотики [4, 17]. Результаты терапии 120 больных с БАР I или II типа литием, ламотриджином, а также оланзапином обнаружили сопоставимые данные в улучшении состояния пациентов – от 58 до 63 % случаев [13]. Сочетание оланзапина с флуоксетином в 2004 году было одобрено FDA для лечения депрессивной фазы биполярного аффективного расстройства [23]. Сочетание атипичного антипсихотика с литием или вальпроатом, сочетание ламотриджин-кветиапин являются одними из лучших [21, 24].

Одними из первых лекарственных средств при колебании настроения, а именно для лечения маниакального возбуждения были соли лития. Затем выяснили, что литий действует и на депрессивную фазу биполярного расстройства, но в меньшей степени [23].

При менее тяжелых острых биполярных расстройствах препараты лития являются препаратами первого выбора как при мании, так и при депрессии [2]. Однако не во всех случаях БАР назначение лития целесообразно. Литий малоэффективен при тяжелых маниях, при высокой цикличности, при развитии побочных эффектов. Резкое прекращение приема лития может вызвать рецидив маниакальной/депрессивной симптоматики и увеличить частоту их возникновения [4].

Ламотриджин является стабилизатором настроения. Его прием больными БАР, по данным одних авторов, предупреждает возникновение рецидивов мании и депрессии, хотя, и проявляет большую эффективность в отношении профилактики депрессивных, чем маниакальных приступов [24, 25, 26]. По данным других авторов способность ламотриджина предотвращать развитие маниакальной фазы не доказана [1]. Изучение ламотриджина в виде монотерапии у пациентов с острой манией в пяти плацебо-контролируемых рандомизированных клинических исследованиях показало, что ни в одном из этих исследований препарат по эффективности не отличался от плацебо [27]. Ламотриджин более эффективен для лечения пациентов с БАР I, чем с БАР II [28]. Ламотриджин по сравнению с литием и другими норматимиками имеет ряд преимуществ: более широкий терапевтический запас, отсутствие нефротоксичности, очень хорошую переносимость и безопасность при дли-

тельном применении [24, 29]. В случае преобладания в течении заболевания депрессий предпочтение следует отдавать ламотриджину, а при преобладании маниакальных фаз вальпроатам [1].

У вальпроатов выявили хорошие результаты лечения маниакальных проявлений у больных БАР, сопоставимые с эффективностью препаратов лития. В ряде метанализов было подтверждено положительное действие вальпроата при острой мании [24].

Карбамазепин применяется при купировании маниакальных эпизодов, является препаратом первого выбора, относительно лития. При поддерживающей терапии БАР карбамазепин используется как препарат второго выбора при неэффективности лития и кветиапина. Карбамазепин по купирующему эффекту маний сопоставим с литием, однако при его применение чаще возникают побочные эффекты. Недостаточно изучено и использование карбамазепина при купирующей терапии депрессивных фаз БАР, только в одном рандомизированном клиническом исследовании при назначении карбамазепина пациентам с БАР выявлена умеренная эффективность, в большинстве других исследований положительный эффект не был получен. Карбамазепин, согласно большинству международных рекомендаций, должен использоваться в качестве препарата второго выбора у больных, не отвечающих на терапию другими лекарственными средствами, такими как кветиапин и литий [24, 32].

Для большинства нормотимикой: карбамазепина, вальпроатов и лития, свойственно сильное угнетение маний, и в меньшей степени депрессий. При этом у ламотриджина все наоборот, высокий эффект при лечении депрессивной фазы БАР и менее выраженный эффект при применении в фазе мании.

В целях достижения необходимого терапевтического эффекта врачу приходится прибегать к комбинированной терапии двумя и более нормотимиками. Однако комбинированная терапия уменьшает комплаентность больных с БАР к лечению [30]. Если в анамнезе пациента превалируют маниакальные эпизоды, то предпочтительней терапия вальпроатами. В случаях преобладания депрессий предпочтение отдается – ламотриджину.

Традиционно для лечения БАР применяются антидепресанты. Однако большинство специалистов утверждают, что терапия антидепрессантами может не только не дать необходимый эффект, но и значительно усугубить состояние пациентов при эпизодах депрессии. Также есть мнение, что применение антидепрессантов при лечении депрессий может привести к возникновению быстрой смены циклов, увеличению риска возникновения суицидов. Однако комбинированной терапии антидепрессантами и нормотимиками, а также монотерапии антидепрессантами широко используется практикующими врачами, несмотря на мнение экспертов и данных современных клинических рекомендаций, призывающих к минимальному назначению антидепрессантов при БАР [1]. Запрещено назначение терапии антидепрессантами, если в анамнезе у пациента наблюдаются смешанные черты в структуре депрессивных фаз и/или у больного на фоне приема антидепрессантов была обнаружена инверсия аффекта [4]. Несмотря на широкое использование в лечении больных БАР нормотимиков и антидепрессантов при биполярной депрессии рекомендовано назначение кветиапина, луразидона, карипразина и оланзапина с флуоксетином [30, 31, 33, 38]. Следует отметить, что фармакотерапия биполярной депрессии при БАР II изучена меньше, чем при БАР I [1, 33, 34, 35].

Во многих странах использование «классических» нормотимиков (препараты лития) и некоторых противоэпилептических препаратов (вальпроаты, карбамазепин, ламотриджин) по частоте назначения обогнало применение атипичных антипсихотиков [30, 31, 38]. Однако, на сегодняшний день монотерапия такими препаратами как карбамазепин, кветиапин, карипразин, луразидон и комбинация оланзапина с флуоксетином показывает лучшие результаты [36, 37].

Атипиный антипсихотик кветиапин обладает выраженным антидепрессивным действием и безопасным профилем в применении [13]. Кветиапин высокоэффективен как для купирования маний, так и в терапии депрессивной фазы БАР [39]. Эффективность кветиапина подтверждена при монотерапии острой биполярной депрессии при БАР I типа и БАР II типа [42]. Кветиапин является препаратом первой линии в терапии БАР [39]. Механизм антиманиакального и антипсихотического действия кветиапина связан с блокадой ими D2 дофаминовых рецепторов мезолимбического пути [40]. Кветиапин назначается на всех этапах лечения БАР [19, 41].

Активный интерес при терапии БАР вызывает антипсихотик третьей генерации карипразин. Это обусловлено уникальным фармакологическим действием карипразина, его способностью воздействовать как на маниакальную, так и на депрессивную фазы болезни, очень хорошей переносимостью препарата, низким уровнем нежелательных эффектов [39, 42, 43, 45, 46, 47, 48]. Карипразин является частичным агонистом дофаминовых рецепторов D2 и D3, обладает высоким сродством

к серотониновым рецепторам разных подтипов [24]. Эффективность карипразина при лечении как депрессивных фаз болезни, так и маниакальных эпизодов БАР I подтверждена широким рядом клинических исследований [43, 46 47, 48].

Выводы

1. Основной группой препаратов для лечения БАР являются нормотимики. Большинство из них: карбамазепин, вальпроаты и препараты лития используются для купирования маниакальных, и в меньшей степени депрессивных состояний. Антиконвульсант ламотриджин высокоэффективен при лечении депрессивной фазы БАР.

2. Традиционно для лечения БАР применяются антидепресанты. Однако терапия антидепрессантами в ряде случаев не только не дает необходимый эффект, но и усугубляет состояние пациентов при эпизодах депрессии, приводит к возникновению быстрой смены циклов, увеличению риска возникновения суицидов.

3. Атипиные антипсихотики кветиапин, карипразин являются самыми универсальными препаратами для терапии БАР. Это обусловлено уникальным фармакологическим действием препаратов, способностью купировать как маниакальную, так и депрессивную фазы болезни, очень хорошей переносимостью, низким уровнем нежелательных эффектов.

Список источников

1. Костюкова Е.Г., Мосолов С Н. Алгоритм биологической терапии депрессии при биполярном аффективном расстройстве // Современная терапия психических расстройств. 2020. № 4. С. 36 – 45. DOI: 10.21265/PSYPH.2020.97.57.005

2. Гречко Т.Ю., Протопопова А.М. Вопросы диагностики и терапии биполярного аффективного расстройства // Прикладные информационные аспекты медицины. 2020. № 1 (23). С. 65 – 72.

3. Joslyn C., Hawes D.J., Hunt C., Mitchell P. B. Is age of onset associated with severity, prognosis, and clinical features in bipolar disorder? A meta-analytic review // Bipolar Disord. 2016. № 18 (5). P. 389 – 403. DOI: 10.1111/bdi.12419.

4. Мосолов С.Н., Костюкова Е.Г. Биполярное аффективное расстройство // Национальное руководство. Психиатрия / под ред. Ю.А. Александровского, Н.Г. Незнанова. М.: Геотар Медиа. 2018. С. 704 – 799.

5. Carvalho A.F., Firth J., Vieta E. Bipolar Disorder // N Engl J Med. 2020. № 1 (383). P. 58 – 66. DOI: 10.1056/NEJMra1906193. PMID: 32609982.

6. Mclntyre R.S., Berk M., Brietzke E., Goldstein B. I., López-Jaramillo C., Kessing L. V., Malhi G. S., Nierenberg A. A., Rosenblat J. D., Majeed A., Vieta E., Vinberg M., Young A. H., Mansur R. B. Bipolar disorders // Lancet. 2020. № 396. P. 1841 – 1856. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)31544-0

7. Бархатова А.Н. К вопросу диагностики и терапии биполярного расстройства // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. № 3 (121). С. 155 – 159. DOI: 10.17116/jnevro2021121031155

8. Walker E.R., McGee R.E., Druss B.G. Mortality in mental disorders and global disease burden implications: a systematic review and meta-analysis // JAMA Psychiatry. 2015. № 4 (72). P. 334 – 341.

9. Dong M., Lu L., Zhang L., Zhang Q., Ungvari G. S., Ng C. H., Yuan Z., Xiang Y., Wang G., Xiang Y.T. Prevalence of suicide attempts in bipolar disorder: a systematic review and meta-analysis of observational studies // Epidemiology and Psychiatric Sciences. 2019. № 290. P. 63. DOI: 10.1017/S2045796019000593

10. Plans L., Barrot C., Nieto E., Rios J., Schulze T. G., Papiol S., Mitjans M., Vieta E., Benabarre A. Association between completed suicide and bipolar disorder: A systematic review of the literature // Journal of Affective Disorders. 2019. № 242. P. 111 – 122. DOI: 10.1016/j.jad.2018.08.054

11. Касьянов Е.Д., Меркулова Т.В., Кибитов А.О., Мазо Г.Э. Генетика расстройств биполярного спектра: фокус на семейные исследования с использованием полноэкзомного секвенирования // Генетика. 2020. № 7 (56). С. 762 – 782. DOI: 10.31857/S001667582007005X.

12. Петрова Н.Н. Диагностика и терапия биполярного расстройства // Современная терапия психических расстройств. 2024. № 2. С. 41 – 54. DOI: 10.21265/PSYPH.2024.31.31.005

13. Петрова Н.Н. К вопросу о терапии биполярного аффективного расстройства // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 2022. №1 (122). С. 80 – 86. htpps://doi.org/10.17116/jnevro202212201280

14. Kato T. Current understanding of bipolar disorder: Toward integration of biological basis and treatment strategies // Psychiatry Clin Neurosci. 2019. N. 9. (73). P. 526 – 540. DOI: 10.1111/pcn.12852

15. Taquet M., Luciano S., Geddes J. R., Harrison P. J. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62 354 COVID-19 cases in the USA // Lancet Psychiatry. 2021. № 2 (8). P. 130 – 140. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30462-4.

16. Mazza M.G., Palladini M., Poletti S., Benedetti F. Post-COVID-19 depressive symptoms: epidemiology, pathophysiology, and pharmacological treatment // CNS Drugs. 2022. № 7 (36). P. 681 – 702. DOI: 10.1007/s40263-022-00931-3

17. Robinson E., Sutin A. R., Daly M., Jones A. A systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies comparing mental health before versus during the COVID-19 pandemic in 2020 // J Affect Disord. 2022. № 296. P. 567 – 576. DOI: 10.1016/j.jad.2021.09.098

18. Глущенко Я.Ю., Славгородская М.С., Дмитриев М.Н. Аффективные расстройства, впервые возникшие в постковидный период: анализ клинических случаев // Главврач Юга России. 2023. № 1 (87). С. 33 – 37.

19. Петрова Н.Н. К вопросу о терапии биполярного аффективного расстройства // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2022. № 1-2 (122). С. 80 – 86.

20. Стал С.М. Основы психофармакологии. Теория и практика: пер. с англ. под ред. Д. Криницкого. М.: ГОЭТАР-Медиа. 2019. 656 с.

21. Костюкова Е.Г., Федотов Д.Д., Мосолов С.Н. Открытое рандомизированное 44-недельное сравнительное исследование эффективности и переносимости вальпроата, ламотриджина и топирамата при биполярном расстройстве // Европейская психиатрия. 2020. № S1 (63). С. 67. DOI 10.1192/j.eurpsy.2020.5

22. Костюкова Е.Г., Мазо Г.Э., Мосолов С.Н., Федорова Е.Ю., Цукарзи Э.Э. Биполярное аффективное расстройство. Клинические рекомендации. Взрослые / Минздрав РФ. Москва. 2021. 245с.

23. Гречко Т.Ю., Протопопова А.М., Чупринина Т.Н. Современные стратегии терапии шизофрении: информационные, этические, диагностические и терапевтические аспекты // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2019. № 76. С. 14 – 21.

24. Алфимов П.В., Павличенко А.В. Фармакотерапия: нормотимики // Психиатрия и психофармакотерапия. 2021. № 6 (23). С. 4 – 9.

25. Woo Y.S., Lee J.G., Jeong J.H., и др. Korean Medication Algorithm Project for Bipolar Disorder: third revision // Neuropsychiatric Disease and Treatment. 2015. № 11. P. 49 – 506.

26. Mitchell P. B., Hadzi-Pavlovic D., Evoniuk G., Calabrese J. R., Bowden C. L. A factor analytic study in bipolar depression, and response to lamotrigine // CNS Spectrums. 2013. № 4 (18). P. 214 – 224. DOI: 10.1017/S1092852913000291.

27. Bowden C. L., Singh V. Lamotrigine (Lamictal IR) for the treatment of bipolar disorder // Expert Opinion on Pharmacotherapy. 2012. № 17 (13). P. 2565 – 2571. DOI: 10.1517/14656566.2012.741590. PMID: 23140205.

28. Vázquez G.H., Holtzman J.N., Tondo L., Baldessarini R.J. Efficacy and tolerability of treatments for bipolar depression // Journal of Affective Disorders. 2015. (183). С. 258 – 262. DOI: 10.1016/j.jad.2015.05.016

29. Ушкалова А.В., Ушкалова Е.А. Эффективность и безопасность ламотриджина при биполярном аффективном расстройстве // Фарматека. 2016. № S4. С. 59 – 64.

30. Stahl S.M. Stahl's Essential Psychopharmacology: Case studies. Volume 2. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 504 p. ISBN 978-1107607330

31. Stahl S.M., Laredo S., Morrissette D.A. Cariprazine as a treatment across the bipolar I spectrum from depression to mania: mechanism of action and review of clinical data // Ther Adv Psychopharmacol. 2020. № 10. Article 2045125320905752. DOI: 10.1177/2045125320905752. PMID: 32110377; PMCID: PMC7016327.

32. Yatham L.N., Kennedy S.H., Parikh S.V., Schaffer A., Bond D.J., Frey B.N., Sharma V., Goldstein B.I., Rej S., Beaulieu S., Alda M., MacQueen G., Milev R.V., Ravindran A., O'Donovan C., McIntosh D., Lam R.W., Vazquez G., Kapczinski F., McIntyre R.S., Kozicky J., Kanba S., Lafer B., Suppes T., Calabrese J.R., Vieta E., Malhi G., Post R. M., Berk M. Canadian Network for Mood and Anxiety Treatments (CANMAT) and International Society for Bipolar Disorders (ISBD) 2018 guidelines for the management of patients with bipolar disorder // Bipolar Disord. 2018. № 2 (20). P. 97 – 170. DOI: 10.1111/bdi.12609. Epub 2018 Mar 14. PMID: 29536616; PMCID: PMC5947163.

33. Beyer J.L. The Use of Antidepressants in Bipolar Depression // Handb Exp Pharmacol. 2019. № 250. P. 415 – 442. DOI: 10.1007/164_2018_155. PMID: 30141097.

34. Bobo W.V. The Diagnosis and Management of Bipolar I and II Disorders: Clinical Practice Update // Mayo Clin Proc. 2017. № 10 (92). P. 1532 – 1551. DOI: 10.1016/j.mayocp.2017.06.022. Epub 2017 Sep 6. PMID: 28888714.

35. Calabrese J.R., Durgam S., Satlin A., Vanover K.E., Davis R.E., Chen R., Kozauer S.G., Mates S., Sachs G.S. Efficacy and Safety of Lumateperone for Major Depressive Episodes Associated With Bipolar I or Bipolar II Disorder: A Phase 3 Randomized Placebo-Controlled Trial // Am J Psychiatry. 2021. № 12 (178).P. 1098 – 1106. DOI: 10.1176/appi.ajp.2021.20091339. Epub 2021 Sep 23. PMID: 34551584.

36. Datto C., Pottorf W.J., Feeley L., LaPorte S., Liss C. Bipolar II compared with bipolar I disorder: baseline characteristics and treatment response to quetiapine in a pooled analysis of five placebo-controlled clinical trials of acute bipolar depression // Ann Gen Psychiatry. 2016. № 15. P. 9. DOI: 10.1186/s12991-016-0096-0.

37. Kato M., Masuda T., Sano F., Kato T. The efficacy and safety of lurasidone in bipolar I depression with and without rapid cycling: A pooled post-hoc analysis of two randomized, placebo-controlled trials // J Affect Disord. 202. № 337. P. 150 – 158. DOI: 10.1016/j.jad.2023.05.065. Epub 2023 May 26. PMID: 37245552

38. Selle V, Schalkwijk S, Vázquez GH, Baldessarini RJ. Treatments for acute bipolar depression: meta-analyses of placebo-controlled, monotherapy trials of anticonvulsants, lithium and antipsychotics. Pharmacopsychiatry. 2014. № 2 (47). P. 43 – 52. DOI: 10.1055/s-0033-1363258. Epub 2014 Feb 18. PMID: 24549862.

39. Беккер Р.А., Быков Ю.В., Быкова А.Ю., Морозов П.В. Эффективность и безопасность кветиапина в лечении расстройств биполярного спектра // Психиатрия и психофармакотерапия. 2022. № 2 (24). С. 46 – 66.

40. Бухановский А.О., Кутявин Ю.А., Литвак М.Е. и др. Общая психопатология: медицина и искусство. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2021. 368 с. ISBN 978-5-7453-0563-4.

41. Forte A., Baldessarini R. J., Tondo L., Vázquez G. H., Pompili M., Girardi P. Long-term morbidity in bipolar-I, bipolar-II, and unipolar major depressive disorders // J Affect Disord. 2015. № 178. P. 71 – 78. DOI: 10.1016/j.jad.2015.02.011

42. Медведев В.Э. Карипразин – современный препарат для лечения шизофрении и биполярного расстройства // Современная терапия психических расстройств. 2022. № 3. С. 51 – 57. DOI: 10.21265/PSYPH.2022.46.63.006

43. Беккер Р.А., Быкова А.Ю., Быков Ю.В., Морозов П.В. Эффективность, переносимость и безопасность карипразина при расстройствах биполярного спектра // Психиатрия и психофармакотерапия. 2021. №3 (23). P. 24 – 39.

44. Keramatian K., Chakrabarty T., Saraf G., Yatham L.N. New Developments in the Use of Atypical Antipsychotics in the Treatment of Bipolar Disorder: a Systematic Review of Recent Randomized Controlled Trials // Curr Psychiatry Rep. 2021. № 23 (7). P. 39. DOI: 10.1007/s11920-021-01252-w. PMID: 33963957

45. Roberts R.J., Findlay L.J., El-Mallakh P.L., El-Mallakh R.S. Update on schizophrenia and bipolar disorder: focus on cariprazine // Neuropsychiatr Dis Treat. 2016. № 12. P. 1837 – 1842

46. Earley W., Burgess M.V., Rekeda L., Dickinson R., Szatmári B., Németh G., McIntyre R.S., Sachs G.S., Yatham L.N. Cariprazine Treatment of Bipolar Depression: A Randomized Double-Blind Placebo-Controlled Phase 3 Study // Am J Psychiatry. 2019. № 176 (6). P. 439 – 448. DOI: 10.1176/appi.ajp.2018.18070824. Epub 2019 Mar 8. PMID: 30845817.

47. Earley W.R., Burgess M.V., Khan B., Rekeda L., Suppes T., Tohen M., Calabrese .JR. Efficacy and safety of cariprazine in bipolar I depression: A double-blind, placebo-controlled phase 3 study // Bipolar Disord. 2020. № 4 (22). P. 372 – 384. DOI: 10.1111/bdi.12852. Epub 2019 Nov 6. PMID: 31628698; PMCID: PMC7318333.

48. Do A, Keramatian K, Schaffer A, Yatham L. Cariprazine in the Treatment of Bipolar Disorder: Within and Beyond Clinical Trials // Front Psychiatry. 2021. № 12 (14). P. 769897. DOI: 10.3389/fpsyt.2021.769897. PMID: 34970166; PMCID: PMC8712443.

References

1. Kostyukova E.G., Mosolov S.N. Algorithm of biological therapy of depression in bipolar affective disorder. Modern therapy of mental disorders. 2020. No. 4. P. 36 – 45. DOI: 10.21265/PSYPH.2020.97.57.005

2. Grechko T.Yu., Protopopova A.M. Issues of diagnostics and therapy of bipolar affective disorder. Applied information aspects of medicine. 2020. No. 1 (23). P. 65 – 72.

3. Joslyn C., Hawes D.J., Hunt C., Mitchell P.B. Is age of onset associated with severity, prognosis, and clinical features in bipolar disorder? A meta-analytic review. Bipolar Disord. 2016. No. 18 (5). P. 389 – 403. DOI: 10.1111/bdi.12419.

4. Mosolov S. N., Kostyukova E. G. Bipolar affective disorder. National guidelines. Psychiatry. edited by Yu.A. Aleksandrovsky, N.G. Neznanov. Moscow: Geotar Media. 2018. P. 704 – 799.

5. Carvalho A. F., Firth J., Vieta E. Bipolar Disorder. N Engl J Med. 2020. No. 1 (383). P. 58 – 66. DOI: 10.1056/NEJMra1906193. PMID: 32609982.

6. Mclntyre R.S., Berk M., Brietzke E., Goldstein B.I., López-Jaramillo C., Kessing L.V., Malhi G.S., Nierenberg A.A., Rosenblat J D., Majeed A., Vieta E., Vinberg M., Young A.H., Mansur R.B. Bipolar dis-orders. Lancet. 2020. No. 396. P. 1841 – 1856. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)31544-0

7. Barkhatova A.N. On the issue of diagnosis and treatment of bipolar disorder. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2021. No. 3 (121). P. 155 – 159. DOI: 10.17116/jnevro2021121031155

8. Walker E.R., McGee R.E., Druss B.G. Mortality in mental disorders and global disease burden implications: a systematic review and meta-analysis. JAMA Psychiatry. 2015. No. 4 (72). P. 334 – 341.

9. Dong M., Lu L., Zhang L., Zhang Q., Ungvari G. S., Ng C. H., Yuan Z., Xiang Y., Wang G., Xiang Y.T. Prevalence of suicide attempts in bipolar disorder: a systematic review and meta-analysis of observational studies. Epidemiology and Psychiatric Sciences. 2019. No. 290. P. 63. DOI: 10.1017/S2045796019000593

10. Plans L., Barrot C., Nieto E., Rios J., Schulze T. G., Papiol S., Mitjans M., Vieta E., Benabarre A. Association between completed suicide and bipolar disorder: A systematic review of the literature. Journal of Affective Disorders. 2019. No. 242. P. 111 – 122. DOI: 10.1016/j.jad.2018.08.054

11. Kasyanov E.D., Merkulova T.V., Kibitov A.O., Mazo G.E. Genetics of bipolar spectrum disorders: focus on family studies using whole exome sequencing. Genetics. 2020. No. 7 (56). P. 762 – 782. DOI: 10.31857/S001667582007005X.

12. Petrova N.N. Diagnostics and therapy of bipolar disorder. Modern therapy of mental disorders. 2024. No. 2. P. 41 – 54. DOI: 10.21265/PSYPH.2024.31.31.005

13. Petrova N.N. On the issue of therapy of bipolar affective disorder. Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. 2022. No. 1 (122). P. 80 – 86. http://doi.org/10.17116/jnevro202212201280

14. Kato T. Current understanding of bipolar disorder: Toward integration of biological basis and treatment strategies. Psychiatry Clin Neurosci. 2019. N. 9. (73). P. 526 – 540. DOI: 10.1111/pcn.12852

15. Taquet M., Luciano S., Geddes J. R., Harrison P. J. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62,354 COVID-19 cases in the USA. Lancet Psychiatry. 2021. No. 2 (8). P. 130 – 140. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30462-4.

16. Mazza M.G., Palladini M., Poletti S., Benedetti F. Post-COVID-19 depressive symptoms: epidemiology, pathophysiology, and pharmacological treatment. CNS Drugs. 2022. No. 7 (36). P. 681 – 702. DOI: 10.1007/s40263-022-00931-3

17. Robinson E., Sutin A.R., Daly M., Jones A. A systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies comparing mental health before versus during the COVID-19 pandemic in 2020. J Affect Disord. 2022. No. 296. P. 567 – 576. DOI: 10.1016/j.jad.2021.09.098

18. Glushchenko Ya.Yu., Slavgorodskaya M.S., Dmitriev M.N. Affective disorders that first appeared in the post-COVID period: analysis of clinical cases. Chief Physician of the South of Russia. 2023. No. 1 (87). P. 33 – 37.

19. Petrova N.N. On the issue of therapy of bipolar affective disorder. Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. 2022. No. 1-2 (122). P. 80 – 86.

20. Stal S.M. Fundamentals of Psychopharmacology. Theory and Practice: trans. from English. edited by D. Krinitsky. M.: GOETAR-Media. 2019. 656 p.

21. Kostyukova E.G., Fedotov D.D., Mosolov S.N. An open, randomized, 44-week comparative study of the efficacy and tolerability of valproate, lamotrigine, and topiramate in bipolar disorder. European Psychiatry. 2020. No. S1 (63). P. 67. DOI 10.1192/j.eurpsy.2020.5

22. Kostyukova E.G., Mazo G.E., Mosolov S.N., Fedorova E.Yu., Tsukarzi E.E. Bipolar affective disorder. Clinical guidelines. Adults / Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow. 2021. 245 p.

23. Grechko T.Yu., Protopopova A.M., Chuprinina T.N. Modern strategies for the treatment of schizophrenia: informational, ethical, diagnostic and therapeutic aspects. Scientific and Medical Bulletin of the Central Black Earth Region. 2019. No. 76. P. 14 – 21.

24. Alfimov P.V., Pavlichenko A.V. Pharmacotherapy: normotymic agents. Psychiatry and psychopharmacotherapy. 2021. No. 6 (23). P. 4 – 9.

25. Woo Y.S., Lee J.G., Jeong J.H., et al. Korean Medication Algorithm Project for Bipolar Disorder: third revision. Neuropsychiatric Disease and Treatment. 2015. No. 11. P. 49 – 506.

26. Mitchell P. B., Hadzi-Pavlovic D., Evoniuk G., Calabrese J. R., Bowden C. L. A factor analytic study in bipolar depression, and response to lamotrigine. CNS Spectrums. 2013. No. 4 (18). P. 214 – 224. DOI: 10.1017/S1092852913000291.

27. Bowden C.L., Singh V. Lamotrigine (Lamictal IR) for the treatment of bipolar disorder. Expert Opinion on Pharmacotherapy. 2012. No. 17 (13). P. 2565 – 2571. DOI: 10.1517/14656566.2012.741590. PMID: 23140205.

28. Vázquez G.H., Holtzman J.N., Tondo L., Baldessarini R.J. Efficacy and tolerability of treatments for bipolar depression. Journal of Affective Disorders. 2015. (183). P. 258 – 262. DOI: 10.1016/j.jad.2015.05.016

29. Ushkalova A.V., Ushkalova E.A. Efficacy and safety of lamotrigine in bipolar affective disorder. Farmateka. 2016. No. S4. P. 59 – 64.

30. Stahl S.M. Stahl's Essential Psychopharmacology: Case studies. Volume 2. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 504 p. ISBN 978-1107607330

31. Stahl S.M., Laredo S., Morrissette D.A. Cariprazine as a treatment across the bipolar I spectrum from depression to mania: mechanism of action and review of clinical data. Ther Adv Psychopharmacol. 2020. No. 10. Article 2045125320905752. DOI: 10.1177/2045125320905752. PMID: 32110377; PMCID: PMC7016327.

32. Yatham L.N., Kennedy S.H., Parikh S.V., Schaffer A., Bond D.J., Frey B.N., Sharma V., Goldstein B.I., Rej S., Beaulieu S., Alda M., MacQueen G., Milev R.V., Ravindran A., O'Donovan C., McIntosh D., Lam R.W., Vazquez G., Kapczinski F., McIntyre R.S., Kozicky J., Kanba S., Lafer B., Suppes T., Calabrese J.R., Vieta E., Malhi G., Post R.M., Berk M. Canadian Network for Mood and Anxiety Treatments (CANMAT) and International Society for Bipolar Disorders (ISBD) 2018 guidelines for the management of patients with bipolar disorder. Bipolar Disord. 2018. No. 2 (20). P. 97 – 170. DOI: 10.1111/bdi.12609. Epub 2018 Mar 14. PMID: 29536616; PMCID: PMC5947163.

33. Beyer J.L. The Use of Antidepressants in Bipolar Depression. Handb Exp Pharmacol. 2019. No. 250. P. 415 – 442. DOI: 10.1007/164_2018_155. PMID: 30141097.

34. Bobo W.V. The Diagnosis and Management of Bipolar I and II Disorders: Clinical Practice Update. Mayo Clin Proc. 2017. No. 10 (92). P. 1532 – 1551. DOI: 10.1016/j.mayocp.2017.06.022. Epub 2017 Sep 6. PMID: 28888714.

35. Calabrese J.R., Durgam S., Satlin A., Vanover K.E., Davis R.E., Chen R., Kozauer S.G., Mates S., Sachs G.S. Efficacy and Safety of Lumateperone for Major Depressive Episodes Associated With Bipolar I or Bipolar II Disorder: A Phase 3 Randomized Placebo-Controlled Trial. Am J Psychiatry. 2021. No. 12 (178). P. 1098 – 1106. DOI: 10.1176/appi.ajp.2021.20091339. Epub 2021 Sep 23. PMID: 34551584.

36. Datto C., Pottorf W.J., Feeley L., LaPorte S., Liss C. Bipolar II compared with bipolar I disorder: base-line characteristics and treatment response to quetiapine in a pooled analysis of five placebo-controlled clinical trials of acute bipolar depression. Ann Gen Psychiatry. 2016. No. 15. P. 9. DOI: 10.1186/s12991-016-0096-0.

37. Kato M., Masuda T., Sano F., Kato T. The efficacy and safety of lurasidone in bipolar I depression with and without rapid cycling: A pooled post-hoc analysis of two randomized, placebo-controlled trials. J Affect Disord. 202. No. 337. P. 150 – 158. DOI: 10.1016/j.jad.2023.05.065. Epub 2023 May 26. PMID: 37245552

38. Selle V, Schalkwijk S, Vázquez GH, Baldessarini RJ. Treatments for acute bipolar depression: meta-analyses of placebo-controlled, monotherapy trials of anticonvulsants, lithium and antipsychotics. Pharmacopsychiatry. 2014. No. 2 (47). P. 43 – 52. DOI: 10.1055/s-0033-1363258. Epub 2014 Feb 18. PMID: 24549862.

39. Becker R.A., Bykov Yu.V., Bykova A.Yu., Morozov P.V. Efficacy and safety of quetiapine in the treatment of bipolar spectrum disorders. Psychiatry and psychopharmacotherapy. 2022. No. 2 (24). P. 46 – 66.

40. Bukhanovsky A.O., Kutyavin Yu.A., Litvak M.E., et al. General psychopathology: medicine and art. Rostov-on-Don: Rostov State Medical University, 2021. 368 p. ISBN 978-5-7453-0563-4.

41. Forte A., Baldessarini R. J., Tondo L., Vázquez G. H., Pompili M., Girardi P. Long-term morbidity in bipolar-I, bipolar-II, and unipolar major depressive disorders. J Affect Disord. 2015. No. 178. P. 71 – 78. DOI: 10.1016/j.jad.2015.02.011

42. Medvedev V.E. Cariprazine – a modern drug for the treatment of schizophrenia and bipolar disorder. Modern therapy of mental disorders. 2022. No. 3. P. 51 – 57. DOI: 10.21265/PSYPH.2022.46.63.006

43. Becker R.A., Bykova A.Yu., Bykov Yu.V., Morozov P.V. Efficacy, tolerability and safety of cariprazine in bipolar spectrum disorders. Psychiatry and psychopharmacotherapy. 2021. No. 3 (23). P. 24 – 39.

44. Keramatian K., Chakrabarty T., Saraf G., Yatham L.N. New Developments in the Use of Atypical Antipsychotics in the Treatment of Bipolar Disorder: a Systematic Review of Recent Randomized Controlled Trials. Curr Psychiatry Rep. 2021. No. 23 (7). P. 39. DOI: 10.1007/s11920-021-01252-w. PMID: 33963957

45. Roberts R.J., Findlay L.J., El-Mallakh P.L., El-Mallakh R.S. Update on schizophrenia and bipolar disorder: focus on cariprazine. Neuropsychiatr Dis Treat. 2016. No. 12. P. 1837 – 1842

46. Earley W., Burgess M.V., Rekeda L., Dickinson R., Szatmári B., Németh G., McIntyre R.S., Sachs G.S., Yat-ham L.N. Cariprazine Treatment of Bipolar Depression: A Randomized Double-Blind Placebo-Controlled Phase 3 Study. Am J Psychiatry. 2019. No. 176 (6). P. 439 – 448. DOI: 10.1176/appi.ajp.2018.18070824. Epub 2019 Mar 8. PMID: 30845817.

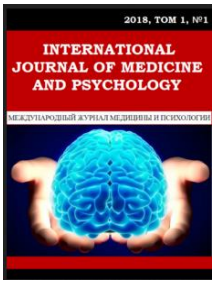
47. Earley W.R., Burgess M.V., Khan B., Rekeda L., Suppes T., Tohen M., Calabrese JR. Efficacy and safety of cariprazine in bipolar I depression: A double-blind, placebo-controlled phase 3 study. Bipolar Disord. 2020. No. 4 (22). P. 372 – 384. DOI: 10.1111/bdi.12852. Epub 2019 Nov 6. PMID: 31628698; PMCID: PMC7318333.

48. Do A, Keramatian K, Schaffer A, Yatham L. Cariprazine in the Treatment of Bipolar Disorder: Within and Beyond Clinical Trials. Front Psychiatry. 2021. No. 12 (14). P. 769897. DOI: 10.3389/fpsyt.2021.769897. PMID: 34970166; PMCID: PMC8712443.

Информация об авторах

Соколова Т.Ф., доктор медицинских наук, доцент, Orcid ID: https://orcid.org/0000-0003-4972-6833, Омский государственный медицинский университет Минздрава России, tfsokolova@mail.ru
Фоминых С.Г., доктор медицинских наук, заведующая кафедрой фармакологии, клинической фармакологии, Омский государственный медицинский университет Минздрава России, estella_fominyh@mail.ru
Соколов Е.Ю., кандидат медицинских наук, врач-психотерапевт, Научно-клинический центр «Карповка», г. Санкт-Петербург, sokolovnew22@yandex.ru
Емельянов Ю.В., кандидат медицинских наук, доцент, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России, emrim@mail.ru
Разумовская А.А., старший преподаватель, Омский государственный медицинский университет Минздрава России, e-mail: alyona.petrova-nika@yandex.ru

© Соколова Т.Ф., Фоминых С.Г., Соколов Е.Ю., Емельянов Ю.В., Разумовская А.А., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (биологические науки)
УДК 616.1

[1] Иванова Е.Г.,
[1] Приволжский исследовательский медицинский университет

Анализ распространенности сердечно-сосудистых заболеваниий в условиях Крайнего Севера в отечественной литературе

Аннотация: неблагоприятные природно-климатические условия Крайнего Севера, такие как экстремально низкие температуры, колебания атмосферного давления, дефицит природной освещенности, возмущения геомагнитного поля, низкое содержание биоэлементов в питьевой воде остаются одним из значимых причин, истощающих адаптивные ресурсы организма человека. В частности, это отражается в виде напряжения регуляторных механизмов работы сердца. В статье проведен обзор современной отечественной литературы, направленной на исследование погодных условий Русского Севера на развитие сердечно-сосудистых заболеваний. Разработка адресных превентивных мер в северных регионах требует консолидации различных авторских коллективов, для проведения исследований на крупных когортах участников, с учетом особенностей населения и локальный климатогеографических факторов. Включенные в обзор статьи значительно отличаются методологическими подходами к проведению исследований, что может быть полезно при планировании будущих исследований по данной теме.

Ключевые слова: холод, сердечно-сосудистая система, холодовая адаптация, Русский Север, Крайний север, система кровообращения, гипотермия, климатогеографические факторы, низкие температуры, инфаркт миокарда, стенокардия, артериальная гипертензия

Для цитирования: Иванова Е.Г. Анализ распространенности сердечно-сосудистых заболеваниий в условиях Крайнего Севера в отечественной литературе // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 31 – 37.

Поступила в редакцию: 27 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Ivanova E.G.,
[1] Privolzhsky Research Medical University

Analysis of the prevalence of cardiovascular diseases in the Far North in the Russian literature

Abstract: the unfavorable natural and climatic conditions of the Far North, such as extremely low temperatures, fluctuations in atmospheric pressure, a lack of natural illumination, disturbances in the geomagnetic field, and a low content of bioelements in drinking water remain one of the significant causes that deplete the adaptive resources of the human body. In particular, this is reflected in the form of tension in the regulatory mechanisms of the heart. The article provides an overview of modern Russian literature aimed at studying the weather conditions of the Russian North on the development of cardiovascular diseases. The development of targeted preventive measures in the northern regions requires the consolidation of various author groups to conduct research on large cohorts of participants, taking into account the characteristics of the population and local climatic and geographical factors. The articles included in the review differ significantly in their methodological approaches to conducting research, which may be useful in planning future research on this topic.

Keywords: cold, cardiovascular system, cold adaptation, Russian North, Far North, circulatory system, hypothermia, climatogeographic factors, low temperatures, myocardial infarction, angina pectoris, arterial hypertension

For citation: Ivanova E.G. Analysis of the prevalence of cardiovascular diseases in the Far North in the Russian literature. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 31 – 37.

The article was submitted: November 27, 2024; Approved after reviewing: January 28, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Сдвиги климатических условий традиционно влияют на живые организмы, в том числе, на человека. К ним можно отнести как обильные производственные загрязнения, изменения геомагнитного поля, так и воздействие низких температур различной продолжительности [4, 8]. Влияние климатических факторов на здоровье человека нередко привлекает исследовательский интерес; при этом объектами исследований чаще всего выступают заболевания сердечно-сосудистой и дыхательной системы, минерально-витаминный запас и особенности развития детей и подростков [3].

Известно, что сезонность влияет на течение болезней сердечно-сосудистой системы как на территориях с постоянной экстремальной средой, так и в регионах с умеренным климатом. Недавний крупный ретроспективный анализ случаев обострения заболеваний системы кровообращения у жителей г. Ярославля (нарушений сердечного ритма, сердечной недостаточности, артериальной гипертензии и инфаркта миокарда) показал достоверное увеличение вызовов СМП по причине обострений в зимний период, в особенности у населения старше 40 лет [5]. Наиболее часто подвергается сезонной динамике и зависит от влияния абиотической среды уровень артериального давления (АД): установлена корреляция амплитуды сезонных колебаний АД с температурой и важностью воздуха, парциональной плотности кислорода в воздухе, с динамикой величины атмосферного давления [10].

Однако, сложное взаимодействие неблагоприятных факторов окружающей среды и разнообразие географических условий территорий Русского Севера оказывают более выраженное отрицательное воздействие на систему кровообращения человека, по сравнению с сезонными влияниями в других регионах [8].

Для Русского Севера характерны дискомфортные для человека метеорологические условия, которые сформировались под влиянием близко расположенных холодных вод и вековой мерзлоты. Продолжительная суровая зима, с дефицитом осадков, экстремальный ветровой режим с частыми бурями, световое голодание, короткий период летнего времени усложняет не только развитие производственной и социальной инфраструктуры на этих территориях, но отрицательно влияет на состояние здоровья коренного и пришлого населения [8].

Материалы и методы исследований

Для написания обзора был проведен тематический поиск литературы в отечественных электронных библиотеках elibrary.ru, Киберленинка. Для поиска использовали различные сочетания следующих ключевых слов: «холод», «гипотермия», «низкие температуры», «Север», «Крайний Север», «сердце», «сосуды», «сердечно-сосудистая система», «инфаркт миокарда», «артериальная гипертензия», «стенокардия», «ишемическая болезнь сердца». Для расширения или сужения поиска применяли логический оператор «и». Основными факторами, которые принимались во внимание были: 1) оригинальные статьи, в которых проведение исследование взаимосвязи погодно-климатических факторов российских северных территорий с повышением риска развития, возникновением или обострениями сердечно-сосудистой патологии, а также смертности от этих заболеваний; 2) описание связи ключевых измерений самосознания с интероцепцией и компонентами психического здоровья; 3) доступность полного текста статьи; 4) язык, на котором написана статья (русский); 5) период публикации с 2018 г. по 2025 г.

Было отобрано 9 статей, удовлетворяющих критериям поиска. В отобранных работах были использованы различные методологические подходы к дизайну исследования и интерпретации результатов.

Результаты и обсуждения

Изучена связь показателей кардиоваскулярного здоровья жителей северных территорий на примере города Сургута с метеорологическими параметрами, путем регистрации количества госпитализированных уроженцев в отделения экстренной помощи с кардиоваскулярной патологией. Динамика экстренной госпитализации была проанализирована за 4 года, с последующим расчетом индекса сезонности, гендерных и возрастных особенностей. Согласно оценкам, в периоды резкой смены

и чрезмерно активной амплитуды метереологических параметров наблюдается рост случаев госпитализаций с патологией системы кровообращения, а индекс сезонности для всех участников был превышен на 100% на протяжении всего года. При этом для мужского населения было выявлено четыре пика индекса сезонности в течение года, а для женской части исследованной популяции установлено три пика. Возрастной группой, подверженной наиболее высокому риску согласованности кардиоваскулярных заболеваний с погодно-климатической изменчивостью были лица трудоспособного возраста 50-54-х лет [2].

Выполнена оценка влияния погодно-климатических факторов и степени загрязнения атмосферного воздуха на состояние здоровья жителей г. Петрозаводска за трехлетний период. При анализе погодных условий, наиболее высокие значения колебаний атмосферного давления и влажности были отмечены в холодные месяцы, по сравнению с теплым временем года. Максимальное количество обращений за скорой медицинской помощью по причине повышения уровня артериального давления, приступов стенокардии, острого инфаркта миокарда, хронической ИБС было зарегистрировано с декабря по март, ежегодно. Отмечается, частота обращений была связана с перепадами атмосферного давления, повышением скорости ветра и уменьшением количества атмосферных осадков. Кроме того, зарегистрирована корреляция смертности болезней системы кровообращения с параметрами погоды [12].

Следует отметить применение медико-метеорологического метода для выявления биотропных биоклиматических факторов, сопряженных с обострением ишемической болезни сердца у жителей г. Сургута. В ходе работы, количество случаев неотложных состояний при ИБС, зарегистрированных городской станцией скорой помощи были сопоставлены с такими биоклиматическими характеристиками, как величина патогенности ВСИ весового содержания кислорода в атмосфере, ВСИ атмосферного давления, и ВСИ температуры атмосферного воздуха, с последующим расчетом индекса патогенности рассмотренных показателей. Согласно результатам комплексной оценки, динамика обострений ИБС повторяла динамику колебаний ВСИ атмосферного давления, амплитуды аэродинамического режима, температуры, что указывает на биотропность внезапного ухудшения состояния больных ИБС. При этом максимальные значения биоклиматических показателей, сопряженные с увеличением частоты вызовов СМП к больным ИБС отмечены в зимний период [13].

Итоги расчетов климатических факторов, сопоставления с показателями заболеваемости по данным ФОМС и последующего математического моделирования показали, что комплексное воздействие суточных перепадов атмосферного давления, низкой температуры, влажности воздуха и скорости ветра создает для взрослого населения Крайнего Севера чрезмерно высокий уровень риска заболеваний сердечно-сосудистой системы. К наиболее настораживающим заболеванием ССС, предиктором которых являются абиотические условия, были отнесены острые патологии – инфаркт миокарда, гипертонический криз, острые заболевания коронарных сосудов, стенокардия [16].

Изучена взаимосвязь погодно-климатических и социальных переменных со смертностью населения России от заболеваний системы кровообращения. Анализ за 10-летний период включал сопоставление доходов населения, доступности врачебной помощи, колебания температуры воздуха и атмосферного давления со стандартным коэффициентом смертности от гипертонической болезни, ишемической болезни сердца, инфаркта миокарда и других болезней сердца и сосудов. Согласно оценкам авторов, на арктическом побережье и Сибири, то есть в регионах с низкой плотностью населения и суровыми погодными условиями отмечается максимальное количество отрицательных и положительных скачков давления и температуры за год. Низкий уровень жизни, отрицательные скачки отрицательного давления, среднее сезонное давление, низкая доступность медицинской помощи были в числе наиболее распространенных факторов, влияющих на увеличение коэффициента смертности от болезней системы кровообращения [6].

Установлено влияние особенностей природной освещенности (циркадных ритмов) на Крайнем Севере на суточный ритм АД и ЧСС. В ходе работы регистрировали исследовали суточный профиль АД (СПСАД и СПДАД), суточный индекс (СИ), циркадный индекс (ЦИ); хронобиологические показатели (процентный вклад (ПВ), амплитуду ритма (АР), акрофазу ритма (АФР) и МЕЗОР ритма (МЗР), в условиях заполярного региона. Ритм природной освещенности, а именно его отсутствие в периоды полярной ночи и полярного дня способствовало уплощению кривой суточного ритма АД и ЧСС у больных артериальной гипертензией. Таким образом, асимметрия фотопериодизма регионов Крайнего Севера служит одной из причин подъема заболеваемости артериальной гипертензией и другой кардиоваскулярной патоло-

гией, в силу десинхронизации биологических ритмов [3].

Определено среднемесячное количество обострений сердечно-сосудистых заболеваний у пришлого населения ХМАО (проживание в условиях Крайнего Севера не менее 1 года). Было обнаружено неблагоприятное влияние суровых климатических условиях на сердечно-сосудистую систему, которое выражалось в виде ухудшения самочувствия, и повышении частоте обострений ИБС, в особенности в зимний период. Помимо этого, установлены гендерные различия - ухудшение состояния в связи с артериальной гипертензией чаще регистрировали у женщин всех возрастных групп, а обострение ранее подтвержденной ИБС чаще встречались у мужчин старше 40 лет. Согласно предположениям авторов, подобные различия связаны с большей распространенности предикторов риска (курение, ожирение, дислипидемия) у мужской части населения [7].

Исследование случай-контроль показало оценку метаболических параметров и идентификацию повышенного риска заболеваемости атеросклерозом и ИБС у пожилых жителей Крайнего Севера. Анализ лабораторных и инструментальных исследований коренного и пришлого населения с верифицированной ИБС показал, что такие факторы риска, связанные с ИБС, как ожирение по центральному типу и артериальная гипертензия встречались наиболее часто, вне зависимости от принадлежности участников к коренному или пришлому населению [11].

Произведена оценка функциональных показателей органов сердечно-сосудистой системы здоровых жителей ХМАЮ-Югры, в частности, ЧСС, систолического и диастолического давления, пульсового давления и анализ степени напряжения регуляторных механизмов. По результатам исследования выявлены адаптивные признаки в работе сердца при продолжительном периоде жизни на Севере требующие пристального внимания в будущих исследованиях. К ним относятся, пограничные значения индекса «пульсовое давление» у молодых мужчин и женщин до 21 года; высокий МОК у молодых людей, свидетельствующий о начальных проявлениях будущей гипертензии; преобладание систолического тонуса (в особенности у пожилых людей) и явления брадикардии [4].

Причинами возникновения сердечно-сосудистых заболевания являются адаптивные изменения вегетативной регуляции сердца в ответ на общее охлаждение, в виде дыхательной модуляции сердечного ритма, повышение уровня диастолического давления, а также рассматривается роль гуморально-метаболических путей [9]. Снижение адаптивных резервов и истощение компенсаторных систем, обеспечивающих приспособительные реакции приводит к развитию обширных патогенных процессов, включая активацию симпато-адреноловой системы и спазм сосудов, угнетение противосвертывающей системы крови, нарушение тканевого дыхания и торможение метаболических процессов [17]. Помимо этого, считается, что повышенный риск развития патологии системы кровообращения и заболеваний костно-суставной системы характерен для некоторых районов Крайнего Севера в связи с особенностями «элементного портрета» пришлого и коренного населения. Техногенная нагрузка, низкая минерализация питьевой воды Ca и Mg (к примеру, в Ямало-Ненецком автономном округе) увеличивает потенциальный риск развития заболеваний, сопряженных с длительным дефицитом биоэлементов в организме человека [1].

Аналогичные представленным работам исследования, по биоклиматической оценке, зависимости заболеваемости и смертности от кардиоваскулярных заболеваний от погодных условий на северных территориях России проводятся регулярно. Чаще всего используется ретроспективный анализ данных государственной статистики, либо информации о вызовах СМП, или сведений других лечебно-профилактических учреждений о частоте возникновений инфарктов миокарда, приступов стенокардии, острых нарушений мозгового кровообращения и гипертонических кризов или случаев смерти от указанных заболеваний, с сопоставлением с различными метеорологическими показателями (среднесуточная/среднегодовая температура, амплитуда изменений атмосферного давления, геомагнитные возмущения или комбинации геофизических факторов) [14;15].

Выводы

Крайний Север – территория, с дискомфортной для постоянного проживания человека средой. Население северных регионов постоянно подвергается сочетанному влиянию неблагоприятных природно-климатических и гигиенических факторов, которые отражаются на состоянии здоровья в долгосрочной перспективе.

Совокупность климатогеографических факторов может оказывать пагубное влияние на сердечно-сосудистую функцию, что сопровождается, как кратковременными дезадаптивными эффектами, так и развитием, и частыми рецидивами заболеваний, значительно повышающих инвалидизацию и смертность трудоспособного населения северных территорий страны

Современная парадигма превентивных подходов к сохранению здоровья населения северных

территорий должна учитывать, как традиционные предикторы повышения заболеваемости и смертности (курение, алкоголизм, ожирение и др.), но и нетрадиционные, в частности, продолжительное воздействие низких температур.

В отечественной литературе проводятся проспективные и ретроспективные исследования адаптивных изменений сердечно-сосудистой системы в условиях экстремальных температур, а также изучение заболеваемости и смертности от кардиоваскулярной патологии на Крайнем Севере. Однако, наблюдается некоторый дефицит эмпирической базы на крупных когортах коренных жителей и пришлого населения, с учетом длительности пребывания последних в абиотическом климате, с учетом возрастных и гендерных различий, а также региональной составляющей отдельных территорий Русского Севера.

Список источников

1. Бикбулатова Л.Н. Элементный статус взрослого населения ямало-ненецкого автономного округа // Журнал медико-биологических исследований. 2021. № 3. С. 248 – 257.

2. Бикмухаметова Л.М., Русак С.Н. Биоэкологическая оценка комфортности температурного компонента погодно-климатических условий и его влияний на состояние здоровья жителей Среднего Приобья. Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4. С. 14 – 18.

3. Ветошкин А.С., Шуркевич Н.П., Гапон Л.И., Губин Д.Г., Симонян А.А., Пошинов Ф.А. Роль ритма природной освещенности в формировании десинхроноза в условиях заполярной вахты // Сиб. мед. журн. (Томск). 2019. Т. 34. № 4. С. 91 – 100.

4. Вохминцев А.П., Соловьева С.В., Петров И.М., Зуевская Т.В. Динамика функционального состояния сердечно-сосудистой системы жителей ХМАО – Югры в процессе употребления природных цеолитов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Биология. Химия. 2019. № 4. С.13 – 21.

5. Груздева А.Ю., Салтыкова М.М., Бобровницкий И.П., Балакаева А.В., Герман С.В. Влияние сезонов года на развитие обострений наиболее распространённых болезней системы кровообращения. Гендерно-возрастные особенности // Гигиена и санитария. 2019. № 98 (8). С. 839 – 844.

6. Золотокрылин А.Н. Титкова Т.Б., Бокучава Д.М. влияние погодно-климатических и социальных факторов на смертность населения от болезней системы кровообращения на территории России // Терапевтический архив. 2018. № 3. С. 53 – 59.

7. Иванова Е.Г., Фомин И.В. Климатогеографические условия как фактор риска сердечно-сосудистых заболеваний у некоренных жителей западной сибири // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33283 (дата обращения: 13.10.2024)

8. Корчин В.И., Корчина Т.Я., Терникова Е.М., Бикбулатова Л.Н., Лапенко В.В. Влияние климатогеографических факторов Ямало-Ненецкого автономного округа на здоровье населения (обзор) // Журн. мед.-биол. исследований. 2021. Т. 9. № 1. С. 77 – 88.

9. Кривоногова Е.В., Дёмин Д.Б., Кривоногова О.В., ПоскотиноваЛ.В. Варианты реактивности вегетативной регуляции ритма сердца у молодых людей на кратковременное общее воздушное охлаждение // Вестн. урал. мед. акад. науки. 2019. Т. 16. № 2. С. 140 – 146.

10. Кузьменко Н.В., Плисс М.Г., Цырлин В.А. Зависимость цирканнуальной динамики артериального давления от сезонных колебаний метеорологических и гелиофизических факторов. Мета-анализ // РКЖ. 2019. № 1. С. 80 – 93

11. Попова Е.К., Архипова Н.С., Попов И.О. Предикторы риска ишемической болезни сердца у мужчин старшей возрастной группы, проживающих в условиях Крайнего Севера // Экология человека. 2020. № 2. С. 4 – 11.

12. Рыбаков Д.С., Белашев Б.З. Погодно-климатические условия, загрязнение атмосферного воздуха, вызовы скорой медицинской помощи и смертность населения в Петрозаводске // Экология человека. 2020. № 5. С. 21 – 30.

13. Соколов С.В. Влияние биотропности внутрисуточной изменчивости весового содержания кислорода в атмосферном воздухе, атмосферного давления и температуры на частоту вызовов скорой помощи по поводу ишемической болезни сердца в условиях Севера (на примере города Сургута) // Междунар. журн. приклад. и фундам. исследований. 2019. № 8. С. 89 – 94.

14. Хаснулин В.И., Гафаров В.В., Воевода М.И., Артамонова М.В. Показатели смертности от болезней органов кровообращения в зависимости от среднегодовой температуры воздуха и географической широты проживания в РФ // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6 С. 255 – 259.

15. Хаснулин В.И., Воевода М.И., Артамонова М.В., Хаснулин П.В. Зависимость частоты вызовов скорой помощи к пациентам с гипертоническими кризами, инфарктами миокарда, острыми нарушениями мозгового кровообращения от сочетанного действия температуры воздуха, атмосферного давления и геомагнитных возмущений в Новосибирске // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21289 (дата обращения: 13.10.2024)

16. Шур П.З., Кирьянов Д.А., Камалтдинов М.Р., Хасанова А.А. К оценке риска для здоровья населения, обусловленного влиянием климатических факторов в условиях Крайнего севера // Анализ риска здоровью. 2022. № 3. С. 53 – 62.

17. Goel H., Shah K., Kumar A., Hippen J.T., Nadar S.K. Temperature, cardiovascular mortality, and the role of hypertension and renin-angiotensin-aldosterone axis in seasonal adversity: a narrative review // Journal of human hypertension. 2022. № 36 (12). P. 1035 – 1047.

References

1. Bikbulatova L.N. Elemental status of the adult population of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Journal of Medical and Biological Research. 2021. No. 3. P. 248 – 257.

2. Bikmukhametova L.M., Rusak S.N. Bioecological assessment of the comfort of the temperature component of weather and climatic conditions and its impact on the health of residents of the Middle Ob region. Samara Scientific Bulletin. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 14 – 18.

3. Vetoshkin A.S., Shurkevich N.P., Gapon L.I., Gubin D.G., Simonyan A.A., Poshinov F.A. The role of the rhythm of natural illumination in the formation of desynchronosis in the conditions of a polar shift. Sib. med. journal (Tomsk). 2019. Vol. 34. No. 4. P. 91 – 100.

4. Vokhmintsev A.P., Solovieva S.V., Petrov I.M., Zuevskaya T.V. Dynamics of the functional state of the cardiovascular system of residents of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the process of consuming natural zeolites. Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Biology. Chemistry. 2019. No. 4. P. 13 – 21.

5. Gruzdeva A.Yu., Saltykova M.M., Bobrovnitsky I.P., Balakaeva A.V., German S.V. The influence of seasons on the development of exacerbations of the most common diseases of the circulatory system. Gender and age characteristics. Hygiene and Sanitation. 2019. No. 98 (8). P. 839 – 844.

6. Zolotokrylin A.N. Titkova T.B., Bokuchava D.M. The influence of weather-climatic and social factors on mortality from diseases of the circulatory system in Russia. Therapeutic archive. 2018. No. 3. P. 53 – 59.

7. Ivanova E.G., Fomin I.V. Climatogeographic conditions as a risk factor for cardiovascular diseases in non-native residents of Western Siberia. Modern problems of science and education. 2024. No. 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33283 (date of access: 13.10.2024)

8. Korchin V.I., Korchina T.Ya., Ternikova E.M., Bikbulatova L.N., Lapenko V.V. The Impact of Climatic and Geographical Factors in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug on Population Health (Review). J. Med. Biol. Issledov. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 77 – 88.

9. Krivonogova E.V., Demin D.B., Krivonogova O.V., Poskotinova L.V. Variants of Reactivity of Autonomic Regulation of Heart Rate in Young People to Short-Term General Air Cooling. Vestn. Ural Medical Academy of Sciences. 2019. Vol. 16. No. 2. P. 140 – 146.

10. Kuzmenko N.V., Pliss M.G., Tsyrlin V.A. Dependence of Circannual Dynamics of Blood Pressure on Seasonal Fluctuations in Meteorological and Heliophysical Factors. Meta-analysis. RJSC. 2019. No. 1. P. 80 – 93

11. Popova E.K., Arkhipova N.S., Popov I.O. Predictors of the risk of ischemic heart disease in older men living in the Far North. Human Ecology. 2020. No. 2. P. 4 – 11.

12. Rybakov D.S., Belashev B.Z. Weather and climatic conditions, air pollution, ambulance calls and mortality in Petrozavodsk. Human Ecology. 2020. No. 5. P. 21 – 30.

13. Sokolov S.V. The influence of biotropy of intra-day variability of the weight content of oxygen in the atmospheric air, atmospheric pressure and temperature on the frequency of ambulance calls for ischemic heart disease in the North (using the city of Surgut as an example). International Journal of Applied and Fundamental Research. 2019. No. 8. P. 89 – 94.

14. Khasnulin V.I., Gafarov V.V., Voevoda M.I., Artamonova M.V. Mortality rates from diseases of the circulatory system depending on the average annual air temperature and geographical latitude of residence in the Russian Federation. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2015. No. 6. P. 255 – 259.

15. Khasnulin V.I., Voevoda M.I., Artamonova M.V., Khasnulin P.V. Dependence of the frequency of ambulance calls to patients with hypertensive crises, myocardial infarctions, acute cerebrovascular accidents on the combined effect of air temperature, atmospheric pressure and geomagnetic disturbances in Novosibirsk. Modern problems of science and education. 2015. No. 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21289 (date of access: 13.10.2024)

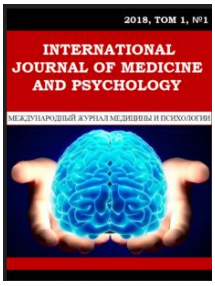
16. Shur P.Z., Kiryanov D.A., Kamaltdinov M.R., Khasanova A.A. On the assessment of the health risk of the population caused by the influence of climatic factors in the Far North. Health risk analysis. 2022. No. 3. P. 53 – 62.

17. Goel H., Shah K., Kumar A., Hippen J.T., Nadar S.K. Temperature, cardiovascular mortality, and the role of hypertension and renin-angiotensin-aldosterone axis in seasonal adversity: a narrative review. Journal of human hypertension. 2022. No. 36 (12). P. 1035 – 1047.

Информация об авторе

Иванова Е.Г., кандидат медицинских наук, доцент, Приволжский исследовательский медицинский университет, Neon1080@mail.ru

© Иванова Е.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)
УДК 615.03

[1] Шугаева К.Я.,
[1] Аскерова Я.Н.,
[1] Яхъяева З.А.,
[1]Магомедова З.Ш.,
[1] Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Хроническая ишемия мозга: современный взгляд на проблему

Аннотация: в статье рассматриваются основные патогенетические механизмы дисциркуляторной энцефалопатии, приведена современная классификация, а также основные группы факторов риска , способных привести к развитию патологических изменений в структуре мозговой ткани. Проведен анализ научной литературы, а также обзор статей, посвящённых изучению хронической ишемии мозга. Проведен отбор наиболее современных источников литературы, обладающих достаточной доказательной базой. Приведены основные звенья фармакотерапии и комплексного лечения ДЭ, предусматривающих подбор эффективных лекарственных препаратов, обладающих наибольшим лечебным воздействием. Проведен сравнительный анализ полученных данных с информацией, имеющейся на просторах научных библиотек, размещённых на различных платформах. Даны рекомендации по профилактике дисциркуляторной энцефалопатии.

Ключевые слова: ишемия, патогенез, факторы риска, атеросклероз, актовегин, дисциркуляторная энцефалопатия

Для цитирования: Шугаева К.Я., Аскерова Я.Н., Яхъяева З.А., Магомедова З.Ш. Хроническая ишемия мозга: современный взгляд на проблему // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 38 – 43.

Поступила в редакцию: 30 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 29 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Shugaeva K.Ya.,
[1] Askerova Ya.N.,
[1] Yakhyaeva Z.A.,
[1]Magomedova Z.Sh.,
[1] Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Chronic ishemia of the head: a modern study of the problem

Abstract: the article deals with the main pathogenetic mechanisms of dyscirculatory encephalopathy, modern classification, as well as the main groups of risk factors that can lead to the development of pathological changes in the structure of brain tissue. The scientific literature has been analyzed, as well as a review of articles devoted to the study of chronic cerebral ischemia. The most up-to-date literature sources with sufficient evidence base were selected. The main links of pharmacotherapy and complex treatment of DE, providing for the selection of effective drugs with the greatest therapeutic effect, are presented. A comparative analysis of the obtained data with the information available in scientific libraries on various platforms is carried out. Recommendations on the prevention of dyscirculatory encephalopathy are given.

Keywords: ischemia, pathogenesis, risk factors, atherosclerosis, actovegin, dyscirculatory encephalopathy

For citation: Shugaeva K.Ya., Askerova Ya.N., Yakhyaeva Z.A., Magomedova Z.Sh. Chronic ishemia of the head: a modern study of the problem. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 38 – 43.

The article was submitted: November 30, 2024; Approved after reviewing: January 29, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Л. Верткин отмечает: «По данным статистики, имеющимся в настоящее время число больных, страдающих цереброваскулярными заболеваниями, в том числе хронической ишемией мозга в нашей стране составляет более 700 на 100000 населения. Распространенность ХИМ среди больных с артериальной гипертензией превышает 70%» [2].

По данным ВОЗ «Хроническая ишемия мозга представляет собой постепенное нарушение функциональной активности мозга, в основе которого лежат диффузные или локально ограниченные повреждения мозговой ткани, вызванные недостаточным кровоснабжением, существующим на протяжении длительного времени. Кроме того, в понятие хроническая ишемия мозга включаются такие термины, как «дисциркуляторная энцефалопатия», «цереброваскулярная недостаточность», «атеросклеротическая энцефалопатия». В медицинской практике на сегодняшний день наибольшую распространенность обрел термин «дисциркуляторная энцефалопатия» [2].

Актуальность: В настоящее время число больных цереброваскулярными заболеваниями, в том числе дисциркуляторной энцефалопатией, значительно возрастает, что делает сосудистые заболевания одной из основных социальных и медицинских проблем современности. По данным ряда авторов известно, что цереброваскулярные заболевания являются одной из важнейших этиологических факторов микро и макроангиопатий, что влечёт за собой нарушения гемодинамических показателей организма, а также состояния обмена веществ. Следует изучить процессы, приводящие к развитию патологических процессов в церебральной ткани, а также дать комплексную оценку фармако- и этиотропной терапии в лечении хронической ишемии мозга.

Материалы и методы исследований

Проведен литературный обзор таких баз данных, как **Pubmed, Elibrary.ru, ciberleninka.ru** за последние 10 лет. Для данной работы мы провели анализ большого количества научных статей, имеющих наиболее прочную доказательную и экспериментальную базу по современным вопросам, касающимся распространенности, этиологии, патогенеза, а также диагностики хронической ишемии мозга.

Цель работы: анализ и обобщение русскоязычных и зарубежных публикаций, содержащих сведения о механизмах и причинах развития, а также факторах риска и диагностике хронической ишемии мозга.

Результаты и обсуждения

Классификация и факторы риска ХИГМ:

Отечественная клиническая классификация ЦВЗ учитывает специфику проявлений, характер патологических изменений мозгового кровотока , а также патогенетические варианты развития нарушений кровообращения в мозговой ткани. Учитывая эту классификацию, выделяют 2 группы заболеваний: острые и хронические. Эта классификация условна, т.к. известно, что в подавляющем большинстве случаев инсульту предшествует хроническая ишемия мозга.

1. **Острые нарушения мозгового кровообращения** (ОНМК) включают:

А. Транзиторную ишемическую атаку (ТИА).

Б. Инсульты, различные по механизму развития (ишемический инфаркт и гемморагический инсульт)

В. Острую гипертоническую энцефалопатию (или острые гипертензионные цереброваскулярные заболевания).

Г. Тромбоз синусов головного мозга.

2. **Хроническая ишемия головного мозга**:

А. Начальные проявления недостаточности кровообращения.

Б. Дисциркуляторная энцефалопатия I, II, III стадии.

В. Сосудистая деменция, сосудистый синдром Паркинсона, сосудистая (поздняя) эпилепсия.[1]

Факторы риска хронической ишемии подразделяются на 2 вида: корригируемые и некорригируемые.

К **некорригируемым** относят:

- Старческий возраст
- Половую принадлежность (мужской пол)
- Генетическую предрасположенность

К **корригируемым**, в свою очередь, можно отнести:

- Артериальную гипертонию
- Нарушение углеводного обмена
- Аритмии
- Малоподвижный образ жизни
- Несбалансированное питание

- Употребление алкогольных напитков в больших количетвах
- Ожирение

Патогенетические механизмы ХИМ

Патогенетические механизмы развития хронической ишемии мозга имеют определённые особенности. В первую очередь, ряд исследователей связывают это с длительной гипоксией церебральной ткани и с дегенеративными процессами , возникающими вследствие недостаточного количества поступающего кислорода. В настоящее время существует четыре группы факторов, способных привести к развитию дисциркуляторной энцефалопатии:

- поражение вне- и внутричерепных артерий;
- патологические изменения кровотока в системе сердца и головного мозга;
- нарушения физико-химических и реологических свойств крови;
- изменение обмена веществ, ведущее к нарушению трофики,перфузии тканей и нейрогенного транспорта.

В зависимости от механизмов развития выделяют следующие разновидности ДЭ [1]:

- гипертоническую энцефалопатию;
- атеросклеротическую энцефалопатию;
- смешанные формы;
- мультиинфарктное состояние;
- субкортикальную артериосклеротическую энцефалопатию.

Изменение давления в микроциркуляторном русле занимает ведущее место среди этиолонических факторов влияющих на развитие ишемических явлений в мозговой ткани. У пациентов, страдающих гипертонической болезнью, происходят функциональные перестройки гемодинамических параметров вследствие адаптационных процессов , происходящих в сосудах сопротивления в ответ на повышение артериального давления в системе. Патологические процессы начинаются со стриктуры сосудов мелкого калибра, что ведет к уменьшению просвета сосудов и к увеличению толщины медии. Впоследствии это ведет к снижению эффективности сосудистого кровотока, а также повышению сопротивления в кровеносном русле. В результате анализа ряда исследований было выявлено, что у пациентов, страдающих гипертонической болезнью анатомо-функциональным изменениям подвергаются не только артерии и артериолы, но и сосуды венозной системы головного мозга. Также были найдены данные, свидетельствующие о зависимости объёма желудочков мозга от скорости кровотока в венозном русле (чем выше скорость , тем меньше объем желудочков).

Для более точной диагностики и выяснения взаимосвязей между состоянием тканей головного мозга и жидкостной системой в клинической практике широко используют ультразвуковое и компьютерное исследование.

Среди множества факторов, влияющих на развитие и прогрессирование дисциркуляторной энцефалопатии, большое значение имеет атеросклероз сосудов внутричерепного пространства. Исследования показывают, что существует тесная взаимосвязь между активностью иммунных реакций организма на чужеродные антигены патологически измененных сосудов и показателями липидного обмена (ЛПНП, ЛПОНП, ЛПВП). Присутствие аутоантигенов в церебральных сосудах, подверженных процессу атеросклероза, представляет собой определенную опасность и является одним из факторов риска развития ЦВЗ. Сравнительный анализ полученных данных выявил способствование наличия атеросклеротических бляшек в стенках магистральных сосудов, перенапряжения эмоционального фона, мерцательной аритмии, гипергликемии и курения неблагоприятному течению патологических процессов в церебральной ткани.

В процессе развития венозной недостаточности в головном мозге происходит нарушение нормальной кровоснабжающей системы, что ведет к микроциркуляторным нарушениям, понижению венозного давления, ухудшению способности крови доставлять кислород и к агрегации кровяных элементов.

С возрастом отмечаются функциональные изменения эндотелия сосудов, что влечёт за собой нарушения реологических свойств крови, замедление скорости кровотока, увеличение риска эмболизации и тромбообразования, что оказывает влияние на развитие ишемических явлений в сосудах головного мозга. Эти факторы ухудшают течение патологических процессов и способствуют возникновению дисциркуляторной энцефалопатии. Анализ данных показал, что появление высокомолекулярных фрагментов ДНК в плазме крови является одним из определяющих факторов , способствующих изменению реологических свойств крови и снижению турбулентного кровотока. Однако сами механизмы, ведущие к появлению фрагментов ДНК в составе плазмы крови, ещё не изучены и требуют особого внимания.

Диагностика

В настоящее время не существует клинических критериев , которых придерживаются врачи со всего мира. По-видимому , это и является одной из

ключевых причин гипердиагностики ХИМ. Но общеизвестным остаётся то , что основу клинических проявлений при дисциркуляторной энцефалопатии составляют когнитивные нарушения. По этой причине для диагностики данного заболевания можно применять диагностические критерии сосудистых когнитивных нарушений. На сегодняшний день одним из методов диагностики когнитивных нарушений является скрининговый тест, основу которого составляет Монреальская когнитивная шкала. Однако недостатком этого метода является длительность его проведения (10-15 минут) , что затрудняет его применение в ежедневной амбулаторной практике. В качестве альтернативы в клинической практике используют методику "Мини-Ког". Однако эффективность применения данного теста на ранних этапах развития ЦВЗ значительно ниже. Для постановки точного диагноза следует применять МРТ головного мозга. В противном случае, достоверность диагноза ставится под сомнение.

В клинической науке основными направлениями терапии хронической ишемии мозга являются повышение скорости кровотока в церебральной ткани, обеспечение оптимального уровня перфузии кислорода, создание условий для поддержания нормального уровня АД, регулирование реологических и коагуляционных свойств крови, устранение нарушений микроциркуляции, предотвращение воспалительных реакций и связанных с ними осложнений [13]. Кроме того, важное значение имеет неспецифическая нейропротективная терапия, направленная на воздействие на последующие этапы ишемического процесса.

Фармакотерапия ХИМ

Рассмотрим ближе механизмы действия лекарственных препаратов, используемых в неврологической практике для защиты нервных клеток при ишемии мозга. Одним из таких лекарственных средств, способных корректировать нарушения энергетического обмена и оказывать воздействие на состояние центральной нервной системы посредством механизмов передачи нейротрансмиттеров является актовегин. Актовегин способен воздействовать на транспортировку глюкозы в крови, а также ускорение процессов гликогенолиза и обеспечение участия в метаболизме пролина, лейцина и орнитина. Его способность воздействовать на процессы дифференцировки и развития клеток связывают с его влиянием на ферментные комплексы и пуриновые соединения. «Синаптотропное воздействие препарата проявляется через улучшение нейротрансмиссии, благодаря наличию в его составе аутокоидов, холина, аденозина, таурина и глицина, которые помогают восстановить баланс медиаторов и усиливают действие аденозина. Ферментные комплексы актовегина, такие как гипоксантин и фосфорибозилтрансфераза, способствуют нормальной передаче сигналов в нервных клетках путем образования вторичных метаболических продуктов» [11, 13].

«В наше время лекарства, наподобие цитиколина (цераксон), которые активно применяются для терапии инсульта, вызванного недостаточностью кровообращения, обладают непосредственным стимулирующим эффектом на холинореактивные системы. Эти препараты, действуя как прямые стимуляторы, защищают нейроны мозга от избыточного влияния катехоламинов, а также выполняют роль нейропротектора для нервных клеток. Они способны вызывать метаболотропные реакции с использованием шунта Кеннеди, входя в состав клеточных мембран и обеспечивая их структурные функции» [11].

С учетом многоэтапности процессов после инсульта, важно обратить внимание врачей на терапевтические комбинации, которые могут усилить друг друга в лечении ишемии любого происхождения. Такие сочетания лекарств могут существенно снизить степень повреждения нейронов после инсульта, поскольку работают на всех этапах ишемического процесса. Здесь мы не говорим о полипрагмазии, ведь каждый из упомянутых препаратов нацелен на определенную часть патологического процесса. К сожалению, каждая из этих частей не является «слабым звеном», и прервать этот часто необратимый патологический процесс возможно только с помощью комплексного подхода [8, 9].

Выводы

Цереброваскулярные заболевания занимают особое место в системе сосудистых заболеваний головного мозга. Дисциркуляторная энцефалопатия является комплексным заболеванием, включающим различные патологические изменения церебральных сосудов разного калибра. В каждом из случаев определяются специфические этиологические факторы (ожирение , артериальная гипертензия) . С целью лечения в фармакотерапии используют комбинации препаратов , обладающих нейропротективной и нейротрофической активностью.

Список источников

1. Верткин А.Л. «Хроническая ишемия головного мозга» 2020. ISBN 978-5-04-109601-4. С. 86.
2. Латышева В.Я., Лемешкова Л.А. Современные воззрения на проблему хронической ишемии мозга (обзоры литературы) // Проблемы здоровья и экологии. 2008. № 1 (15). С. 11 – 16. https://doi.org/10.51523/2708-6011.2008-5-1-2
3. Воробьева О.В. Хроническая ишемия головного мозга: от патогенеза к терапии (рекомендации неврологу амбулаторного звена) // РМЖ. Медицинское обозрение. 2018. № 5. С. 26 – 31.
4. Пранч А.С. Патофизиология и нейропротективная терапия ишемического повреждения головного мозга // Актуальные проблемы современной медицины и фармации. 2019. С. 1151.
5. Афанасьев В.В., Силина Е.В. Патофизиологическая основа комплексной нейропротекции при ишемии мозга // Журнал неврологии и психиатрии им С. С. Корсакова. 2009. № 4. С. 64 – 68
6. Шишкова В.Н., Адашева Т.В. Хроническая ишемия головного мозга и головная боль у пациентов в практике терапевта // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2021. № 13 (1). С. 131 – 137
7. Галахова Н.И. Профилактика прогрессирования хронического нарушения церебрального кровообращения у лиц трудоспособного возраста в амбулаторных условиях: дис. … мед. Наук. Санет-Петерьбург, 2013 г.
8. Парфенов В.А. Сосудистые когнитивные нарушения и хроническая ишемия головного мозга (дисциркуляторная энцефалопатия) // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2019. № 11 (Прил. 3). С. 61 – 67.
9. Есин Р.Г., Есин О.Р., Хайруллин И.Х. Дисциркуляторная энцефалопатия и болезнь мелких сосудов// Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2016. № 116 (8). С. 109 – 115. https://doi.org/10.17116/jnevro201611681109-113
10. Захаров В.В., Савушкина И.Ю. Диагностика и лечение когнитивных нарушения при дисициркуляторной энцефалопатии // Русский медицинский журнал. 2011. № 2. С. 108 – 112.
11. Сметнева Н.С., Голобородова И.В., Попкова А.М., Самойлова Н.В., Игонина Н.П., Шатрова Г.В., Паневин Т.С. Терапия когнитивных нарушений при хронической ишемии головного мозга в общеврачебной практике// Русский медицинский журнал. 2018. № 7. С. 15 – 22.

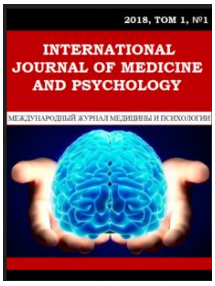
References

1. Vertkin A.L. "Chronic cerebral ischemia" 2020. ISBN 978-5-04-109601-4. P. 86.
2. Latysheva V.Ya., Lemeshkova L.A. Modern views on the problem of chronic cerebral ischemia (literature reviews). Problems of health and ecology. 2008. No. 1 (15). P. 11 – 16. https://doi.org/10.51523/2708-6011.2008-5-1-2
3. Vorobyova O.V. Chronic cerebral ischemia: from pathogenesis to therapy (recommendations for an outpatient neurologist). RMJ. Medical Review. 2018. No. 5. P. 26 – 31.
4. Pranch A.S. Pathophysiology and neuroprotective therapy of ischemic brain injury. Actual problems of modern medicine and pharmacy. 2019. P. 1151.
5. Afanasyev V.V., Silina E.V. Pathophysiological basis of complex neuroprotection in cerebral ischemia. Journal of Neurology and Psychiatry. 2009. No. 4. P. 64 – 68
6. Shishkova V.N., Adasheva T.V. Chronic cerebral ischemia and headache in patients in the practice of a therapist. Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics. 2021. No. 13 (1). P. 131 – 137
7. Galakhova N.I. Prevention of progression of chronic cerebral circulatory disorders in individuals of working age in outpatient settings: diss. … med. Sciences. Sanet-Petersburg, 2013
8. Parfenov V.A. Vascular cognitive impairment and chronic cerebral ischemia (cerebrovascular insufficiency). Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics. 2019. No. 11 (Appendix 3). P. 61 – 67.
9. Esin R.G., Esin O.R., Khairullin I.Kh. Cerebrovascular insufficiency and small vessel disease. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2016. No. 116 (8). P. 109 – 115. https://doi.org/10.17116/jnevro201611681109-113
10. Zakharov V.V., Savushkina I.Yu. Diagnostics and treatment of cognitive impairment in discirculatory encephalopathy. Russian Medical Journal. 2011. No. 2. P. 108 – 112.
11. Smetneva N.S., Goloborodova I.V., Popkova A.M., Samoilova N.V., Igonina N.P., Shatrova G.V., Panevin T.S. Therapy of cognitive impairment in chronic cerebral ischemia in general practice. Russian Medical Journal. 2018. No. 7. P. 15 – 22.

Информация об авторах

Шугаева К.Я., кандидат медицинских наук, старший преподаватель, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, carina.shugaeva@yandex.ru
Аскерова Я.Н., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, e.askerova2021@gmail.com1
Яхъяева З.А., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, zukhra.yakyayeva.00@mail.ru
Магомедова З.Ш., кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

© Шугаева К.Я., Аскерова Я.Н., Яхъяева З.А., Магомедова З.Ш., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (биологические науки)
УДК 616.98:579.835.12.

[1] Магомедов А.М.,
[1] Абдулгалимова Г.Н.,
[1] Гаджимурзаева Н.О.,
[1] Дагестанский государственный медицинский университет

Биологические свойства и факторы патогенности Helicobacter pylori

Аннотация: Helicobacter pylori является причиной наиболее распространенной инфекции среди населения мира. Возбудитель хеликобактериоза представляет собой граммотрицательную бактерию, обладающую уникальными биологическими свойствами, способствующими ее выживанию и колонизации слизистой оболочки желудка человека. Этот микроорганизм имеет способность выживать в кислой среде желудка благодаря выделению уреазы, которая нейтрализует желудочную кислоту. В последние годы опубликовано множество исследований, предоставляющих новые сведения о механизмах, используемых H. pylori для адаптации к крайне кислым условиям среды желудка. Эти механизмы способствуют установлению персистирующей инфекции и нарушению регуляции функций организма хозяина, что, в свою очередь, приводит к заболеваниям ЖКТ и развитию рака. В статье рассматриваются особенности биологических свойств и патогенность H. pylori, включая ее вирулентные факторы.

Ключевые слова: спиралевидная бактерия, патогенность, Helicobacter pylori, гастрит, язвенная болезнь

Для цитирования: Магомедов А.М., Абдулгалимова Г.Н., Гаджимурзаева Н.О. Биологические свойства и факторы патогенности Helicobacter pylori // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 44 – 49.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Magomedov A.M.,
[1] Abdulgalimova G.N.,
[1] Gadzhimurzaeva N.O.,
[1] Dagestan State Medical University

Biological properties and pathogenicity factors of Helicobacter pylori

Abstract: Helicobacter pylori is the cause of the most common infection in the world population. The causative agent of Helicobacteriosis is a gram-negative bacterium with unique biological properties that facilitate its survival and colonisation of the human gastric mucosa. This microorganism has the ability to survive in the acidic environment of the stomach due to the production of urease, which neutralises gastric acid. In recent years, many studies have been published that provide new insights into the mechanisms used by H. pylori to adapt to the extremely acidic conditions of the gastric environment. These mechanisms contribute to the establishment of persistent infection and the dysregulation of host functions, which in turn leads to GI diseases and cancer development. The article discusses the features of biological properties and pathogenicity of H. pylori, including its virulence factors.

Keywords: spiral bacterium, pathogenicity, Helicobacter pylori, gastritis, peptic ulcer disease

For citation: Magomedov A.M., Abdulgalimova G.N., Gadzhimurzaeva N.O. Biological properties and pathogenicity factors of Helicobacter pylori. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 44 – 49.

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: January 30, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

История открытия Helicobacter pylori началась в XX веке (1979 г.), когда австралийский патолог Р. Уоррен, изучая образцы биоптата желудка пациентов с хроническим гастритом, обнаружил спиралевидную бактерию, заселившую слизистую оболочку. Данное открытие встретило значительное сопротивление в научном сообществе, поскольку существовало общепринятое убеждение о стерильности желудка из-за его высококислой среды. Однако настойчивость Уоррена и последующие исследования, проведенные совместно с Барри Маршаллом, подтвердили не только существование бактерии, но и её причинную связь с язвенной болезнью желудка и 12-перстной кишки [1].

Helicobacter pylori – это грамотрицательная бактерия с характерной спиралевидной формой. Ее размер составляет примерно 2,2-5,0 мкм в длину и 0,5-1 мкм в диаметре. Благодаря высокой подвижности, обеспечиваемой 2-6 жгутиками (на одном из полюсов), она способна проникать в слизистый слой желудочно-кишечного тракта. H. pylori колонизирует глубокие желудочные ямки, где встречается большое количество эпителиальных клеток. Таким образом, бактерия защищается от агрессивной среды желудка, находясь под слоем слизи, который нейтрализует желудочный сок [2]. Патогенность этого микроорганизма связана с выделением различных ферментов, таких как уреаза, протеаза и цитотоксины, например, вакуолизирующий цитотоксин (VacA). Действие этих ферментов приводит к повреждению эпителия слизистой оболочки и вызывает воспалительную реакцию в желудочно-кишечном тракте [3]. Уреаза играет одну из ключевых ролей в развитии инфекций, расщепляя мочевину, содержащуюся в желудочном соке, на углекислый газ и аммиак. Аммиак создает щелочную среду вокруг бактерии, что способствует ее размножению. Однако, нейтрализуя соляную кислоту (HCl), аммиак не только создает благоприятные условия для Helicobacter pylori, но и вызывает воспалительную реакцию в организме [4]. Помимо уреазы, другие факторы вирулентности H. pylori, такие, как CagA (цитотоксин-ассоциированный ген А) и VacA, значительно влияют на развитие заболевания. CagA встраивается в клетки хозяина и изменяет их сигнальные пути, способствуя воспалению и потенциально повышая риск развития рака желудка. VacA формирует вакуоли (полости) в клетках желудочной выстилки, повреждая их структуру и функцию [3, 5].

Заражение Helicobacter pylori может протекать без проявлений или сопровождаться различной симптоматикой, интенсивность которой зависит от индивидуальных особенностей организма, вирулентности штамма бактерии и наличия сопутствующих заболеваний. Часто инфекция протекает без клинических проявлений, что объясняет ее высокую распространенность. По данным ВОЗ, около 50% населения мира инфицировано H. pylori. Симптомы могут включать боль в животе, изжогу, тошноту, рвоту, вздутие живота, снижение аппетита и потерю веса [5, 6]. Хеликобактер пилори, вероятно, является самой инфекционной из известных бактерий. Хотя некоторые эксперты рассматривают H. pylori как "комменсальную бактерию", её нельзя считать частью нормальной микрофлоры. Доказано, что у всех пациентов с гастродуоденальной колонизацией H. pylori наблюдается гистологический гастроэнтерит, который может привести к различным заболеваниям желудка, таким как хронический гастрит, дуоденит, пептические язвы (как в желудке, так и в двенадцатиперстной кишке), поражение лимфоидной ткани (MALT), атрофический гастрит и аденокарцинома желудка [7]. Данная бактерия характеризуется аллельным разнообразием и генетической изменчивостью. Это означает, что инфекция может проявляться в форме множества смешанных инфекций, что свидетельствует о том, что один человек может быть носителем нескольких штаммов H. pylori. Особенно высок уровень смешанных инфекций в эпидемических зонах с повышенной заболеваемостью. Риск развития рака желудка значительно повышается у людей, длительно инфицированных высоковирулентными штаммами H. pylori, особенно при наличии генетической предрасположенности.

Материалы и методы исследований

В исследовании были изучены материалы отечественных и зарубежных авторов. Анализ последних исследований позволил выделить основные направления в понимании патогенеза, механизма действия и факторов патогенности H. pylori. Сбор научной информации проводился на основе публикаций в рецензируемых медицинских жур-

налах и базах данных, что позволило создать целостное представление о современном состоянии знаний о Helicobacter pylori.

Результаты и обсуждения

Биологические свойства

Helicobacter pylori – это жгутиковидная микроаэрофильная граммотрицательная бактерия, известная своей способностью колонизировать слизистую оболочку желудочно-кишечного тракта. Исследования показывают, что существуют три морфологических формы: S-образная, C- и U-образные, а также кокковидные формы [8]. В условиях in vivo и при оптимальных условиях культивирования in vitro H. pylori принимает форму S-образной бактерии с 1-3 витками и пучком из 5-7 жгутиков. В результате воздействия неблагоприятных факторов, таких как высокая или низкая температура, изменения pH, нехватка питательных веществ или действие антибиотиков, микроорганизмы могут преобразовываться в кокковидные и находится в дормантном состоянии [9]. Данное изменение формы может быть связано с изменением экспрессии генов, регулирующих синтез цитоскелетных белков, обеспечивающих поддержание спиральной формы. Прикрепление к слизистой желудка представляет собой начальный этап формирования в установлении бактериальной колонизации, при этом белки внешней мембраны (OMP) играют важнейшую роль в связывании с клетками организма человека. У H. pylori известны некоторые молекулы взаимодействия периферических белков, и их влияние на реакции клеток-хозяев постепенно становится понятным. Множество исследований продемонстрировали, что внешние мембранные белки необходимы для транслокации CagA в клетки ЖКТ, осуществляемого через систему секреции IV типа H. pylori [10].

Среди факторов вирулентности H. pylori были выделены секретируемые компоненты, такие как продукты цитотоксин-ассоциированного гена A (CagA), γ-глутаминовая трансфераза, уреаза, ген A, ассоциированный с вакуолизацией (VacA). В частности, CagA проникает в клетки человеческого желудка с помощью системы секреции IV типа (T4SS) H. pylori, что приводит к активации синтеза воспалительных цитокинов в эпителиальных клетках желудка. [2, 10, 11] Последние исследования в области геномики хеликобактера показали, что периферические мембранные белки H. pylori имеют значение не только для адгезии к желудочным клеткам организма, но и для усиления транслокации CagA через T4SS.

На сегодняшний день описано более 30 видов хеликобактеров, колонизирующих различные виды животных, включая человека, причем некоторые из них ранее были ошибочно отнесены к другим родам. Геном H. pylori относительно небольшой (около 1,6 Мб), но содержит гены, кодирующие различные факторы вирулентности, обеспечивающие его способность колонизировать желудок, вызывать воспаление и способствовать развитию язвенной болезни и рака желудка. Выживаемость H. pylori на внутренней оболочке желудочно-кишечного тракта обусловлена рядом элементов, необходимых для колонизации, таких как уреаза, хемотаксис, белки внешней мембраны, подвижность и характерная спиральная форма бактерии [9, 12]. Для H. pylori оптимальный нейтральный pH, в то время как в жидких средах он составляет 8,5 (слабощелочная). Таким образом, кислые условия желудка не способствуют его росту. Уреаза считается защитным фактором H. pylori, облегчая колонизацию желудочной слизистой за счет гидролиза мочевины до NH3 и CO2 [8, 13]. Она также участвует в воспалительных процессах и способствует адгезии, взаимодействуя с рецептором CD74 на клетках желудка. Уреазонегативные мутанты H. pylori, выделенные от пациентов с пептическими язвами, успешно колонизировали желудок монгольских песчанок, вызывая язвы, что в некоторых случаях ставит под сомнение ее роль в колонизации [13].

Значение подвижности как одного из факторов колонизации у H. pylori было впервые показано в исследовании, которое выявило, что у поросят без микробов уровень инфицирования значительно возрастал при заражении подвижным H. pylori по сравнению с неподвижным штаммом. Более того, подвижный штамм оставался в желудках «стерильных» поросят на более продолжительный срок [14]. Аналогичным образом, многие исследования на животных с использованием мутантов с дефицитом подвижности, включая мутант H. pylori motB, мутант putA, мутант fliD и мутантный штамм с хемотаксисом, показали схожие результаты [15].

Воздействие инфекции H. pylori

После заражения H. pyogi обычно развивается хронический геликобактерный гастрит, который имеет преимущественное антральное расположение. Известно, что инфекция H. pylori приводит к уменьшению числа D-клеток, отвечающих за выработку соматостатина, что, в свою очередь, вызывает гипергастринемию и гиперацидность [16, 17]. Данный тип гастрита сопровождается повышенной продукцией кислоты и может ведет к возникновению эрозивного антрального гастрита, а также возможной язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. С прогрессированием

хронического геликобактерного гастрита и распространением воспалительного процесса на тело желудка может возникнуть атрофия слизистой оболочки с понижением кислотопродукции. Затем, даже при отсутствии клинических симптомов, происходит атрофия слизистой желудка, что может приводить к метаплазии и дисплазии, что в конечном итоге нередко перерастает в рак [18, 19].

Кроме гастрита и язв, H. pylori также является причиной ряда других заболеваний. Накоплено множество доказательств, подтверждающих его вклад в развитие MALT-лимфомы. Также существует вероятность участия H. pylori в патогенезе атеросклероза и хронической идиопатической тромбоцитопенической пурпуры [20]. Кроме того, инфекция ассоциирована с различными заболеваниями, включая ишемическую болезнь сердца, мигрень и другие, но это не доказывает ее этиологическую роль в этих патологических состояниях.

Выводы

Helicobacter pylori играет важную роль в возникновении различных патологий в организме человека. Данная бактерия, обитающая в желудке, тесно связана с такими расстройствами, как гастрит и язвенная болезнь. Механизмы влияния H. pylori на желудочную слизистую включают выброс токсинов и стимуляцию иммунного ответа, что подтверждает его патогенную природу. Инфицирование данным патогеном вызывает воспалительные изменения в слизистой оболочке желудка или двенадцатиперстной кишке, что, в свою очередь, также может повысить риск развития рака желудка. Важно продолжать исследования в этой области, чтобы способствовать разработке эффективных стратегий лечения для пациентов, страдающих от инфекций, вызванных Helicobacter pylori.

Список источников

1. Клименко А.А., Трофимова Е.В. Helicobacter pylori: история открытия // Клиницист. 2006. № 3. С. 68 – 71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/helicobacter-pylori-istoriya-otkrytiya

2. Matsuo Y., Kido Y., Yamaoka Y. Helicobacter pylori Outer Membrane Protein-Related Pathogenesis // Toxins. 2017. Vol. 9. № 3. P. 101. doi:10.3390/toxins9030101

3. Пегашева И.Л., Павлович И.М., Гордиенко А.В., Чирский В.С., Ерохина А.А., Сварваль А.В. Влияние факторов патогенности Helicobacter pylori (Cag a и Vac a) на предраковые изменения слизистой оболочки желудка у больных хроническим гастритом // ЭиКГ. 2019. № 5 (165). С. 67 – 71. DOI: 10.31146/1682-8658-ecg-165-5-67-71

4. Бордин Д.С., Шенгелия М.И., Иванова В.А., Войнован И.Н. Helicobacter Pylori, клиническое значение и принципы диагностики // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2022. № 1 (40). С. 119 – 129. DOI: https://dai.org/10.33029/2305-3496-2022-11-1-119-129

5. Маев И.В., Самсонов А.А., Андреев Д.Н. Инфекция Helicobacter pylori. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016. С. 19 – 28.

6. Лазебник Л.Б., Васильев Ю.В., Щербаков П.Л., Хомерики С.Г., Машарова А.А., Бордин Д.С., Касьяненко В.И., Дубцова Е.А. Helicobacter pylori: распространенность, диагностика, лечение // ЭиКГ. 2010. №2. С. 3 – 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/helicobacter-pylori-rasprostranennost-diagnostika-lechenie

7. Трухан Д.И., Филимонов С.Н. Заболевания кишечника: клиника, диагностика и лечение: учебное пособие. М.: Полиграфист, 2017. С. 9 – 21

8. Исаева Г.Ш., Валиева Р.И. Биологические свойства и вирулентность Helicobacter pylori // КМАХ. 2018. №1. С. 14 – 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskie-svoystva-i-virulentnost-helicobacter-pylori

9. Кудрявцева Л.В. Биологические свойства Helicobacter pylori // Альманах клинической медицины. 2006. № 14. С. 39 – 46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskie-svoystva-helicobacter-pylori

10. Couturier M.R., Tasca E., Montecucco C., Stein M. Interaction with CagF is required for translocation of CagA into the host via the Helicobacter pylori type IV secretion system // Infection and Immunity. 2006. Vol. 74. № 1. P. 273 – 281. doi:10.1128/IAI.74.1.273-281.2006

11. Ivie S.E., McClain M.S., Torres V.J., Holly M. Scott Algood, Lacy D.B., Yang R., Blanke S.R., Cover T.L. Helicobacter pylori VacA subdomain required for intracellular toxin activity and assembly of functional oligomeric complexes // Infection and Immunity. 2008. Vol. 76. № 7. P. 2843 – 2851. doi:10.1128/IAI.01664-07

12. Beswick E.J., Pinchuk I.V., Minch K., Suarez G., Sierra J.C., Yamaoka Y., Reyes V.E. The Helicobacter pylori urease B subunit binds to CD74 on gastric epithelial cells and induces NF-kappaB activation and interleukin-8 production // Infection and Immunity. 2006. Vol. 74. № 2. P. 1148 – 1155. doi:10.1128/IAI.74.2.1148-1155.2006

13. Gu H. Role of Flagella in the Pathogenesis of Helicobacter pylori // Curr Microbiol. 2017. Vol. 74. № 7. P. 863 – 869. doi:10.1007/s00284-017-1256-4

14. Eaton K.A., Morgan D.R., Krakowka S. Motility as a factor in the colonisation of gnotobiotic piglets by Helicobacter pylori // J Med Microbiol. 1992. Vol. 37. № 2. P. 123 – 127. doi: 10.1099/00222615-37-2-123

15. Nakajima K., Inatsu S., Mizote T., Nagata Y., Aoyama K., Fukuda Y., Nagata K. Possible involvement of put A gene in Helicobacter pylori colonization in the stomach and motility // Biomed Res. 2008. Vol. 29. № 1. P. 9 – 18. doi: 10.2220/biomedres.29.9

16. Шургина И.С., Гуляев А.Н. Инфекция Helicobacter pylori: современный взгляд на проблему // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2007. № 1. С. 29 – 38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/infektsiya-helicobacter-pylori-sovremennyy-vzglyad-na-problemu-1

17. Queiroz D.M., Mendes E.N., Rocha G.A. Effect of Helicobacter pylori eradication on antral gastrin- and somatostatin-immunoreactive cell density and gastrin and somatostatin concentrations // Scand J Gastroenterol. 1993. Vol. 28. № 10. P. 858 – 864. doi:10.3109/00365529309103125

18. Тойгонбеков А.К., Осомбаев М.Ш., Рамалданов Р.А., Омурбаев Э.Э., Макимбетов Э.К. Рак желудка и Геликобактер пилори // Научное обозрение. Медицинские науки. 2020. № 3. С. 71 – 75. URL: https://science-medicine.ru/ru/article/view?id=1118

19. Войнован И.Н., Эмбутниекс Ю.В., Мареева Д.В., Колбасников С.В., Бордин Д.С. H. pylori как фактор риска рака желудка: доказательная база и стратегия первичной профилактики // Альманах клинической медицины. 2019. № 6. С. 535 – 547. DOI: 10.18785/2072-0505-2019-47-052

20. Nilsson H.O., Pietroiusti A., Gabrielli M., Zocco M.A., Gasbarrini G., Gasbarrini A. Helicobacter pylori and extragastric diseases--other Helicobacters // Helicobacter. 2005. Vol. 10. № 1. P. 54 – 65. doi:10.1111/j.1523-5378.2005.00334.x

References

1. Klimenko A.A., Trofimova E.V. Helicobacter pylori: history of discovery. Klinicist. 2006. No. 3. P. 68 – 71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/helicobacter-pylori-istoriya-otkrytiya

2. Matsuo Y., Kido Y., Yamaoka Y. Helicobacter pylori Outer Membrane Protein-Related Pathogenesis. Toxins. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 101. doi:10.3390/toxins9030101

3. Pegasheva I.L., Pavlovich I.M., Gordienko A.V., Chirsky V.S., Erokhina A.A., Svarval A.V. The influence of Helicobacter pylori pathogenicity factors (Cag a and Vac a) on precancerous changes in the gastric mucosa in patients with chronic gastritis. EiCG. 2019. No. 5 (165). P. 67 – 71. DOI: 10.31146/1682-8658-ecg-165-5-67-71

4. Bordin D.S., Shengelia M.I., Ivanova V.A., Voynovan I.N. Helicobacter Pylori, clinical significance and principles of diagnostics. Infectious diseases: News. Opinions. Training. 2022. No. 1 (40). P. 119 – 129. DOI: https://dai.org/10.33029/2305-3496-2022-11-1-119-129

5. Maev I.V., Samsonov A.A., Andreev D.N. Helicobacter pylori infection. Moscow: GEOTAR-Media, 2016. P. 19 – 28.

6. Lazebnik L.B., Vasiliev Yu.V., Shcherbakov P.L., Khomeriki S.G., Masharova A.A., Bordin D.S., Kasyanenko V.I., Dubtsova E.A. Helicobacter pylori: prevalence, diagnosis, treatment. EiCG. 2010. No. 2. P. 3 – 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/helicobacter-pylori-rasprostranennost-diagnostika-lechenie

7. Trukhan D.I., Filimonov S.N. Intestinal diseases: clinical presentation, diagnostics and treatment: study guide. Moscow: Polygraphist, 2017. P. 9 – 21

8. Isaeva G.Sh., Valieva R.I. Biological properties and virulence of Helicobacter pylori. KMAH. 2018. No. 1. P. 14 – 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskie-svoystva-i-virulentnost-helicobacter-pylori

9. Kudryavtseva L.V. Biological properties of Helicobacter pylori. Almanac of Clinical Medicine. 2006. No. 14. pp. 39 – 46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskie-svoystva-helicobacter-pylori

10. Couturier M.R., Tasca E., Montecucco C., Stein M. Interaction with CagF is required for translocation of CagA into the host via the Helicobacter pylori type IV secretion system. Infection and Immunity. 2006. Vol. 74. No. 1. P. 273 – 281. doi:10.1128/IAI.74.1.273-281.2006

11. Ivie S.E., McClain M.S., Torres V.J., Holly M. Scott Algood, Lacy D.B., Yang R., Blanke S.R., Cover T.L. Helicobacter pylori VacA subdomain required for intracellular toxin activity and assembly of function-al oligomeric complexes. Infection and Immunity. 2008. Vol. 76. No. 7. P. 2843 – 2851. doi:10.1128/IAI.01664-07

12. Beswick E.J., Pinchuk I.V., Minch K., Suarez G., Sierra J.C., Yamaoka Y., Reyes V.E. The Helicobacter pylori urease B subunit binds to CD74 on gastric epithelial cells and induces NF-kappaB activation and interleukin-8 production. Infection and Immunity. 2006. Vol. 74. No. 2. P. 1148 – 1155. doi:10.1128/IAI.74.2.1148-1155.2006

13. Gu H. Role of Flagella in the Pathogenesis of Helicobacter pylori. Curr Microbiol. 2017. Vol. 74. No. 7. P. 863 – 869. doi:10.1007/s00284-017-1256-4

14. Eaton K.A., Morgan D.R., Krakowka S. Motility as a factor in the colonization of gnotobiotic piglets by Helicobacter pylori. J Med Microbiol. 1992. Vol. 37. No. 2. P. 123 – 127. doi: 10.1099/00222615-37-2-123

15. Nakajima K., Inatsu S., Mizote T., Nagata Y., Aoyama K., Fukuda Y., Nagata K. Possible involve-ment of put A gene in Helicobacter pylori colonization in the stomach and motility. Biomed Res. 2008. Vol. 29. No. 1. P. 9 – 18. doi: 10.2220/biomedres.29.9

16. Shurgina I.S., Gulyaev A.N. Helicobacter pylori infection: a modern view of the problem. Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. 2007. No. 1. P. 29 – 38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/infektsiya-helicobacter-pylori-sovremennyy-vzglyad-na-problemu-1

17. Queiroz D.M., Mendes E.N., Rocha G.A. Effect of Helicobacter pylori eradication on antral gastrin- and somatostatin-immunoreactive cell density and gastrin and somatostatin concentrations. Scand J Gastro-enterol. 1993. Vol. 28. No. 10. P. 858 – 864. doi:10.3109/00365529309103125

18. Toigonbekov A.K., Osombaev M.Sh., Ramaldanov R.A., Omurbaev E.E., Makimbetov E.K. Gastric cancer and Helicobacter pylori. Scientific review. Medical Sciences. 2020. No. 3. P. 71 – 75. URL: https://science-medicine.ru/ru/article/view?id=1118

19. Voinovan I.N., Embutnieks Yu.V., Mareeva D.V., Kolbasnikov S.V., Bordin D.S. H. pylori as a risk factor for gastric cancer: evidence base and primary prevention strategy. Almanac of Clinical Medicine. 2019. No. 6. P. 535 – 547. DOI: 10.18785/2072-0505-2019-47-052

20. Nilsson H.O., Pietroiusti A., Gabrielli M., Zocco M.A., Gasbarrini G., Gasbarrini A. Helicobacter pylori and extragastric diseases--other Helicobacters. Helicobacter. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 54 – 65. doi:10.1111/j.1523-5378.2005.00334.x

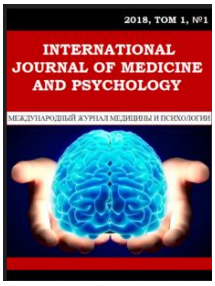
Информация об авторах

Магомедов А.М., доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской биологии, Дагестанский государственный медицинский университет

Абдулгалимова Г.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет

Гаджимурзаева Н.О., Дагестанский государственный медицинский университет

© Магомедов А.М., Абдулгалимова Г.Н., Гаджимурзаева Н.О., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)
УДК 618.3

[1] Кузьмич Д.В.,
[2] Гайдуков С.Н.,
[2] Рухляда Н.Н.,
[1] Городской перинатальный центр № 1, г. Санкт-Петербург,
[2] Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России

Характеристика соматического и акушерско-гинекологического анамнеза беременных женщин с различными видами хирургической коррекции истмико-цервикальной недостаточности

Аннотация: *цель:* анализ и формирование различных групп риска беременных по данным соматического и репродуктивного здоровья беременных женщин с истмико-цервикальной недостаточностью при различных видах хирургической коррекции.

Материалы и методы. Представлены результаты анализа здоровья беременных женщин с укорочением шейки матки, которым проводилась хирургическая коррекция шейки матки двумя различными методиками. В выборку вошли 80 пациенток с истмико-цервикальной недостаточностью при укорочении шейки матки, в том числе с пролабированием плодного пузыря, в сроке гестации 13-26 недель. Из них в основную группу вошло 60 беременных, которым была проведена коррекция одинарным швом, а 20 (контрольная группа) – наложен «двойной» шов. Проведено клинико-лабораторное обследование. Результаты. Изучены исходы беременности у каждой пациентки в двух группах. На основании полученных данных был установлен процент как репродуктивной, так и соматической патологии. Выявлен высокий процент соматической патологии у пациенток с истмико-цервикальной недостаточностью в контрольной группе, особенно заболеваний мочевыделительной системы. По заболеваниям системы гемостаза были получены данные, свидетельствующие о большем количестве случаев состояния железодефицитной анемии у беременных контрольной группы. В анамнезе у беременных выявлены проблемы с репродуктивной функцией, такие как бесплодие, самопроизвольные аборты, воспалительные заболевания женских половых органов. Особенно высокие цифры были получены в контрольной группе. Оценены исходы беременности после проведения выбранной хирургической манипуляции в каждой группе. Заключение. Женщины с истмико-цервикальной недостаточностью чаще относились к категории старшего репродуктивного возраста. Также женщины с большим паритетом родов относились к группе риска по истмико-цервикальной недостаточности. Выяснилось, что с паритетом родов идет прогрессирование сроков развития истмико-цервикальной недостаточности при каждой новой беременности. В случае «новой» беременности срок возникновения истмико-цервикальной недостаточности идет на 2-3 недели раньше предыдущей беременности. Немаловажным фактором является наличие истмико-цервикальной недостаточности при предыдущих беременностях, что уже предполагает группу риска по развитию истмико-цервикальной недостаточности.

Ключевые слова: акушерско-гинекологический анамнез, «двойной» шов, истмико-цервикальная недостаточность, укорочение шейки матки, хирургическая коррекция шейки матки

Для цитирования: Кузьмич Д.В., Гайдуков С.Н., Рухляда Н.Н. Характеристика соматического и акушерско-гинекологического анамнеза беременных женщин с различными видами хирургической коррекции истмико-цервикальной недостаточности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 50 – 56.

Поступила в редакцию: 2 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Kuzmich D.V.,***
[2] ***Gaidukov S.N.,***
[2] ***Rukhlyada N.N.,***
[1] *City Perinatal Center No. 1, St. Petersburg*
[2] *Saint Petersburg State Pediatric Medical University*

Characteristics of somatic and obstetric-gynecological anamnesis of pregnant women with various types of surgical correction of isthmic-cervical insufficiency

Abstract: *the purpose of the study*: to analyze and form various risk groups of pregnant women according to the somatic and reproductive health of pregnant women with isthmic-cervical insufficiency during its surgical correction.

Materials and methods. The results of the analysis of the health of pregnant women with shortening of the cervix, who underwent surgical correction of the cervix by two different methods, are presented. The sample included 80 patients with isthmic-cervical insufficiency with shortening of the cervix, including prolapse of the fetal bladder, at the gestation period of 13-26 weeks. Of these, 60 pregnant women were corrected with a single suture (core group), and 20 had a "double" suture(reference group). A clinical and laboratory examination was carried out. Results. The pregnancy outcomes of each patient in two groups were studied. Based on the data obtained, the percentage of both reproductive and somatic pathology was determined. A high percentage of somatic pathology was revealed in patients with isthmic-cervical insufficiency in the control group, especially diseases of the urinary system. For diseases of the hemostasis system, data were obtained indicating a greater number of cases of iron deficiency anemia in pregnant women of the control group. Pregnant women have a history of problems with reproductive function, such as infertility, spontaneous abortions, inflammatory diseases of the female genital organs. Particularly high numbers were obtained in the control group. The outcomes of pregnancy after the selected surgical manipulation in each group were evaluated. Conclusion. Women with isthmic-cervical insufficiency were more often classified as older reproductive age. Also, women with a high parity of childbirth were at risk according to the isthmic-cervical insufficiency. It turned out that with the parity of childbirth, the timing of the development of isthmic-cervical insufficiency progresses with each new pregnancy. In the case of a "new" pregnancy, the period of occurrence of isthmic-cervical insufficiency is 2-3 weeks earlier than the previous pregnancy. An important factor is the presence of isthmic-cervical insufficiency in previous pregnancies, which already suggests a risk group for the development of isthmic-cervical insufficiency.

Keywords: obstetric and gynecological history, "double" suture, isthmic-cervical insufficiency, shortening of the cervix, surgical correction of the cervix

For citation: Kuzmich D.V., Gaidukov S.N., Rukhlyada N.N. Characteristics of somatic and obstetric-gynecological anamnesis of pregnant women with various types of surgical correction of isthmic-cervical insufficiency. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 50 – 56.

The article was submitted: December 2, 2024; Approved after reviewing: February 1, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Срыв беременности, происходящий на различных сроках, сопровождается возникновением социальных проблем, негативно отражающих семейное благополучие. Параллельно акушерское расстройство вызывает преобразования психики женщины, проявляющиеся в эмоциональных сдвигах. Следует акцентировать внимание на значимости ситуации для детской перинатологии, поскольку наблюдается рост уровня инвалидности и хронических патологических процессов у детей, рожденных при глубокой недоношенности [6].

Фактором, повышающим риск прерывания беременности, выступает истмико-цервикальная недостаточность, характеризуемая укорочением шейки матки до показателей ниже 25 мм и расширением цервикального канала свыше 10 мм при гестационном сроке менее 37 недель [5]. Расстройство, связанное с данным состоянием, занимает центральное место в акушерской и гинекологической практике, что приводит к самопроизвольным выкидышам и преждевременным родам в разные периоды беременности. Этиология явления носит многообразный характер.

Существуют методики коррекции расстройства и сохранения беременности. Примером служит применение микродозированного прогестерона, использование акушерского разгружающего пес-

сария и хирургическая реконструкция шейки матки [1, 11]. Каждый способ описан с подробностями, отражающими особенности коррекции в зависимости от гестационного срока. Техника «классического» одинарного шва шейки матки представлена с детальным изложением [9]. Немецкие исследователи, проанализировав ретроспективные данные, установили, что при пролабировании плодного пузыря хирургическое вмешательство обеспечивает продление беременности до 10 недель, в отличие от 1 недели, наблюдаемой при консервативном лечении [15].

Сведения, зафиксированные специалистами из Японии и Канады, демонстрируют применение динамичной стратегии, обладающей приоритетной характеристикой, опирающейся на эмпирически полученные наблюдения [12, 14].

Научная литература содержит подробное описание методики вагинального серкляжа, осуществляемого посредством процедуры, предусматривающей последовательное наложение шва. В первом этапе выполняется круговое сшивание внутреннего зева шейки матки, после чего, с интервалом в пределах 5–8 мм от исходного шва, производится дополнительное наложение шовного соединения [3].

При обнаружении экстремально малых размеров шейки матки либо при наличии критических состояний, характеризуемых пролабированием плодного пузыря с различной степенью выраженности, применяются мероприятия коррекции истмико-цервикальной недостаточности [8, 10].

В ряде случаев хирургическая коррекция оказывается неэффективной. При этом важен общий фон состояния как репродуктивного, так и соматического здоровья беременной женщины при применении каждого из способов [7, 2]. Совокупность всех признаков влияет на исход лечения, а также на отдаленные последствия после родоразрешения [13], в этой связи целесообразно оценить каждый фактор риска в отдельности.

Цель исследования – анализ и формирование различных групп риска беременных по данным соматического и репродуктивного здоровья беременных женщин с истмико-цервикальной недостаточностью при различных видах хирургической коррекции.

Материалы и методы исследований

Обследовано 80 пациенток с ИЦН при укорочении шейки матки, как с пролабированием плодного пузыря, так и без него.

Критерии включения: срок гестации от 13 до 26 недель, одноплодная беременность.

Критерии исключения из исследования: пациентки с многоплодной беременностью, сроком гестации более 26 недель гестации, краевым и полным предлежанием плаценты, аномалиями развития полового аппарата, установленным АРП во время госпитализации в стационар.

Из них 60 пациенткам была проведена коррекция одинарным швом(основная группа), а 20 пациенткам наложен «двойной» шов (контрольная группа).

Пациентки были госпитализированы в стационар, проведено клинико-лабораторное обследование. Наряду с этим проводился мониторинговое ультразвуковое исследование шейки матки, допплерометрия для оценки жизнеспособности плода.

Анализ репродуктивного здоровья женщин с ИЦН включал учет возраста пациентки на момент текущей беременности, оценку менструальной функции, наличия гинекологических заболеваний, инструментальных вмешательств на органах малого таза, паритет родов, исходы предыдущих беременностей, наличие ИЦН при предыдущих беременностях, вмешательства на шейке матки. При анализе соматического здоровья оценивали наличие и выраженность соматической патологии. Также проводился анализ результатов лечения в обеих группах пациенток: срок хирургической коррекции шейки матки, срок родоразрешения, оценка новорожденных по шкале Апгар и отдаленные последствия по данным педиатрической амбулаторной службы и наблюдения узких специалистов.

Исследование носило поперечный характер и проводилось по установленным нормам добровольного участия с получением письменного согласия участниц после подробного разъяснения целей и условий работы. Экспертная оценка, проведённая комиссией этики ГБОУ ВПО СПбГПМУ Минздрава России, отражена в документе протокола №07/21 от 16 декабря 2021 года.

Обработка статистических данных осуществлялась посредством прикладного пакета Microsoft Excel 2010 и специализированных инструментов портала medstatistic.ru. Результаты подвергались анализу с применением методов вариационной статистики после проверки распределения выборок на соответствие нормальным параметрам. Использовались общепризнанные методики статистической обработки, при этом степень различий по количественным параметрам определялась посредством критерия Манна–Уитни, а по качественным переменным – через критерий χ^2. Дополнительно реализовывался метод множественного регрессионного анализа; статистическая значимость изменений принималась при значении $p \leq 0{,}05$.

Результаты и обсуждения

При оценке полученных данных были выявлены существенные различия между группами.

При анализе соматических заболеваний была выявлена патология мочевыделительной системы, патология желудочно-кишечного тракта, заболевания системы гемостаза, патология ЛОР-органов. ИППП имелись у 24 пациенток (40,0%) основной группы, в контрольной – у 17 (85,0%) пациенток (p≤0,05). При сравнительном исследовании респираторных вирусных инфекций в период беременности наблюдались случаи острого течения у 21 участницы (35,0 %) основной выборки в сравнении с 11 участницами (55,0 %) контрольной группы (p≤0,05). При хронических заболеваниях органов оториноларингологии, включая хронический тонзиллит и ринит, фиксировались показатели 16 (26,6 %) против 10 (50,0 %) пациенток в соответствующих группах (p≤0,05). Анализ патологий желудочно–кишечного тракта продемонстрировал, что нарушения функционирования печени и желчного пузыря регистрировались у 23 участниц (38,3 %) основной выборки в отличие от 6 (30,0 %) представительниц контрольной выборки, в то время как различий по заболеваниям желудка и кишечника статистически значимым уровнем (p>0,05) не выявлено. Отдельная группа эндокринной патологии была рассмотрена с двух позиций (ожирение, наличие гестационного сахарного диабета). Ожирение различной степени имело место у 20 (33,3%) пациентов против 8 (40,0%) (p≤0,05). Диагностированный гестационный сахарный диабет на диетотерапии был зафиксирован у 41 (68,3%) пациентки в основной группе по сравнению с 12 (60,0%) (p≤0,05) в контрольной группе.

При оценке состояния сердечно-сосудистой системы (врожденные пороки развития, наличие хронической артериальной гипертензии, нарушения ритма сердца различного характера), существенных различий между группами не обнаружено (p>0,05). Однако наличие гестационной артериальной гипертензии было несколько выше, чем в контрольной группе.

Обращает на себя внимание достаточно высокий уровень заболеваний мочевыделительной системы (хронический пиелонефрит, хронический цистит, мочекаменная болезнь) и анемии. Так, заболевания мочевыделительной системы отмечены у 21 (35,0%) пациенток основной группы и 18 (90,0%) в контрольной (p≤0,05). Анемия встречалась несколько реже в основной группе в 27 (45,0%) случаев, против 11 (55,0%) в контроле (p≤0,05).

Изучение акушерско-гинекологического анамнеза у обследуемых беременных женщин показало, что на результаты исследования влияли факторы различного рода «травматизаций» шейки матки, паритет родов, возраст женщин. Сравнение параметров начала менструального цикла и первых сексуальных контактов не обнаружило существенных различий (p>0,05). Анализ распределения родительского опыта в контрольной выборке показал, что все участницы имели повторный опыт родов (p≤0,05). Выборочная оценка возрастных характеристик выявила, что средний возраст участниц основной выборки составил 27,9±2,1 года, что ниже показателя 32,2±1,7 года, зафиксированного в контрольной группе (p≤0,05). Повышенная частота наличия в анамнезе бесплодия, зарегистрированная в контрольной группе, способствовала увеличению возраста при наступлении беременности. Индикатор бесплодия составил 21 участницу (35,0 %) в основной выборке против 17 (85,0 %) в группе контроля (p≤0,05). Выявлены статистические различия по такому показателю, как наступление беременности в результате ЭКО. Так, в группе контроля у 12 (60,0%) женщин беременность наступила в результате ЭКО, в то время как в основной группе у 18 (30,0%) (p≤0,05). Также тубэктомия имела место у 7 (58,3%) женщин из контрольной группы, беременность которых наступила в результате ВРТ.

Установлено, что воспалительные заболевания половых органов отмечались в 48 (80,0%) случаев у основной группы и 20 (100,0%) в группе контроля (p≤0,05). Анализ структуры воспалительных заболеваний показал, что в основной группе: эндометрит встречался в 12 (25,0%), вульвовагинит – 8 (16,6%), сальпингоофорит – 3 (6,25%), бартолинит – 1 (2,08%), а в контрольной группе: эндометрит – 13 (65,0%), вульвовагинит – 5 (25,0%), сальпингоофорит – 2 (10,0%), случаев бартолинита не было. При изучении патологии шейки матки, было выявлено, что в основной группе эктопия шейки матки имела место у 49 (80,0%) пациенток, а в контрольной группе – у всех 20 пациенток (100,0%) (p≤0,05). Обращает на себя тот факт, что у пациенток основной группы в 17 (34,6%) и контрольной – 13(65,0%), проводилась диатермокоагуляция в связи с наличием дисплазии шейки матки (p≤0,05).

Привычное невынашивание как дополнительный фактор риска отмечен в основной группе в 21 (35,0%) случай, в контрольной – 20 (100,0%) соответственно (p≤0,05). В ходе исследования было установлено, что в каждой группе в ряде случаев при предыдущей беременности имелась истмико-

цервикальная недостаточность. Так, это осложнение имело место у 52 (86,0%) пациенток основной группы и у 20 (100,0%) (p≤0,05) пациенток контрольной группы. Такое тяжелое осложнение, как пролабирование плодного пузыря на момент хирургического серкляжа в данную беременность имело место у 9 (15,0%) пациенток против 14 (70,0%) соответственно (p≤0,05). Следует отметить, что у трех беременных контрольной группы был наложен, предлагаемый нами, «двойной» шов после неудачной коррекции ИЦН классическим «одинарным» методом, что позволило в дальнейшем пролонгировать беременность.

Оценка анамнеза каждой из пациенток в двух группах, установило тот факт, что у беременных женщин, у которых имело место укорочение шейки матки в предыдущих беременностях, ИЦН диагностировалась на 2-3 недели раньше, чем в предыдущей беременности. Наличие данного феномена повлекло повторное обращение указанных пациенток в стационар с целью проведения операции по установлению дополнительного шовного соединения в зоне шейки матки по методике двойного наложения шва.

В контрольной группе было 9 беременных женщин, у которых в настоящую беременность проводилась хирургическая коррекция шейки матки одинарным швом. При этом возник ряд осложнений, таких как несостоятельность шва и пролабирование плодного пузыря за границы шва. Наличие данного феномена повлекло повторное обращение указанных пациенток в стационар с целью проведения операции по установлению дополнительного шовного соединения в зоне шейки матки по методике двойного наложения шва.

Среди известных факторов, обусловливающих развитие ИЦН, фигурируют механические повреждения шейки матки, возникающие вследствие абортов с выполнением процедуры выскабливания маточной полости. В основной группе зафиксирован подобный случай у 37 участниц (61,6 %), в сравнении с 16 участницами (80 %) контрольной выборки (p≤0,05).

Изучение исходов каждой беременности у обеих групп показало, что в основной группе – у 52 (86,7%) женщин и в контрольной группе у 17 (85,0%) (p≤0,05) женщин беременность закончилась срочными родами при сроке беременности 37-41 недель. Все новорожденные родились в удовлетворительном состоянии с оценкой по Апгар 8/9 баллов и своевременно выписаны из родильного дома. Преждевременными родами закончилась беременность у 7 (11,6%) и 2 (10,0%) (p>0,05) пациенток соответственно. Из всех новорожденных с диагнозом «Преждевременные роды» в основной группе 5 (71,4%) и 1 (50,0%) соответственно были выписаны в установленные сроки без какой-либо патологии (p≤0,05). В контрольной группе один (50,0%) новорожденный наблюдался впоследствии у врача-невролога, был выставлен диагноз ДЦП, а в основной группе у одного (14,28%) новорожденного впоследствии была выявлена патология органов зрения, в дальнейшем – инвалидность по зрению. У одного новорожденного из основной выборки (14,28 %) в период беременности выявлялись признаки синдрома задержки роста плода, что закончилось летальным исходом на третьи сутки после родов вследствие неонатального сепсиса. Гистологическое исследование продемонстрировало наличие морфологических изменений, характерных для ВУИ. Прерывание беременности на ранних сроках зафиксировали у 3 пациенток (5,0 %) основной выборки и у 1 представительницы (5,0 %) контрольной группы (p≤0,05).

Выводы по исходу беременности наглядно показывают четкую особенность полученных данных, нацеливают лечащего врача на более пристальную оценку соматических и акушерско-гинекологических данных анамнеза каждой конкретной пациентки. Подчеркивается требовательность к дальнейшему анализу подходов, направленных на снижение вероятности самопроизвольного прекращения беременности и сопутствующих осложнений у женщин с укороченной шейкой матки.

Выводы

Данное исследование показало, что женщины с ИЦН чаще относились к категории старшего репродуктивного возраста. Также женщины с большим паритетом родов относились к группе риска по ИЦН. Выяснилось, что с паритетом родов, укорочение шейки матки и развитие ИЦН с каждой новой беременностью происходит на более ранних сроках, нежели в предыдущую беременность. В случае «новой» беременности срок возникновения ИЦН идет на 2-3 недели раньше предыдущей беременности.

Наличие ИЦН при предыдущих беременностях ассоциировано с риском её развития при настоящей беременности. В работе представлены данные о возможности использования предлагаемой методики наложения двойного шва на шейку матки с положительными результатами при неэффективности предыдущей хирургической коррекции.

В анамнезе беременных участниц контрольной выборки регистрировались нарушения репродуктивной функции, выражавшиеся в виде бесплодия, повторных самопроизвольных абортов и воспалительных заболеваний женских половых органов. У женщин с диагностированной ИЦН наблюдалось

усиленное травматическое воздействие на шейку матки, связанное с проведением процедуры выскабливания маточной полости, сопровождаемое расширением цервикального канала в процессе прерывания беременности, наряду с прочими вмешательствами в данную область. Зафиксирована высокая распространенность соматических патологий в данной группе, особенно заболеваний органов мочевыделительной системы.

Список источников

1. Айламазян Э.К. Акушерство: учебник. Москва.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. 768 с.
2. Апресян С.В. Беременность и роды при экстрагенитальных заболеваниях. Москва.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 464 с.
3. Гайдуков С.Н., Рухляда Н.Н., Ильин А.Б., Либова Т.А., Кузьмич Д.В., Куканова Е.Л. Способ коррекции Истмико-цервикальной недостаточности при пролабировании плодного пузыря на 13-22 недели беременности. Патент Российской Федерации № 2783974, 2022 г.
4. Гублер Е.В. Вычислительные методы анализа и распознавания патологических процессов. Ленинград.: Медицина, 1978. 294 с.
5. Письмо Минздрава России от 28 декабря 2018 г. № 15-4/10/2-7991 Клинические рекомендации «Истмико-цервикальная недостаточность». [Электронный ресурс]. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minzdrava-Rossii-ot-28.12.2018-N-15-4_10_2-7991/
6. Кузьмич Д.В., Ильин А.Б., Гайдуков С.Н. Гайд О.С., Куканова Е.Л. Результаты коррекции ИЦН у берем. енных женщин в условиях специализированного отделения // Материалы XXXV Международного конгресса с курсом эндоскопии «Новые технологии в диагностике и лечении гинекологических заболеваний». Москва, 7-10 июня 2022 года. Москва.: МЕДИ Экспо, 2022. С. 57 – 58.
7. Логутова Л.С. Экстрагенитальная патология и беременность. Москва.: Литтера, 2012. 544 с.
8. Мамедалиева Н.М., Ким В.Д., Мустафазаде А.Т. Истмико-цервикальная недостаточность: современные аспекты диагностики и тактики ведения // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2018. С. 9 – 14.
9. Письмо Минздрава России от 17 декабря 2013 г. № 15-4/10/2-9480 Клинические рекомендации (протокол лечения) «Преждевременные роды». [Электронный ресурс]. URL: https://ppt.ru/docs/pismo/minzdrav/n-15-4-10-2-9480-213290/
10. Савельева Г.М., Сухих Г.Т., Серова В.Н., Радзинский В.Е. Акушерство: национальное руководство [Obstetrics: National guidelines]. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 1088 с.
11. ACOG Practice Bulletin No.142. Cerclage for the management of cervical insufficiency // Obstetrics Gynecology. 2014. Vol. 123. № 2. P. 372 – 379.
12. Aoki S., Ohnuma E., Kurasawa K. Emergency cerclage versus expectant management for prolapsed fetal membranes: a retrospective, comparative study // J. Obstetrics Gynecology. Res. 2014. Vol. 40. № 2. P. 381 – 386.
13. Berghella V., Ludmir J., Simonazzi G. Transvaginal cervical cerclage: evidence for perioperative management strategies // Am. J. Obstetrics Gynecology 2013. Vol. 209. № 3. P. 181 – 192.
14. Brown R., Gagnon R., Delisle M. Maternal Fetal Medicine Committee; Society of Obstetricians and Gynaecologists of Canada. Cervical insuffi ciency and cervical cerclage // J. Obstetrics Gynecology Can. 2013. Vol. 35. № 12. P. 1115 – 1127.
15. Schubert R., Schleussner E., Hoffmann J. Prevention of preterm birth by Shirodkar cerclage clinical results of a retrospective analysis // Z. Geburtshilfe Neonatol. 2014. Vol. 218. № 4. P. 165 – 170.

References

1. Ailamazyan E.K. Obstetrics: textbook. Moscow.: GEOTAR-Media, 2019. 768 p.
2. Apresyan S.V. Pregnancy and childbirth with extragenital diseases. Moscow.: GEOTAR-Media, 2009. 464 p.
3. Gaidukov S.N., Rukhlyada N.N., Ilyin A.B., Libova T.A., Kuzmich D.V., Kukanova E.L. Method for correcting isthmic-cervical insufficiency in case of prolapse of the fetal bladder at 13-22 weeks of pregnancy. Patent of the Russian Federation No. 2783974, 2022
4. Gubler E.V. Computational methods for analysis and recognition of pathological processes. Leningrad: Medicine, 1978. 294 p.
5. Letter of the Ministry of Health of Russia dated December 28, 2018 No. 15-4/10/2-7991 Clinical recommendations "Isthmic-cervical insufficiency". [Electronic resource]. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minzdrava-Rossii-ot-28.12.2018-N-15-4_10_2-7991/

6. Kuzmich D.V., Ilyin A.B., Gaidukov S.N. Gaid O.S., Kukanova E.L. Results of correction of isthmic-cervical insufficiency in pregnant women in a specialized department. Proceedings of the XXXV International Congress with a course of endoscopy "New technologies in diagnostics and treatment of gynecological diseases". Moscow, June 7-10, 2022. Moscow: MEDI Expo, 2022. P. 57 – 58.

7. Logutova L.S. Extragenital pathology and pregnancy. Moscow: Littera, 2012. 544 p.

8. Mamedalieva N.M., Kim V.D., Mustafazade A.T. Isthmic-cervical insufficiency: modern aspects of diagnostics and management tactics. Bulletin of the Kazakh National Medical University. 2018. Pp. 9 – 14.

9. Letter of the Ministry of Health of Russia dated December 17, 2013 No. 15-4/10/2-9480 Clinical guidelines (treatment protocol) "Preterm birth". [Electronic resource]. URL: https://ppt.ru/docs/pismo/minzdrav/n-15-4-10-2-9480-213290/

10. Savelyeva G.M., Sukhikh G.T., Serova V.N., Radzinsky V.E. Obstetrics: National guidelines. Moscow: GEOTAR-Media, 2015. 1088 p.

11. ACOG Practice Bulletin No.142. Cerclage for the management of cervical insufficiency. Obstetrics Gynecology. 2014. Vol. 123. No. 2. P. 372 – 379.

12. Aoki S., Ohnuma E., Kurasawa K. Emergency cerclage versus expectant management for prolapsed fetal membranes: a retrospective, comparative study. J. Obstetrics Gynecology. Res. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 381 – 386.

13. Berghella V., Ludmir J., Simonazzi G. Transvaginal cervical cerclage: evidence for perioperative management strategies. Am. J. Obstetrics Gynecology 2013. Vol. 209. No. 3. P. 181 – 192.

14. Brown R., Gagnon R., Delisle M. Maternal Fetal Medicine Committee; Society of Obstetricians and Gynecologists of Canada. Cervical insuffi ciency and cervical cerclage. J. Obstetrics Gynecology Can. 2013. Vol. 35. No. 12. P. 1115 – 1127.

15. Schubert R., Schleussner E., Hoffmann J. Prevention of preterm birth by Shirodkar cerclage clinical results of a retrospective analysis. Z. Geburtshilfe Neonatol. 2014. Vol. 218. No. 4. P. 165 – 170.

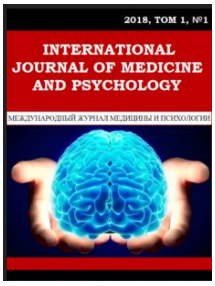
Информация об авторах

Кузьмич Д.В., Городской перинатальный центр № 1, г. Санкт-Петербург, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-3558-9016, darya.kuzmich.94@mail.ru

Гайдуков С.Н., доктор медицинских наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1013-8110, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, gaiducovsn@yandex.ru

Рухляда Н.Н., доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9722-1827, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, nickolasr@mail.ru, 8-812-295-17-42

© Кузьмич Д.В., Гайдуков С.Н., Рухляда Н.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)
УДК 616.5002.33; 615.263.5

[1] Насрулаева Х.Н.,
[1] Магомедова З.Ш.,
[1] Алхазова Р.Т.,
[1] Магомедова Р.Г.,
[1] Табуева А.В.,
[1] Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Этиопатогенетические основы лечения обыкновенных угрей

Аннотация: обыкновенная угревая сыпь является одним из наиболее распространенных кожных заболеваний и охватывает почти все население. Механизм возникновения кожных изменений при этом заболевании имеет сложный характер. Анатомической локализацией болезненного процесса являются сальные железы и устья волосяных фолликул. В период полового созревания сальные железы под влиянием андрогенных гормонов, начинают вырабатывать кожное сало в большом количестве, которое попадает на поверхность кожи, раздражает протоки сальных желез и стимулирует их избыточное ороговение. Это приводит к закупорке волосяного мешочка и раздуванию прилегающей сальной железы. В следствии этого возникают невоспалительные, застойные явления в виде открытых и закрытых камедонов. В закупоренных таким образом сальных железах, наполненных кожным салом и лишенных доступа кислорода, образуются благоприятные условия для развития сапрофитных бактерий из группы Propionibacterium acnes. Эти бактерии имеют способность разлагать сложные липиды с образованием сильно раздражающих жирных кислот, активируют комплемент, и, таким образом, являются сильным хемотоксическим фактором для нейтрофильных гранулоцитов и вызывают воспалительный процесс. В случае разрыва стенки закупоренной сальной железы вследствие избыточного скопления кожного сала или косметического вмешательства в области комедона, происходит излияние содержимого маленькой кисты в собственно кожу, а это влечет за собой скопление нейтрофильных гранулоцитов.

Ключевые слова: этиология, угревая сыпь, акне, Бензакне гель, патогенез акне, лосьон Зинерит

Для цитирования: Насрулаева Х.Н., Магомедова З.Ш., Алхазова Р.Т., Магомедова Р.Г., Табуева А.В. Этиопатогенетические основы лечения обыкновенных угрей // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 57 – 62.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Nasrulaeva Kh.N.,
[1] Magomedova Z.Sh.,
[1] Alkhazova R.T.,
[1] Magomedova R.G.,
[1] Tabueva A.V.,
[1] Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Etiopathogenetic principles of treatment of acne vulgaris

Abstract: common acne is one of the most common skin diseases and affects almost the entire population. The mechanism of skin changes in this disease is complex. The anatomical localization of the painful process is the sebaceous glands and the mouths of the hair follicles. During puberty, the sebaceous glands, under the influence of

androgenic hormones, begin to produce sebum in large quantities, which gets on the surface of the skin, irritates the ducts of the sebaceous glands and stimulates their excessive keratinization. This leads to a blockage of the hair sac and swelling of the adjacent sebaceous gland. As a result, non-inflammatory, stagnant phenomena occur in the form of open and closed gums. In the sebaceous glands clogged in this way, filled with sebum and deprived of oxygen, favorable conditions are formed for the development of saprophytic bacteria from the Propionibacterium acnes group. These bacteria have the ability to decompose complex lipids to form highly irritating fatty acids, activate complement, and thus are a strong chemotoxic factor for neutrophil granulocytes and cause an inflammatory process. In the case of rupture of the wall of a blocked sebaceous gland due to excessive accumulation of sebum or cosmetic intervention in the area of the comedone, the contents of a small cyst flow into the skin itself, and this leads to an accumulation of neutrophil granulocytes.

Keywords: etiology, acne, acne, Benzacne gel, acne pathogenesis, Zinerite lotion

For citation: Nasrulaeva Kh.N., Magomedova Z.Sh., Alkhazova R.T., Magomedova R.G., Tabueva A.V. Etiopathogenetic principles of treatment of acne vulgaris. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 57 – 62.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

исследование проводилось на базе Республиканского кожно-венерологического диспансера г. Махачкала, а также на кафедре фармакологии ФГБОУ ВО Дагестанского государственного медицинского университета. Целью исследования явился анализ эффективности лечения легких и среднетяжелых форм акне различными противомикробными препаратами.

В исследовании приняли участие 123 больных в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст 22 лет), из них женщин – 80 и 43 мужчин. Длительность заболевания от 6 месяцев до 15 лет. а также 18 врачей –дерматологов, которые были опрошены посредством заполнения анкет. Критериями отбора включали наличие опыта работы с пациентами, страдающими акне. Анализ данных осуществлялся с использованием статистических методов для оценки распределения ответов и выявления потенциальных закономерностей [1]. Лабораторные исследования пациентов, включая определение уровня свободного тестостерона, лютеинизирующего гормона, фолликулостимулирующего гормона, а также определение толерантности к глюкозе. Рекомендуется консультация профильных специалистов, таких как эндокринолог и гинеколог – эндокринолог.

Материалы и методы исследований

Контент-анализ, логический, сравнения, документальный анализ, статистические данные о заболеваемости

Результаты и обсуждения

Клиническая картина этого процесса выражается возникновением воспалительных папул и пустул. Острота и течение заболевания зависят в большей степени от сенсибилизации организма по отношению к этиопатогенетическим факторам. Основная классификация степени акне отражена в табл. 1.

Таблица 1

Степени тяжести акне.

Table 1

Acne severity levels.

Степени тяжести акне	Основные характеристики
Легкая степень (I степень акне)	Наличие до 10 папул, открытых и закрытых комедонов
Средняя (II степень акне)	Комедоны, папулы (множество), пустулы (от 10 до 25)
Среднетяжелая степень (III степень акне)	Комедоны, папулы (сыпь),пустулы (от 25до 31 узлов), кожа воспалена, имеются рубцы
Тяжелая степень (IV степень акне)	Выраженное воспалительное поражение, более 50 комедонов, синюшно – розовый оттенок, на коже имеются нарывы и рубцы

В тяжелых случаях возникают большие кисты, инфильтраты и свищи, образующие особую форму угрей – флегмонозное акне (Acne phlegmonosa). Причины всех угрей одинаковы, а острота и течение болезни зависят от преобладания одного из патогенных факторов: себореи, предрасположенности к фолликулярному ороговению, количества бактерий P.acnes и усиления воспалительных реакций . Федеральные клинические рекомендации по лечению акне представлены в табл. 2.

Таблица 2

Федеральные клинические рекомендации по лечению акне.

Table 2

Federal clinical guidelines for the treatment of acne.

Степень акне	Клинические рекомендации		
	Высокая степень рекомендации	Средняя степень рекомендаций	Низкая степень рекомендаций
Комедональное акне	Нет	Акнекутан или другой топический ретиноид	Азелаиновая кислота 20% крем, бензоила пероксид
Акне легкой и средней степеней тяжести	Клиндамицин + бензоила пероксид	Клиндамицин + адапален	Эритромицин +акнекутан, цинк перорально, лечение голубым светом
Тяжелое папулопустолезное/ среднетяжелое узловатое акне	Изотретиноин	Системный антибиотик + азелаионовая кислота	Изотретиноин
Тяжелое узловатое конгловатное акне	Изотретиноин	Системный антибиотик +акнекутан + азелаионовая кислота	Системный антибиотик +акнекутан
Альтернативное лечение для женщин		Гормональная терапия + антибиотик	Гормональная терапия + акнекутан

Способы терапии зависят от вида и остроты заболевания и должны соответствовать факторам, вызывающим заболевание. Лечение акне весьма сложное, поскольку это зависит не только от уровня андрогенных гормонов, но также от чувствительности к ним сальных желез [2]. Иногда, даже при нормальном уровне андрогенов, в результате повышенной чувствительности рецепторов сальных желез, количество кожного сала увеличено в значительной степени. По понятным причинам, гормональное лечение можно применять только у девушек; хорошие результаты дает применение противозачаточных таблеток, являющиеся смесью антиандрогена и эстрадиола. В зависимости от степени тяжести заболевания лечение акне включает системную и наружную терапию. При заболевании легкой степени тяжести назначают наружную терапию, при заболевании средней степени тяжести – наружную терапию, а в случае необходимости подключают и системные препараты. При тяжелой степени назначают сочетание наружной терапии с системными препаратами.

Единственным препаратом с установленной негормональной активностью, который вызывает инволюцию сальных желез, является производное (дериват) кислоты витамина А. Препарат был назначен 16 (13%) больным из общей группы. Суточная доза препарата составляет 1мг на 1 кг веса, а курс лечения длится 4 месяца.

Лицам с легкой формой обыкновенных угрей с преимуществом застойных элементов для получения положительных эффектов достаточно применения препаратов, уменьшающих чрезмерное ороговение устьев волосяных мешочков [3]. Кератолитическими свойствами обладают препараты, содержащие салициловую кислоту в концентрации от 2% до 8%.

Значительное уменьшение количества открытых и закрытых комедонов можно также получить при наружном применении кислоты витамина А (третиноин), который замедляет десквамативный процесс и уменьшает образование микрокомедонов и комедонов [4]. В результате наших исследований мы получили исчезновение 70% невоспалительных элементов у 13 отобранных больных (12,8%) после 12-недельного курса лечения 0,025% кремом с третиноином. При непереносимости третиноина у 4 больных использовали азелаиновую кислоту, которую наносили на проблемные участки в виде 20% крема. Для достижения стабильной ремиссии третиноин и азелаиновую кислоту применяли в течении нескольких месяцев беспрерывно. Основное значение в ходе лечения всех видов угрей имеет снижение количества анаэробных бактерий P.acnes. В зависимости

от тяжести инфекции, этого можно добиться разными методами [5]. Простейшим и самым безопасным из них является метод увеличения концентрации кислорода в болезненно измененных сальных железах, осемененных патогенными анаэробными дифтероидами. Для этого применяли наружные препараты, содержащие перекись бензоила, которая постепенно разлагается с выделением свободного кислорода. Препарат Бензакне гель 5% и 10% применяли у 10 (10%) и 11 (12,3%) больных соответственно. Лечение оказалось весьма эффективным в обоих случаях и лишено побочного действия [6]. У 9 больных (13,2%) с более тяжелыми формами угревой сыпи было неизбежно применение антибиотиков, наружно или перорально. Препаратами «выбора» явились производные эритромицина и тетрациклины. Очень хорошие результаты были получены нами у 12 больных из 14 (23%) отобранных, получавших гель даверцин 2,5%, а также у пациентов (10 больных из11), получавших препарат зинерит с содержанием эритромицина. (4%) и цинка ацетат 1,2%. Эритромицин –антибиотик, относящийся к группе макролидов, действующий бактериостатически на многочисленные штаммы, как грамположительные, так и грамотрицательные. По спектру действия и активности близок к пенициллину, но воздействует также на многие пенициллиноустойчивые штаммы. Препарат хорошо всасывается из пищеварительного тракта. Присутствие цинка в составе препарата Зинерит позволяет предотвратить развитие резистентности к препарату. Цинк является важнейшим элементом, входящим в состав около 70 ферментов и участвующим во многих биохимических реакциях организма. 13 больных (5 мужчин и 8 женщин в возрасте от 20 до 23 лет с диагнозом обыкновенные угри получали цинк также в виде таблеток для приема внутрь в комплексной терапии по 200 мг три раза в сутки. У данных больных констатировали появление более быстрого положительного эффекта по сравнению с больными, получавшие только наружные средства. У двоих больных, получавших лечение даверцином, и у одного больного, получавшего лечение препаратом зинерит, терапия оказалась неэффективной. Неэффективность наружного лечения более тяжелых форм обыкновенных угрей и атипичных форм заболевания требует внутреннего применения тетрациклинов. После того, как в данным больным в курс лечения был включен антибиотик Тетрациклин в таблетках, покрытых оболочкой, 0,250 г лечение акне оказалось эффективным в 90% случаев. Препарат употребляется длительное время (от 8 до 16 недель) в суточной дозе 15 – 0,5 г. [7]. Так небольшие дозы объясняются большей концентрацией тетрациклина в коже по сравнению с плазмой крови. Отличные результаты тетрациклина связаны не только с противомикробными свойствами антибиотика, но и со снижением воспалительных процессов путем уменьшения хемотаксической активности нейтрофильных гранулоцитов. Тетрациклин весьма малотоксичен, не вызывает фотосенсибилизации, что в целом обеспечивает безопасность терапии. Как фактор, снижающий количество бактерий P.acnes, особого внимания заслуживает вакцина «Акневак» [8]. Эта вакцина изготовлена на основе разных видов P.acnes. В наших исследованиях хорошие результаты были получены у около 6 больных, так что этот способ лечения является важным дополнительным методом как наружного, так и внутреннего лечения. При самых тяжелых формах угревой сыпи с образованием инфильтратов и кист, кроме вышеупомянутого изотретиноина, может оказаться неизбежным ограничение местных воспалительных процессов путем почасового введения триамцинолона (полькортолон) в дозе 0,2-0,4 мг на одну инъекцию. Общая доза не должна превышать 5 мг. А инъекции не следует проводить чаще, чем 1 раз в десять дней. [9] Побочным явлением может быть возникновении атрофии кожи. Чтобы ограничить воспалительные процессы и активность нейтрофильных гранулоцитов, можно применять противолепрозные препараты, например, диафенилсульфон [10] в суточной дозе 50 мг при постоянном контроле в связи с возможностью развития метгемоглобинемии. У 1 больного (при длительно незаживающих ранах, трофических язвах применяли клиосепт – препарат, обладающий противовоспалительным, антимикробным, антисептическим и противопротозойным действием [11]. В настоящее время на российском фармацевтическом рынке представлен препарат Акнекутан [12], который характеризуется высокой клинической эффективностью, биодоступностью, безопасностью, лучшей переносимостью, а также фармакоэкономическим преимуществом перед обычной формой изонитретиноина. Препарат назначали 11 (23%) больным в таблетках по 8 мг. До начала лечения препаратом Акнекутан и каждый месяц после начала лечения проводили биохимический анализ крови для определения сохранности дезинтоксикационной функции печени. У 8 больных наступило полное излечение, у 3 пациентов лечение пришлось прекратить из-за индивидуальной непереносимости препарата и возникших побочных эффектов. Обоснование фармакотерапевтического выбора препаратов для лечения акне представлено в табл. 3.

Таблица 3

Обоснование фармакотерапевтического выбора лечения акне.

Table 3

Rationale for pharmacotherapeutic choice in acne treatment.

Фармакотерапевтический метод	Третиноин крем 0,1%	Бензакне гель 5%	Зинерит лосьон	Акнекутан капсулы 8мг
Цель применения	При обработке закрытых угрей способствует их переходу в открытые угри или папулы. В последующем они заживают без рубцевания	Устраняет воспалительные процессы, противомикробное действие, препятствует развитию воспалительного процесса	Обладает противовоспалительным, противомикробным и комедонолитическим лействием	характеризуется высокой клинической эффективностью, биодоступностью, безопасностью, лучшей переносимостью
Механизм действия препарата	замедляет десквамативный процесс и уменьшает образование микрокомедонов и комедонов	увеличения концентрации кислорода в болезненно измененных сальных железах, осемененных патогенными анаэробными дифтероидами. Препарат, содержащий перекись бензоила, которая постепенно разлагается с выделением свободного кислорода	В состав входит эритромицин и цинк. Эритромицин оказываетпротивомикробное действие, а цинк противовоспалительное	Подавляет образование кожного сала, в котором образуются бактерии, вызывающие угри

Выводы

Таким образом, в ходе исследования установлено, что:

1.Изотретиноин на сегодняшний день является наиболее патогенетически обоснованным средством для лечения акне, который, кроме того, обладает противовоспалительными свойствами. В связи с сильно выраженной тератогенностью и многими побочными явлениями этот, очень эффективный препарат, следует применять только при самых тяжелых формах угревой сыпи и с большой осторожностью и категорически противопоказан беременным женщинам.

2. Препарат Акнекутан характеризуется высокой клинической эффективностью, биодоступностью, безопасностью, лучшей переносимостью, а также фармакоэкономическим преимуществом перед обычной формой изонитретиноина.

3. При самых тяжелых формах угревой сыпи с образованием инфильтратов и кист, кроме вышеупомянутого изотретиноина, может оказаться неизбежным ограничение местных воспалительных процессов путем почасового введения триамцинолона (полькортолон) в дозе 0,2-0,4 мг на одну инъекцию. Общая доза не должна превышать 5 мг. А инъекции не следует проводить чаще, чем 1 раз в десять дней.

4. Препарат Бензакне гель 5% и 10% весьма эффективен при акне и лишен побочного действия.

5. У больных, получавших цинк в таблетках по 200 мг 3 раза в день в комплексной терапии акне, в сочетании с наружными средствами в течении всего курса лечения акне, констатировали появление более быстрого положительного эффекта по сравнению с больными, получавших только наружные средства и позволяет ускорить время наступления положительного эффекта.

5. Чтобы ограничить воспалительные процессы и активность нейтрофильных гранулоцитов, можно применять противолепрозные препараты, например, диафенилсульфон в суточной дозе 50мг при постоянном контроле в связи с возможностью развития метгемоглобинемии.

6. Применение лосьона Зинерит длительностью более 14 недель у молодых пациентов с акне легкой и средней тяжести позволило значительно уменьшить папул и пустул на коже лица, что обусловлено эритромицин-цинковой составляющей лосьона Зинерит, дающей антибактериальный и противовоспалительный эффект.

Список источников

1. Баринова А.Н. Современные методы лечения и реабилитации больных с вульгарными угрями // Российский семейный врач. 2018. № 4. С. 5 – 8.
2. Болотная Л.А. Современные подходы и средства лечения угревой болезни // ДВКС. 2008. № 1-2 (11). С. 174 – 178.
3. Григорьев К. И. Угревая болезнь. Уход за кожей и основы медицинской помощи // Медицинская сестра. 2016. № 8. С. 3 – 8.
4. Данилова А.А., Шеклакова М.Н. Акне // РМЖ. 2001. № 11. С. 452 – 457.
5. Дворянкова Е.В., Мильдзихова Д.Р., Корсунская И.М. К вопросу терапии акне системными ретиноидами // МС. 2018. № 12. С. 128 – 130.
6. Кривоногова П.Л., Биткина О.А., Мартусевич А.К. Патогенетическое обоснование методов лечения акне: обзор современных представлений и собственные данные // Медицинский альманах. 2017. №2 (47). С. 122 – 126
7. Монахов С.А. Рациональная терапия акне // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2013. № 6. С. 47 – 54.
8. Монахов С.А. Расширенные возможности в терапии акне с применением цинк-эритромицинового комплекса // Клиническая дерматология и венерология. 2017. № 16 (5). С. 49 – 57.
9. Пашинян А.Г. Современные методы терапии акне // МС. 2010. № 5-6. С. 72 – 77.
10. Халдин А.А., Мареева Е.Б., Скворцова А.И. Патогенетические подходы к терапии вульгарных угрей // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2012. № 3. С. 34 – 37.

References

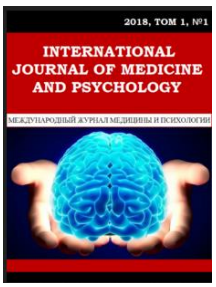
1. Barinova A.N. Modern methods of treatment and rehabilitation of patients with acne vulgaris. Russian Family Doctor. 2018. No. 4. P. 5 – 8.
2. Bolotnaya L.A. Modern approaches and means of treating acne. DVKS. 2008. No. 1-2 (11). P. 174 – 178.
3. Grigoriev K.I. Acne. Skin care and basics of medical care. Nurse. 2016. No. 8. P. 3 – 8.
4. Danilova A.A., Sheklakova M.N. Acne. RMJ. 2001. No. 11. P. 452 – 457.
5. Dvoryankova E.V., Mildzikhova D.R., Korsunskaya I.M. On the issue of acne therapy with systemic retinoids. MS. 2018. No. 12. P. 128 – 130.
6. Krivonogova P.L., Bitkina O.A., Martusevich A.K. Pathogenetic rationale for acne treatment methods: a review of modern concepts and our own data. Medical Almanac. 2017. No. 2 (47). P. 122 – 126
7. Monakhov S.A. Rational acne therapy. Russian journal of skin and venereal diseases. 2013. No. 6. P. 47 – 54.
8. Monakhov S.A. Expanded possibilities in acne therapy using zinc-erythromycin complex. Clinical dermatology and venereology. 2017. No. 16 (5). P. 49 – 57.
9. Pashinyan A.G. Modern methods of acne therapy. MS. 2010. No. 5-6. P. 72 – 77.
10. Khaldin A.A., Mareeva E.B., Skvortsova A.I. Pathogenetic approaches to the therapy of acne vulgaris. Russian Journal of Skin and Venereal Diseases. 2012. No. 3. P. 34 – 37.

Информация об авторах

Насрулаева Х.Н., кандидат фармацевтических наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, lisst32@mail.ru
Магомедова З.Ш., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, dagmed_far@mail.ru
Алхазова Р.Т., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, alxazova73@bk.ru
Магомедова Р.Г., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, dagmed_far@mail.ru
Табуева А.В., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, alxazova73@bk.ru

© Насрулаева Х.Н., Магомедова З.Ш., Алхазова Р.Т., Магомедова Р.Г., Табуева А.В., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 611.08

[1] Ягудин Д.Р.,
[2] Павлова И.В.,
[1] доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности, председатель правления НКО «Единство»,
[2] аспирант, Славяно-Греко-Латинская Академия, психолог, коуч, сециалист в направлении «Психология Нейродинамического нарушения в психической деятельности и механизма эмпатии

Роль зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции

Аннотация: зеркальные нейроны представляют собой специальные нейроны в головном мозге человека, активизирующиеся при выполнении действия или наблюдении за действиями других людей. Этот механизм интересен как с точки зрения самого процесса, т.е. какие именно зеркальные нейроны соответствующих отделов головного мозга активируются при выполнении тех или иных действий другим человеком, а также с позиции того, каким образом данный процесс воздействует на понимание, восприятие других людей, считывание их.

В данном теме важным и актуальным также остается вопрос о том, какую роль они играют в интерпретации феномена нейроинтуиции. Взаимосвязь нейроинтуиции и зеркальных нейронов прослеживается, прежде всего, в том, что осуществляя наблюдение за другими людьми у человека происходит активизации аналогичных зеркальных нейронов, как если бы он сам выполнял такие действия. Исходя из данного факта, можно отметить, что нейроинтуиция – сложный процесс, в котором задействованы зеркальные нейроны разных участков головного мозга, позволяющие человеку на интуитивном уровне считывать и предугадывать окружающий мир.

В статье авторы провели анализ современных научных работ по проблеме исследования зеркальных нейронов. Далее на основе аккумулированной информации было проведено исследование понятия такого феномена как нейроинтуиция. Авторы статьи выявили и оценили роль зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции.

Проведя анализ системы зеркальных нейронов головного мозга человека, выявив особенности их активации при считывании других людей, авторы сделали следующий вывод: зеркальные нейроны выступают нейрональной основой не только для имитации поведения, подражательного обучения и интерпретации действий других. Если наблюдатель будет воспринимать даже часть последовательности действий, то зеркальные нейроны его головного мозга будут отражать весь процесс, дополняя наблюдаемые фрагменты до вероятной полной последовательности происходящих событий. Это создает в нейронной сети гипотетический опыт, который используется мозгом при принятии решений неосознанно, формируя тот самый механизм интуиции, когда эмпирического знания у человека нет, но его мозг использует полученный гипотетический опыт для принятия интуитивного решения.

Ключевые слова: нейроинтуиция, нейроны, зеркальные нейроны, системы зеркальных нейронов, нейробиология, структуры головного мозга, считывание

Для цитирования: Ягудин Д.Р., Павлова И.В. Роль зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 63 – 68.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 24 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Yagudin D.R.,***
[2] ***Pavlova I.V.,***
[1] Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Clinical Psychologist, author of the method of "Neurodynamic recovery" Psychology of neurodynamic disorders in mental activity Chairman of the Board of the NCO "Unity"
[2] Postgraduate, Slavic-Greek-Latin Academy, Psychologist, mindset coach, Specialist in the field of "Psychology of Neurodynamic disorders in mental activity and the mechanism of empathy"

The role of mirror neurons in interpreting the phenomenon of neuro intuition

Abstract: mirror neurons are special neurons in the human brain that activate when following the actions of other people. Interest in them is interesting from the perspective of the process itself, i.e. which mirror neurons of the corresponding parts of the brain are activated when performing certain actions by another person, as well as from the perspective of how this process affects the understanding of other people, reading them.

In this context, the question of what role they play in interpreting the phenomenon of neurointuition also remains important and relevant. The relationship between neurointuition and mirror neurons can be traced, first of all, in the fact that observing other people, a person activates similar mirror neurons, as if he himself were performing such actions. Based on this fact, it can be noted that neurointuition is a complex process involving mirror neurons in different parts of the brain, which allow a person to intuitively read and predict the world around them on an intuitive level.

In the article, authors conducted an analysis of modern scientific papers on the problem of mirror neuron research. Further, authors of the article conducted a study of the concept of such a phenomenon as neurointuition.

During the previous stages, authors identified and evaluated the role of mirror neurons in interpreting the phenomenon of neurointuition. After analyzing the system of mirror neurons in the human brain, revealing the features of their activation when reading other people, authors concluded that mirror neurons act as a neural basis for imitating behavior, imitative learning, and interpreting the actions of others. It is important that if the observer perceives even part of the sequence of actions, then the mirror neurons of his brain will reflect the entire process, complementing the observed fragments to the probable complete sequence of events.

Keywords: neuro intuition, neurons, mirror neurons, mirror neuron systems, neurobiology, brain structures, reading

For citation: Yagudin D.R., Pavlova I.V. The role of mirror neurons in interpreting the phenomenon of neuro intuition. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 63 – 68.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 24, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Пристальное внимание многих современных ученых из разных областей научного знания сегодня направлено на исследование зеркальных нейронов. Как известно, зеркальные нейроны обнаружены у человека и приматов, что подтверждается результатами исследований [2, с. 86].

Сегодня все больший интерес ученых вызывает анализ феномена интуиции. На сегодняшний день интуиция рассматривается с философской, генетической, психологической точки зрения, однако с позиции нейробиологических исследований в научной среде работ представлено немного, что делает весьма актуальным исследование нейроинтуиции, а также роли в данном феномене зеркальных нейронов, как способа получения гипотетического опыта, используемого неосознанно для принятия решений.

Целью настоящей статьи является исследование роли зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции.

Для реализации поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи исследования:**

1) провести анализ современных научных работ по исследованию зеркальных нейронов;

2) проанализировать понятие феномена нейроинтуиции на современном этапе;

3) на основе реализации предыдущих этапов выявить и оценить роль зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования настоящей стали научные публикации, книги зарубежных и российских исследователей. В процессе исследования авторами использовались такие теоретические методы исследования, как анализ, синтез, индукция.

В процессе исследования авторами были проанализированы работы, касающиеся исследования нейроинтуиции. Среди ученых, которые были изучены в данной работе, можно выделить: В.Н. Бабину [1], С.А. Богомаза, Н.В. Васильеву, А.П. Рамазанову [3], Н.Т. Рожкова [8], M.D. Lieberman [11], X. Wan [15] и других ученых.

Исследуя особенности системы зеркальных нейронов авторы исследования обращался к работам следующих ученых: Ю.В. Бушо, С.И. Карташов, В.А. Орлов, В.Л. Ушаков [2], В.Ю. Мальцев, А.И. Зуфман, Н.Н. Лебедева [5], С.А. Махин [6], S. Frey, B. Alivisatos, M. Petrides [12] и других исследователей.

Результаты и обсуждения

Первоначально требуется более подробно остановиться на понимании зеркальных нейронов, для реализации данной задачи проведем анализ современных научных работ по данной теме.

Зеркальные нейроны были открыты G. Rizzolatti, который занимался изучением проблемы управления планированием и исполнением человеком действий целенаправленного характера. Ученый смог идентифицировать командные отдельные нейроны головного мозга и их взаимосвязь с осуществлением конкретных действий приматов. Результаты его исследований свидетельствуют о том, что у командной нейронной клетки есть соответствующий план выполнения конкретного действия [7]. При выполнении действия у примата в головном мозге срабатывал биоэлектрический сигнал, активация клетки происходила и при наблюдении за действиями других. Актуальность полученных результатов заключалась в наличии резонанса на нейробиологическом уровне. Такие нервные клетки были названы зеркальными нейронами.

Системы зеркальных нейронов представляют собой совокупность нервных клеток, которые имеют свойства и характеристики «зеркальных», они выполняют единую функцию и расположены в разных структурах головного мозга.

Н.Н. Лебедева, А.И. Зуфман, В.Ю. Мальцев писали, что среди основных функций зеркальных нейронов необходимо выделять:

- эмпатию;
- обучение;
- подражание;
- понимание стратегий, эмоций и намерений других людей, в частности, феномена интуитивных решений [5, с. 20].

Исходя из данных исследований, можно прийти к выводу, что человек при наблюдении за другими, даже не воспроизводя действия, повторяет их мысленно, активируя зеркальные нейроны головного мозга. В таком случае происходит активация аналогичных участков головного мозга человека, которые при исполнении им на практике таких же действий тоже бы активировались. В качестве практического примера можно привести результаты исследований С.А. Махиной. Ученый исследовала больных эпилепсией с имплантацией внутричерепных электродов. Результаты исследования были следующие: зеркальные свойства проявила большая часть нейронов из 1177 нейронов корковой медиальной поверхности височной и лобной коры головного мозга [6, с. 144].

В дальнейшем В.А. Орлов, С.И. Карташов, М.В. Светлик, В.Л. Ушаков, Ю.В. Бушо установили, что для выработки такого биоэлектрического сигнала может использоваться как наблюдение за другими, так и прослушивание их. Из этого следует, что любые восприятия процесса конкретного действия могут способствовать активации зеркальных нейронов в человеческом головном мозге [2, с. 88].

Активация командных нейронов у человека происходит и при наблюдении за действиями других людей, и при представлении соответствующего действия. Действия других людей, которые воспринимаются человеком, вызывают неизбежно активность соответствующих зеркальных нейронов, запуская в человеческом мозге самостоятельную схему действий, функционирующую при выполнении аналогичного действия [4].

Зеркальное отражение у человека осуществляется без каких-то размышлений, произвольно и синхронно, т.е. у человека наблюдение вызывает внутреннее моделирование.

Согласно представлениям зарубежных ученых (C. Keysers, L. Nanetti, R. Renken, A. Roebroeck, M.B. Schippers, J.R. Skoyles и др.) зеркальные нейроны являются для приматов и людей нейрональной основой для осуществления имитации поведения, понимания действия и интерпретирования действий других. Ученые отмечают, что понимание намерений и действий других субъектов осуществляется с помощью копирования мозгом его действий в результате актуализации конкретных двигательных программ [3, с. 9390]. Необходимо отметить, что такая гипотеза на сегодняшний день считается наиболее популярной в научных кругах.

Теперь целесообразно остановиться на рассмотрении феномена нейроинтуиции.

У ученых сегодня все больший интерес вызывает исследование феномена интуиции, его рассмотрение затрагивает такие науки, как психологию, философию, генетику.

В философии интерес представляют результаты исследований В.Н. Бабиной, которая связывала интуицию как связующее звено между сознательным и бессознательным [1, с. 94]. В психологии интуиция рассматривается, как мыслительный процесс субъекта, который направлен на поиск основных методов решения задач с помощью соответствующих ориентиров, которые для логического вывода недостаточны, либо логически не связаны [9, с. 33]. Несмотря на рассмотрение феномена интуиции с позиции философской, психологической науки, не стоит забывать о том, что, прежде всего, интуиция связана с деятельностью определенных мозговых систем. А в данном ключе следует отметить, что на сегодняшний день представлено незначительное число научных работ по теме исследования данного феномена с точки зрения нейробиологических исследований.

Так, X. Wan писала об отсутствии связи между интуицией и корковой активностью, связь наблюдается лишь между головкой хвостатого ядра мозга и интуицией [15, с. 17496]. M.D. Lieberm связывал данный феномен и с хвостатым ядром, и со скорлупой [11, с. 109]. М.Е. Сандрмирский писал, что локализация интуитивных процессов осуществляется в лобных долях правого полушария головного мозга [8, с. 68]. Другие исследователи связывали интуицию с левополушарной функцией [3, с. 81]. S. Frey, B. Alivisatos, M. Petrides отмечали, что в момент, когда субъект высказывает предположения, делает догадки, у него происходит активация орбитальной коры головного мозга [12, с. 5651].

Таким образом, проведенное исследование подходов современных ученых к пониманию феномена интуиции, позволяет сделать вывод о том, что нейроинтуиция - это способ интуитивного принятия решения с точки зрения мозга, то есть аналитических рациональных процессов, и чувств, механизмов эмоций, а также использование неэмпирического опыта, полученного через зеркальные нейроны. Если обратиться к исследованию феномена нейроинтуиции, то стоит указать, что она представляет собой метод использования внутреннего потенциала с опорой на отчетливое понимание механизмов тела и мозга человека. Необходимо отметить, что данный метод был разработан Дмитрием Ягудиным, который отмечал, что его суть заключается в том, что человеку подсказывают зеркальные нейроны мозга, как следует действовать в определенных ситуациях [10, с. 58]. То есть при отсутствии эмпирического опыта мозг человека использует полученную с помощью зеркальных нейронов информацию и гипотетический опыт для принятия решения, не основанного на логических выводах. Выделенное обстоятельство обусловливает актуальность нашего исследования.

При принятии решений интуитивного характера человеком важность зеркальных нейронов непосредственно состоит в том, что они позволяют человеку понимать на интуитивном уровне намерения, поступки и чувства других людей.

Считывая действия других людей, зеркальные нейроны головного мозга человека автоматически отражают у наблюдателя в сознании чужое поведение, тем самым, позволяя ощутить происходящее вокруг таким образом, как бы он сам совершал аналогичные действия.

Важно в таком случае подчеркнуть, что если наблюдатель будет воспринимать даже часть последовательности действий, то зеркальные нейроны его головного мозга будут отражать весь процесс, дополняя наблюдаемые фрагменты до вероятной полной последовательности происходящих событий, создавая тем самым запись о гипотетическом опыте действий.

Итак, проведя анализ системы зеркальных нейронов головного мозга человека, выявив особенности их активации при считывании других людей, можно определить их роль в интерпретации феномена нейроинтуиции, а именно: зеркальные нейроны выступают нейрональной основой для имитации поведения, подражательного обучения и интерпретации действий других, что используется мозгом при принятии решений основанных не на логике, а не гипотетическом опыте.

Выводы

Системы зеркальных нейронов представляют собой совокупность нервных клеток, которые имеют свойства и характеристики «зеркальных», они выполняют единую функцию и расположены в разных структурах головного мозга.

Итак, зеркальные нейроны до ожидаемой вероятной полной последовательности действий могут дополнить наблюдаемые фрагменты. Данный процесс протекает спонтанно, на основе полученного опыта. При считывании других людей происходит активация зеркальных нейронов в соответствующих участках головного мозга человека.

Пример принципа функционирования у человека зеркальных нейронов можно описать следующим образом. Достаточно сравнить у пилота-наблюдателя активацию зеркальных нейронов в головном мозге с полетным тренажером. На тре-

нажере показывается режим полета на малой высоте, где пилот совершает круги. В таком случае наблюдатель на тренажере исполняет аналогичные действия в режиме реального времени, которые на наземный тренажер ему передаются от пилота. Таким образом, наблюдатель в качестве программы моделирования воспринимает полет реального пилота и спонтанно, без размышлений понимает действия другого человека. Кроме того, наблюдатель понимает внутренние намерения, которые есть у пилота, что невозможно достичь с помощью осуществления анализа на интеллектуальном или математическом уровне.

Данный факт подтверждает, что у наблюдателя происходит активация зеркальных нейронов в соответствующих отделах головного мозга, которые непосредственно формируют зеркальное отражение действий другого человека.

При исследовании феномена нейроинтуиции было установлено, что под данным понятием следует понимать метод использования внутреннего потенциала, опираясь на отчетливом понимании механизмов тела и мозга человека (разработан Д. Ягудиным). Его суть заключается в том, что человеку подсказывают зеркальные нейроны мозга, как следует действовать в определенных ситуациях.

В результате исследования выявлена роль зеркальных нейронов в интерпретации феномена нейроинтуиции, которая заключается в том, что они выступают нейрональной основой для имитации поведения, подражательного обучения и интерпретации действий других.

Понимание намерений и действий других людей осуществляется в результате копирования мозгом наблюдателя его действий в результате активации зеркальных нейронов соответствующего отдела головного мозга.

Список источников

1. Бабина В.Н. Гносеологический потенциал интуиции в учениях неоплатоников // Наука. Общество. Государство. Т. 11. № 1 (41). 2023. С. 90 – 101.

2. Бушо Ю.В., Ушаков В.Л., Светлик М.В., Карташов С.И., Орлов В.А. Роль зеркальных нейронов в интерпретации действий и намерений // Вестн. Том. гос. ун-та. Биология. 2021. № 56. С. 86 – 107.

3. Васильев В.Н., Рамазанова А.П., Богомаз С.А. Познай других – найди себя. Томск, 1996. 185 с.

4. Зеркальные нейроны: вымысел и реальность. Что такое зеркальные нейроны. URL: https://stdpro.ru/tools-and-equipment/zerkalnye-neirony-vymysel-i-realnost-chto-takoe-zerkalnye.html (дата обращения: 20.10.2024)

5. Лебедева Н.Н., Зуфман А.И., Мальцев В.Ю. Система зеркальных нейронов мозга: ключ к обучению, формированию личности и пониманию чужого сознания // Успехи физиологических наук. Т. 48. № 4. 2017. С. 16 – 28.

6. Махин С.А. Система «зеркальных нейронов»: Актуальные достижения и перспективы ЭЭГ-исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Биология. Химия. 2012. № 1 (64). С. 142 – 146.

7. Открытие зеркальных нервных клеток. URL: https://vikidalka.ru/4-76551.html (дата обращения 20.10.204)

8. Рожков Н.Т. Интуиция как бессознательный феномен // Наука-2020. 2017. №1 (12). С. 66 – 71.

9. Сиротова А.О., Кузьмин В.В., Сорокин А.Ю., Кондратьева С.А. Интуиция: универсальный и непонятный язык // Научные труды Центрального научно-исследовательского института русского жестового языка. 2019. № 2. С. 31 – 38.

10. Ягудин, Д.Р. Метод нейродинамического восстановления как эффективный способ возвращения человеку отфильтрованных нейронов восприятия // Психология. Серия: Познание. 2024. № 1. С. 57 – 59.

11. Lieberman M.D. Intuition: a social cognitive neuroscience approach // Psychological bulletin. 2000. Vol. 126. №. 1. P. 109.

12. Petrides M., Alivisatos B., Frey S. Differential activation of the human orbital-, mid-ventrolateral, and mid-dorsolateral prefrontal cortex during the processing of visual stimuli // Proceedings of the National Academy of Sciences, U.S.A. 2002. Vol. 99. P. 5649 – 5654.

13. Skoyles J.R. Gesture Language Origins and Right Handedness // Psychology. 2000. № 11. P. 24 – 29.

14. Schippers M.B., Roebroeck A., Renken R., Nanetti L., Keysers C. Mapping the information flow from one brain to another during gestural communication // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107, № 20. P. 9388 – 9393

15. Wan X. et al. Developing intuition: neural correlates of cognitive-skill learning in caudate nucleus // Journal of Neuroscience. 2012. Vol. 32. №. 48. P. 17492 – 17501.

References

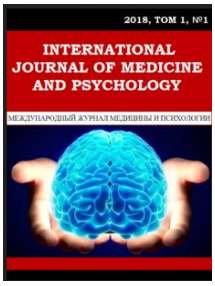
1. Babina V.N. Gnoseological potential of intuition in the teachings of the Neoplatonists. Science. Society. State. Vol. 11. No. 1 (41). 2023. P. 90 – 101.
2. Busho Yu.V., Ushakov V.L., Svetlik M.V., Kartashov S.I., Orlov V.A. The role of mirror neurons in the interpretation of actions and intentions. Vestn. of Tomsk State University. Biology. 2021. No. 56. P. 86 – 107.
3. Vasiliev V.N., Ramazanova A.P., Bogomaz S.A. Know others – find yourself. Tomsk, 1996. 185 p.
4. Mirror neurons: fiction and reality. What are mirror neurons. URL: https://stdpro.ru/tools-and-equipment/zerkalnye-neirony-vymysel-i-realnost-chto-takoe-zerkalnye.html (date accessed: 20.10.2024)
5. Lebedeva N.N., Zufman A.I., Maltsev V.Yu. The system of mirror neurons of the brain: the key to learning, personality formation and understanding of someone else's consciousness. Advances in physiological sciences. Vol. 48. No. 4. 2017. P. 16 – 28.
6. Makhin S.A. The system of "mirror neurons": Current achievements and prospects of EEG studies. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Biology. Chemistry. 2012. No. 1 (64). P. 142 – 146.
7. Discovery of mirror nerve cells. URL: https://vikidalka.ru/4-76551.html (date of access 20.10.204)
8. Rozhkov N.T. Intuition as an unconscious phenomenon. Science-2020. 2017. No. 1 (12). P. 66 – 71.
9. Sirotova A.O., Kuzmin V.V., Sorokin A.Yu., Kondratieva S.A. Intuition: a universal and incomprehensible language. Scientific works of the Central Research Institute of Russian Sign Language. 2019. No. 2. P. 31 – 38.
10. Yagudin, D.R. The method of neurodynamic restoration as an effective way to return filtered neurons of perception to a person. Psychology. Series: Cognition. 2024. No. 1. P. 57 – 59.
11. Lieberman M.D. Intuition: a social cognitive neuroscience approach. Psychological bulletin. 2000. Vol. 126. No. 1. P. 109.
12. Petrides M., Alivisatos B., Frey S. Differential activation of the human orbital-, mid-ventrolateral, and mid-dorsolateral prefrontal cortex during the processing of visual stimuli. Proceedings of the National Academy of Sciences, U.S.A. 2002. Vol. 99. P. 5649 – 5654.
13. Skoyles J.R. Gesture Language Origins and Right Handedness. Psychology. 2000. No. 11. P. 24 – 29.
14. Schippers M.B., Roebroeck A., Renken R., Nanetti L., Keysers C. Mapping the information flow from one brain to another during gestural communication. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107, No. 20. P. 9388 – 9393
15. Wan X. et al. Developing intuition: neural correlates of cognitive-skill learning in the caudate nucleus. Journal of Neuroscience. 2012. Vol. 32. No. 48. P. 17492 – 17501.

Информация об авторах

Ягудин Д.Р., доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности, председатель правления НКО «Единство», dr.yagudin@mail.ru

Павлова И.В., аспирант, Славяно-греко-латинская Академия, психолог, коуч, сециалист в направлении «Психология Нейродинамического нарушения в психической деятельности и механизма эмпатии

© Ягудин Д.Р., Павлова И.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9

[1] Максимова Н.А.,
[1] Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Динамика восприятия иностранными студентами образовательной среды вуза

Аннотация: исследование посвящено анализу динамики восприятия образовательной среды вуза иностранными студентами. Основными методами исследования стали психодиагностическое тестирование, методы математико-статистической обработки данных и интерпретационные методы. На каждом этапе учебно-профессиональной деятельности восприятие образовательной среды студентами претерпевает изменения. Эти изменения связаны с переходом от зависимых и пассивных характеристик к активным и свободным. Динамика свидетельствует о росте как личностных, так и профессиональных компетенций иностранных студентов, что подтверждается их вовлеченностью в учебно-воспитательный процесс. Полученные результаты могут служить основой для создания программ поддержки иностранных студентов.

Ключевые слова: образовательная среда, восприятие образовательной среды, модальность образовательной среды, этапы учебно-профессиональной деятельности, иностранные студенты

Для цитирования: Максимова Н.А. Динамика восприятия иностранными студентами образовательной среды вуза // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 69 – 74.

Поступила в редакцию: 24 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Maximova N.A.,
[1] Immanuel Kant Baltic Federal University

Dynamics of international students' perception of the educational environment in higher education

Abstract: the study is dedicated to the analysis of the dynamics of the perception of the educational environment of higher education institutions by international students. The primary research methods involved psychodiagnostic testing, methods of mathematical and statistical data processing, and interpretative methods. At each stage of academic and professional activities, the perception of the educational environment by students undergoes changes. These changes are associated with a transition from dependent and passive characteristics to active and independent ones. The dynamics indicate a growth in both personal and professional competencies of international students, which is confirmed by their engagement in the educational process. The results obtained may serve as a basis for the development of programs supporting international students.

Keywords: educational environment, perception of the educational environment, modality of the educational environment, stages of academic and professional activities, international students

For citation: Maximova N.A. Dynamics of international students' perception of the educational environment in higher education. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 69 – 74.

The article was submitted: November 24, 2024; Approved after reviewing: January 26, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Глобализация образовательных процессов во всем мире, интернационализация образовательной системы и технологическая среда образовательных технологий диктуют новые условия для получения образования иностранными студентами за границей. В свою очередь, образовательные учреждения, с целью поддержания своей конкурентоспособности, ориентированы на поддержку и адаптацию иностранных студентов [1]. Ориентируясь на критерии академической адаптации студентов и их общую удовлетворенность учебным, воспитательным и интеграционным процессами, вузы обеспечивают всестороннюю поддержку и содействуют развитию необходимых ресурсов для личностного и профессионального роста студентов [2]. Понимание восприятия иностранными студентами образовательной среды позволяет наладить обратную связь между организационными, содержательными и психологическими аспектами образовательного процесса [3, 4, 5, 6]. Важным аспектом является дифференцированный подход к анализу академических барьеров и средств сопровождения академической адаптации студентов-иностранцев.

Во многих психологических подходах постулируется идея о взаимодействии личности и среды. При этом личность, проявляя активность, целенаправленность действий и осознанность, стремится к изменению и развитию не только самой себя, но и окружающей среды. Интерес науки к понятию «образовательная среда» возник в результате необходимости реформирования образовательной системы в современной России, пересмотра парадигмы образования. С конца 90-х годов стали появляться научные коллективы, которые направили свой фокус внимания на образовательную среду школы. И в зарубежных исследованиях наметился особый интерес к диагностике и оценке характеристик образовательной среды вуза.

Модернизация российского образования способствовала смене парадигмы с традиционной на образовательную. Это стимулировало появление новых подходов к образовательным технологиям, внедрение развивающих средств взамен традиционных. Образовательная парадигма опирается на актуализацию творческого потенциала субъектов учебно-педагогической деятельности и развитие личностно ориентированных технологий. В научной литературе термин «образовательная среда» описывает ряд локальных образовательных сред. Их общими свойствами являются воспитательная, образовательная и развивающая направленности. Термин «образовательная среда» также начинает употребляться в педагогической психологии. В продолжение идей деятельностного подхода в психологии, среда стала трактоваться как социальная среда развития, которая занимает центральное место в спектре факторов, влияющих на формирование личности ребенка. Именно социальная среда становится источником и результатом развития. Личность формируется, развивается и обогащается новыми знаниями и навыками, а также приобретает новообразования, необходимые для решения возрастных задач на каждом этапе психического развития, в итоге освоения ведущих видов деятельности.

Наблюдается переход к инновационным подходам в образовании, где акцент делается на инклюзивность, безопасность и адаптивность образовательных сред, что является ответом на вызовы времени и меняющиеся потребности субъектов образовательного процесса [7]. Современные требования к образованию включают создание поликультурной образовательной среды, что важно для интеграции иностранных студентов и формирования атмосферы взаимного уважения и сотрудничества [8].

Различные типы образовательных сред (догматическая, карьерная, творческая и др.) характеризуются своими особенностями, которые могут как содействовать, так и ограничивать развитие субъектов учебно-профессиональной деятельности, влияя на их мотивацию и личностные качества.

Академическая адаптация иностранных студентов является многогранным процессом, охватывающим как учебные, так и социальные аспекты адаптации, и требует совместной работы различных сторон, включая студентов, преподавателей и администрацию вузов [9]. Важность этой проблемы объясняется тем, что успешная академическая адаптация способствует не только усвоению знаний, но и более легкому вхождению студентов в социокультурное пространство вуза [10]. Многоуровневая природа академической адаптации подразумевает, что студенты должны овладеть не только учебными знаниями, но и социальными навыками, которые помогут им успешно функционировать в новой культурной среде. Освоение новых форм и методов обучения, а также развитие навыков самоорганизации становятся крайне важными для успешного обучения в вузе [11].

В этой связи актуальным становится изучение динамики восприятия иностранными студентами

образовательной среды вуза.

Целью исследования является исследование динамики восприятия иностранными студентами образовательной среды вуза.

Материалы и методы исследований

В выборочную совокупность вошли иностранные студенты из Китая, обучающиеся по совместным образовательным программам в Ганьнаньском педагогическом университете и Пензенском государственном университете. Возраст студентов составляет от 18 до 25 лет (n = 388, M = 19,9, SD = 1,97; мужчин – 205, женщин – 183). Студенты, вошедшие в генеральную совокупность, обучаются на педагогических направлениях, уровень образования – бакалавриат.

Основными методами эмпирического исследования стали психодиагностическое тестирование и методы математико-статистического анализа, включая сравнительный анализ и t-критерий Стьюдента. В качестве инструментария для психодиагностического исследования была использована адаптированная методика оценивания параметров образовательной среды вуза, предложенная В.А. Ясвиным в модификации Л.Е. Нагорновой.

Для последующего анализа в результате теоретического и сравнительно-сопоставительного анализов были выделены и сформированы этапы для оценки динамики. Опираясь на теорию профессионализации личности Ю.П. Поваренкова [12], были выделены следующие периоды: предпрофессиональный этап – подготовительный курс и 0 курс; общепрофессиональный этап – 1 и 2 курсы; учебно-профессиональный этап – 3 и 4 курсы обучения. Далее полученные данные были подвергнуты математико-статистическому анализу, что позволило сформулировать обобщения.

Результаты и обсуждения

Восприятие образовательной среды вуза иностранными студентами на предпрофессиональном этапе (подготовительных курсах) характеризуется выделением зависимых и пассивных характеристик. Это проявляется в осознании своих действий и себя как субъекта учебной деятельности со стороны, через внешние признаки. В период предвузовской подготовки иностранные студенты ощущают свою зависимость от действий и решений преподавателей, тьюторов. Темп деятельности и структура обучения привносятся образовательной средой и педагогами. В связи с этим возрастает субъективное восприятие статусной позиции педагога. Применяются пассивные стратегии обучения. В восприятии иностранных студентов обучение носит пассивный характер. Минимальная активность и отсутствие инициативы со стороны студента как субъекта деятельности создают в восприятии учебного процесса внешнюю вовлеченность. На первом курсе, при поступлении в учебное заведение, восприятие образовательной среды не меняется. Студентами она воспринимается как догматически зависимая: с жестким контролем как процесса, так и результата деятельности, строгостью дисциплины, с ориентацией на групповые формы организации учебного процесса и директивные формы взаимодействия между преподавателем и студентом. На втором курсе восприятие образовательной среды изменяется. Начинают преобладать параметры зависимости и активности. Тип образовательной среды тяготеет к карьерной образовательной среде. Сохраняется зависимость, но коэффициенты данного параметра снижаются. Происходит смена ориентации с общепрофессиональных дисциплин на прикладные дисциплины и специализацию. Включение курсов, ориентированных на получение практических навыков, внедрение активных форм и методов обучения, а также групповая работа способствуют вовлечению студента в образовательный процесс и изменению его восприятия образовательной среды.

На третьем курсе возрастает значимость параметра активности образовательной среды. Сохраняется карьерная направленность образовательной среды вуза. Преподаватель становится не просто носителем знаний, директивно дающим установки студенту, а наставником, с помощью которого иностранный студент развивает свои практические навыки. На четвертом курсе восприятие образовательной среды меняется, и превалируют параметры активности над пассивностью, свободы – над зависимостью. В равных частях по результатам средних значений образовательная среда оценивается студентами как карьерная и творческая. Студенты становятся более вовлеченными в учебный процесс, с большей инициативой включаются в деятельность. Им доступен поиск информации, они активно участвуют в групповых формах обучения. Возрастает роль самостоятельности в учебной деятельности при решении практических задач, выполнении домашнего задания, курсовых проектов. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика восприятия образовательной среды вуза иностранными студентами на этапах учебно-профессиональной деятельности.

Table 1

The dynamics of international students' perception of the educational environment at a university during stages of academic and professional activities.

№	Модальности образовательной среды	0 курс		1 курс		2 курс		3 курс		4 курс	
		M	*SD*	*M*	*SD*	*M*	*SD*	*M*	*SD*	*M*	*SD*
1	Зависимость	41,3	±5,8	31,59	±3,7	37,1	±3,4	33,18	±1,39	27,7	±2,3
2	Свобода	6,15	±1,1	12,51	±1,6	12,15	±2,9	15,38	±1,9	29,4	±2,1
3	Пассивность	34,7	±1,2	38,07	±0,2	18,03	±1,8	16,1	±2,1	17,5	±1,3
4	Активность	5,0	±0,8	17,8	±0,9	27,4	±4,2	36,5	±4,6	28,2	±3,3

С целью анализа динамики восприятии проведен сравнительный анализ, получены значимые различия. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа восприятия образовательной среды вуза иностранными студентами на этапах учебно-профессиональной деятельности.

Table 2

The results of a comparative analysis of the perception of the educational environment at a university by international students during the stages of academic and professional activities.

№	Модальности образовательной среды	Этапы учебно-профессиональной деятельности								
		0-1	0-2	0-3	0-4	1-2	1-3	1-4	2-3	2-4
1	Зависимость	14,3**	3,7*	12,3**	16,2**	-	-	2,1*	-	6,8**
2	Свобода	15,2**	14,6**	16,0**	24,6**	-	-	17,5**	-	23,2**
3	Пассивность	-	11,2**	19,5**	22,1**	29,9**	34,4**	16,2**	-	-
4	Активность	15,7**	34,2**	39,9**	30,2**	9,2**	14,1**	8,7**	4,3**	-

*Примечания: *p≤0.05, **p≤0.01*
*Notes: *p≤0.05, **p≤0.01.*

Изменение восприятия образовательной среды вуза иностранными студента представлено в следующей динамике:

Модальность образовательной среды, основанная на ее зависимости, представляет собой центральное свойство в восприятии иностранного студента. Однако в процессе обучения наблюдается динамика в восприятии этой характеристики, что свидетельствует о постепенном изменении отношения студентов к условиям обучения в вузе и их способности к самостоятельному обучению. Изменение выраженности «зависимости» образовательной среды наблюдается на предпрофессиональном и общепрофессиональном этапах. Преобладание на этих этапах сменяется снижением размерности значений показателя на этапе учебно-профессиональной деятельности.

По шкале «свобода» значимые различия были получены на четвертом курсе обучения в сравнении с предыдущими этапами. Показатели минимальны на предпрофессиональном (подготовительный курс) и общепрофессиональном (первый – второй курсы) этапах. Параметр свободы начинает трансформироваться в условиях включения студента в учебно-профессиональную деятельность на старших курсах. Также полученные результаты могут свидетельствовать о специфике образовательных сред китайских и российских вузов. Поскольку третий курс обучения проходил на базе китайского вуза, а четвертый курс – в условиях пребывания в российской среде.

Модальность «пассивность» образовательной среды имеет высокие значения на первых этапах обучения. Значимые различия проявляются при сравнении с учебно-профессиональным этапом: наблюдается снижение динамики в переходе от общепрофессионального к учебно-профессиональному этапу. Это означает, что вовлеченность иностранных студентов в процесс возрастает на старших курсах. До этого времени они ведомы, полностью доверяют наставнику, тьютору, преподавателю, усваивают знания, формируют умения и навыки. Студенты переходят от общего обучения (например, теоретических курсов) к более специализированным и прикладным курсам, становятся более вовлеченными в учебный процесс, взаимодействие с преподавателем и одногруппниками, включаются в самостоятельную работу и самостоятельно организуют свою деятельность.

По параметру «активность» образовательной среды получены значимые различия на предпрофессиональном, общепрофессиональном и учебно-профессиональном этапах. С одной стороны, стимулирование активности образовательной среды заключается во всестороннем вовлечении студентов, поддержании процессов адаптации к условиям новой образовательной среды, формировании значимых компетенций. Проявление активности образовательной среды вуза для иностранных студентов становится доступным благодаря ряду факторов и инициатив, направленных на облегчение интеграции студентов и создание условий для их вовлеченности в учебный процесс.

Выводы

В результате сравнительного анализа получены значимые различия по этапам учебно-профессиональной деятельности студентов. Восприятие образовательной среды иностранными студентами меняется от вектора «пассивного и зависимого» к «активному и свободному», что свидетельствует о росте личностных, дидактических, организационных, технических, социокультурных компетенций.

Список источников

1. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment: how to create and measure it, ecopsychological research – 6: ecology of childhood and psychology // Sustainable Development. 2020. № 6. P. 280.

2. Bondar E.A., Samosenkova T.V.Socio-cultural educational environment for foreign citizens is the key to successful integration into the educational environment of a Russian university // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-76. P. 54 – 58.

3.Bittencourt T., Johnstone C., Adjei M., Seithers L. We See the World Different Now: Remapping Assumptions About International Student Adaptation // Journal of Studies in International Education. 2021. № 25 (1). P. 35-50. https://doi.org/10.1177/1028315319861366

4. Bushra A., Abdalla F. Academic Adaptation and Achievement: A Comparative Study of Outstanding Students and Students under Academic Probation at the University of Sharjah // International Journal for Research in Education. 2020. Vol.44. Iss. 2. Article 1. Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/ijre/vol44/iss2/1

5.Farooqi F.A., Khabeer A., Ali S., Khan S.Q. Al-Ansari A.Dundee Ready Educational Environment Measure Tool for Evaluating the Educational Environment: A Systematic Review and Meta-analysis // Open Access Maced J Med Sci [Internet]. 2020. № 8 (F). P. 108 – 116. Available from: https://oamjms.eu/index.php/mjms/article/view/4280

6. Ferraz A., Monteiro Inácio A., Kerolly J., Bathaus O.Academic Adaptation to Remote Higher Education Questionnaire: Adaptation and Psychometric Study with Universities // Psychological Evaluation. 2023. Vol. 33. P. e3307.doi:https://doi.org/10.1590/1982-4327e3307

7. Khamzina Z.B., Zhalelova G.M., Kaikenov D.B.Adaptation of foreign students to multicultural educational environment of university // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 2-6 (58). P. 159 – 164.

8. Li Y., Qian J.A., Rao X.F. Intercultural Adaptation of Undergraduate Students in Germany under the Framework of Sino-Foreign Cooperative Education: An Empirical Study // Open Access Library Journal. 2021. № 8. P. 1 – 11. doi: 10.4236/oalib.1106837

9. Li R., Che Hassan N., Saharuddin N.Psychological Capital Related to Academic Outcomes Among University Students: A Systematic Literature Review // Psychol Res Behav Manag. 2023. № 16. P. 3739 – 3763. doi: 10.2147/PRBM.S421549. PMID: 37705849; PMCID: PMC10497058

10. Nuralieva N., Wei Z., Fazal K. Academic Adaptation and Autonomy in Learning Environments: Investigating Challenges, Support Systems, and Effective Teaching Approaches for International University Students at Bucheon University in Tashkent // Journal of Psychology and Political Science. 2023. P. 1 – 12. 10.55529/jpps.33.1.12.

11. Zhong R., Wang D., Xiao F., Liu X.Study on the Academic Situation and Environmental Factors among the Influencing Factors of International Students' Cross-Cultural Adaptation – Take Chinese Students Studying in the UK as an Example // Advances in Applied Sociology. 2020. №10. P.465 – 482. doi: 10.4236/aasoci.2020.1011027

12. Поваренков Ю.П. Структурно-уровневый подход к периодизации профессионального становления личности // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 212 – 219.

References

1. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment: how to create and measure it, ecopsychological research – 6: ecology of childhood and psychology. Sustainable Development. 2020. No. 6. P. 280.

2. Bondar E.A., Samosenkova T.V. Socio-cultural educational environment for foreign citizens is the key to successful integration into the educational environment of a Russian university. Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 73-76. P. 54 – 58.

3.Bittencourt T., Johnstone C., Adjei M., Seithers L. We See the World Different Now: Remapping Assumptions About International Student Adaptation. Journal of Studies in International Education. 2021. No. 25 (1). R. 35-50. https://doi.org/10.1177/1028315319861366

4. Bushra A., Abdalla F. Academic Adaptation and Achievement: A Comparative Study of Outstanding Students and Students under Academic Probation at the University of Sharjah. International Journal for Re-search in Education. 2020. Vol.44. Iss. 2. Article 1. Available at: https://scholarworks.uaeu.ac.ae/ijre/vol44/iss2/1

5.Farooqi F.A., Khabeer A., Ali S., Khan S.Q. Al-Ansari A. Dundee Ready Educational Environment Measure Tool for Evaluating the Educational Environment: A Systematic Review and Meta-analysis. Open Access Maced J Med Sci [Internet]. 2020. No. 8 (F). R. 108 – 116. Available from: https://oamjms.eu/index.php/mjms/article/view/4280

6. Ferraz A., Monteiro Inácio A., Kerolly J., Bathaus O. Academic Adaptation to Remote Higher Education Questionnaire: Adaptation and Psychometric Study with Universities. Psychological Evaluation. 2023. Vol. 33. P. e3307.doi:https://doi.org/10.1590/1982-4327e3307

7. Khamzina Z.B., Zhalelova G.M., Kaikenov D.B. Adaptation of foreign students to multicultural educational environment of university. Current scientific research in the modern world. 2020. No. 2-6 (58). P. 159 – 164.

8. Li Y., Qian J.A., Rao X.F. Intercultural Adaptation of Undergraduate Students in Germany under the Framework of Sino-Foreign Cooperative Education: An Empirical Study. Open Access Library Journal. 2021. No. 8. R. 1 – 11. doi: 10.4236/oalib.1106837

9. Li R., Che Hassan N., Saharuddin N. Psychological Capital Related to Academic Outcomes Among University Students: A Systematic Literature Review. Psychol Res Behav Manag. 2023. No. 16. R. 3739 – 3763. doi: 10.2147/PRBM.S421549. PMID: 37705849; PMCID: PMC10497058

10. Nuralieva N., Wei Z., Fazal K. Academic Adaptation and Autonomy in Learning Environments: Investigating Challenges, Support Systems, and Effective Teaching Approaches for International University Students at Bucheon University in Tashkent. Journal of Psychology and Political Science. 2023. R. 1 – 12. 10.55529/jpps.33.1.12.

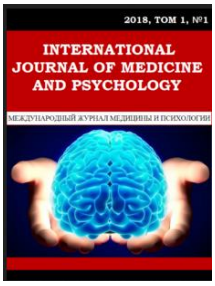
11. Zhong R., Wang D., Xiao F., Liu X. Study on the Academic Situation and Environmental Factors among the Influencing Factors of International Students' Cross-Cultural Adaptation – Taking Chinese Students Studying in the UK as an Example. Advances in Applied Sociology. 2020. No. 10. R.465 – 482. doi: 10.4236/aasoci.2020.1011027

12. Povarenkov Yu.P. Structural-level approach to the periodization of professional development of personality. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2017. No. 6. P. 212 – 219.

Информация об авторе

Максимова Н.А., аспирант, Orcid ID: https://orcid.org/0000-0002-8697-1056, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14, natalya-maksimova-2021@mail.ru

© Максимова Н.А., 2024



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9.07

[1] Борисова И.В.,
[1] Наумов М.В.,
[1] Успенская И.М.,
[1] Шелегин И.В.,
[1] Государственный университет просвещения

Влияние особенностей взаимодействия с родителями студентов I курса на выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях

Аннотация: в данной работе авторы исследуют влияние некоторых особенностей взаимодействия с родителями студентов I курсов университета на выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Проведен теоретический анализ понятия «конфликт», приведены ссылки на работы авторов, занимающихся данной проблематикой.

В работе описана специфика студенческого возраста: нестабильность эмоционального состояния; не до конца сформированные ценности; склонность к максимализму.

Помимо теоретической части, значительную часть работы занимает эксперимент. Его целью является установление конкретных взаимосвязей между тем, как студенты взаимодействуют с матерью и тем, какая стратегия поведения в конфликте является преобладающей. Установлено, что студенты 1 курса имеют высокий уровень автономии. При этом отмечаются признаки, указывающие на то, что сам процесс сепарации от родителей ещё не завершен до конца. Результат работы представлен в виде таблицы, отображающей описанные корреляционные связи. Обнаружено, что между преобладающей тактикой соперничества и сотрудничеством в семье существует прямая корреляционная связь. Существует также прямая взаимосвязь между частотой выбора тактики приспособления в конфликтных ситуациях и требовательностью матери. Сделан вывод о том, что характер взаимодействия с матерью определяет поведение студентов в спорных ситуациях. В результате исследования отмечено, что на сам процесс выработки стиля поведения у молодых людей в конфликтных ситуациях большое влияние оказывают взаимоотношения и модель взаимодействия с родителями, в частности, с матерью. Осуществлена интерпретация полученных данных.

По результатам исследования сделаны выводы и даны практические рекомендации педагогам, студентам.

Ключевые слова: студенты, студенческая молодежь, студенческий возраст, взаимодействие с родителями, конфликт, стратегии поведения в конфликте, выбор стратегии поведения в конфликте

Для цитирования: Борисова И.В., Наумов М.В., Успенская И.М., Шелегин И.В. Влияние особенностей взаимодействия с родителями студентов I курса на выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 75 – 80.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Borisova I.V.,***
[1] ***Naumov M.V.,***
[1] ***Uspenskaya I.M.,***
[1] ***Shelegin I.V.,***
[1] *Federal State University of Education*

Influence of features of interaction with parents of first-year students on the choice of behavior strategy in conflict situations

Abstract: in this paper, the authors investigate the influence of some features of interaction with parents of first-year university students on the choice of behavior strategies in conflict situations. A theoretical analysis of the concept of "conflict" is carried out, and references are given to the works of authors dealing with this issue.

The work describes the specifics of student age: instability of emotional state; incompletely formed values; a penchant for maximalism.

In addition to the theoretical part, an experiment takes up a significant part of the work. Its purpose is to establish specific relationships between how students interact with their mother and which strategy of behavior in conflict is predominant. It has been established that 1st year students have a high level of autonomy. At the same time, there are signs indicating that the process of separation from parents has not yet been fully completed. The result of the work is presented in the form of a table showing the correlations described above. It was found that there is a direct correlation between the prevailing tactics of competition and cooperation in the family. There is also a direct relationship between the frequency of choosing adaptation tactics in conflict situations and the mother's demandingness. It is concluded that the nature of interaction with the mother determines the behavior of students in controversial situations. As a result of the study, it was noted that the process of developing a style of behavior in young people in conflict situations is greatly influenced by the relationship and model of interaction with parents, in particular with the mother. Interpretation of the received data was carried out.

Based on the results of the study, conclusions were drawn and practical recommendations were given to teachers and students.

Keywords: students, student youth, student age, interaction with parents, conflict, strategies of behavior in conflict, choosing a strategy of behavior in a conflict

For citation: Borisova I.V., Naumov M.V., Uspenskaya I.M., Shelegin I.V. Influence of features of interaction with parents of first-year students on the choice of behavior strategy in conflict situations. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 75 – 80.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Актуальность выбранной нами темы обусловлена тем, что студенческий возраст – это очень важный период становления личности, имеющий свои психологические особенности. В социальных науках студенческая молодежь даже выделяется в особую социально-демографическую категорию. Это время формирования у молодых людей своих собственных взглядов и суждений. И конечно, этот процесс не может проходить без сложностей как во взаимоотношениях с родителями, так и с окружающими людьми, своими сверстниками.

Конфликтные ситуации в студенческой среде возникают в различных сферах взаимодействия: учебной, коллективной, трудовой, общественно-полезной, научной, творческой, спортивной, бытовой и т.д. [9].

В периодизации психического развития Д.Эльконина выделяется подростковый кризис 15-17 лет, который характеризуется вступлением человека во взрослую жизнь, сменой привычного круга общения. По сути, этот период соотносится с выбором будущей профессии и поступлению на I курс выбранного вуза. Можно отметить присущие этому возрасту нестабильность эмоционального состояния; не до конца сформированные ценности; склонность к максимализму из-за отсутствия жизненного опыта.

Одной из особенностей периода студенчества является высокая интенсивность общения. Она проявляется в активном взаимодействии студенческой молодежи с различными социальными слоями общества. При этом сохраняется тесная связь с родителями, которые продолжают финансировать образование детей, оказывают им другие виды материальной и нематериальной помощи. Таким об-

разом, существуют предпосылки для возникновения различных конфликтных ситуаций, и от понимания этих закономерностей зависит успешность выбора молодыми людьми своей стратегии поведения, умение конструктивно разрешать в будущем подобные ситуации.

Среди факторов, детерминирующих своеобразие конфликтности в молодежной среде, некоторые авторы выделяют: стремительные перемены, затрагивающие все сферы общественной жизни; мобильность, мозаичность культур и мировоззрений, экономическую нестабильность и др. [2].

Термин «конфликт», который пришел в русский язык из латыни и буквально переводится как «столкновение», стал употребляться с XIX века. Но само явление, которое существует с древнейших времен, просто называлось различными словами, такими как «разногласие», «спор», «столкновение» и т.д. [10].

Конфликт – это такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) и (или) суждений (мнений, взглядов, оценок и т.п.) [5].

Согласно исследованиям современных авторов, в конфликтной ситуации молодые люди зачастую действуют в соответствии не только со своими собственными установками и личностным выбором, но и с тем, как они воспринимают воспитательную стратегию родителя. Родительское отношение во многом определяет развитие стратегии взаимодействия в конфликтной ситуации. Подростки, чьи родители демонстрируют принятие, высоко оценивают их способности, поощряют самостоятельность и инициативу, способны идти на компромисс и завершать конфликт без перехода в состояние полномасштабной войны. Они также нацелены на конструктивное и эффективное поведение практически в любом конфликте [6].

Алексеева Е.Н. отмечает гендерные различия в представлении об образе матери и отца: девушки склонны выше оценивать уровень позитивного интереса, любви и принятия со стороны матери, когда для юношей более характерно переживание недостатка материнской любви и тепла, при этом, юноши более склонны оценивать отношение отцов как директивное, контролирующее, враждебное, непоследовательное [1].

Ранее нами и некоторыми другими авторами [3, 4] отмечалось влияние акцентуаций характера студентов на выбор ими стратегии поведения в конфликте, поэтому целесообразным представляется теперь рассмотреть, каким образом взаимодействие с родителями также может влиять на выбор стратегий поведения студентами в конфликтных ситуациях.

Рассматривая семью как структуру по защите от внешних социальных влияний, подростки чаще, чем родители, фиксируют удовлетворительные и даже конфликтные отношения. Ограничения и частый запрет усиливает акцентуацию статуса подростков, особенно их астеничные черты характера [8].

Материалы и методы исследований

Эмпирической базой для нашего исследования стали 32 студента Государственного университета просвещения, 15 юношей и 17 девушек, обучающихся на I курсе экономического и юридического факультетов. Возраст студентов варьировался от 17 до 18 лет.

В ходе эксперимента были использованы следующие методики: тест К. Томаса-Киллмана (TKI) в адаптации Н.В.Шаньгина (2015) [11] и методика «Взаимодействие родитель-ребенок (ВРР) И.М. Марковской (1998) [7], в котором нами рассматривалось видение взаимодействия с позиции детей. Для исследования был выбран вариант «Подросток о матери», что связано с тем, что значительное количество студентов – из неполных семей.

Результаты и обсуждения

В целях получения эмпирических данных для их последующего анализа и интерпретации нами было проведено исследование на базе Государственного университета просвещения в сентябре 2024 года.

Для выявления взаимосвязей между взаимодействием студентов с родителями и доминирующей стратегией выхода из конфликтных ситуаций применялся коэффициент линейной корреляции, указывающий на степень взаимосвязи двух признаков. В ходе проведения математических расчетов мы использовали статистический пакет SPSS 10.0 (статистический пакет для социальных наук).

По результатам методики «Взаимодействие родитель-ребенок (ВРР) следует отметить, что по шкале «Автономия/Контроль» лишь 28% обследуемых отмечает высокий уровень родительского контроля, при этом у большинства студентов (88%) выявлена тесная эмоциональная близость с матерью. Это говорит о том, что сам процесс сепарации от родителей до конца ещё не завершен, но студенты имеют уже достаточно высокий уровень автономии, что может быть связано как с отдельным проживанием от родителей, так и удаленностью вуза от дома.

При этом у 100% обследуемых в семье выявлена высокая степень принятия, что является положительным фактором для их дальнейшего лич-

ностного развития при переходе в юношеский возраст. Наличие сотрудничества отметили также подавляющее число студентов (96 %).

Признают авторитет матери и удовлетворены сложившимися отношениями 92 % опрошенных.

Если проанализировать преобладающие стратегии поведения в конфликтных ситуациях, то можно привести следующие данные: для 24 % обследуемых доминирующей является тактика приспособления, а для 8 % – соперничества.

Далее мы предположили, что некоторые особенности взаимодействия с родителями могут оказывать непосредственное влияние на то, как студенты будут вести себя в различных нестандартных ситуациях, какая тактика будет преобладать.

В связи с вышеизложенным, основной задачей было установить, существует ли взаимосвязь между выбором студентами стратегии поведения в конфликтных ситуациях и особенностями взаимодействия с родителями, в данном случае рассматривалось взаимодействие с матерью.

Мы использовали коэффициент линейной корреляции для оценки степени взаимосвязи между данными переменными.

Таблица 1

Анализ взаимосвязи взаимодействия с родителями со стратегией поведения первокурсников в конфликте при помощи линейной корреляции.

Table 1

Analysis of the relationship between interaction with parents and the strategy of first-year students' behavior in conflict using linear correlation.

Матрица корреляций

	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Нетребовательность / требовательность	-,257	-,098	-,166	,037	,534**
Мягкость / строгость	-,246	-,049	,143	,051	,176
Автономия / контроль	-,015	,096	-,012	,080	-,124
Эмоциональная дистанцированность / близость	,211	-,113	-,188	,008	,039
Отвержение / принятие	,335	,105	-,255	-,048	-,103
Отсутствие сотрудничества / сотрудничество	,342*	-,149	-,261	-,070	,025
Несогласие / согласие	,132	-,143	-,172	-,036	,104
Непоследовательность / последовательность	,000	-,091	-,206	,245	-,070
Авторитетность	,289	,023	-,283	-,260	,177
Удовлетворенность отношениями	,060	,007	-,097	-,055	,131

**. корреляция значима на уровне 0,01

*. корреляция значима на уровне 0,05

Из полученных результатов видно, что между преобладающей тактикой соперничества и сотрудничеством в семье существует прямая корреляционная связь. То есть, чем больше наблюдается в семье сотрудничества с матерью, тем чаще в поведении студентов преобладает тактика соперничества. Это можно объяснить таким образом, что, чувствуя значимость своего мнения в отношениях с матерью, молодой человек не боится активно отстаивать свое мнение в социуме.

Далее, мы видим, что существует прямая взаимосвязь между частотой выбора тактики приспособления в конфликтных ситуациях и требовательностью матери. Учитывая, что результаты, приведенные выше, показывают, что практически у всех студентов существует сильная эмоциональная близость с матерью, можно говорить о её сильном влиянии на то, что в жизненных ситуациях молодыми людьми будет выбираться зачастую не самая продуктивная модель поведения. Полученные данные перекликаются с исследованиями других авторов, которые указывают на положительную корреляцию между симбиозом с родителями и выбором тактики приспособления [6].

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что характер взаимодействия с матерью в определенной степени определяет поведение студентов в конфликтных, спорных ситуациях. В студенческом возрасте происходит интенсивное формирование личности, выработка стиля поведения и образа жизни. Происходит окончательное формирование характера, закладываются фундаментальные основы мировоззрения. И на этот процесс самое непосредственное влияние оказывают взаимоотношения и модель взаимодействия с родителями, в частности, с матерью. Этот факт необходимо учитывать в своей работе педагогам и психологам вуза, в частности, при исследовании уровня сепарации от родителей в юношеском возрасте.

Список источников

1. Алексеева Е.Н. Развитие представлений о семье и образе родителя в системе детско-родительских отношений // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 173 – 176.
2. Аржановская А.В., Боровицкая Ю.В. Специфика восприятия конфликтов в молодежной студенческой среде // Живая психология. 2024. Т. 11. № 3. С. 36 – 44.
3. Борисова И.В., Шебеко А.А., Бырина О.Б., Успенская И.М., Балашова Е.Ю. Анализ влияния пола и акцентуаций характера студентов на выбор стратегии поведения в конфликте // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 10. С. 12 – 18.
4. Добровидова Н.А. Связь типа семейного воспитания с акцентуациями характера современного подростка [Электронный ресурс] // Научно-популярный журнал «Партнерство через образование». 2017. № 14 URL: http://partner.iro63.ru/index.php/stati/2017-god/14-2017-god/78-stati/264-14-30 (дата обращения: 10.10.2024)
5. Емельянов С.М. Конфликтология: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 322 с.
6. Макарова Е.Ю., Матюшина Л.А. Отношения с родителями как фактор выбора стратегии поведения подростков в конфликтных ситуациях // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 7 (111). С. 34 – 40.
7. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь, 2005. 150 с.
8. Мусина А.А. Семейное воспитание в акцентуации психологического статуса подростков // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. Т. 4. № 2 (13). С. 24 – 28.
9. Петрова Е.Г. Особенности выбора стратегии поведения в конфликте в студенческой среде // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2015. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vybora-strategii-povedeniya-v-konflikte-v-studencheskoy-srede/viewer (дата обращения: 14.01.2025)
10. Дедов Н.П., Морозов А.В., Сорокина Е.Г., Суслова Т.Ф. Социальная конфликтология: учебное пособие для студ. высш.учеб. заведений / Под ред. А.В. Морозова. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 336 с.
11. Тест Томаса-Киллмана (в адаптации Н.В. Шаньгина). URL: https://psytests.org/confl/tki.html?ysclid=m0wafuewol893898021 (дата обращения: 15.09.2024)

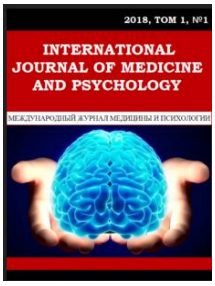
References

1. Alekseeva E.N. Development of ideas about family and the image of a parent in the system of parent-child relationships. Theory and practice of social development. 2012. No. 12. P. 173 – 176.
2. Arzhanovskaya A.V., Borovitskaya Yu.V. Specificity of perception of conflicts in the youth student environment. Living Psychology. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 36 – 44.
3. Borisova I.V., Shebeko A.A., Byrina O.B., Uspenskaya I.M., Balashova E.Yu. Analysis of the influence of gender and character accentuations of students on the choice of behavior strategy in a conflict. Pedagogical education. 2024. Vol. 5. No. 10. P. 12 – 18.
4. Dobrovidova N.A. The connection between the type of family education and the character accentuations of a modern teenager [Electronic resource]. Popular science journal "Partnership through education". 2017. No. 14 URL: http://partner.iro63.ru/index.php/stati/2017-god/14-2017-god/78-stati/264-14-30 (date of access: 10.10.2024)
5. Emelianov S.M. Conflictology: textbook and practical training for universities. 4th ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 322 p.
6. Makarova E.Yu., Matyushina L.A. Relationships with parents as a factor in choosing a strategy for adolescents' behavior in conflict situations. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. No. 7 (111). P. 34 – 40.
7. Markovskaya I.M. Training of interaction of parents with children. SPb.: Rech, 2005. 150 p.
8. Musina A.A. Family education in accentuation of psychological status of adolescents. Bulletin of the Council of young scientists and specialists of the Chelyabinsk region. 2016. Vol. 4. No. 2 (13). P. 24 – 28.
9. Petrova E.G. Features of the choice of strategy of behavior in a conflict among students. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2015. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vybora-strategii-povedeniya-v-konflikte-v-studencheskoy-srede/viewer (access date: 01/14/2025)
10. Dedov N.P., Morozov A.V., Sorokina E.G., Suslova T.F. Social conflictology: a textbook for students. higher education institutions. Ed. A.V. Morozova. M.: Publishing center "Academy", 2002. 336 p.
11. Thomas-Killman test (adapted by N.V. Shangin). URL: https://psytests.org/confl/tki.html?ysclid=m0wafuewol893898021 (accessed: 15.09.2024)

Информация об авторах

Борисова И.В., кандидат педагогических наук, доцент, SPIN-код: 8153-8534, Государственный университет просвещения, bushcrafting2022@gmail.com
Наумов М.В., старший преподаватель, Государственный университет просвещения
Успенская И.М., старший преподаватель, Государственный университет просвещения
Шелегин И.В., доцент, Государственный университет просвещения

© Борисова И.В., Наумов М.В., Успенская И.М., Шелегин И.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.91

[1] Ядрищенская Т.В.,
[1] Тихоокеанский государственный университет

Взаимосвязь индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния и компонентов самоорганизации в условиях образовательной деятельности

Аннотация: в статье рассматриваются результаты сравнительного анализа индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния по Л.Г. Дикой и В.И. Щедрову в студенческой группе в 2020 г. и в 2024 г., такими как гармоничный, затратный, экономный и накопительный. В 2020 г в исследуемой группе преобладают студенты с оптимальными стилями саморегуляции, такими как гармоничный и накопительный, в то время как в 2024 г. ведущими групповыми стилями в респондируемой группе студентов являются неоптимальные стили, такие как затратный и экономный, что требует разработки рекомендаций для этих обучающихся по сознательному планированию и организации образовательной деятельности. Изучена взаимосвязь исследуемых стилей саморегуляции с компонентами самоорганизации по А.Д. Ишкову, такими как целеполагание, анализ ситуации, планирование, самоконтроль, волевые усилия и общий уровень самоорганизации. В ходе проведенного исследования нами были установлены статистически достоверные корреляционные взаимоотношения между показателями эрготропности, такими как суммарное отклонение от аутогенной нормы и вегетативного коэффициента, и компонентами самоорганизации, с другой стороны, что указывает на взаимосвязь физиологического и личностного уровней в формировании индивидуальных стилей психического состояния, реализуемых через деятельностный подход. Результаты однофакторного дисперсионного анализа на основе значений F-критерия Фишера свидетельствуют о том, дисперсия между индивидуальными стилями саморегуляции функционального состояния у респондируемых студентов достоверно отличается от внутригрупповой дисперсии, что свидетельствует о наличии межуровневых взаимодействий между психофизиологическим и личностным уровнем регулятивных механизмов человека.

Ключевые слова: индивидуальные стили саморегуляции функционального состояния, компоненты самоорганизации, системный подход, межуровневые взаимодействия, корреляционные взаимоотношения, дисперсионный анализ, студенты

Для цитирования: Ядрищенская Т.В. Взаимосвязь индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния и компонентов самоорганизации в условиях образовательной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 81 – 88.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Yadrishchenskaya T.V.,
[1] Pacific State University

Relationship between individual styles of self-regulation of functional state and components of self-organization in the conditions of educational activities

Abstract: the article discusses the results of a comparative analysis of individual styles of self-regulation of the functional state according to L.G. Dikaya and V.I. Shchedrov in a student group in 2020 and 2024, such as harmonious, costly, economical and cumulative. In 2020, the study group is dominated by students with optimal self-regulation styles, such as harmonious and cumulative, while in 2024, the leading group styles in the respondent

group of students are non-optimal styles, such as costly and economical, which requires the development of recommendations for these students on conscious planning and organization of educational activities. The relationship between the studied self-regulation styles and the components of self-organization according to A.D. Ishkov, such as goal-setting, situation analysis, planning, self-control, volitional efforts and the general level of self-organization, was studied. In the course of the conducted research we established statistically reliable correlation relationships between the ergotropic indices, such as the total deviation from the autogenic norm and the vegetative coefficient, and the components of self-organization, on the other hand, which indicates the relationship between the physiological and personal levels in the formation of individual styles of mental state, implemented through the activity approach. The results of the one-factor analysis of variance based on the values of the Fisher F-criterion indicate that the variance between individual styles of self-regulation of the functional state in the responding students is significantly different from the intra-group variance, which indicates the presence of inter-level interactions between the psychophysiological and personal levels of human regulatory mechanisms.

Keywords*:* individual styles of self-regulation of functional state, components of self-organization, systems approach, interlevel interactions, correlation relationships, dispersion analysis, students

For citation: Yadrishchenskaya T.V. Relationship between individual styles of self-regulation of functional state and components of self-organization in the conditions of educational activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 81 – 88.

The article was submitted: November 28, 2024; Approved after reviewing: January 27, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

В настоящее время студенты испытывают достаточно сильное психоэмоциональное и физическое напряжение, связанное с необходимостью выполнять большой объем учебной нагрузки, имея при этом недостаточный уровень сформированности осознанной самоорганизации и саморегуляции. Разработка структурно-динамических образований организации учебной деятельности требует необходимость исследования факторов и условий эффективного осуществления этого процесса. Познание обучающимися своих личностных качеств, в основе которых лежат как конституциональные психофизиологические особенности, такие как индивидуальные стили саморегуляции функционального состояния, так и формируемые в процессе саморазвития и самовоспитания компоненты самоорганизации, является необходимым условием успешного овладения профессиональными компетенциями в ходе учебной деятельности.

В различных областях психологии исследователями получены определенные результаты в решении проблем саморегуляции человеком своей деятельности, такие как, выделение определенных условий воспитания, особенностей направленности личности и др. [3, 6].

В нашем исследовании мы использовали методологический подход к формированию индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния с позиций системной организации человека как интегральной индивидуальности [5], который был предложен Л.Г. Дикой, В.И. Щедровым [1, 2, 10]. Индивидуальные стили саморегуляции функционального состояния по Л.Г. Дикой и В.И. Щедрову обусловлены межфункциональным взаимодействием когнитивного, эмоционального и активационного компонентов деятельности человека [1, 2, 10].

Личность выступает системообразующим фактором целостности субъекта в различных видах деятельности. В связи с этим возникает необходимость сопоставить индивидуальные стили саморегуляции функционального состояния со способностью личности к самоорганизации, рассматривая этот процесс как осознанную совокупность мотивов и свойств личности.

Целью нашего исследования являлся анализ групповых стилей саморегуляции функционального состояния студентов Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) и показателей их самоорганизации с установлением взаимосвязи между ними для теоретического обоснования рекомендаций по повышению эффективности самоконтроля учебной деятельности.

Материалы и методы исследований

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе в 2019-2020 гг. по методике определения индивидуального стиля саморегуляции состояния Л.Г. Дикой и В.И. Щедрова было протестировано 52 студента разных направлений очной формы обучения ТОГУ в возрасте 18-25 лет [9]. На втором этапе в 2024 г. в этом исследовании приняли участие 65 студентов очной формы обучения того же университета в возрасте от 18 до 30 лет. Эти же студенты прошли анкетирование на

определение особенностей их самоорганизации по методике А.Д. Ишкова.

Оценка индивидуальных стилей саморегуляции проводилось с использованием методических подходов Л.Г. Дикой, В.И. Щедрова [1, 2]. «В соответствии с этой моделью на первом физиологическом уровне работает механизм энергетического обеспечения саморегуляции, на втором психодинамическом – механизмы, обеспечивающие поведенческую и эмоциональную активность и вариабельность, совместная деятельность которых определяет динамику адаптации личности в общении и работе…» [2, с. 134].

В основу методики положено определение следующих психофизиологических свойств: 1) уровня эргичности, который оценивается по показателю суммарного отклонения от аутогенной нормы (СО) и вегетативному коэффициенту (ВК), определяемых с помощью цветового теста М. Люшера; 2) уровня вертированности, оцениваемого с использованием Личностного опросника Г. Айзенка [1].

Для определения особенностей компонентов самоорганизации у студентов мы применили методику «Диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) А.Д. Ишкова, содержащую интегральную шкалу «Уровень самоорганизации» и шесть частных шкал, характеризующих уровень развития одного личностного компонента самоорганизации (волевые усилия) и пяти функциональных компонентов: целеполагание, анализ ситуации, планирование, самоконтроль, коррекция [4].

Согласно Л.Г. Дикой, В.И. Щедрову выделяют следующие стили саморегуляции функционального состояния:

- гармоничный – экстраверт эрготропного реагирования. Характеризуется наличием высокого уровня эргичности, который сопровождается выраженной потребностью к активности (экстравертированность);
- затратный – экстраверт с выраженной трофотропностью и низкими энергетическими ресурсами. Этот стиль определяется тем, что имеет относительно низкий уровень эргичности в сочетании с высокой потребностью к активности;
- накопительный – интроверт с эрготропным реагированием проявляется наличием высокого уровня эргичности при низкой потребности к активности;
- экономный – интроверт с трофотропным потенциалом имеет низкий уровень эргичности, но при этом и низкую потребность в реализации этой энергии.

Результаты и обсуждения

Анализ результатов тестирования студенческой группы на определение индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния в 2020 г. и 2024 г. показал не значительные процентные различия в группах с разными индивидуальными стилями саморегуляции состояния (рис. 1). Из рис. 1 видно, что распределение студентов по стилям является относительно равномерным с небольшими изменениями. Так, исследование в 2020 г. показывает, что в респондируемой выборке студентов преобладает гармоничный и накопительный стили саморегуляции, которые считаются наиболее оптимальными с точки зрения внутренних адаптационных ресурсов к выполнению деятельности [9]. В 2024 г. «картина» меняется в сторону увеличения неоптимальных стилей саморегуляции: экономного и затратного (60 % обучающихся). В 2024 г. в респондируемой студенческой группе преобладает (34 %) затратный стиль саморегуляции. Этот стиль можно отнести к наиболее «проблемным», так как при высоком уровне потребности к деятельности, явно выражен недостаток ресурсов (эргичности) для их реализации, что приводит к быстрому истощению организма и проявляется в эмоциональных и физических аспектах утомления. Студентам с таким стилем саморегуляции состояния особенно необходимо сознательно продумывать методы и способы рационализации своего режима труда и отдыха.

Рис. 1. Сравнительный анализ групповых стилей саморегуляции в репондируемых выборках студентов в 2020 г. и в 2024. г в % (n=117).
Fig. 1. Comparative analysis of group self-regulation styles in the respondent samples of students in 2020 and 2024 in % (n=117).

Экономный стиль саморегуляции характеризуется тем, что интенсивная или длительная продуктивная познавательная деятельность студентов относительно затруднена в связи с ограничениями внутреннего функционального характера. Таким обучающимся рекомендуется создавать по возможности наиболее комфортные условия для обучения, разделять большой объем работы на мелкие задачи и выполнять их постепенно, рационально планировать свою деятельность с осуществлением ее сознательного контроля. Гармоничный тип саморегуляции состояния имеет наиболее оптимальные внутренние ресурсы для выполнения любой деятельности, что в какой-то степени обеспечивает им определенные преимущества по сравнению с другими стилями. Накопительный стиль характеризуется интровертивным типом личности с достаточной энергией для осуществления деятельности, поэтому особой проблемы в продуктивности они не имеют, однако могут не рационально распределять свои силы в течение дня. «Будучи не очень активны в поведении и имея большие резервы, они как бы накапливают ресурсы, и поэтому в напряженных условиях могут позволить себе выплеснуть эмоции наружу, не ухудшая свое состояние» [2, с. 138]. Согласно литературным данным, индивидуальный стиль саморегуляции состояния складывается, с одной стороны, из совокупности природных свойств, и, с другой стороны, из сложившейся в течение жизни системы приемов и способов саморегуляции состояния [2]. Особенности этого взаимодействия оказывают влияние на психоэмоциональное состояние, волевую сферу обучающихся и формируют при сознательном контроле особые способы самоорганизации, компенсируя или усиливая недостатки стиля.

Анализ средних групповых значений компонентов самоорганизации в обследованной группе студентов показал, что гармоничный стиль саморегуляции имеет наиболее высокие баллы значений почти по всем изучаемым элементам самоорганизации, что свидетельствует о том, что представители этого стиля в сравнении с другими типами имеют больше возможностей к самоуправлению, самоорганизации различных видов деятельности, включая учебную (рис. 2). Наиболее низкие проявления способностей к самоорганизации продемонстрировали студенты с экономным стилем саморегуляции (рис. 2).

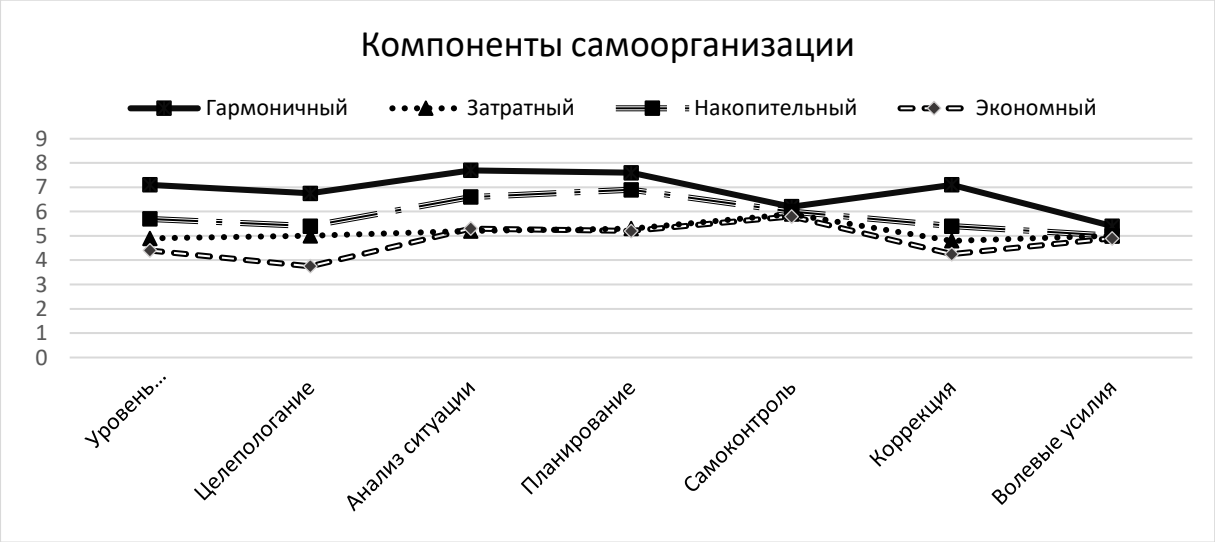


Рис. 2. Среднегрупповые значения в баллах компонентов самоорганизации у различных стилей саморегуляции (n=65).

Fig. 2. Average group values in points of self-organization components for different self-regulation styles (n=65).

Этим обучающимся достаточно затруднительным является формирование навыков принятия, удержания и коррекции цели, анализа обстоятельств, плана действий, критериев оценки действий, форм самоконтроля, волевой регуляции и поведения в целом.

С позиций системного подхода к изучению человека как интегральной индивидуальности [5] и структурно-функционального подхода к формированию индивидуальных регулятивных механизмов, которые складываются из трех основных уровней: физиологического, психодинамического и личностного [7], мы решили определить степень взаимодействия между физиологическим и личностным уровнями в организации человеческой деятельности с помощью коэффициента корреляции. Оценка коэффициента корреляции между показателями эргичности, такими как СО – суммарное отклонение от аутогенной нормы и ВК – вегетативный коэффициент (баланс между активностью симпатического и парасимпатического отделов нервной системы), как показателями физиологического уровня, с одной стороны, и компонентами самоорганизации, как проявлениями личностного уровня, выраженными в баллах, с другой стороны, показала большое количество достоверных значений коэффициента корреляции r, при статистическом уровне значимости $p < 0,05$ (табл. 1).

Таблица 1

Значение коэффициента корреляции в исследуемых диадах.

Table 1

The value of the correlation coefficient in the studied dyads.

Показатели коррелируемых данных	Значение коэффициента корреляции r
ВК – Уровень самоорганизации	0,397*
ВК – Целеполагание	0,220
ВК – Анализ ситуации	-0,310*
ВК – Планирование	- 0,351*
ВК – Самоконтроль	0,210
ВК – Коррекция	0,416*
ВК – Волевые усилия	0,373*
СО – Уровень самоорганизации	- 0,389*
СО – Целеполагание	- 0,280*
СО – Анализ ситуации	- 0,438*
СО – Планирование	- 0,436*

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

СО – Самоконтроль	- 0,303*
СО – Коррекция	- 0,114
СО – Волевые усилия	- 0,341*

Примечание: знаком «» обозначены достоверные значения при p <0,05*
Note: the sign "" indicates reliable values at p < 0.05*

Полученные результаты свидетельствуют о том, что способности к самоорганизации, такие как целеполагание, планирование, самоконтроль, волевые усилия имеют определенную зависимость от проявления гомеостатических механизмов энергетического обеспечения саморегуляции – эрго/трофотропного типа вегетативной регуляции.

Применение однофакторного дисперсионного анализа с целью сравнения межгрупповых и внутригрупповых дисперсий по компонентам самоорганизации в группах студентов с определенным стилем саморегуляции также продемонстрировало наличие системных взаимодействий между личностным и психофизиологическим уровнями регулятивных механизмов (табл. 2).

Анализ результатов однофакторного дисперсионного анализа по F-критерию показал наличие статистически значимой связи (p <0,01) между проявлением способностями к самоорганизации, такими как, волевые усилия, уровень самоорганизации, целеполагание, коррекция, планирование, анализ ситуации, самоконтроль, и индивидуальными стилями саморегуляции состояний на основе вертированности и эрготропности (табл. 2).

Таблица 2
Значение F-критерия Фишера по однофакторному дисперсионному анализу между стилями саморегуляции состояния и компонентами самоорганизации.

Table 2
The value of Fisher's F-criterion for one-way ANOVA between self-regulation styles and self-organization components.

Значение F-критерия	Компоненты самоорганизации						
	Уровень самоорганизации	Целеполагание	Анализ ситуации	Планирование	Самоконтроль	Коррекция	Волевые усилия
	15,45*	8,04*	9,54*	9,55*	4,17*	6,84*	7,14*

Примечание: знаком «» показано, что для этих значений F критическое для сравнения = 2,73.*
Note: the sign "" indicates that for these values F is critical for comparison = 2.73.*

Наиболее выраженные значения коэффициента детерминации, вычисленные на основе дисперсионного анализа, были установлены для интегрального уровня самоорганизации (η^2_{yx}=40 %), что показывает весомый вклад индивидуального стиля саморегуляции в процесс личностной самоорганизации.

Выводы

Результаты нашего исследования показывают, что распределение респондируемых студентов по индивидуальным стилям саморегуляции функционального состояния относительно равномерное, с небольшими отклонениями в выборках 2020 г. и 2024 г., где наблюдается «переход» от оптимальных стилей саморегуляции к не оптимальным. Саморегуляция состояний и личностные качества, определяющие уровень самоорганизации, тесно взаимодействуют. Таким образом, анализ результатов нашего исследование подтверждает данные о том, что в целостном виде индивидуальный стиль саморегуляции психических состояний включает три уровня (физиологический, психофизиологический и психологический) [8].

Вектор взаимодействия может быть направлен как от внутренних нейрофизиологических и психодинамических процессов саморегуляции на внешнее поведенческое проявление особенностей самоорганизации, так и, наоборот, от целенаправленного управления своей деятельностью на внутренние физиологические и психофизиологические ресурсы. В первом случае, этот вектор в большей степени является неосознаваемым, и задача нашего исследования состоит в том, чтобы используя потребность в самопознании у обучающейся молодежи, актуализировать определенные элементы их самосознания для создания самим студентом оптимальных для себя условий взаимодействия с профессионально-ориентированной деятельностью. Обладая необходимыми знаниями в области проявления психофизиологических свойств, сту-

денческая молодежь будет более успешно формировать индивидуальные траектории самовоспитания и саморазвития.

Полученные результаты были положены в основу составления рекомендаций для студентов с разными индивидуальными стилями саморегуляции функциональных состояний с целью оптимизации процессов их самоорганизации в аспекте образовательной деятельности.

Список источников

1. Дикая Л.Г., Семикин В.В., Щедров В.И. Исследование индивидуального стиля саморегуляции психофизиологического состояния // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 28 – 37.

2. Дикая Л.Г., Щедров В.И. Направленность и эффективность индивидуальных стилей саморегуляции функционального состояния человека // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2013. № 2 (38). С. 129 – 141.

3. Зобков А.В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности: монография / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; Санкт-Петербург. Акмеолог. акад.; под науч. ред. проф. Н.П. Фетискина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. 320 с.

4. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности. М.: АСВ, 2004. 224 с.

5. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

6. Мижериков В.А. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений: словарь / Сост. В.А. Мижериков. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 544 с.

7. Прохоров А.О. Функциональные структуры саморегуляции психических состояний // Субъект и личность в психологии саморегуляции. М.; Севастополь: Изд-во ПИ РАОЮСев. КавГТУ, 2007. С. 370 – 386.

8. Улановская Л.С. Анализ психических состояний студентов и солдат, имеющих различные стили саморегуляции состояния // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3 (2). С. 439 – 443.

9. Цаберябая А.А., Ядрищенская Т.В. Изучение индивидуальных стилей саморегуляции у школьников и студентов ТОГУ // Материалы секционных заседаний 60-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: Материалы конференции: в 2-х т. Хабаровск, 26-30 апреля 2020 года / Редкол.: И.Н. Пугачев (отв. редактор) и др. Т. 2. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. С. 175 – 179.

10. Щедров В.И Формирование индивидуального стиля саморегуляции состояния в процессе обучения: дис. …канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 1994.

References

1. Dikaya L.G., Semikin V.V., Shchedrov V.I. Study of individual style of self-regulation of psychophysiological state. Psychological journal. 1994. Vol. 15. No. 6. P. 28 – 37.

2. Dikaya L.G., Shchedrov V.I. Direction and effectiveness of individual styles of self-regulation of human functional state. Social and humanitarian sciences in the Far East. 2013. No. 2 (38). P. 129 – 141.

3. Zobkov A.V. Acmeology of self-regulation of educational activity: monograph. Vladimir. state University named after A.G. and N.G. Stoletov; St. Petersburg. Acmeological acad.; under the scientific editorship of prof. N.P. Fetiskin. Vladimir: VlSU Publishing House, 2013. 320 p.

4. Ishkov A.D. Student's educational activity: psychological factors of success. Moscow: ASV, 2004. 224 p.

5. Merlin V.S. Essay on the integrated study of individuality. Moscow: Pedagogy, 1986. 256 p.

6. Mizherikov V.A. Psychological and pedagogical dictionary for teachers and heads of general education institutions: dictionary. Comp. V.A. Mizherikov. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. 544 p.

7. Prokhorov A.O. Functional structures of self-regulation of mental states. Subject and personality in the psychology of self-regulation. Moscow; Sevastopol: Publishing House of the Pi RAO Usev. KavSTU, 2007. P. 370 – 386.

8. Ulanovskaya L.S. Analysis of mental states of students and soldiers with different styles of self-regulation of the state. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. Vol. 12. No. 3 (2). P. 439 – 443.

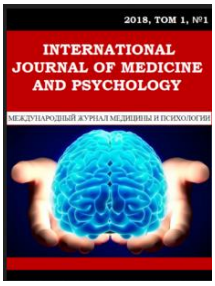
9. Tsaberiabaya A.A., Yadrishchenskaya T.V. Study of individual styles of self-regulation in schoolchildren and students of Pacific National University. Materials of sectional meetings of the 60th student scientific and practical conference of Pacific National University: Conference materials: in 2 volumes. Khabarovsk, April 26-30, 2020. Ed. board: I.N. Pugachev (editor-in-chief) et al. Vol. 2. Khabarovsk: Pacific State University, 2020. P. 175 – 179.

10. Shchedrov V.I. Formation of an individual style of self-regulation of the state in the learning process: diss. … candidate of psychological sciences. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 1994.

Информация об авторе

Ядрищенская Т.В., кандидат биологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, tagir.on-line@mail.ru

© Ядрищенская Т.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9.072

[1] Егорова И.А.,
[1] Коновалова Н.В.,
[1] Таганрогский институт управления и экономики

Тип мышления как личностная детерминанта склонностей обучающихся к научно-исследовательской деятельности

Аннотация: настоящее время требует от обучающихся не только участвовать в реализации различных проектов проекты, но и создавать их, набирать команду работы и получения необходимых результатов и воплощения проектов на практике. Такие умения и навыки могут успешно формироваться в научно-исследовательской деятельности обучающихся. Вместе с тем существуют индивидуальные особенности и предпочтения различных компонентов научно-исследовательской деятельности, которые могут зависеть от различных факторов. Целью исследования является изучение научных склонностей у обучающихся с различными типами мышления. Предметом исследования являются научные склонности, а объектом – обучающиеся 2 курса колледжа различных специальностей. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что у обучающихся с различными типами мышления будут отличаться склонности и предпочтения в компонентах реализации научной деятельности. Методами исследования выступили теоретический анализ научной литературы, тестирование, анкетирование, методы математической статистики. В исследовании использовались методика «Тип мышления» (в модификации Г. Резапкиной), а также разработанная авторами анкета на выявление научных склонностей обучающихся.

Наше исследование показало, что по мнению обучающихся колледжа, исследовательская деятельность позволяет развить критическое мышление, креативность, приобрести опыт, развить навыки самостоятельной работы, работать в команде.

Анализ результатов исследования позволяет определить ряд специфических проявлений склонностей к научно-исследовательской деятельности в зависимости от типа мышления обучающихся. Такими особенностями являются интерес и готовность к участию в научных исследованиях, опыт выполнения тех или иных видов научно-исследовательской деятельности, стремление к самостоятельности или командной работе, потребность в инструкции или наставничестве со стороны преподавателей, выбор тех или иных функций в научном коллективе – сбор, обработка или представление информации, анализ результатов и формулирование выводов, подготовка текстов и презентаций, выступление с устными докладами перед аудиторией.

Результаты исследования могут быть полезны для привлечения обучающихся к научно-исследовательской деятельности, ее планирования и реализации, научного руководства, формирования научных коллективов и студенческих научных сообществ.

Ключевые слова: обучающийся, научно-исследовательская деятельность, склонности к научно-исследовательской деятельности, интересы, готовность к научно-исследовательской деятельности, тип мышления, надпрофессиональные компетенции, боль в пояснице, дулоксетин, антидепрессанты, НПВС, дорсалгия, дорсопатия

Для цитирования: Егорова И.А., Коновалова Н.В. Тип мышления как личностная детерминанта склонностей обучающихся к научно-исследовательской деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 89 – 98.

Поступила в редакцию: 28 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 30 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Egorova I.A.,***
[1] ***Konovalova N.V.,***
[1] *Taganrog Institute of Management and Economics*

Type of thinking as a personal determinant of students' inclinations to research activities

Abstract: nowadays, students are required not only to participate in the implementation of various projects, but also to create them, recruit a team to work and obtain the necessary results and implement projects in practice. Such skills can be successfully developed in the research activities of students. However, there are individual characteristics and preferences of various components of research activities that may depend on various factors. The purpose of the study is to study the scientific inclinations of students with different types of thinking. The subject of the study is scientific aptitudes, and the object is 2nd year college students of various specialties. The research hypothesis is based on the assumption that students with different types of thinking will have different inclinations and preferences in the components of scientific activity. The research methods were theoretical analysis of scientific literature, testing, questionnaires, methods of mathematical statistics. The research used the method of "Type of thinking" (modified by Rezapkina), as well as a questionnaire developed by the authors to identify students' scientific inclinations.

Our research has shown that, according to college students, research activities allow them to develop critical thinking, creativity, gain experience, develop independent work skills, and work in a team.

The analysis of the research results allows us to identify a number of specific manifestations of inclinations to research activities, depending on the type of thinking of students. Such features include interest and willingness to participate in scientific research, experience in performing certain types of research activities, the desire for independence or teamwork, the need for instruction or mentoring from teachers, the choice of certain functions in a research team – collecting, processing or presenting information, analyzing results and formulating conclusions., preparation of texts and presentations, oral presentations in front of an audience.

The research results can be useful for involving students in research activities, their planning and implementation, scientific leadership, the formation of research teams and student scientific communities.

Keywords: student, research activity, inclinations to research activities, interests, readiness for research activities, type of thinking, supra-professional competencies, low back pain, duloxetine, antidepressants, NSAIDs, dorsalgia, dorsopathy

For citation: Egorova I.A., Konovalova N.V. Type of thinking as a personal determinant of students' inclinations to research activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 89 – 98.

The article was submitted: November 28, 2024; Approved after reviewing: January 30, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Современное образование подразумевает не только формирование базовых знаний, умений и компетенций по выбранной профессии, но и разноплановое развитие личности обучающегося. К личности обучающегося предъявляются различные требования, среди которых умение ставить цели и задачи, работать в команде, выполнять различные виды деятельности в условиях многозадачности, иметь развитые коммуникативные навыки и т.д. Возникает вопрос: где и как обучающемуся сформировать данные навыки и умения? Одной из таких возможностей является реализация научно-исследовательской деятельности.

Степень успешности любой деятельности определяется конфигурацией индивидуально-психологических свойств, среди которых особо выделяются способности и склонности личности. Склонности обучающихся к научно-исследовательской деятельности связаны с формированием устойчивого интереса к ней, желания включаться в эту деятельности и выполнять связанные с ней конкретные задачи.

Актуальность исследования типа мышления в системе личностных детерминант, которые определяют склонности обучающихся к научно-исследовательской деятельности, состоит в том, что возникает необходимость и появляется возможность выявлять и развивать потенциал обучающихся в данной области. Это, в свою очередь будет способствовать формированию заявленных ранее надпрофессиональных компетенций.

Исследовательская деятельность подразумевает под собой самомотивацию, умение работать в команде, ставить и достигать поставленные цели и задачи, налаживать коммуникацию. И.А.Зимняя

под исследовательскими умениями понимает способности к проведению самостоятельных исследований, приобретаемые в процессе решения различного рода исследовательских задач [7, с. 56].

А.В. Пеша, С.Ю. Патутина создали модель научно-исследовательской деятельности, которая содержит в себе шесть компонентов: теоретико-информационный; когнитивный; коммуникативно-деятельностный; мотивационно-организационный; операционный; рефлексивно-прогностический [12].

По мнению авторов, умения и навыки научно-исследовательской деятельности формируются у обучающихся при выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ, разработке и реализации проектов, участии в научных конференциях и т.д. Участие в научно-исследовательской деятельности позволяет обучающему стать конкурентоспособной и профессиональной личностью на рынке труда.

Е.П. Бачурина, М.В. Сычева отмечают, что научно-исследовательская деятельность позволяет:

1. рассмотреть актуальные направления развития выбранной профессиональной сферы;
2. дать обучающемуся возможность работы в команде, выполнять различные роли в ней;
3. сформировать у обучающегося опыт работы с теоретической и эмпирической базой в рамках профессионального выбора [2].

Авторы отмечают, что полученный опыт научно-исследовательской деятельности позволит обучающему легче выполнять профессиональные задачи и распределять их как во времени, так и в рамках исследовательской команды.

По нашему мнению, научно-исследовательская деятельность позволяет обучающемуся реализовать себя не только в условиях учебной, но и в профессиональной деятельности, т.к. он погружается в исследование профессиональных вопросов, что, в свою очередь, закладывает процессы профессионального саморазвития. Научно-исследовательская деятельность позволяет развивать надпрофессиональные компетенции студента в связке с расширением профессиональных знаний, взаимодействием с другими людьми.

В современной науке широко обсуждаются модели и методы организации и активизации научно-исследовательской деятельности обучающихся, предлагаются различные принципы и подходы [4, 5, 9, 11, 13].

Потенциал обучающихся к выполнению научно-исследовательской деятельности имеет личностные индивидуально-психологические предпосылки.

В качестве таких предпосылок учеными называются готовность к научно-исследовательской деятельности (М.А. Федорова, А.М. Завьялов, И.В. Шадчин) [14, 16], склонность к научной работе (А.Г. Андронова, А.В. Андронов, Р.А. Биденко) [1], склонность к исследовательской деятельности (В.М. Ковалевская) [8], склонность к научной деятельности (Н.А. Хохлов, Е.В. Цимбалюк, М.И. Сафонова, Т.В. Морозова) [15], академическая увлечённость и вовлечённость (Т.И. Вожиевская) [3], научно-исследовательский потенциал (А.Г. Тюриков, Е.В. Таракановская, Д.А. Кунижева) [13].

С нашей точки зрения, склонность к научно-исследовательской деятельности запускает весь процесс участия обучающихся в разработке и реализации различных научных проектов, в работе студенческих научных объединений, в научно-практических конференциях и конкурсах научных работ и других формах научно-исследовательской деятельности.

За основу мы берем определение склонности, сформулированное А.В. Орловым, который понимал под склонностью «положительное, внутренне мотивированное отношение к какой-либо деятельности», заинтересованность не только в ее целях, но и в самом процессе ее выполнения [10, с. 19].

Имеются данные о том, какие особенности познавательной и мотивационной сфер оказывают влияние на склонности к научно-исследовательской деятельности. Среди них уровень общей эрудиции, аналитические способности, комплексный подход к решению задач, креативность, уровень развития рефлексии, познавательная мотивация, устойчивые профессиональные интересы, опыт участия в научно-исследовательской деятельности, степень ее успешности и ряд других [1, 8, 10, 11, 15].

Нам представляется, что склонность к научной деятельности проявляется в интересе к науке, выраженной мотивации и желании участвовать в различных ее формах, в положительной оценке собственного научно-исследовательского опыта, в готовности выполнять различные задачи в научно-исследовательском коллективе. Мы считаем также, что в число важнейших детерминант склонности обучающихся к научно-исследовательской деятельности входят индивидуально-психологические особенности мышления, и диагностика типа мышления обучающихся будет способствовать подбору наиболее подходящих для них форм научно-исследовательской деятельности, а также более успешному выполнению соответствующих функций в работе научного коллектива.

Материалы и методы исследований

Нами было проведено эмпирическое исследование научных склонностей у обучающихся колледжа, получающих юридические и экономические специальности. Целью исследования было изучение склонностей к научно-исследовательской деятельности у обучающихся с различными типами мышления. Предметом исследования стали склонности к научно-исследовательской деятельности, а объектом – обучающиеся 2 курса колледжа разных специальностей. Гипотеза исследования – у обучающихся с различными типами мышления склонности к научно-исследовательской деятельности и предпочтения в компонентах и формах ее реализации будут отличаться. Методами исследования выступили теоретический анализ научной литературы, тестирование, анкетирование, методы математической обработки данных. В число методик исследования вошла психодиагностическая методика «Тип мышления» (в модификации Г. Резапкиной), а также анкета на выявление склонностей к научно-исследовательской деятельности, разработанная авторами. Выборка составила 96 обучающихся 2 курса, обоего пола, в возрасте 17-19 лет.

Результаты и обсуждения

Независимо от типа мышления, 21,8% обучающихся планируют заниматься научной деятельностью, 28,2% готовы заниматься ею, но не знают с чего начать, а 50% опрошенных не заинтересованы в научной деятельности. Необходимо отметить, что для большинства обучающихся, которые готовы осуществлять научную деятельность, важен процесс сопровождения. Задача данного процесса заключается в том, чтобы осуществлять консультирование обучающихся в процессе реализации научно-исследовательской деятельности на всех ее этапах: составить план научного исследования, помочь с поиском и обработкой информации, подбором фактического материала, формулировкой выводов, составлением текста доклада, разработкой презентации и т.д.

Мотивация участия в научно-исследовательской деятельности выражается в следующем: 56,3% обучающихся второго курса колледжа считают, что участие в научно-исследовательской деятельности позволяет в полной мере сформировать умения работать в команде. 31,1% респондентов отметили, что участие в научно-исследовательской деятельности приносит дополнительные баллы и возможности в учебной и профессиональной деятельности.

Оценка возможностей, которые открывает перед обучающимися участие в научно-исследовательской деятельности, представлена на рис. 1.

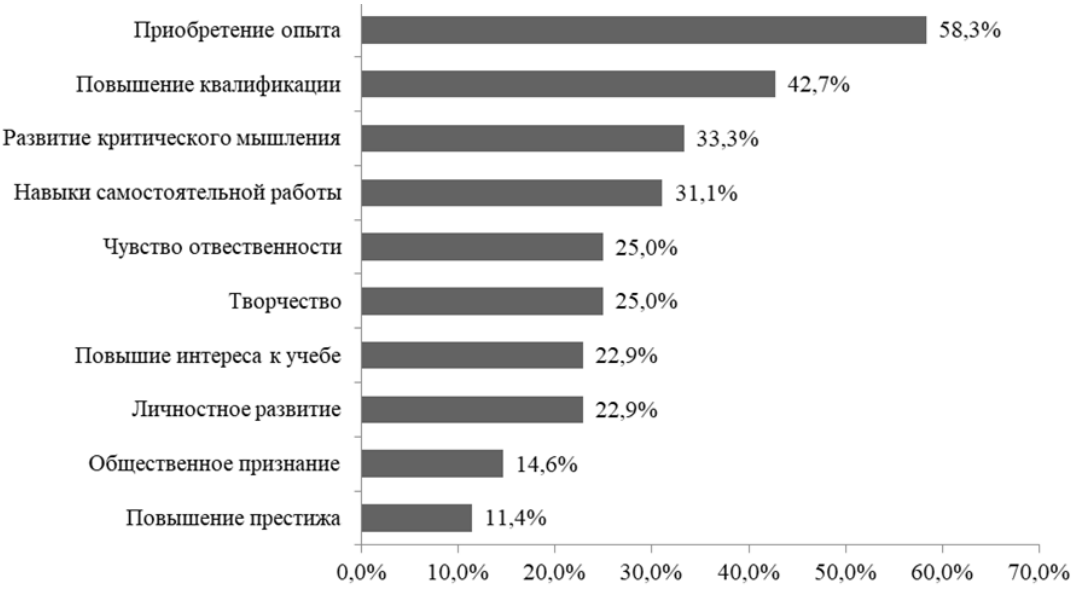


Рис. 1. Процентное соотношение оценок возможностей, которые предоставляет участие в научно-исследовательской деятельности.

Fig. 1. Percentage of assessments of opportunities provided by participation in research activities.

Как видно из рис. 1, превалирующими возможностями, которые дает реализация научно-исследовательской деятельности, являются приобретение нового опыта (58,3%), повышение квалификации (42,7%), развитие критического мышления (33,3%), навыков самостоятельной работы (31,1%), ответственности и творчества (по 25%).

Для того, чтобы определить опыт участия обучающихся в научно-исследовательской деятельности, были заданы вопросы о том, какими ее видами им приходилось заниматься.

Опыт планирования научного исследования имеют 85,4% обучающихся, при этом 21,9% делали это самостоятельно, 38,5% – по инструкции, 25% – с помощью наставника.

Можно отметить, что обучающиеся с различными типами мышления готовы составлять план научного исследования как самостоятельно, так и с помощью наставников или участников рабочей группы. На основании средних балльных оценок обучающихся можно заключить, что самостоятельность в этом вопросе готовы проявлять обучающиеся со словесно-логическим (5,5) и абстрактно-символическим типами мышления (5), а составление плана по инструкции предпочитают обучающиеся с предметно-действенным (6,8), наглядно-образным (7) и креативным типами мышления (7).

85,4% опрошенных осуществляли поиск информации самостоятельно, 11,4% – производили поиск информации с посторонней помощью, 3,1% не занимались поиском информации.

По среднеарифметическим значениям опрошенные с типами мышления «Креативность» (6), «Наглядно-действенное» (5,6) и «Абстрактно-символическое» (5) готовы к самостоятельному поиску информации, но также принимают помощь со стороны. Обучающиеся с типом мышления не высказывают склонностей к поиску информации ни самостоятельно, ни при посторонней помощи.

Вне зависимости от типа мышления доминирующее большинство обучающихся имеют опыт формулирования выводов по результатам, полученным в ходе научно-исследовательской деятельности: при помощи одногруппников (58,3%), самостоятельно (36,5%), с помощью учителя или преподавателя (6,3%).

В табл. 1 представлены среднеарифметические значения предпочтений обучающихся с различными типами мышления по данному вопросу в баллах от 1 до 7.

Таблица 1

Среднеарифметические значения по вопросу формулирования выводов по результатам научно-исследовательской деятельности по типам мышления (в баллах).

Table 1

Arithmetic mean values for the question of formulating conclusions based on the results of research activities by types of thinking (in points).

	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативность
формулировать выводы с помощью одногруппников	5,3	4,8	5,1	5,4	5,2
формулировать выводы с помощью учителя, преподавателя	5	2	7	7	5
формулировать выводы самостоятельно	4,5	5,5	4,6	5,3	5,4

Как видно из табл. 1, обучающиеся с типами мышления «Предметно-действенное» предпочитают формулировать выводы с помощью одногруппников, «Словесно-логическое» и «Наглядно-образное» – с помощью преподавателей, а обучающиеся с типами мышления «Абстрактно-символическое» и «Креативность» – самостоятельно.

Ответы респондентов на вопрос «В каких направлениях научно-исследовательской работы Вы хотели бы принимать участие?» распределились следующим образом: выступление с докладами на научных конференциях (22,9%), участие в научных исследованиях (17,7%), участие в работе студенческих научных кружков (14,6%), участие в рабочей группе при подаче заявки на гранты (8,3%), написание статей (8,3%).

В табл. 2 представлены среднеарифметические значения оценок тех форм научно-исследовательской работы, в которых респонденты хотели бы принимать участие (в баллах от 1 до 7).

Таблица 2

Среднеарифметические значения оценок форм научно-исследовательской работы по типам мышления (в баллах).

Table 2

Arithmetic mean values of assessments of forms of scientific research work by types of thinking (in points).

	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативность
выступление на конференциях	5	5,3	5,5	5,5	5,5
проведение грантовых проектов	5	2, 7	4, 7	6	5, 7
подготовка научных статей, публикаций	5	2, 7	4, 7	6	5, 7
участие в научных исследованиях, опросах	5,2	2,6	5,4	5,4	5,8
участие в научных кружках, работе исследовательских центров	5,2	2,6	5,4	5,4	5,8
участие в интерактивных и онлайн-проектах	5	2, 7	4, 7	6	5, 7

Как видно из табл. 2, обучающиеся колледжа с типами мышления «Словесно-логическое», «Наглядно-образное», «Креативность», «Предметно-действенное» предпочитают участвовать в конференциях, грантах, написании статей, научных исследованиях, научных кружках и интерактивных проектах. Обучающиеся с представленными типами мышления предпочитают разнообразие направлений научно-исследовательской деятельности.

Обучающиеся с типом мышления «Абстрактно-символическое» из всех направлений научно-исследовательской деятельности склонны выбирать выступление на конференциях.

Согласно результатам анкетирования, предпочитаемые роли в исследовательской группе распределяются следующим образом: большинство обучающихся готовы осуществлять поиск информации (33,3%), создавать презентации (33,3%), в меньшей степени предпочитают подготавливать тексты статей (8,3%), анализировать информацию (5,2%), собирать практические данные (3,1%). Возможно, это связано с тем, что популярные роли более знакомы и понятны обучающимся, но при этом они не готовы заниматься «рутинной» работой.

Анализ распределения выбранных исследовательских ролей по типам мышления обучающихся (в баллах от 1 до 7 по степени предпочтения) представлен в табл. 3.

Таблица 3

Средние арифметические значения распределения ролей в исследовательской группе по типам мышления (в баллах).

Table 3

Average arithmetic values of the distribution of roles in the research group by types of thinking (in points).

	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативность
анализ информации	4,5	4	4	3,5	5,5
выступление с докладом перед аудиторией	5,3	5,8	5	6,2	5,2
подготовка теста статьи/доклада	4,7	2	4,3	5,3	6
поиск информации	4,8	1,7	5	5,6	4,8
сбор практических данных	6	1	7	7	5
создание презентации	5	2	5,3	5,2	5,5

Как видно из табл. 3, обучающиеся с типом мышления «Предметно-действенное» предпочитают сбор практических данных (6) и выступление с докладом (5,3). Обучающиеся с типом мышления «Абстрактно-символическое» предпочитают выступление с докладом перед аудиторией (5,8). Студенты с типом мышления «Словесно-логическое» отмечают сбор практических данных (7), создание презентаций (5,3). Студенты с типом мышления «Наглядно-образное» выбирают сбор

практических данных (7), выступление с докладом перед аудиторией (6,2), поиск информации (5,6). Обучающиеся с типом мышления «Креативность» ожидаемо предпочитают творческие виды деятельности: подготовку текста статьи (6,0), создание презентации (5,5), а также анализ информации (5,5).

Подводя итоги анализа результатов исследования, можно говорить о подтверждении гипотезы о том, что у обучающихся с различными типами мышления склонности к научно-исследовательской деятельности и предпочтения в компонентах и формах ее реализации различаются.

Выводы

Анализ результатов нашего исследования позволяет сформировать представление о том, как у обучающихся колледжа проявляются склонности к научно-исследовательской деятельности, а также к каким ее видам и формам склонны обучающиеся, имеющие различные типы мышления.

Обучающиеся, имеющие предметно-действенный тип мышления, готовы принимать участие в различных видах научно-исследовательской деятельности, однако выражают предпочтения к решению конкретных практических задач по сбору информации и представлению результатов исследований. Они нуждаются в инструктировании, помощи и поддержке как со стороны сверстников, так и со стороны наставников и научных руководителей, поэтому в большей степени ориентированы на командную работу – участие в деятельности студенческих научных сообществ, рабочих групп.

Для обучающихся, имеющих абстрактно-символический тип мышления, характерна определённая доля самостоятельности в реализации научно-исследовательской деятельности, они готовы анализировать данные, формулировать выводы и представлять результаты, однако из всех возможных форм и видов научно-исследовательской деятельности выбирают лишь выступление с докладом. По всей видимости, они в недостаточной степени владеют информацией о разнообразии возможностей, которые предоставляет обучающимся занятие научно-исследовательской деятельностью. Следовательно, необходимо более интенсивно и наглядно информировать обучающихся об этих возможностях.

Словесно-логический тип мышления также определяет у обучающихся некоторую степень самостоятельности, однако они в большей степени ориентируются а участие в работе различных научных объединений и на наставников и научных руководителей при формулировании выводов. Проявляют готовность к сбору данных, участию в опросах и обсуждениях, подготовке материалов, обобщающих ход и результаты работы, публичным выступлениям с результатами научно-исследовательской деятельности.

Для обучающихся, имеющих наглядно-образный тип мышления, характерно стремление к целостному видению замысла научно-исследовательской деятельности, они готовы собирать информацию, представлять результаты исследований, выступать с докладами, участвовать в конкурсах и различных инновационных научных проектах. Не всегда могут проявить самостоятельность, нуждаются в помощи наставников и других участников научных коллективов.

Для обучающихся, имеющих креативный тип мышления, характерно большое разнообразие научных интересов и стремление к самостоятельности, они готовы участвовать практически в любых видах и формах научно-исследовательской деятельности, создавать тексты и презентации.

Обучающиеся в большинстве своем выразили интерес и готовность к выполнению научно-исследовательской деятельности. Они отмечают, что такая деятельность позволяет развить критическое мышление, ответственность и креативность, повысить квалификацию, приобрести опыт, умения и навыки самостоятельной работы, а также работы в команде, то есть осознают преимущества, возможные цели и результаты научно-исследовательской деятельности.

В дальнейшем полученные нами результаты могут быть использованы в работе подразделений ссузов и вузов, которые отвечают за научно-исследовательскую деятельность обучающихся, при планировании и реализации молодежных научно-исследовательских проектов, формировании научных коллективов, студенческих научных объединений, преподавателей, осуществляющих функции научных руководителей и наставников научно-исследовательской деятельности обучающихся. Диагностика типов мышления и выявление склонностей обучающихся к научно-исследовательской деятельности будет способствовать развитию ее качества и популяризации среди обучающихся.

Список источников

1. Андронова А.Г., Андронов А.В., Биденко Р.А. Определение склонности к научной работе у курсантов военного института Росгвардии // СМАЛЬТА. 2021. № 4. С. 58 – 66.

2. Бачурина Е.П., Сычева М.В. Самореализация студентов высших учебных учреждений в научно-исследовательской деятельности студенческих научных обществ как фактор формирования их профессиональной компетентности // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 3. С. 33 – 38.

3. Вожиевская Т.И. Академическая увлечённость и вовлечённость студентов-первокурсников // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-uvlechyonnost-i-vovlechyonnost-studentov-pervokursnikov (дата обращения: 14.10.2024)

4. Головачёва В.Н., Баширов А.В., Накипова Г.Н., Ханов Т.А. Исследование факторов активизации научно-исследовательской работы студентов с использованием процесса итеративной экспертизы // Образование и наука. 2024. № 26 (7). С. 44 – 69. doi:10.17853/1994-5639-2024-7-44

5. Егорова И.А. Развитие научно-исследовательских компетенций обучающихся в системе студенческого научного общества // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: Материалы юбилейной XXV Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 19-20 апреля 2024 года. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2024. С. 37 – 39.

6. Ефричева О.Ю., Мельник И.В., Михайлюкова В.С. Исследовательская компетенция: ее сущность и содержание [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. 2021. № 14 (41). С. 59 – 62. URL: https://apni.ru/article/2147-issledovatelskaya-kompetentsiya-ee-sushchnost (дата обращения: 25.10.2024)

7. Зимняя И.А. Научно-исследовательская работа: методология, теория, практика организация, проведение. М: ИЦПКРС, 2000. 28с.

8. Ковалевская В.М. Особенности интеллектуальной сферы школьников с разной степенью склонности к исследовательской деятельности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 90 – 94. https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.13

9. Магдиева Н.Т., Омарова Н.А. Опыт педагогического вовлечения студентов в научную деятельность в современном вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-pedagogicheskogo-vovlecheniya-studentov-v-nauchnuyu-deyatelnost-v-sovremennom-vuze (дата обращения: 14.10.20254

10. Орлов А.Б. Склонность и профессия. Москва: Издательство "Знание", 1981. 96 с. (Новое в жизни, науке, технике. Педагогика и психология)

11. Печерская Е.А., Савеленок Е.А., Артамонов Д.В. Вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу в университете: механизм и оценка эффективности // Инновации. 2017. № 8 (226). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-studentov-v-nauchno-issledovatelskuyu-rabotu-v-universitete-mehanizm-i-otsenka-effektivnosti (дата обращения: 14.10.2024)

12. Пеша А.В., Патутина С.Ю. Концептуальная модель развития научно-исследовательских компетенций выпускников вузов // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2022. Т. 20. № 4. С. 82 – 93. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(4).82-93

13. Тюриков А.Г., Таракановская Е.В. Кунижева Д.А. Формирование и развитие научно-исследовательского потенциала молодежи в вузе // Власть. 2020. № 4. С. 163 – 170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-nauchno-issledovatelskogo-potentsiala-molodezhi-v-vuze (дата обращения: 14.10.2025)

14. Федорова М.А., Завьялов А.М. Диагностика готовности студентов технического вуза к научно-исследовательской деятельности // Образование и наука. 2014. № 1 (110). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-gotovnosti-studentov-tehnicheskogo-vuza-k-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnosti (дата обращения: 16.10.2024)

15. Хохлов Н.А., Цимбалюк Е.В., Сафонова М.И., Морозова Т.В. Исследование склонности к научной деятельности у студентов первого курса факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова с помощью метода дерева решений // Социосфера. 2023. № 3. С. 96 – 109.

16. Шадчин И.В. Методы оценки уровня готовности студентов вуза к научно-исследовательской деятельности // Проблемы и перспективы развития образования (II): материалы международной заочной научной конференции. Пермь, май 2012 г. Пермь: Меркурий, 2012. С. 170 – 173.

References

1. Andronova A.G., Andronov A.V., Bidenko R.A. Determining the Propensity for Scientific Work among Cadets of the Military Institute of the Russian Guard. SMALTA. 2021. No. 4. P. 58 – 66.

2. Bachurina E.P., Sycheva M.V. Self-realization of students of higher educational institutions in research activities of student scientific societies as a factor in the formation of their professional competence. Bulletin of Penza State University. 2022. No. 3. P. 33 – 38.

3. Vozhievskaya T.I. Academic passion and involvement of first-year students. Education and upbringing of preschoolers, schoolchildren, youth: theory and practice. 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-uvlechyonnost-i-vovlechyonnost-studentov-pervokursnikov (date of access: 14.10.2024)

4. Golovacheva V.N., Bashirov A.V., Nakipova G.N., Khanov T.A. Study of factors of activation of scientific research work of students using the process of iterative examination. Education and Science. 2024. No. 26 (7). P. 44 – 69. doi:10.17853/1994-5639-2024-7-44

5. Egorova I.A. Development of research competencies of students in the system of student scientific society. Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement and personnel training issues: Proceedings of the jubilee XXV National Scientific Conference (with international participation), Taganrog, April 19-20, 2024. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics, 2024. P. 37 – 39.

6. Efricheva O.Yu., Melnik I.V., Mikhailyukova V.S. Research competence: its essence and content [Electronic resource]. Current research. 2021. No. 14 (41). P. 59 – 62. URL: https://apni.ru/article/2147-issledovatelskaya-kompetentsiya-ee-sushchnost (date of access: 25.10.2024)

7. Zimnyaya I.A. Research work: methodology, theory, practice, organization, implementation. M: ICPKRS, 2000. 28s.

8. Kovalevskaya V.M. Features of the intellectual sphere of schoolchildren with varying degrees of inclination to research activities. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 3. P. 90 – 94. https://doi.org/10.24158/spp.2022.3.13

9. Magdieva N.T., Omarova N.A. Experience of pedagogical involvement of students in scientific activities in a modern university. Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 84-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-pedagogicheskogo-vovlecheniya-studentov-v-nauchnuyu-deyatelnost-v-sovremennom-vuze (date of access: 14.10.20254

10. Orlov A.B. Inclination and profession. Moscow: Publishing house "Knowledge", 1981. 96 p. (New in life, science, technology. Pedagogy and psychology)

11. Pecherskaya E.A., Savelenok E.A., Artamonov D.V. Involvement of students in research work at the university: mechanism and evaluation of effectiveness. Innovations. 2017. No. 8 (226). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-studentov-v-nauchno-issledovatelskuyu-rabotu-v-universitete-mehanizm-i-otsenka-effektivnosti (date of access: 14.10.2024)

12. Pesha A.V., Patutina S.Yu. Conceptual model of development of research competencies of university graduates. Bulletin of Omsk University. Series: "Economics". 2022. Vol. 20. No. 4. P. 82 – 93. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(4).82-93

13. Tyurikov A.G., Tarakanovskaya E.V. Kunizheva D.A. Formation and development of research potential of young people at the university. Power. 2020. No. 4. Pp. 163 – 170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-nauchno-issledovatelskogo-potentsiala-molodezhi-v-vuze (date of access: 14.10.2025)

14. Fedorova M.A., Zavyalov A.M. Diagnostics of the readiness of students of a technical university for research activities. Education and Science. 2014. No. 1 (110). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-gotovnosti-studentov-tehnicheskogo-vuza-k-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnosti (date of access: 16.10.2024)

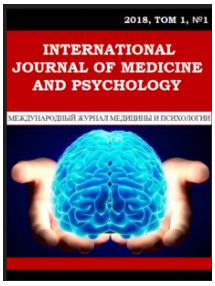
15. Khokhlov N.A., Tsymbalyuk E.V., Safonova M.I., Morozova T.V. Study of propensity for scientific activity in first-year students of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University using the decision tree method. Sociosphere. 2023. No. 3. P. 96 – 109.

16. Shadchin I.V. Methods for assessing the level of readiness of university students for scientific research activity. Problems and Prospects of Education Development (II): Proceedings of the International Correspondence Scientific Conference. Perm, May 2012. Perm: Mercury, 2012. P. 170 – 173.

Информация об авторах

Егорова И.А., кандидат социологических наук, доцент, Таганрогский институт управления и экономики, 347900, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Петровская, 45
Коновалова Н.В., кандидат психологических наук, доцент, Таганрогский институт управления и экономики, 347900, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Петровская, 45

© Егорова И.А., Коновалова Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.942.5:159.97

[1] Громова П.Ю.,
[1] Новикова Н.С.,
[1] Котиков А.А.,
[1] Левченко Е.В.,
[1] Курский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Проживание в приграничных районах как фактор формирования повышенного уровня личностной тревожности в условиях активных боевых действий

Аннотация: актуальность данной проблемы состоит в том, что уровень личностной тревожности при воздействии вышеописанных внешних факторов значительно превышает исходный уровень тревожности, что является субстратом для развития разного рода невротических расстройств. Раннее распознавание таких состояний может сыграть ключевую роль в своевременном выявлении, профилактике и психотерапевтическом воздействии на возникающие психогенные заболевания.

Цель исследования: изучить показатели уровня тревожности у студентов разных ВУЗов в зависимости от региона, определить наличие взаимосвязи показателя уровня личностной тревожности с регионом проживания, подтвердить или опровергнуть, испытывают ли тревожность в современных реалиях респонденты, проживающие в Курской области.

Материалы и методы. В работе был использован тест дифференциальной оценки личностной тревожности (ТДОЛТ). В исследовании принимали участие студенты 4 ВУЗов, выборка по каждому учебному заведению составила 70 человек (всего 280 студентов).

Результаты: исследование показало, что высокий уровень тревожности респондентов из Курска является результатом воздействия среды, неблагоприятной для психического здоровья населения. Напротив, подавляющее большинство респондентов из Москвы и Брянска имеют тревожность в пределах нормативного разброса. Следовательно, существует прямая взаимосвязь между событиями, происходящими в регионе проживания, и показателем уровня тревожности.

Заключение: анкетирование с использованием теста дифференциальной оценки личностной тревожности (ТДОЛТ) показало, что люди, проживающие в отдалении от границы, обладают менее выраженной личностной тревожностью, в сравнении с жителями региона, в котором ведутся боевые действия. Это соответствует концепции влияния стресса на данный показатель.

Ключевые слова: уровень личностной тревожности, стресс, психотравмирующие факторы, ТДОЛТ

Для цитирования: Громова П.Ю., Новикова Н.С., Котиков А.А., Левченко Е.В. Проживание в приграничных районах как фактор формирования повышенного уровня личностной тревожности в условиях активных боевых действий // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 99 – 109.

Поступила в редакцию: 30 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 31 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Gromova P.Yu.,***
[1] ***Novikova N.S.,***
[1] ***Kotikov A.A.,***
[1] ***Levchenko E.V.,***
[1] *Kursk State Medical University*
Ministry of Health of the Russian Federation

Living in border areas as a factor in the formation of an increased level of personal anxiety in conditions of active hostilities

Abstract: background: the relevance of this problem is that the level of personal anxiety under the influence of the above-described external factors significantly exceeds the initial level of anxiety, which is a substrate for the development of various types of neurotic disorders. Early recognition of such conditions can play a key role in the timely detection, prevention and psychotherapeutic impact on emerging psychogenic diseases.

The aim of the study: to study the indicators of anxiety levels among students of different universities depending on the region, to determine the presence of a relationship between the indicator of the level of personal anxiety and the region of residence, to confirm or refute whether respondents living in the Kursk region experience anxiety in modern realities.

Materials and methods. The work used the test of differential assessment of personal anxiety (TDAPA). Students from 4 universities took part in the study, the sample for each educational institution was 70 people (a total of 280 students).

Results: The study showed that the high level of anxiety of respondents from Kursk is the result of the impact of an environment unfavorable for the mental health of the population. In contrast, the vast majority of respondents from Moscow and Bryansk have anxiety within the normative range. Consequently, there is a direct relationship between events occurring in the region of residence and the level of anxiety.

Conclusion: The questionnaire survey using the test of differential assessment of personal anxiety (TDAPA) showed that people living far from the border have less pronounced personal anxiety, compared to residents of the region where military actions are taking place. This is consistent with the concept of the influence of stress on this indicator.

Keywords: level of personal anxiety, stress, psychotraumatic factors, TDAPA

For citation: Gromova P.Yu., Novikova N.S., Kotikov A.A., Levchenko E.V. Living in border areas as a factor in the formation of an increased level of personal anxiety in conditions of active hostilities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 99 – 109.

The article was submitted: November 30, 2024; Approved after reviewing: January 31, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Тревожность имеет центральную роль в преодолении трудностей, возникающих в жизни каждого человека, особенно когда приходится столкнуться с событиями, критично отличающимися от привычных условий существования. Данный факт стал ключевым для изучения и поиска данных, которые позволят определить уровень тревожности у выбранной группы респондентов. Специалисты разных сфер интересуются природой возникновения тревожности у человека. Психиатры и психологи, нейробиологи, философы и представители искусства постоянно выявляют биологические основы страха и тревоги, изучают механизмы появления тревожности, определяют их влияние на принятие решений, процессы познания, а также исследуют взаимосвязь этих психологических реакций со здоровьем и возникновением болезни. Способы выявления, методы оценки и анализа тревожности и страха за последние 50 лет становились всё более совершенными, а методы нейробиологии, лежащие в основе изучения исследуемых реакций – более точными и результативными [4, 10, 14, 15, 18].

Центральное место в науках, изучающих негативные эмоции, занимает поиск нейронных связей, отвечающих за тревожность и страх, исследование механизмов периферической физиологии «бей или беги», паттернов высвобождения кортизола и влияния этих реакций на когнитивные процессы [2, 10, 19].

В ходе эволюции сложилось, что в среде с большим поведенческим многообразием, при повторных столкновениях с определёнными стрессо-

выми ситуациями организмы демонстрируют определённое поведение – защитные реакции. Они способствуют выживанию в динамичной обстановке и делают организмы более приспособленными. Под влиянием внешних факторов защитные реакции становились всё более сложными, позволяя обнаруживать опасность, оценивать угрозы более детально и мобилизовать поведение для выживания при столкновении с более широким спектром угроз. Но есть риск, что чрезмерное или постоянное срабатывание защитных механизмов может привести к патологической тревожности [2-4, 8, 12, 20].

Тревожность, являясь динамичным показателем, характеризует высокую частоту появления ложных индивидуальных переживаний. Чаще всего она возникает в связи с воздействием психотравмирующего фактора, на примере исследуемой темы – это военные действия в стране, введение режима КТО и ЧС в Курской области, жителями которой является половина респондентов. Существуют разнообразные проявления тревожности, возникновение которых связано с личным, негативно влияющим на человека опытом, дебют которого может происходить в разном возрасте, что определяет отношение индивида к пережитому и восприятие будущего. У каждого тревожность будет иметь разную продолжительность и интенсивность воздействия на личность. Способность человека контролировать потенциально пугающие и травмирующие ситуации, умение брать под контроль собственные эмоции, дифференцируя их необходимость для собственного здоровья в конкретных ситуациях, снижает риск развития психопатологии. Чувствительность к угрозам, привязанность к стабильности и сильная зависимость от постоянства вносят коррективы в психоэмоциональный устой личности, если происходят различные изменения привычного образа жизни [6, 10, 16, 19].

Тревожность часто рассматривается как личностное или клиническое проявление чрезмерного страха, которое связано с эпистемологической неопределённостью, то есть с неопределенностью, вызванной недостаточным объемом имеющихся знаний о конкретной ситуации, особенно представляющей угрозу жизни. Негативные стимулы, влияющие на человека, ставят под сомнения его устоявшиеся представления о мире и разрушают его эмоциональный фон [7, 10, 11].

Установить патогенез тревожности до сих пор не удалось. Принято считать, что возникновение этого состояния связано с дисфункцией нейромедиаторов и нейроэндокринной дисфункцией [2, 4, 5, 20].

Характеризуя понятие личностной тревожности, следует отметить, что каждый человек дает различную оценку критичным и непредвиденным жизненным ситуациям. Это связано с индивидуальными особенностями характера, которые предрасполагают к появлению беспокойства во время происходящих событий, в том числе не требующих этой реакции. В состоянии тревожности объективно безопасная ситуация расценивается как угрожающая, вызывающая панику. При попытках избежать подобных событий человек демонстрирует высокий уровень физиологического возбуждения. Исследования показали, что личностная тревожность способствует возникновению ситуативной тревожности и является уязвимым психопатологическим состоянием. Частое состояние тревожности с чрезмерным беспокойством, физиологическим возбуждением, избегающим поведением может способствовать развитию аномальных реакций, которые приобретают характер патологической тревожности [5, 7, 9, 13, 17].

Цель Изучить показатели уровня тревожности у студентов разных ВУЗов в зависимости от региона, определить наличие взаимосвязи показателя уровня личностной тревожности с регионом проживания, подтвердить или опровергнуть, испытывают ли тревожность в современных реалиях респонденты, проживающие в Курской области.

Материалы и методы исследований

Нами выдвинута гипотеза о повышенном уровне личностной тревожности студентов, обучающихся в университетах г. Курск в сравнении со студентами других регионов. Данное предположение обосновано введением на территории Курской области режима КТО и ЧС, боевыми действиями, проводимыми на приграничной территории области. В одночасье привычная жизнь, чувство безопасности перестали существовать для тысяч семей, в их число вошли и многие студенты, проживающие на территории Курской области. Для подтверждения нашей гипотезы проводилось анкетирование среди студентов 4 университетов: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава РФ), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государ-

ственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ), «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». Было получено информированное добровольное согласие респондентов. Выборка по каждому учебному заведению составила 70 человек (всего 280 студентов). В медицинских вузах анкетирование проводилось среди студентов лечебного факультета, в ФГБОУ ВО КГУ и БГУ им. академика И.Г. Петровского анкетирование проходили студенты финансово-экономического и физико-математического факультетов.

В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 21±2,3 года, всего 280 человек, не предъявляющие жалоб на здоровье. В рамках исследования использовалась методика, ранее разработанная в Курском государственном медицинском университете: Тест дифференцированной оценки личностной тревожности (ТДОЛТ) [1].

Тест был стандартизирован на репрезентативных выборках (до 300 человек) студентов-волонтеров в возрасте 18-22 лет, не имеющих жалоб на состояние здоровья, с обязательным определением валидности и надежности. Методика рецензирована, опубликована и является официально признанной, ее выбор определён адекватностью цели нашего исследования.

Оценка личностной тревожности по данной методике подразумевает разделение феномена на несколько компонентов: нервно-психическая возбудимость, застенчивость, соматовегетативная нестабильность, шкала самооценки.

1. Нервно-психическая возбудимость. Облегчено возникновение негативных аффективных состояний: пониженное настроение, повышенная готовность к возникновению состояний тревоги, эмоционального напряжения.

2. Застенчивость. Затруднения в социальных контактах, ощущение неловкости, смущение, неуверенность в себе из-за неспособности эффективно общаться, уклонение от социальных взаимодействий.

3. Соматовегетативная нестабильность. Проявления вегетативной дистонии (дрожь, потливость), соматизация тревоги (сердцебиение, одышка), беспокойный сон, расстройства сосредоточенности внимания и другие проявления астении.

4. Низкая самооценка. Пессимистический взгляд на свои возможности в удовлетворении потребностей и влечений, ощущение неспособности

отстаивать свои права, позицию личности, преувеличение сложности повседневных проблем, уклонение от их решения.

ТДОЛТ позволяет оценить как общий уровень личностной тревожности, так и соотношение в ее структуре компонентов, т.е. позволяет выявить индивидуальные профили личностной тревожности. В ходе тестирования уровень тревожности в зависимости от суммы набранных баллов может оцениваться как: сильно выраженный дефицит свойства (сумма по всем шкалам 0-2 балла), выраженный дефицит свойства (сумма по всем шкалам 3-6 баллов), умеренный дефицит свойства (сумма по всем шакалам 7-12 баллов), нормативное значение уровня тревожности (сумма по всем шкалам 13-40 баллов), умеренное усиление свойства (1ая шкала – 13 баллов, 2ая шкала 9-10 баллов, 3ая шкала 10 баллов, 4ая шкала 8 баллов, сумма по всем шкалам 41-45 баллов), выраженное усиление свойства (1ая шкала 14 баллов, 2ая шкала 11 баллов, 3 шкала 11-12 баллов, 4 шкала 9 баллов, сумма по шкалам 46-50 баллов), сильно выраженное усиление свойства (1ая шкала 15 баллов, 2ая шкала 12-15 баллов, 3 шкала 13-15 баллов, 4 шкала 10-11 баллов, сумма по шкалам 51-56 баллов) [1].

В соответствии с целью и задачами исследования проводилась оценка результатов тестирования студентов по вузам, после чего осуществлялся сравнительный анализ полученных данных.

Статистическая обработка и анализ полученных данных проводились с использованием программы электронных таблиц Microsoft Excel.

Результаты и обсуждения

После анализа и интерпретации данных исследования были получены изложенные ниже результаты. У студентов Курского государственного университета распределение общего уровня личностной тревожности соответствовало следующим показателям (рис. 1): показатели личностной тревожности в пределах нормативного разброса среди 7 человек (10%), умеренный дефицит у 7 человек (10%), 2 человека с умеренно усиленным свойством (2,9%), у 12 человек выраженное усиление (17,1%) и у 42 человек сильно выраженный уровень личностной тревожности (60%).

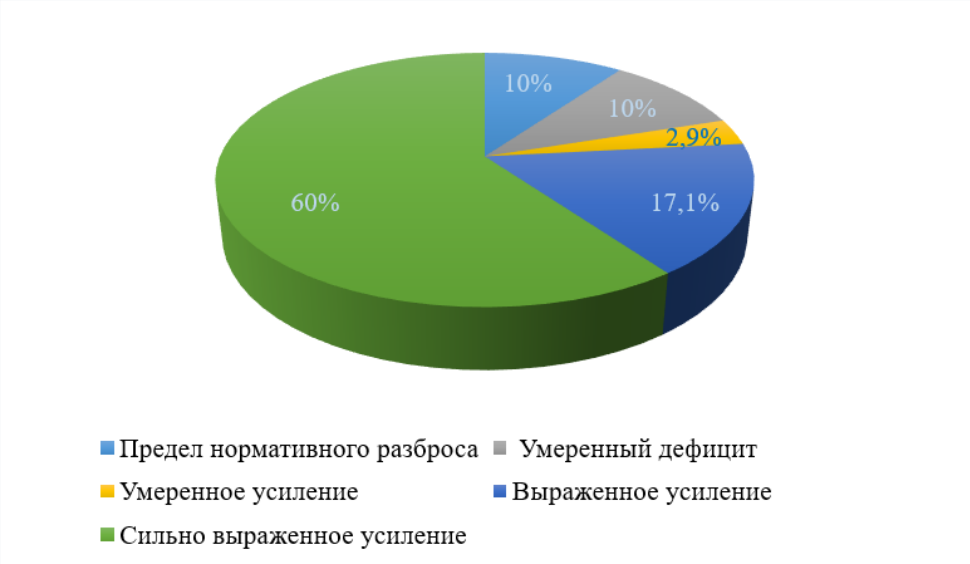


Рис. 1. Распределение общего уровня личностной тревожности у студентов КГУ.
Fig. 1. Distribution of the general level of personal anxiety among students of the KSU.

Нами было отмечено, что сильно выраженный уровень личностной тревожности за счет нервно-психической возбудимости и соматовегетативной нестабильности регистрируется у подавляющего большинства респондентов. Лишь два человека с подобным результатом отличаются дополнительными факторами тревожности: один за счет застенчивости, второй – за счет низкой самооценки (рис. 2).

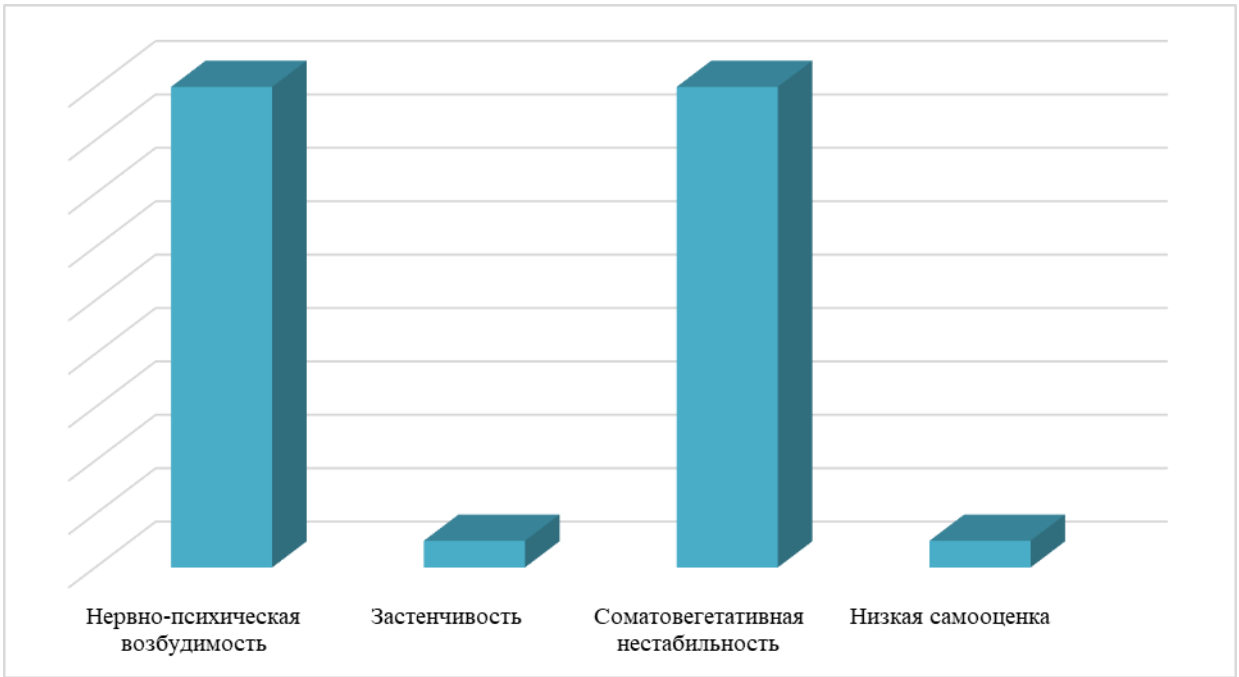


Рис. 2. Ведущие факторы сильно выраженного уровня личностной тревоги у респондентов КГУ.
Fig. 2. The leading factors of a strongly expressed level of personal anxiety among the respondents of the KSU.

У студентов Курского государственного медицинского университета (ФГБОУ ВО КГМУ) показатели уровня личностной тревожности были распределены следующим образом (рис. 3): показатели личностной тревожности в пределах нормативного разброса у 7 респондентов (10%); усилен умеренно среди 9 респондентов (12,8 %); усиленно выраженный уровень личностной тревожности у 54 респондентов (77,2%).

Рис. 3. Распределение общего уровня личностной тревожности у студентов КГМУ.
Fig. 3. Distribution of the general level of personal anxiety among students of the KSMU.

У всех респондентов ФГБОУ ВО КГМУ с усиленно выраженным уровнем личностной тревожности за счет нервно-психической возбудимости (при этом у 9 респондентов возбудимость выражена усиленно, а у 14 – выражена сильно), а также за счет соматовегетативной нестабильности. Результат обработки данных показал, что у 4 выраженный уровень тревожности связан с низкой самооценкой (рис. 4).

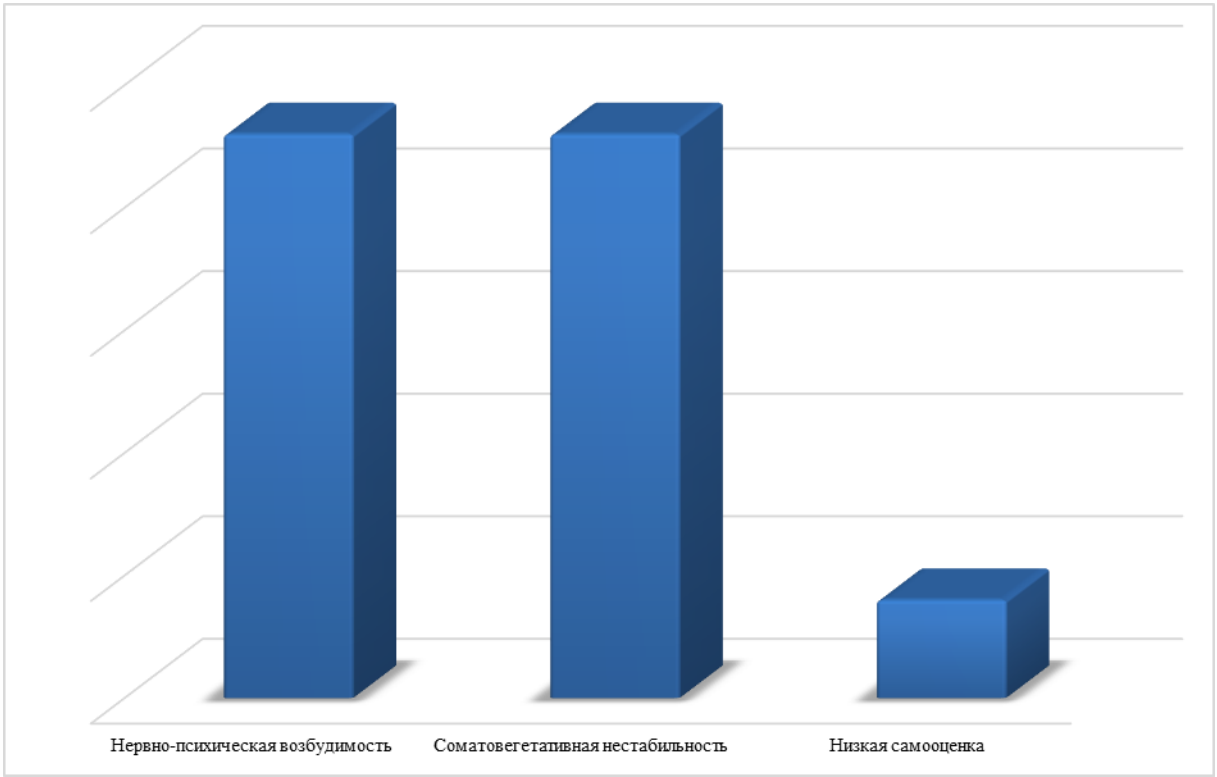


Рис. 4. Ведущие факторы сильно выраженного уровня личностной тревоги у респондентов КГМУ.
Fig. 4. The leading factors of a strongly expressed level of personal anxiety among the respondents of the KSMU.

У студентов Сеченовского университета показатели уровня личностной тревожности были распределены следующим образом (рис. 5): у 51 респондента исследуемые показатели в пределах нормативного разброса (72,9%), у 14 респондентов выраженный дефицит (20%), у 5 респондентов умеренный дефицит (7,1%).

Рис. 5. Распределение общего уровня личностной тревожности у студентов МГМУ.
Fig. 5. Distribution of the general level of personal anxiety among MGMU students.

У студентов Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского показатели уровня личностной тревожности были распределены следующим образом (рис. 6): у 39 респондентов показатели личностной тревожности в пределах нормативного разброса (55,8%), у 19 – умеренный дефицит (27,1%), у 12 респондентов выраженный дефицит свойства (17,1%).

Рис. 6. Распределение общего уровня личностной тревожности у студентов БГУ.
Fig. 6. Distribution of the general level of personal anxiety among BSU students.

При анализе полученных данных было выявлено, что студенты ни МГМУ, ни БГУ не имеют повышенного уровня тревожности, в отличие студентов КГМУ и КГУ, где выявлена тенденция к повышению уровня личностной тревожности в пределах выраженного и сильно выраженного усиления свойства за счет преобладания соматовегетативной нестабильности и нервно-психической возбудимости (табл. 1).

Таблица 1

Распределение уровня тревожности среди студентов различных регионов.

Table 1

Distribution of anxiety levels among students from different regions.

		Среднее значение показателей					
		Выраженный дефицит тревожности	Умеренный дефицит тревожности	Нормативные показатели тревожности	Умеренное усиление тревожности	Выраженное усиление тревожности	Сильно выраженное усиление тревожности
КГУ	Общий уровень	-	7	7	2	12	42
КГМУ	Общий уровень	-	-	7	9	54	-
МГМУ	Общий уровень	14	5	51	-	-	-
БГУ	Общий уровень	12	19	39	-	-	-

Полученные данные позволили подтвердить не только гипотезу о повышенном уровне тревожности студентов г. Курск, но и сложную гетерогенную, многомерную структуру личностной тревожности.

Выводы

Изучив результаты анкетирования, мы проанализировали уровень тревожности у студентов из разных регионов, и установили взаимосвязь между этими показателями. Студенты ФГБОУ ВО КГУ и ФГБОУ ВО КГМУ, проживающие в г. Курск, испытывают сильно выраженный уровень личностной тревожности, возникающей преимущественно из-за нервно-психической возбудимости и соматовегетативная нестабильность. Напротив, респонденты, обучающиеся в г. Москва и г. Брянск, не были отнесены к категории лиц, имеющих повышенный уровень тревожности. Исследуемый параметр у студентов Сеченовского университета и студентов БГУ им. Академика И.Г. Петровского находится в пределах нормативного разброса (72,9% и 55,8%, соответственно), что дает нам право утверждать об отсутствии негативных и психотравмирующих факторов, имеющих место в Курской области, в этих регионах, что благоприятно влияет на ментальное здоровье населения.

Оценив уровень тревожности у студентов различных ВУЗов, проживающих в разных регионах, делаем вывод, что высокий уровень тревожности респондентов из Курска является результатом воздействия среды, неблагоприятной для психического здоровья населения. Повышенная опасность для жизни, возникшая по независящим от жителей причинам, способствует появлению негативного эмоционального фона, продуцирует постоянный страх и беспокойство, тем самым порождая усиление тревожности людей, живущих в приграничном к боевому столкновению районе.

Предположив, что влияние психотравмирующего фактора на население и получив подтверждающие эту гипотезу результаты, можем вынести еще одно предположение: критерии, изменяющие психоэмоциональный устой личности и чувствительность к угрозам, становятся катализатором обострения уже имеющихся невротических заболеваний среди уязвимого населения. Данная гипотеза актуальна в связи с тем, что специальная военная операция длится продолжительное время, последствия ее касаются не только жителей приграничья, но и всей страны. Последующее углубление в исследование о воздействии этого психотравмирующего фактора требует детального анализа с целью исследования различных развивающихся невротических расстройств.

Список источников

1. Плотников В.В., Северьянова Л.А., Плотников Д.В. Тест дифференциальной оценки личностной тревожности (ТДОЛТ): методические рекомендации / Курский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации, лаборатория психосоматики НИИ экологической медицины. Курск: ГБОУ ВО КГМУ Минздравсоцразвития России, 2012. 39 с. : ил., ц табл. : 20 см.

2. Левченко Е.В., Снегирева А.Ю., Кузьминов В.С., Ивенков М.П., Щербакова Д.В., Бредихина П.В., Старкова А.О., Агеев М.В. Тревожные и депрессивные расстройства среди студентов медицинского профиля // Психиатрия и психофармакотерапия. 2024. № 6. С. 52 – 55. DOI: 10.62202/2075- 1761-2024-26-6-52-55

3. Abend R., et al. A computational network perspective on pediatric anxiety symptoms // Psychological Medicine. 2020. Vol. 50. Iss. 15. P. 2599 – 2609. – DOI: 10.1017/S0033291720000501

4. Abend R., et al. Anticipatory Threat Responding: Relationships with Anxiety, Development, and Brain Structure // Biological Psychiatry. 2020. Vol. 87. P. 916 – 925. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7211142/ (дата обращения: 20.10.2024)

5. Abend R. Understanding anxiety symptoms as aberrant defensive responding along the threat imminence continuum // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2023. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10528507/ (дата обращения: 18.10.2024)

6. Borghi A.M. A Future of Words: Language and the Challenge of Abstract Concepts // Journal of Cognition. 2020. Vol. 3. P. 42. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7583217/ (дата обращения: 19.10.2024)

7. Brooks J.A., Tzirakis P., Baird A. et al. Deep learning reveals what vocal bursts express in different cultures // Nature Human Behaviour. 2022. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36577898/ (дата обращения: 18.10.2024)

8. DeYoung C.G., Chmielewski M., Clark L.A. et al. The distinction between symptoms and traits in the Hierarchical Taxonomy of Psychopathology (HiTOP) // Journal of Personality. 2022. Vol. 90. P. 20 – 33. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32978977/ (дата обращения: 19.10.2024)

9. Drzewiecki C.M., Fox A.S. Understanding the heterogeneity of anxiety using a translational neuroscience approach // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. 2024. P. 228 – 245. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38356013/ (дата обращения: 18.10.2024)

10. Grogans S.E., Bliss-Moreau E., Buss K.A. et al. The nature and neurobiology of fear and anxiety: State of the science and opportunities for accelerating discovery // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2023. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10330657/ (дата обращения: 19.10.2024)

11. Grupe D.W., Nitschke J.B. Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective // Nature Reviews Neuroscience. 2022. Vol. 47. P. 260 – 275. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4276319/ (дата обращения: 19.1.2024)

12. Kenwood M.M., Kalin N.H., Barbas H. The prefrontal cortex, pathological anxiety, and anxiety disorders // Neuropsychopharmacology. 2022. Vol. 47. P. 260 – 275. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8617307/ (дата обращения: 20.10.2024)

13. Knowles K.A., Olatunji B.O. Specificity of trait anxiety in anxiety and depression: Meta-analysis of the State-Trait Anxiety Inventory // Clinical Psychology Review. 2020. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7680410/ (дата обращения: 18.10.2024)

14. Lindquist K.A., Jackson J.C., Leshin J. et al. The cultural evolution of emotion // Nature Reviews Psychology. 2022. Vol. 1. P. 669 – 681. URL: https://www.nature.com/articles/s44159-022-00105-4 (дата обращения: 19.10.2024)

15. Machado T.A., Kauvar I.V., Deisseroth K. Multiregion neuronal activity: the forest and the trees // Nature Reviews Neuroscience. 2022. Vol. 23. P. 683 – 704. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10327445/ (дата обращения: 19.10.2024)

16. Moscarello J.M., Penzo M.A. The central nucleus of the amygdala and the construction of defensive modes across the threat-imminence continuum // Nature Neuroscience. 2022. Vol. 25. № 8. P. 999 – 1008. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35915178/ (дата обращения: 19.10.2024)

17. Shaffer C., Westlin C., Quigley K.S. et al. Allostasis, action, and affect in depression: insights from the theory of constructed emotion // Annual Review of Clinical Psychology. 2022. P. 553 – 580. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35534123/ (дата обращения: 20.10.2024)

18. Shackman A.J., Fox A.S. Two decades of anxiety neuroimaging research: new insights and a look to the future // American Journal of Psychiatry. 2021. Vol. 178. P. 106 – 109. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7863577/ (дата обращения: 19.10.2024)

19. Vitale E.M., Smith A.S. Neurobiology of loneliness, isolation, and loss: integrating human and animal perspectives // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2022. Vol. 16. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9029604/ (дата обращения: 19.10.2024)

20. Zhao H., Zhou M., Liu Y. et al. Recent advances in anxiety disorders: focus on animal models and pathological mechanisms // Animal Models and Experimental Medicine. 2023. P. 559 – 572. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10757213/ (дата обращения: 19.10.2024)

References

1. Plotnikov V.V., Severyanova L.A., Plotnikov D.V. Test of differential assessment of personal anxiety (TDAPA): methodological recommendations.Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, laboratory of psychosomatics of the Research Institute of Environmental Medicine. Kursk: GBOU VO KSMU of the Ministry of Health and Social Development of Russia, 2012. 39 p.: ill., c. table.: 20 cm.

2. Levchenko E.V., Snegireva A.Yu., Kuzminov V.S., Ivenkov M.P., Shcherbakova D.V., Bredikhina P.V., Starkova A.O., Ageyev M.V. Anxiety and depressive disorders among medical students. Psychiatry and psychopharmacotherapy. 2024. No. 6. pp. 52 – 55. DOI: 10.62202/2075-1761-2024-26-6-52-55

3. Abend R., et al. A computational network perspective on pediatric anxiety symptoms. Psychological Medicine. 2020. Vol. 50. Iss. 15. P. 2599 – 2609. – DOI: 10.1017/S0033291720000501

4. Abend R., et al. Anticipatory Threat Responding: Relationships with Anxiety, Development, and Brain Structure. Biological Psychiatry. 2020. Vol. 87. P. 916 – 925. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7211142/ (access date: 10/20/2024)

5. Abend R. Understanding anxiety symptoms as aberrant defensive responding along the threat imminence continuum. Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2023. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10528507/ (access date: 10/18/2024)

6. Borghi A.M. A Future of Words: Language and the Challenge of Abstract Concepts. Journal of Cognition. 2020. Vol. 3. P. 42. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7583217/ (access date: 10/19/2024)

7. Brooks J.A., Tzirakis P., Baird A. et al. Deep learning reveals what vocal bursts express in different cultures. Nature Human Behaviour. 2022. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36577898/ (access date: 10/18/2024)

8. DeYoung C.G., Chmielewski M., Clark L.A. et al. The distinction between symptoms and traits in the Hierarchical Taxonomy of Psychopathology (HiTOP). Journal of Personality. 2022. Vol. 90. P. 20 – 33. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32978977/ (access date: 10/19/2024)

9. Drzewiecki C.M., Fox A.S. Understanding the heterogeneity of anxiety using a translational neuroscience approach. Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. 2024. P. 228 – 245. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38356013/ (access date: 10/18/2024)

10. Grogans S.E., Bliss-Moreau E., Buss K.A. et al. The nature and neurobiology of fear and anxiety: State of the science and opportunities for accelerating discovery. Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2023. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10330657/ (access date: 10/19/2024)

11. Grupe D.W., Nitschke J.B. Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective. Nature Reviews Neuroscience. 2022. Vol. 47. P. 260 – 275. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC4276319/ (access date: 19.1.2024)

12. Kenwood M.M., Kalin N.H., Barbas H. The prefrontal cortex, pathological anxiety, and anxiety dis-orders. Neuropsychopharmacology. 2022. Vol. 47. P. 260 – 275. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8617307/ (access date: 10/20/2024)

13. Knowles K.A., Olatunji B.O. Specificity of trait anxiety in anxiety and depression: Meta-analysis of the State-Trait Anxiety Inventory. Clinical Psychology Review. 2020. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7680410/ (access date: 10/18/2024)

14. Lindquist K.A., Jackson J.C., Leshin J. et al. The cultural evolution of emotion. Nature Reviews Psychology. 2022. Vol. 1. P. 669 – 681. URL: https://www.nature.com/articles/s44159-022-00105-4 (access date: 10/19/2024)

15. Machado T.A., Kauvar I.V., Deisseroth K. Multiregional neuronal activity: the forest and the trees. Nature Reviews Neuroscience. 2022. Vol. 23. P. 683 – 704. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10327445/ (access date: 10/19/2024)

16. Moscarello J.M., Penzo M.A. The central nucleus of the amygdala and the construction of defensive modes across the threat-imminence continuum. Nature Neuroscience. 2022. Vol. 25. No. 8. P. 999 – 1008. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35915178/ (access date: 10/19/2024)

17. Shaffer C., Westlin C., Quigley K.S. et al. Allostasis, action, and affect in depression: insights from the theory of constructed emotion. Annual Review of Clinical Psychology. 2022. P. 553 – 580. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35534123/ (access date: 10.20.2024)

18. Shackman A.J., Fox A.S. Two decades of anxiety neuroimaging research: new insights and a look to the future. American Journal of Psychiatry. 2021. Vol. 178. P. 106 – 109. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7863577/ (date of access: 10/19/2024)

19. Vitale E.M., Smith A.S. Neurobiology of loneliness, isolation, and loss: integrating human and animal perspectives. Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2022. Vol. 16. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9029604/ (access date: 10/19/2024)

20. Zhao H., Zhou M., Liu Y. et al. Recent advances in anxiety disorders: focus on animal models and pathological mechanisms. Animal Models and Experimental Medicine. 2023. P. 559 – 572. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10757213/ (access date: 10/19/2024)

Информация об авторах

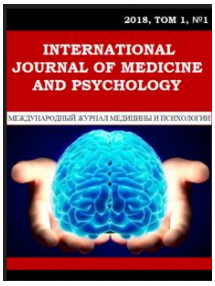
Громова П.Ю., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5511-5480, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, polina-gromova-2002@mail.ru

Новикова Н.С., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-9460-931X, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, novikovans02@mail.ru

Котиков А.А., ассистент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-2996-945X, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, E-mail: kotikovaa@kursksmu.net

Левченко Е.В., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5587-4678, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, E-mail: levchenkoev@kursksmu.net

© Громова П.Г., Новикова Н.С., Котиков А.А., Левченко Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 371.336:159.922.4

[1] Лукашенко Д.В.,
[1] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде: психодиагностические подходы и педагогические перспективы

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема психологического благополучия студентов в условиях цифровой трансформации образования. Целью статьи является анализ современных исследований в области психодиагностики психологического благополучия в цифровой образовательной среде и выявление педагогических перспектив, основанных на эмпирических данных. Проведен обзор литературы, посвященной методам психодиагностики, влиянию характеристик цифровой среды на психологическое состояние студентов, и педагогическим стратегиям поддержания благополучия. В статье представлены результаты анализа исследований, подтверждающие связь между эргономикой цифровой среды, социальным взаимодействием в цифровом пространстве, когнитивной нагрузкой и различными аспектами психологического благополучия студентов (стресс, тревожность, мотивация, вовлеченность). Обоснована необходимость комплексного использования психодиагностических методов и реализации педагогических стратегий, направленных на создание эргономичной, социально поддерживающей и когнитивно оптимизированной цифровой образовательной среды. Статья подчеркивает важность дальнейших исследований в области разработки и валидизации психодиагностического инструментария и оценки эффективности педагогических interventions для обеспечения психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, психологическое благополучие, студенты, психодиагностика, педагогические стратегии, эргономика цифровой среды, социальное взаимодействие, когнитивная нагрузка

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде: психодиагностические подходы и педагогические перспективы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 110 – 115.

Поступила в редакцию: 30 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 31 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Lukashenko D.V.,
[1] Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Psychological well-being of students in the digital educational environment: psychodiagnostic approaches and pedagogical perspectives

Abstract: this article addresses the urgent issue of developing critical thinking skills in high school students within the context of digitalized education. The study analyzes the opportunities and challenges associated with integrating digital technologies into the educational process. The authors examine the cognitive, motivational, and affective aspects of critical thinking and how digitalization influences each of these components. The research employs a mixed-methods approach, including a review of scientific literature, pedagogical observation, student surveys, focus group interviews with teachers, and a pedagogical experiment. The findings indicate that digital tech-

nologies can both facilitate and hinder the development of critical thinking in high school students. While they provide access to vast amounts of information and tools for processing it, they can also contribute to superficial analysis, decreased motivation to learn, and the formation of uncritical information consumption habits. The authors propose recommendations for improving the educational process aimed at developing critical thinking in the digital environment. These recommendations include the use of active learning methods, the development of critical information evaluation skills, and advanced training for educators.

Keywords: digital learning environment, psychological well-being, students, psychodiagnostics, pedagogical strategies, digital environment ergonomics, social interaction, cognitive load

For citation: Lukashenko D.V. Psychological well-being of students in the digital educational environment: psychodiagnostic approaches and pedagogical perspectives. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 110 – 115.

The article was submitted: November 30, 2024; Approved after reviewing: January 31, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Цифровая трансформация образования, стремительно набирающая обороты в последние десятилетия, открывает перед обучающимися новые горизонты возможностей. Виртуальные обучающие среды, электронные образовательные ресурсы, интерактивные платформы и мобильное обучение становятся неотъемлемой частью современного образовательного процесса. Однако, наряду с очевидными преимуществами, такими как доступность, гибкость и персонализация обучения, цифровизация образования ставит перед исследователями и практиками ряд новых вопросов, связанных с психологическим благополучием студентов в цифровой среде. Актуальность данного вопроса обусловлена увеличением времени, проводимого студентами в цифровом пространстве, изменением характера межличностного взаимодействия, а также потенциальным воздействием цифровой среды на когнитивные и эмоциональные процессы обучающихся [3].

В настоящее время наблюдается растущий интерес к изучению влияния цифровой образовательной среды на различные аспекты психологического благополучия студентов. Исследования затрагивают такие проблемы, как цифровая усталость, академическая прокрастинация в цифровом обучении, риски социальной изоляции и одиночества, тревожность и стресс, связанные с использованием цифровых технологий в образовании [1, 14]. Вместе с тем, недостаточно разработаны и валидизированы инструменты психодиагностики, позволяющие эффективно оценивать психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде и своевременно выявлять факторы риска. Отсутствие комплексного понимания психологических эффектов цифровизации образования и методического инструментария для их диагностики затрудняет разработку научно-обоснованных педагогических стратегий, направленных на обеспечение и поддержание благополучия студентов в условиях цифровой образовательной среды.

Целью данной статьи является анализ актуальных исследований в области психодиагностики психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде и выявление педагогических перспектив, основанных на полученных результатах. В статье будут рассмотрены существующие психодиагностические подходы и методики, а также представлены результаты эмпирических исследований, подтверждающие связь между характеристиками цифровой образовательной среды и различными аспектами психологического благополучия студентов.

Материалы и методы исследований

В рамках данного обзора были проанализированы научные публикации, посвященные проблеме психодиагностики психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде. Поиск литературы осуществлялся в электронных базах данных Scopus, Web of Science, РИНЦ, а также в специализированных психологических и педагогических журналах. Критериями отбора публикаций являлись: релевантность теме исследования, актуальность, наличие эмпирических данных, научная значимость и соответствие требованиям к научным публикациям.

В качестве методологической основы исследования были использованы методы теоретического анализа, систематизации и обобщения научной литературы. Для структуризации и анализа результатов исследований были выделены следующие ключевые направления:

- методы психодиагностики психологического благополучия в цифровой среде: анализ существующих психодиагностических инструментов (опросники, тесты, методы цифрового следа и др.),

оценка их валидности и надежности в контексте цифровой образовательной среды;

- влияние характеристик цифровой образовательной среды на психологическое благополучие студентов: исследование связи между различными аспектами цифровой среды (эргономика, социальное взаимодействие, информационная насыщенность и др.) и показателями психологического благополучия (стресс, тревожность, мотивация, вовлеченность и др.);
- педагогические стратегии поддержания психологического благополучия студентов в цифровой среде: анализ эффективных педагогических подходов и рекомендаций, направленных на создание благоприятной цифровой образовательной среды, способствующей психологическому благополучию студентов.

Результаты и обсуждения

Методы психодиагностики психологического благополучия в цифровой среде

В настоящее время для оценки психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде используется широкий спектр психодиагностических методов. Традиционные методы, такие как **самоотчетные опросники**, адаптируются и валидизируются для использования в цифровом контексте [2]. Например, для оценки стресса и тревожности, связанных с цифровым обучением, разрабатываются специализированные шкалы, учитывающие специфику цифровой среды (например, шкала цифрового стресса (Digital Stress Scale)). Для оценки мотивации и вовлеченности в цифровое обучение применяются опросники, фокусирующиеся на цифровой учебной деятельности (например, шкала цифровой учебной мотивации (Digital Learning Motivation Scale)).

Однако, самоотчетные методы имеют ограничения, связанные с субъективностью оценок и рисками социальной желательности ответов. В связи с этим, в психодиагностике цифровой образовательной среды все большее распространение получают методы цифрового следа (learning analytics). Анализ цифрового следа позволяет получить объективные данные о поведении студентов в цифровой среде (активность на платформе, время работы с ресурсами, характер взаимодействия с другими участниками и др.) и использовать их для прогнозирования психологического благополучия. Например, исследования показывают, что низкая активность на обучающей платформе, недостаточное взаимодействие с преподавателями и студентами, а также нерациональное использование цифровых ресурсов могут быть индикаторами снижения мотивации, увеличения тревожности и рисков академической неуспеваемости [8, 10].

Наряду с количественными методами, в психодиагностике цифровой образовательной среды важную роль играют **качественные методы**, такие как полуструктурированные интервью и фокус-группы. Качественные методы позволяют получить глубокое понимание субъективного опыта студентов в цифровой среде, выявить их опасения, тревоги, ресурсы и стратегии совладания с трудностями. Интервью со студентами и преподавателями могут предоставить ценную информацию о восприятии цифровой среды, ее влиянии на межличностные отношения, когнитивную нагрузку и эмоциональное состояние обучающихся [9, pp. 101-116].

Интеграция различных методов психодиагностики (количественных и качественных, самоотчетных и объективных методов цифрового следа) представляется наиболее перспективным подходом для комплексной оценки психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде [7]. Комбинирование методов позволяет получить более полную и достоверную картину, учитывающую различные аспекты психологического благополучия и особенности цифрового обучения.

Влияние характеристик цифровой образовательной среды на психологическое благополучие студентов

Исследования последних лет подтверждают существенное влияние различных характеристик цифровой образовательной среды на психологическое благополучие студентов. Можно выделить несколько ключевых аспектов цифровой среды, имеющих наиболее значимое воздействие.

Эргономика цифровой среды: Недостаточная эргономичность цифровых учебных материалов, неудобный интерфейс обучающих платформ, длительное пребывание перед экраном без достаточных перерывов могут приводить к физическому и психологическому дискомфорту, утомлению, снижению концентрации внимания и повышению уровня стресса [13]. Исследования показывают, что студенты, проводящие много времени за компьютером в целях обучения, чаще испытывают головные боли, боли в спине, сухость глаз и другие симптомы, негативно влияющие на их общее самочувствие и психологическое благополучие [6].

Социальное взаимодействие в цифровом пространстве: Цифровая среда предоставляет новые возможности для социального взаимодействия между студентами и преподавателями. Однако, виртуальное общение может отличаться от очного

взаимодействия и иметь как позитивные, так и негативные последствия для психологического благополучия. С одной стороны, цифровые платформы способствуют расширению социальных контактов, поддержке между студентами и созданию чувства принадлежности к учебному сообществу. С другой стороны, виртуальное общение может быть более поверхностным и формальным, чем очное, что может приводить к ощущению социальной изоляции, одиночества и снижению эмоциональной поддержки [4]. Исследования показывают, что студенты, испытывающие дефицит социального взаимодействия в цифровой среде, чаще страдают от депрессии, тревожности и низкой самооценки [12, p. 215-256].

Когнитивная нагрузка и информационная перегрузка в цифровом обучении: Цифровая среда характеризуется высокой интенсивностью информационного потока, мультимедийностью и интерактивностью. С одной стороны, эти характеристики могут стимулировать когнитивную активность и повышать интерес к обучению. С другой стороны, избыток информации, необходимость постоянно переключаться между разными задачами и ресурсами, а также риски цифрового отвлечения могут приводить к когнитивной перегрузке, снижению концентрации внимания, утомлению и повышению уровня стресса [11]. Исследования показывают, что студенты, испытывающие когнитивную перегрузку в цифровом обучении, чаще демонстрируют низкую академическую успеваемость, прокрастинацию и снижение мотивации к обучению [5].

Педагогические стратегии поддержания психологического благополучия студентов в цифровой среде

Результаты исследований в области психодиагностики психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде позволяют выявить ключевые направления для разработки педагогических стратегий, направленных на создание благоприятной цифровой среды и поддержку психологического благополучия обучающихся. К наиболее эффективным педагогическим стратегиям можно отнести следующие направления.

Обеспечение эргономичности цифровой образовательной среды. Необходимо уделять пристальное внимание эргономическим аспектам цифровой среды при разработке учебных материалов и обучающих платформ. Важно обеспечить удобный и интуитивно понятный интерфейс, адаптивность контента к разным устройствам, минимизацию количества визуальных раздражителей, а также возможность регулировки яркости и контрастности экрана. Преподавателям необходимо рекомендовать студентам делать регулярные перерывы в работе с цифровыми устройствами, выполнять физические упражнения для глаз и спины, а также соблюдать режим сна и отдыха.

Организация эффективного социального взаимодействия в цифровой среде. Преподавателям необходимо активно использовать возможности цифровой среды для создания условий для эффективного социального взаимодействия между студентами. Важно стимулировать виртуальное общение, организовывать групповые проекты и дискуссии, создавать форумы и чаты для общения и поддержки, а также обеспечивать регулярную обратную связь и поддержку со стороны преподавателя. Необходимо также уделять внимание развитию цифровой компетентности студентов в сфере коммуникации и сотрудничества в цифровой среде, обучать их эффективным стратегиям виртуального общения и этичному цифровому поведению.

Оптимизация когнитивной нагрузки и управление информационным потоком в цифровом обучении. При разработке цифрового учебного контента необходимо стремиться к его структурированности, ясности и логичности. Важно разбивать большой объем информации на меньшие порции, использовать визуальные средства представления информации (графики, диаграммы, инфографику), а также предоставлять студентам возможность выбирать темп обучения и последовательность изучения материала. Преподавателям необходимо обучать студентов стратегиям управления информационным потоком, навыкам цифровой саморегуляции, а также методам снижения когнитивной нагрузки (например, методам концентрации внимания, тайм-менеджменту и техникам релаксации).

Выводы

Психологическое благополучие студентов в цифровой образовательной среде является актуальной и многоаспектной проблемой, требующей дальнейшего исследования и практического решения. В настоящее время разработан широкий спектр психодиагностических методов, позволяющих оценивать различные аспекты психологического благополучия в цифровой среде. Результаты эмпирических исследований подтверждают существенное влияние характеристик цифровой образовательной среды (эргономики, социального взаимодействия, когнитивной нагрузки) на психологическое благополучие студентов.

Для обеспечения психологического благополучия студентов в цифровой образовательной среде необходимо комплексное использование психодиагностических методов для мониторинга и свое-

временного выявления проблем, а также реализация педагогических стратегий, направленных на создание эргономичной, социально поддерживающей и когнитивно оптимизированной цифровой среды. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку и валидизацию новых психодиагностических инструментов, оценку эффективности различных педагогических стратегий и выявление индивидуальных различий в восприимчивости студентов к цифровой образовательной среде. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования цифровых образовательных сред и повышения качества образования в цифровую эпоху.

Список источников

1. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Психологические последствия цифровизации образования // Психологическая наука и образование. 2022. № 27 (1). С. 5 – 18. doi:10.17759/pse.2022270101.

2. Bochaver A.A., Khromov A.I., Khoroshev K.S., Pelgunov A.V. Development and Validation of the Digital Learning Environment Engagement Scale (DLEES) // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. № 14 (4). P. 161 – 177. doi:10.11621/pir.2021.0409

3. Bylieva D., Lobanov O., Rubtsova N. Psychological risks of digitalization of education. In E3S Web of Conferences 2020 (Vol. 110, p.02048). EDP Sciences. doi:10.1051/e3sconf/201911002048.

4. Cacioppo J.T., Hawkley L.C. Perceived social isolation and cognition // Trends in Cognitive Sciences. 2009. № 13 (10). P. 447 – 454. doi:10.1016/j.tics.2009.06.005

5. Кисельникова Н.В., Тимохина Т.В., Хуанг Х. Влияние цифровой образовательной среды на проявления академической прокрастинации у студентов вуза // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Образование, здравоохранение, физическая культура». 2019. № 19 (4). С. 6 – 12. doi:10.14529/ozfk190401

6. Маслова О.А., Цукерман Г.А., Шишкова Л.Ю. Готовность педагогов к использованию цифровых технологий в начальной школе. Психологическая наука и образование. 2020. № 25 (2). С. 5 – 17. doi:10.17759/pse.2020250201

7. Prinsloo P., Slade S. Learning analytics and student success: Discourse, dilemmas and directions // British Journal of Educational Technology. 2014. № 45 (4). P. 592 – 602. doi:10.1111/bjet.12108

8. Romero C., López-Pernas S., Guenaga M., Silla C.N., Venturelli M. Learning analytics in online learning environments: A systematic review of recent research trends (2016-2019) // Educational Technology Research and Development. 2020. № 68 (5). P. 1215 – 1242. doi:10.1007/s11423-020-09880-0

9. Selwyn N. Digital teaching and learning in higher education. Society for Research into Higher Education & McGraw-Hill Open University Press, 2011. 358 p.

10. Siemens G., Gašević D. Learning analytics: Ecology, complexity, and boundaries. In Proceedings of the 2nd international conference on learning analytics and knowledge, 2012. P. 113 – 116. doi:10.1145/2330576.2330616

11. Sweller J. Cognitive load theory. In J. P. Mestre & B. H. Ross (Eds.) // The psychology of learning and motivation. 2011. Vol. 55. P. 1 – 37. Academic Press. doi:10.1016/B978-0-12-385527-5.00001-8

12. Twenge J.M. iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy – and completely unlike millennials. Atria Books. 2000. 426p.

13. Van Deursen A.J., Bolle C.L., Hegner Y., Kommers P.A. Modeling habitual and addictive smartphone behavior: The role of smartphone usage types, emotional experiences, social norms, self-regulation, and self-efficacy // Computers in Human Behavior. 2021. № 69. P. 428 – 440. doi:10.1016/j.chb.2016.11.005

14. Хуанг Х., Кисельникова Н.В., Тимохина Т.В. (Цифровая усталость как фактор риска психологического благополучия студентов в условиях дистанционного обучения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Психология». 2021. № 14 (3). С. 40 – 48. doi:10.14529/psy210305

References

1. Babaeva Yu.D., Voiskunsky A.E., Soldatova G.U. Psychological consequences of digitalization of education. Psychological Science and Education. 2022. No. 27 (1). P. 5 – 18. doi: 10.17759/pse.2022270101.

2. Bochaver A.A., Khromov A.I., Khoroshev K.S., Pelgunov A.V. Development and Validation of the Digital Learning Environment Engagement Scale (DLEES). Psychology in Russia: State of the Art. 2021. No. 14 (4). P. 161 – 177. doi:10.11621/pir.2021.0409

3. Bylieva D., Lobanov O., Rubtsova N. Psychological risks of digitalization of education. In E3S Web of Conferences 2020 (Vol. 110, p.02048). EDP Sciences. doi:10.1051/e3sconf/201911002048.

4. Cacioppo J.T., Hawkley L.C. Perceived social isolation and cognition. Trends in Cognitive Sciences. 2009. No. 13 (10). P. 447 – 454. doi:10.1016/j.tics.2009.06.005

5. Kiselnikova N.V., Timokhina T.V., Huang H. The influence of the digital educational environment on the manifestations of academic procrastination in university students. Bulletin of the South Ural State University. Series: "Education, Health Care, Physical Education". 2019. No. 19 (4). P. 6 – 12. doi:10.14529/ozfk190401

6. Maslova O.A., Tsukerman G.A., Shishkova L.Yu. Readiness of teachers to use digital technologies in primary school. Psychological Science and Education. 2020. No. 25 (2). P. 5 – 17. doi:10.17759/pse.2020250201

7. Prinsloo P., Slade S. Learning analytics and student success: Discourse, dilemmas and directions. British Journal of Educational Technology. 2014. No. 45 (4). P. 592 – 602. doi:10.1111/bjet.12108

8. Romero C., López-Pernas S., Guenaga M., Silla C.N., Venturelli M. Learning analytics in online learning environments: A systematic review of recent research trends (2016-2019). Educational Technology Re-search and Development. 2020. No. 68 (5). P. 1215 – 1242. doi:10.1007/s11423-020-09880-0

9. Selwyn N. Digital teaching and learning in higher education. Society for Research into Higher Education & McGraw-Hill Open University Press, 2011. 358 p.

10. Siemens G., Gašević D. Learning analytics: Ecology, complexity, and boundaries. In Proceedings of the 2nd international conference on learning analytics and knowledge, 2012. P. 113 – 116. doi:10.1145/2330576.2330616

11. Sweller J. Cognitive load theory. In J. P. Mestre & B. H. Ross (Eds.). The psychology of learning and motivation. 2011. Vol. 55. P. 1 – 37. Academic Press. doi:10.1016/B978-0-12-385527-5.00001-8

12. Twenge J.M. iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy – and completely unlike millennials. Atria Books. 2000. 426p.

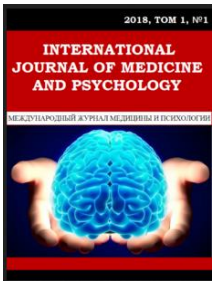
13. Van Deursen A.J., Bolle C.L., Hegner Y., Kommers P.A. Modeling habitual and addictive smartphone behavior: The role of smartphone usage types, emotional experiences, social norms, self-regulation, and self-efficacy. Computers in Human Behavior. 2021. No. 69. P. 428 – 440. doi:10.1016/j.chb.2016.11.005

14. Huang H., Kiselnikova N.V., Timokhina T.V. (Digital fatigue as a risk factor for students' psychological well-being in the context of distance learning. Bulletin of the South Ural State University. Series: "Psychology". 2021. No. 14 (3). P. 40 – 48. doi:10.14529/psy210305

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Россиидim-mail-ru@mail.ru

© Лукашенко Д.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.91

[1] Лукичева М.А.,
[1] Российский государственный профессионально-педагогический университет

Преодоление психологических барьеров профессионального развития при помощи кинезиологии (методов или инструментов)

Аннотация: современные профессии в результате их постоянной модификации и совершенствования, а также интеграции в рабочий процесс новых технологий, компьютеризации и искусственного интеллекта, стали более стрессогенными по сравнению с трудом, который был привычен для людей на протяжении последних десятилетий. А именно, необходимость быстро и качественно овладевать разными нововведениями нередко провоцирует конфликты, недопонимание, производственный стресс и утомление в коллективе, что также чревато мышечными зажимами, спазмами и формированием триггерных точек у сотрудников, в то время как профессиональное становление наиболее полно и эффективно происходит в условиях сбалансированной мышечной системы человека. В совокупности с регулярным статическим напряжением, которому подвержены специалисты всех профессий, связанных с сидячим образом трудовой деятельности, психологические барьеры могут усугубляться вплоть до синдрома миофасциальной боли. Кинезиология как инструмент доказательной медицины все чаще начала входить в практику современных психологов, позволяя снижать или ликвидировать мышечные зажимы и напряжение в теле. Основным принципом данной науки выступает работа с проприоцептивными рефлексами, способствующая натяжению или расслаблению мышц в ответ на сенсорные стимулы.

Ключевые слова: конезиология, психокинезиология, учение о движении тела, психологические барьеры, профессиональное развитие, методы кинезиологии, инструменты кинезиологии, снятие стресса

Для цитирования: Лукичева М.А. Преодоление психологических барьеров профессионального развития при помощи кинезиологии (методов или инструментов) // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 116 – 120.

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Lukicheva M.A.,
[1] Russian State Vocational Pedagogical University

Overcoming psychological barriers to professional development with the help of kinesiology (methods or tools)

Abstract: modern professions, as a result of their constant modification and improvement, as well as the integration of new technologies, computerization and artificial intelligence into the workflow, have become more stressful compared to the work that has been familiar to people over the past decades. Namely, the need to master various innovations quickly and efficiently often provokes conflicts, misunderstandings, work stress and fatigue in the team, which is also fraught with muscle clamps, spasms and the formation of trigger points in employees, while professional development most fully and effectively occurs in conditions of a balanced human muscular system. In combination with regular static stress, which affects specialists of all professions associated with sedentary work, psychological barriers can worsen up to the syndrome of myofascial pain. Kinesiology as a tool of evidence-based medicine has increasingly begun to enter the practice of modern psychologists, allowing them to reduce or elimi-

nate muscle clamps and tension in the body. The main principle of this science is the work with proprioceptive reflexes, which promotes tension or relaxation of muscles in response to sensory stimuli.

Keywords: anesthesiology, psychokinesiology, the doctrine of body movement, psychological barriers, professional development, kinesiology methods, kinesiology tools, stress relief

For citation: Lukicheva M.A. Overcoming psychological barriers to professional development with the help of kinesiology (methods or tools). International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 116 – 120.

The article was submitted: December 1, 2024; Approved after reviewing: February 2, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Кинезиология является достаточно молодой наукой (появление официально датировано 1930-ым гг.) [2, с. 170], которая активно интегрируется не только в практику медиков и спортсменов, но и психологов. Данная «дисциплина представляет собой систему понятий, описывающих принципы, законы и закономерности формирования анатомически правильных паттернов движения» [3, с. 233].

Согласно исследованиям Е.В. Вороновой и И.Ф. Токаревой (2017), «все направления кинезиологии объединяет такой метод получения информации о человеке как мышечное тестирование (т.е. метод биологической обратной связи или мануальный мышечный тест)» [2, с. 169], позволяющий констатировать степень динамики мышечного тонуса вследствие того или иного стресса либо триггера, а также после оказанной специалистом (психотерапевтом, хиропрактом, остеопатом, мануалистом и пр.) провоцирующего действия на мышцы-индикаторы. Изменения активности миотатического рефлекса скелетных мышц позволяют определять дисбаланс в эмоциях, энергии и мышцах человека.

Материалы и методы исследований

В данной статье использовались такие методы, как теоретическое исследование научной литературы по обозначенной проблематике, структуризация и систематизация материала, междисциплинарный метод.

Результаты и обсуждения

В работе психолога важным показателем эмоционального состояния человека является рефлекторное напряжение мышц реципиента, контролируемое центральной нервной системой, возникающее вследствие определенного изменения психологического состояния или телесного контакта [2, с. 170].

Одним из центральных показателей изменений психоэмоционального состояния человека является ответ его афферентной (чувствительной) нервной системы на внешние (физические) раздражители или внутренние состояния (чувства, эмоции, аффекты, желания, влечения). При этом ответная реакция организма может варьироваться от болевых ощущений и дестабилизации температуры тела до проприоцептивных рефлексов в виде натяжения или расслабления мышц. Стрессогены и триггеры, возникающие в процессе профессионального развития, провоцируют эмоциональное напряжение, откликающееся в организме мышечными зажимами, миофасциальным синдром, в т.ч. спазмами (чрезмерная длительность которых может сопровождаться формированием триггерных точек).

Стрессогенным фактором профессий, включающих не только по своей природе социономическую деятельность, но и активную интеграцию различных новаторств (в т.ч. искусственный интеллект, цифровизацию производственных процессов, эффективизацию рабочих программ), является субъективная оценка личностью «содержательной стороны деятельности в плане разнообразия и сложности выполняемых задач» [9, с. 166], что характеризуется ростом личностных и поведенческих деформаций, профессиональным выгоранием, эмоциональным истощением сотрудников, дестабилизирующих диссипативную систему человека, в т.ч., его психоэмоциональное состояние и физиологические процессы как на уровне мышечных тканей, так и целостного организма (различных функциональных состояний, патологий и др.). Как следствие, возникают психологические барьеры профессионального развития, «консервирующие резервы духовно-психического потенциала, тормозящие или даже блокирующие их реализацию в процессе жизнедеятельности» [6, с. 243; 7, с. 162]. Нарушения психоэмоционального состояния, сопровождающиеся повышением или чрезмерным снижением мышечного напряжения, влекут за собой целый спектр патофизиологических тканевых процессов, гомолатеральных или гетеролатеральных паттернов, болевых синдромов [4].

В рамках психологических механизмов саморегуляции А.В. Филиппов (1990), Р.Х. Шакуров (2001), Н.В. Рощина (2020) дифференцируют такие типы «психологических барьеров, как: организационно-психологические, социально-психологи-

ческие, когнитивно-психологические и психомоторные» [7, с. 162], оказывающие сдерживающее («тормозящее») или деструктивное воздействие на профессиональное становление личности.

Кинезиология является методом диагностики и коррекции функций скелетно-мышечной системы [3, с. 234], нелекарственным способом лечения мышечных зажимов, возникающих на фоне стресса, «основанным на применении рефлекторных механизмов – рефлекторном снижении или усилении тонуса мышц» [5, с. 38-39], которые среагировали на стресс.

Среди основных **инструментов** кинезиологии ученые выделяют следующие:

(а) Мануально-мышечное тестирование (ММТ) или мышечный мониторинг психофизического состояния человека – это бессознательный ответ тела через мышечный импульс руки на определенный психоэмоциональный раздражитель после оказания какого-либо провоцирующего воздействия [2, с. 169; 3, с. 233; 10].

(б) Позитивный эмоциональный заряд (ПЭЗ) – определение уровня мотивации к достижению жизненных целей, в т.ч. профессиональных;

(в) Барометр поведения как язык психоэмоционального стресса, позволяющий прояснить эмоциональную подоплеку происходящего путем определения эмоционально-поведенческих реакций, которые человек старается избегать или отрицать, либо, напротив, желает их [8, с. 43-44], но из-за алекситимии неспособен описать вербально собственные переживания.

(г) Болевое поведение – вербальная и невербальная социальная коммуникация, позволяющая констатировать окружающим факт наличия боли у адресанта (о чем свидетельствуют его соответствующие интонация, актоника, гаптика, кинесика, окулесика и такесика);

(д) Техника «Латерального переобучения по Деннисону» – выполнение гомолатеральных упражнений, ориентированных на использование только одной стороны тела, для диагностики степени задействования полушарий мозга в момент сенсомоторного функционирования (нарушение которого снижает способность выполнения «перекрестных шагов»). Коррекция при этом проводится путем выполнения психофизических упражнений, позволяющих восстановить «эффективное, интегрированное выполнение перекрестных латеральных движений, зрения и слуха» [1, с. 120].

Таблица 1

Основные кинезиологические методы коррекции психологических барьеров профессионального развития.

Table 1

Basic kinesiological methods for correcting psychological barriers to professional development.

Метод	Основа метода	Область применения	Коррекция
«Я чувствую / я есть» (на основе теории постурального равновесия Гаже) [2]	Мышечно-энергетическая техника уравновешивания глазодвигательных мышц	Проговаривание негативных, а затем позитивных эмоций, сопровождающееся работой с постуральными проприоцептивными функциями глаз (растяжением глазных мышц).	Правильная организация статики и динамики организма, внешнего и внутреннего благополучия – психологическая гармония личности как детерминанта здоровья.
Лобно-затылочная коррекция (ЛЗК) [2]	«Стимуляция мыслительной и зрительной деятельности без участия эмоций» [2, с. 171].	Височные доли, отвечающие за эмоции, теменные доли – за действия, лобные – за креативные и нестандартные «решения проблемы и модели поведения, затылочные – за зрительное восприятие и память» [2, с. 171].	Профилактика и коррекция дистресса.
«Единый мозг» в концепции «Три в одном» Г. Стокса и Д. Уайтсайда, К. Келлуэй [2; 10]	Использование различных двигательных действий для гармонизации энергии в организме человека [10].	«Три в одном» (дух – разум – тело; мысль – эмоция – действие; сознание – подсознание – тело): работа с телом, мозгом и энергией. Мышечное тестирование позволяет определить причину и локации «блока», кинезиология – гармонизировать личность, что содействует развитию талантов, в т.ч. профессиональных, и достижению своих целей.	Коррекция депрессии, стрессов и психологических травм из прошлого, создающих «блоки» для самореализации в действительности, в т.ч. снятие глубинных негативных эмоциональных блоков.
Авторская методика Хосе Паломара	Мануальный неврологический метод – применение проприоцептивного глубокого сухожильного рефлекса (P-DTR) для проработки экстерорецепторов, интерорецепторов и проприорецепторов.	Мануальное воздействие на определенные рецепторные зоны человеческого тела: легкие поглаживания (для стимуляции рецепторов прикосновения), локальные растяжения (для стимуляции рецепторов Гольджи), глубокие давления (Пачини) и т.д.	Коррекция нарушений функционального состояния организма человека, являющихся следствием психоэмоциональных перегрузок.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Авторская методика А.В. Семенович [3]	«Дыхательные упражнения, техники массажа, самомассажа, упражнения, направленные на устранение ригидных телесных установок» [3, с. 240].	Определение функциональной дефицитарности различных отделов головного мозга человека – взаимокорреляции и/или дисбаланса интеллектуальной работоспособности, мышечного тонуса, напряжений в теле, квазипространственных и пространственных представлений с продуктивной деятельностью [3, с. 236].	Коррекция моторных компонентов различных нарушений: синкинезии, дистонии, нарушения паттерна вертикализации [3, с. 240].
Авторская методика Б.М. Коган, Д.А. Жаков [3]	Глазодвигательные и дыхательные упражнения, коррекция ригидных телесных установок, кинезиологические упражнения [3, с. 240-241].	«Истощение примитивных безусловных рефлексов (ПБР), формирование анатомо-физиологически адекватного паттерна вертикализации, фасилитация развития миофасциальных цепей (МФЦ)» [3, с. 241].	«Динамический праксис; реципрокная координация; слухоречевая и зрительная память; пространственные представления» [3, с. 242].
«Тигель» («Crucible»)	В основе метода – междисциплинарность (коллективная работа педагогов, психологов, медиков, тренеров, аниматоров, включение в терапию искусства, спорта, досуга).	«Прокаливание в огне» тигеля всех переживаний личности в контексте ее жизненного опыта и опыта специалистов из разных областей посредством саморефлексии, рефлексии, медитации и различных техник релаксации.	Коррекция посттравматических стрессовых расстройств – последствий психотравмирующих событий из прошлого.

Таким образом, кинезиология позволяет диагностировать мышечные спазмы и зажимы, являющиеся следствием стресса, дистресса, триггеров, а также различных психоэмоциональных блоков, возникших в прошлом и настоящем, которые мешают профессиональному становлению личности. Изменение мышечного тонуса.

Кинезиология помогает преодолевать психологические барьеры профессионального развития личности, умалять негативное воздействие конфликтов профессионального самоопределения и миновать профессиональные кризисы, корректировать организационно-психологические барьеры, являющееся следствием непринятия нововведений, преодолевать социально-психологические барьеры, провоцирующие возникновение беспричинных негативных установок и предвзятости к коллегам, снижение эмпатии и социопатии; когнитивно-психологические и психомоторные «блоки», мешающие достижению профессиональных целей из-за неспособности преодолеть те или иные сомнения и страхи. Соответственно, кинезиология является методом коррекции психологических барьеров профессионального развития сквозь призму работы над целостной (холистической) моделью здоровья путем преодоления гносеологических, эмоциональных, коммуникативных, интенциоанальных и когнитивных барьеров.

Выводы

Психологические барьеры, возникающие на профессиональном пути развития личности, провоцируют не только стресс, но и напряжение в теле, мышечные спазмы и зажимы, что чревато целым спектром патофизиологических тканевых процессов, влекущим за собой дополнительные энергетические затраты и, как следствие, психоэмоциональный дискомфорт и выгорание. Кинезиология помогает диагностировать и корректировать последствия стресса, а также оценивать эффективность ее воздействия на личность.

Список источников

1. Актуальные проблемы физической культуры и спорта курсантов и слушателей: сборник статей / под ред. С.Н. Баркалова, А.В. Алдошина. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. 307 с.

2. Воронова Е.В., Токарева И.Ф. Кинезиология в психотерапии: основные направления и методы // Акмеология. 2017. № 1 (61). С. 169 – 173.

3. Коган Б.М., Жаков Д.А. Прикладная кинезиология в нейропсихологической коррекции высших психических функций младших школьников // Междисциплинарные исследования. 2022. № 2 (66). С. 233 – 245.

4. Могельницкий А.С., Павлова О.Ю. Значение постуральных рефлексов глазодвигательных мышц для тонусно-фазической регуляции обеспечения движений спортсмена // IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «БЕЗОПАСНЫЙ СПОРТ-2017»: Материалы конференции. СПб.: Изд-во СЗГМУ И.И. Мечникова, 2017. С. 91 – 93.

5. Паломар Х., Исайкин А.И., Свет М.С., Алексеев А.В. Перспективы практического применения методов клинической нейрофизиологии // Русский медицинский журнал. 2018. № 7. С. 37 – 40.

6. Парыгин Б.Д. Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. СПб.: СПбГУП, 2003. 615 с.

7. Рощина Н.В. Психологические барьеры и ресурсы профессионального становления будущих учителей физической культуры // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 4. С. 161 – 165. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-161-165

8. Чобану И.К. Психотерапевтическая кинезиология: новое в работе с телом // Психология телесности: теоретические и практические исследования (24-28 января 2011 года): Сборник статей IV международной научнопрактической конференции / Под ред. Е.В. Буренковой Москва: МГППУ, 2011. С. 40 – 47.

9. Чуева Е.Н. Специфика проявления профессионального стресса у представителей социономических профессий // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. №2 (20). С. 165 – 174.

10. Irkhin V.N., Irkhina I.V., Polshhikova O.V., Markov A.V. The content and essenceof education kinesiology // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2015. № 2 (4). P. 11 – 18.

References

1. Actual problems of physical education and sports of cadets and students: collection of articles. edited by S.N. Barkalov, A.V. Aldoshin. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2017. 307 p.

2. Voronova E.V., Tokareva I.F. Kinesiology in psychotherapy: main directions and methods. Acmeology. 2017. No. 1 (61). P. 169 – 173.

3. Kogan B.M., Zhakov D.A. Applied kinesiology in neuropsychological correction of higher mental functions of younger schoolchildren. Interdisciplinary studies. 2022. No. 2 (66). P. 233 – 245.

4. Mogelnitsky A.S., Pavlova O.Yu. The Importance of Postural Reflexes of the Oculomotor Muscles for Tonus-Phase Regulation of Ensuring Athlete's Movements. IV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "SAFE SPORT-2017": Conference Proceedings. SPb.: Publishing House of SZGMU I.I. Mechnikov, 2017. P. 91 – 93.

5. Palomar H., Isaikin A.I., Svet M.S., Alekseev A.V. Prospects for the Practical Application of Clinical Neurophysiology Methods. Russian Medical Journal. 2018. No. 7. P. 37 – 40.

6. Parygin B.D. Social Psychology: a textbook for university students studying in the direction and specialties of psychology. SPb.: SPbGUP, 2003. 615 p.

7. Roshchina N.V. Psychological barriers and resources of professional development of future physical education teachers. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020. No. 4. P. 161 – 165. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-161-165

8. Chobanu I.K. Psychotherapeutic kinesiology: new in working with the body. Psychology of corporeality: theoretical and practical research (January 24-28, 2011): Collection of articles from the IV international scientific-practical conference. Ed. E.V. Burenkova Moscow: MGPPU, 2011. P. 40 – 47.

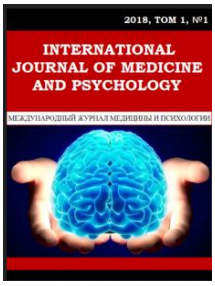
9. Chueva E.N. Specificity of professional stress manifestation in representatives of socionomic professions. Bulletin of KRAUNC. Humanitarian sciences. 2012. No. 2 (20). P. 165 – 174.

10. Irkhin V.N., Irkhina I.V., Polshhikova O.V., Markov A.V. The content and essence of education kinesiology. Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2015. No. 2 (4). P. 11 – 18.

Информация об авторе

Лукичева М.А., Российский государственный профессионально-педагогический университет, blagorodica@mail.ru

© Лукичева М.А., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.99

[1] Сухотина Е.В.,
[1] Кемеровский государственный университет

Принципы системного подхода к изучению саморегуляции деятельности

Аннотация: в данной статье автор подчеркивает важность рассмотрения саморегуляции деятельности как системы, указывая на то, что саморегуляцию деятельности необходимо рассматривать как целостное согласованно функционирующее образование. Обзорно указываются классификации систем, имеющие значение для рассмотрения саморегуляции деятельности. Основное внимание в работе уделено описанию принципов (целостности, совместимости элементов целого, функционально-структурного устройства, иерархичности, развития, подвижности функций, полифункциональности) и основных свойств системы (статических, динамических, синтетических), обосновывающих рассмотрение феномена саморегуляции деятельности как динамической системы, имеющей структурно-функциональную организацию. На основе теоретического анализа автором предпринята попытка выделения компонентного состава системы саморегуляции деятельности, включающего: потребностно-мотивационный компонент, компонент личностно-регуляторных свойств, ценностно-смысловой и эмоционально-волевой компоненты. Указана функциональная роль каждого конкретного компонента системы саморегуляции деятельности, имеющего важное значение в реализации саморегуляции деятельности человека.

Ключевые слова: саморегуляция, саморегуляция деятельности, система саморегуляции деятельности, система, системный подход, компоненты саморегуляции деятельности, принципы системного подхода, свойства системы

Для цитирования: Сухотина Е.В. Принципы системного подхода к изучению саморегуляции деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 121 – 131.

Поступила в редакцию: 2 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Suhotina E.V.,
[1] Kemerovo State University

Principles of system approach to the study of self-regulation of activity

Abstract: in this article, the author emphasizes the importance of considering self-regulation of activity as a system, pointing out that self-regulation of activity must be considered as an integral, coherently functioning entity. The classifications of systems that are important for considering self-regulation of activites are briefs indicated. The main attention in the work is paid to the description of principles (integrity, compatibility of elements of the whole, functional-structural arrangement, hierarchy, development, mobility of functions, polyfunctionality) and the main properties of the system (static, dynamic, synthetic), justifying the consideration of the phenomenon of self-regulation of activity as a dynamic system with structural-functional organization. On the basis of theoretical analysis, an attempt is made to identify the component composition of the system of self-regulation of activity, including: the need-motivational component, the component of personal-regulatory properties, value-meaning and emotional-volitional components. The functional role of each specific component of the system of self-regulation of activity, which is important in the realization of self-regulation of human activity, is specified.

Keywords: self-regulation, self-regulation of activity, system of self-regulation of activity, system, system approach, components of self-regulation of activity, principles of system approach, system properties

For citation: Suhotina E.V. Principles of system approach to the study of self-regulation of activity. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 121 – 131.

The article was submitted: , 2024; Approved after reviewing: 2 февраля, 2025; Accepted for publication: 18 марта, 2025

Введение

В современном мире происходит усложнение связей различных феноменов и их взаимодействий. В последнее время все чаще при изучении разного рода явлений специалисты обращаются к принципам системного подхода. Анализ научных источников в области изучения саморегуляции деятельности свидетельствует о большом количестве информации, различных исследованиях, наличии работ, описывающих стилевые особенности саморегуляции деятельности, уровневые характеристики, особенности проявления в конкретных видах деятельности (игровой, спортивной, профессиональной и др.). Однако, данные знания носят фрагментарный, разрозненный характер. В связи с этим встает вопрос о рассмотрении и описании саморегуляции деятельности как системы.

Материалы и методы исследований

Методы исследования в данной статье представлены теоретическим анализом и концептуальным моделированием.

Результаты и обсуждения

Основным результатом теоретического исследования, представленного в данной статье является обоснование тезиса о необходимости изучения саморегуляции деятельности как динамической системы, имеющей структурно-функциональную организацию, в результате концептуального моделирования был выделен компонентный состав системы саморегуляции деятельности.

С позиции системного подхода любой сложный объект рассматривается как самодостаточная система, имеющая структурную и функциональную организацию, особенности функционирования и развития [1, 2]. Так, понимание данного подхода характеризуется направленностью внимания исследователей на способы связей элементов и частей определенного объекта как единого, определение функциональных возможностей каждого элемента, механизмов функционирования и развития объекта как целого. Каждый элемент, входящий в состав системы вносит вклад при достижении системой целевой функции [3].

Идеи системного подхода находят свое отражение в научных трудах Л. фон Берталанфи [4], рассматривающего целесообразность анализа «всех открытых самоорганизующихся и саморазвивающихся образований как систем» [5, с. 47]. Л. фон Берталанфи впервые успешно применил данный подход, исследуя биологические процессы, а затем предъявил научному сообществу программу построения общей теории систем.

В работах известных авторов А. Акоффа, А Боулдина, А. Рапопорта, В.Н. Садовского и др. находит отражение идея о наличии общего системного свойства не только в естественнонаучных дисциплинах, но и в разных предметных областях. По их мнению, система состоит из элементов или частей, которые находятся во взаимодействии, закономерности, их строение является одинаковым для разных областей. Таким образом, под системой понимают комплекс элементов, находящихся во взаимоотношениях [6].

В контексте нашего исследования представляет интерес ретроспективный анализ применения системного подхода к изучению саморегуляции деятельности. Применительно к психологии определение категории системы отражено в работах Л.С. Выготского, который, описывал «динамическую смысловую систему как единство аффективных и интеллектуальных процессов сознания» [7, с. 9].

Возможность применения системного подхода в психологии впервые встречается в работе Б.Ф. Ломова [8]. Далее принципы, отраженные в его труде, были продолжены и развиты в работах его учеников. Б.Ф. Ломов, представляет системный анализ как «многомерность образования, его многоуровневость и иерархичность, многомерную классификацию его свойств, признание его полидетерминированности и изучение взятого образования в его развитии» [5, с. 47]. Специалисты в области теории систем подчеркивают, что само изучаемое явление, которое рассматривается как некая система, обладающая качественными закономерностями, может являться частью более крупных систем, включатся как подсистема в подструктуру, качествам которой она подчиняется [9].

На современном этапе развития человеческого знания выделено множество классификаций и видов систем. Например, по степени происхождения системы делят на природные, технические и организационные. По причинной обусловленности вы-

деляют детерминированные системы, характеризующиеся низкой вероятностью влияния случайных факторов, и, противоположные первым, стахостические – в которых, высока вероятность влияния случайных переменных. Взяв за основу степень подчиненности выделяют простые и иерархические системы [10].

К наиболее распространенным классификациям можно отнести классификацию систем по их отношению с окружающей средой. Здесь системы подразделяют на закрытые (замкнутые, изолированные) – ограниченные взаимодействием структурных компонентов только внутри самой системы и открытые – характеризующиеся возможностью обмениваться ресурсами и непрерывно функционировать во взаимодействии с окружающей средой [11].

По степени сложности выделяют простые, большие и сложные системы [12]. В простых системах все возможные проявления системы сводятся к совокупности и сумме проявлений ее элементов. О большой системе говорят, когда число состояний элементов или взаимосвязей характеризуется большим количеством. Сложными системами принято называть системы, состоящие из большого количества взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, процессы которых невозможно описать на языке математики, формул, осязаемых структур. Все вышеперечисленные типы систем характеризуются поведением. При этом, поведение сложных систем определяется как свойствами самих элементов, так и взаимосвязями, взаимодействиями между ними. В свою очередь взаимодействие элементов системы может носить функциональный или структурный характер.

Классификация, используемая для сравнения систем психологии, предложенная Н. Смитом, предполагает определение локализации источника причинности. Так, если предполагается, что источник причинности находится в организме, то речь идет об органоцентрической системе; если источник причинности заключен в окружающей среде, тогда можно говорить об энвайроцентрической системе, наличие источника причинности в социальной группе позволяет говорить о социоцентрической системе; в случае если причинность заключена в отношениях или поле событий, но не имеет одного какого-либо источника, тогда речь идет о нецентрической системе [13].

Вместе с выделением критериев классификации систем, существует большое количество работ по описанию свойств системы.

В своих работах В.Е. Клочко указывает, что психологическая система является образованием с уникальными качествами, которыми не обладает ни одна другая система: «произведенные психологической системой качества не только образуются в системе, но и отражаются ею опосредованно и непосредственно, а также в единстве этих двух форм, что и обеспечивает саморегуляцию в психологических системах (направленность, селективность, процессуальную детерминацию) и дальнейшее развитие всей системы и ее компонентов (психики, деятельности, личности)»[14, с. 89].

Принципы системного подхода были выделены и описаны М.С. Роговиным, среди которых, по мнению автора: целостность, системообразующая функция строения системы, информационное и энергетическое взаимодействие со средой, нахождение системы в процессе развития [15].

А.В. Карпов, рассматривая организацию психических процессов в рамках метасистемного подхода, указывает на иерархическую систему организации психических процессов, выделяя элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный уровни. Автор особо подчеркивает сложную организацию системы [16]. Так, им определено, что указанные системы: имеют организацию по структурно-уровневому принципу; представляют целостность явления на высшем уровне; имеют определенную иерархию где вышестоящие уровни обладают более сложными функциями и характеристиками, так как включают нижестоящие уровни при этом нижестоящие уровни (система) функционально встраиваются в вышестоящие (метасистема), включая в свой состав функции высших уровней, частями которых они являются [17].

Основываясь на анализе теоретических положений разных авторов (А.В. Карпова, Б.Ф. Ломова, М.С. Роговина, М.С. Яницкого, А.В. Серого и др.) при изучении системного подхода, можно описать его основные принципы:

1) принцип целостности, подразумевающий изучение какого-либо объекта как целостного образования, необходимо сделать акцент, что целостность рассматривается не в качестве реального и объективного свойства объекта, а в качестве условий изучения этого объекта;

2) принцип совместимости элементов целого, подразумевает, что система может рассматриваться как единое целое только в том случае, когда все ее компоненты совместимы друг с другом; указанная совместимость является необходимым условием возможности существования и функционирования связей в контексте единого целого;

3) принцип функционально-структурного устройства, основывается на необходимости тщательного анализа при изучении конкретной системы, а также выявления ее функциональных воз-

можностей, то есть определение не только возможных компонентов и связей между ними, но и функциональное предназначение каждого отдельного компонента;

4) принцип иерархичности подразумевает, что любые более или менее сложные системы организованы по иерархическому принципу;

5) принцип развития заключается в специфике становления системы, ее компонентного состава, и здесь следует помнить о сравнительном анализе состояния элементов в прошлом, настоящем и возможном будущем;

6) принцип подвижности функций подразумевает изменчивость функций, всегда существует вероятность преобразования имеющихся функций системы или появление ранее не существующих;

7) принцип полифункциональности заключается в том, что система может обладать разными функциями, которые являются совместимым.

Теоретический анализ свойств и качеств систем позволяет выделить статические, динамические и синтетические свойства системы. Под статическими свойствами понимают свойства, которые можно изучать в определенном моменте времени. Здесь, прежде всего, необходимо указать на такое свойство как целостность. Говоря о целостности системы, имеется в виду ее способность обосабливаться от окружающей среды, выделяясь из всего многообразия ее окружения. При этом связи внутри системы между элементами существеннее связей с внешней средой. Рассматривая целостность системы, важно указать, что внешняя граница системы условна, посредством преобразования система может трансформироваться в метасистему [18].

Важно отметить, что целостность системы не означает ее однородность, в системе всегда можно выделить ее составные части элементы, и здесь речь ведется еще об одном свойстве – это делимость.

Наряду со способностью обособления, которую мы отметили выше, к числу статических свойств системы относят открытость, заключающаяся в связи системы с окружающей средой, посредством входов и выходов. Так, через входы поступают импульсы, оказывающие разного рода влияние на систему, в свою очередь от системы также идет информация, оказывая влияние на другие системы.

К следующему статическому свойству можно отнести неоднородность или иерархичность частей системы. Важно отметить, что части внутри системы они различаемые, а не разделяемые. Рассматривая иерархичность конкретной системы целесообразно отметить, что конкретная система состоит из подсистем или совокупности множества элементов. При этом каждый элемент этого множества может рассматриваться как отдельная система, каждую из них можно также разложить на определенные подсистемы, в зависимости от поставленных целей и задач [19].

Связи между указанными подсистемами делают систему слаженной и образуют ее структуру, что позволяет говорить еще об одном статическом свойстве – структурности. При этом, связи могут иметь важное решающее значение для функционирования и существования конкретной системы, определять вектор направления. Также выделяют связи, которые не имеют важного решающего значения для системы. Именно структурность, наличие связей делает систему целостной, так как совокупность разрозненных элементов не могут являться и называться системой.

Указывая на иерархичность саморегуляции деятельности, необходимо отметить многообразие концепций, отражающее уровневую структуру саморегуляции разного рода деятельности. На наш взгляд, наиболее детализированную уровневую модель к изучению саморегуляции деятельности, предлагает Г.В. Ожиганова, выделяя психофизиологический, социально-психологический, психологический и духовный уровни саморегуляции профессиональной деятельности. Так как профессиональная деятельность на ряду с другими видами деятельности (игровой, учебной, трудовой и др.), является разновидностью форм активности человека и реализуется посредством взаимодействия субъекта с миром, сопровождающегося возникновением психического образа и его воплощение в объект, а также реализацией субъектом собственных отношений с окружающей действительностью [20], мы считаем, что данная уровневая модель саморегуляции профессиональной деятельности описательно может быть применена и к изучению уровневой иерархии саморегуляции деятельности как таковой.

Стоит отметить, что, рассматривая феномен саморегуляции деятельности как сложной открытой системы, прежде чем переходить к рассмотрению психофизиологического уровня саморегуляции деятельности, необходимо выделить физиологический уровень, имеющий ключевое значение в настройке организма на предстоящую активную деятельность.

Перечисленные выше уровни взаимосвязаны между собой и представляют единую систему саморегуляции деятельности.

Следующая группа свойств системы, относится к числу динамических, проявляющихся с течением времени. Прежде всего, к числу динамических ха-

рактеристик необходимо отнести функциональность, заключающуюся в наборе возможностей или функций определенной системы. Именно функции – это те процессы, которые реализуются на выходе из системы, а функциональность системы можно понимать, как результат деятельности системы, то есть то, ради чего данная система существует.

Следующее динамическое свойство – стимулируемость. Данное свойство является противоположным предыдущему свойству и заключается в функциональности только на входах в систему. Посредством данного свойства осуществляется воздействия на входы системы, для получения и реализации необходимого искомого результата на выходе. Посредством данного свойства осуществляется такое воздействие на систему, которое способствует получению необходимого результата.

Еще одно динамическое свойство системы заключается в изменчивости системы со временем. Любая система с течением времени претерпевает изменения, меняться могут как элементы самой системы, так и связи между ними. Справедливо отметить, что элементы и связи могут претерпевать изменения, как по отдельности, так и одновременно. В рамках своих изменений система может продолжать функционировать, как и прежде, система может расти и усложняться, таким образом развиваясь. Также система может уменьшаться в размерах, последовательно приходя к уменьшению степени сложности, и, в конечном итоге, к деградации. При этом важно указать, что деградация каких-то процессов системы может сопровождаться ростом самой системы.

Рассматривая изменчивость как динамическое свойство системы стоит помнить о наличии взаимосвязи системы с внешней средой, и о ее изменчивости. И так как окружающая действительность также постоянно претерпевает изменения, то возникает закономерный вопрос: Оказывает ли влияние на систему изменения, происходящие в окружающей среде? Для ответа на данный вопрос следует учитывать характеристики связей внутри системы, среди которых выделяют важные, основополагающие для системы и незначимые, которые не оказывают влияние на функционирование системы в целом. Так, если происходят изменения в окружающей среде и связи с системой имеют важное значение, то изменения произойдут в самой системе, и, наоборот, изменения во внешней среды, не имеющее важное значение для конкретной системы, не окажут влияния на функционирование этой системы. Важно указать, что одни и те же связи могут иметь как важную, решающую роль для одних систем, и маловажное значение для других [21].

К динамическим свойствам можно отнести адаптируемость системы, то есть ее возможность воспринимать внешние воздействия без необратимых последствий, приводящих к нарушению функционирования системы.

Еще одно немаловажное свойство – целеустремленность, проявляющееся в динамике системы, как последовательность изменений состояний имеет не случайный, а целеустремленный характер.

Также выделяют общие свойства систем, иногда называемые синтетическими. Одним из важнейших свойств всех систем, является эмерджентоность заключающееся в несводимости свойств самой системы к свойствам составляющих ее элементов. Наличие эмерджентности позволяет обеспечивать первостепенное статического свойство системы, ее целостность. Не являясь механическим объединением элементов, при создании система может иметь как свойства элементов ее составляющих, так и приобретать дополнительные свойства, отсутствующие у ее элементов.

Следующее синтетическое свойство системы – ингерентность, под которым понимают совместимость системы с окружающей средой. Здесь можно говорить о способах реализации саморегуляции деятельности, приемах, стилях. Рассматривая систему как средства достижения цели, важно отметить еще одно свойство – целесообразность.

В психологии вопрос о реализации системного подхода к изучению процессов саморегуляции деятельности неоднократно ставился авторами. С позиции субъектно-деятельностного подхода К.А. Абульханов-Славская, давая определение саморегуляции, указывает на непротиворечивый характер личности как субъекта деятельности в организации всех уровней регуляции деятельности, а также на способность адаптировать индивидуальные особенности к конкретным задачам выполняемой деятельности: «саморегуляция – это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта. Она осуществляет оптимизацию психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами и событиями деятельности. Она обеспечивает также целевое и смысловое соответствие действий субъекта этим событиям, своевременность, пропорциональность действий и т.д.» [22, с. 6].

О.А. Конопкин указывал на необходимость изучения процессов саморегуляции посредством реализации системного подхода, заключающегося

в: «возможности максимально избежать как кибернетического редукционизма, приводящего к психологической бессодержательности или упрощенчеству, так и психологической калейдоскопичности, которая выражается во внесистемном изучении отдельных психических феноменов и факторов, детерминирующих осуществление деятельности, и фактически реализует линейно-причинные (не имеющие места в действительности) схемы, снимающие вопрос о системном строении процессов психической регуляции» [23, с. 28]. О.А. Конопкин описал функциональную модель саморегуляции, в которой саморегуляция представлена как целостная открытая система, включающая функциональные звенья, выделенные на основе специфической функции в общем контуре регулирования: цель деятельности (в том виде, в каком она понята и принята субъектом); субъективная модель значимых для достижения цели условий деятельности; программа деятельности; система критериев успешности достижения цели; звено оценки (обратной) информации о результатах деятельности; звено коррекций.

В работах В.И. Моросановой также отражено понимание саморегуляции как целостной системы, включающей: «выдвижение и управление достижением целей поведения и деятельности, реализуемая процессом осознанной саморегуляции, имеющим универсальную структуру для разных видов активности и деятельности» [24, с. 122].

Развивая идеи К.А. Осницкого, касающиеся регуляторного опыта, Н.В. Бякова обозначает системный характер выделенного понятия: «опыт осознанной саморегуляции понимается нами как динамическая система, включающая информацию о внешнем и внутреннем мире, полученная непосредственно-чувственным и опосредованным путём, наполненная личностным смыслом и определяющая стратегию и успешность деятельности» [25].

В работах А.В. Зобкова посредством реализации системно-структурного подхода описаны уровневые характеристики развития саморегуляции как становления, так и процесса ее реализации, описан компонентный состав механизмов саморегуляции учебной деятельности в различные периоды развития личности [26]. Вместе с тем, в настоящий момент с учетом появления новых концепций и исследований, описывающих механизмы и процессы саморегуляции деятельности, ее структура в научной литературе не определена. Имеющиеся модели саморегуляции деятельности носят незаконченный характер и требуют дополнительного изучения.

Рассматривая саморегуляцию деятельности с точки зрения системного подхода, важно отметить, что, прежде всего, ракурс нашего внимания направлен на изучение совокупности элементов данного понятия, взаимосвязанных между собой, с одной стороны, и на рассмотрении саморегуляции деятельности как элемента, входящего в состав более сложной системы и согласованного с другими ее элементами. Саморегуляция деятельности входит в компонентный состав психической саморегуляции, являясь важным элементом ее функционирования.

Представляя систему саморегуляцию деятельности в качестве исследовательской модели можно говорить о сложной организации ее составляющих.

Понимание саморегуляции деятельности как проявление целенаправленной, осознанной внутренней психической активности субъекта, порождаемой его потребностями, направленной на преобразования окружающего мира и себя самого, обуславливает выделение потребностно-мотивационного компонента, так как только актуализированная потребность позволяет инициировать направленную активность [27]. Потребностно-мотивационный компонент функционально выполняет побудительную, инициирующую роль при выдвижении субъектом целей.

После постановки целей активизируется процесс по достижению этой цели, характеризующийся наличием функциональных звеньев: «принятая субъектом цель деятельности, субъективная модель значимых условий, программа исполнительских действий, система субъективных критериев достижения целей, контроль и оценка результатов, решение о коррекции системы саморегуляции» [28, с. 30]. Компонент функциональных звеньев позволяет осознанно управлять активностью.

Ряд авторов (А.В. Зобков, В.И. Моросанова, Е.А. Сергиенко и др.) справедливо указывают, что в концепции функциональных звеньев не учитываются личностные различия, оказывающие влияние на способы достижения целей, не раскрывают особенностей способов достижения продуктивного результата в деятельности. На современном этапе развития психологической науки при изучении саморегуляции деятельности необходимо учитывать ее личностный уровень, индивидуальные различия достижения целей, обуславливающие индивидуально-типические стратегии достижения целей [29].

Составить прогноз успеха выполняемой деятельности, в том числе: определение целей деятельности, выдвижение субъективной модели условий, значимой для достижения цели, создание программы действий, контроль и корректировка

программы действия в зависимости от складывающихся ситуаций, возможно только при сопоставлении личностных особенностей человека требованиям конкретной деятельности.

Для разрешения указанного вопроса целесообразно обратиться к концепции индивидуального стиля саморегуляции, разработанной В.И. Моросановой. Автор указывает на разность в способах достижения целей, определяя данную разность как стиль саморегуляции, который проявляется особенностями развития как регуляторных процессов (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов), так и регуляторно-личностных свойств (гибкость, надежность, самостоятельность). Указанные компоненты связаны с функциональными звеньями, как указывает В.И. Моросанова: «стиль саморегуляции проявляется в том, каким образом человек планирует и программирует достижение жизненных целей, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно приемлемых результатов, в том, в какой мере процессы самоорганизации развиты и осознанны» [30, с. 124].

Реализация регуляторных процессов заключается в последовательном выполнении разного рода действий: постановка цели, создание модели будущей деятельности, учет внутренних и внешних условий, их оценка с позиции успешности исполнительских действий, выбора средств необходимых по мнению субъекта, для исполнения программы действий, оценка результатов, соотнесение их с первоначальными замыслами и, при необходимости, внесение коррективов в конкретные звенья регуляторного процесса, а возможность осуществления любых действий обусловлена побудительной силой [31].

С личностными образованиями тесно связана система знаний, умений, переживаний, влияющих на регуляцию деятельности, попыток оценки возможностей и результатов использования способов и приемов саморегуляции. К.А. Осницкий называет указанную систему регуляторным опытом или «связным комплексом умений, определяющих распределение умений человека в деятельности». К.А. Осницкий предлагает модель регуляторного опыта, в которой первостепенное значение для саморегуляции деятельности имеет осмысление знаний о возможности саморегуляции, указывая: «осмысленное знание о возможностях самоуправления становится опорой для человека в разработке собственных стратегий жизнедеятельности и решения текущих задач» [32]. В предложенной модели опыт выступает некой структурированной системой знаний, умений, навыков, ценностей, переживаний, отношений, оказывающий решающее значение на процессы регуляции деятельности и поведения.

Регуляторный опыт имеет следующий компонентный состав: ценностный опыт, состоящий из интересов, нравственных норм, убеждений, «образа Я»; опыт рефлексии, заключающийся в сопоставлении требований деятельности со знаниями о собственном потенциале и возможностях преобразования в окружающем мире и в самом себе; опыт привычной активизации, включающий средства активирования внутренних ресурсов в соответствии с возникающими задачами как ожидаемыми, так и стихийно возникающими; операциональный опыт, характеризуется фиксацией как успешно применяемых, так и недостаточно используемых в деятельности индивидуально приспособленных средств воздействия на окружающую действительности; опыт сотрудничества, понимаемый как опыт согласования собственных усилий с опытом окружающих, и включающий средства установления отношений с ними [33].

Компоненты регуляторного опыта соотносимы с потребностно-мотивационным компонентом, функциональными звеньями саморегуляции, а именно имеющиеся ценности непосредственно связаны с постановкой и выдвижением цели, определяя целенаправленность деятельности, ориентируя как на принятие решения, так и на степень прилагаемых усилий для достижения целей. Опыт рефлексии соединяет понимание ценностного опыта с другими аспектами опыта личности. Опыт привычной активизации дает возможность настроиться на предстоящую деятельность и сориентироваться в собственных потенциальных возможностях. Опыт сотрудничества совершенствуется в разных видах деятельности реализуемые человеком.

А.Н. Леонтьев указывает, что цель имеет побудительную активность только в том случае: «…когда цель временно приобретает смысл мотива, а действие – смысл деятельности. Смысл есть механизм (средство) переноса побудительности от мотива на цель на время осуществления действия...» [34, с. 31]. Компонент личностно-регуляторные способствует выбора наиболее эффективных средств, способов и приемов для достижения поставленной цели.

В работах О.А. Конопкина и В.И. Моросановой процесс саморегуляции деятельности сводится к достижению целей, при этом Д.А. Леонтьев делает акцент на нередуцируемости саморегуляции к достижению цели [35], подчеркивая необходимость изучения проблемы саморегуляции деятельности в

более широком контексте взаимодействия субъекта с окружающей реальностью.

В работах Ю.А. Мирославского моделируется система саморегуляции на личностном и деятельностном уровне, включая: «ценности, «образ Я», идеал, уровень притязания, самооценку и самоконтроль» [36]. По мнению автора, главенствующая роль в системе саморегуляции на указанных уровнях отводится ценностным ориентациям, так как, характерные особенности саморегуляции, ее содержание и в целом стремление к ней зависит от сформированных ценностных образований личности в определенный период.

Мы считаем, что к системообразующим компонентам саморегуляции деятельности наряду с вышеуказанными компонентами необходимо отнести и ценностно-смысловой компонент, выполняющую роль оценочного критерия к результатам деятельности, определяя отношение человека, как к себе, так и к окружающей действительности, способствую установлению специфичных для каждого конкретного человека отношений с миром.

М.С. Яницкий отмечает дуалистичность системы ценностных ориентаций личности как высшего конструкта регулятивного образования, указывая на то, что система ценностных ориентаций: «…не только определяет формы и условия реализации побуждений человека, но и сама становится источником его целей» [37, с. 121]. Осознание ценностных ориентаций порождает смыслы жизни в целом и цели жизнедеятельности, в частности. Как пишет автор: «Ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, выражают соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает для него личностным смыслом» [38, с. 158]. Ценностные ориентации взаимосвязаны с личностным смыслом и составляют основу смысловой саморегуляции деятельности, ведь в процессе осмысления или переосмысления наличествующих ценностей, происходит возникновение новых жизненных смыслов. Таким образом, регулятивная функция ценностных ориентаций и личностных смыслов пронизывает все уровни активности субъекта, являясь неотъемлемой составляющей саморегуляции деятельности.

Результат взаимодействия человека со средой, достигаемый в процессе саморегуляции деятельности отражается в эмоционально-чувственной форме, имеющей положительное или отрицательное значение для человека, и основывается на волевом усилии. По мнению М.А. Андреевой и В.А. Иванникова, именно волевая саморегуляция определяет «направление поведенческой активности в нужное русло, при этом не обеспечивая состояние психологического комфорта и не снимая внутреннего противостояния мотивов» [39, с. 458]. В связи с этим в структуре саморегуляции деятельности, важно выделить эмоционально-волевой компонент, имеющий важное значение в процессе реализации деятельности, определяющий степень стабильности личности, а также выбираемых способов взаимодействия с окружающей действительностью.

Выводы

Таким образом, основываясь на результатах нашего исследования, мы приходим к выводам о том, что саморегуляция деятельности обладает характеристиками, позволяющими рассматривать данное понятие как систему: целостностью, совместимостью элементов, функционально-структурным устройством, иерархичностью, развитием, взаимосвязанностью со средой. Стоит указать на взаимодействие между компонентами, обменом информацией, импульсами. Связи между указанными элементами имеют последовательные взаимодействия, обеспечивая целостность и согласованность между элементами.

Исходя из теоретического анализа, мы можем утверждать, что понятие саморегуляции деятельности следует рассматривать не просто как систему, а сложную, открытую систему, характеризующуюся непрерывным взаимодействием с внешней средой, имеющую динамическую структуру (изменяемость во времени) и набор элементов с изменяющимися связями, а взаимодействие между элементами системы саморегуляции приводит к качественным изменениям.

Также анализ теоретических представлений, относящихся к изучению саморегуляции деятельности, позволяет выделить структурные элементы данного феномена, (потребностно-мотивационный компонент, компонент личностно-регуляторных свойств, ценностно-смысловой и эмоционально волевой компоненты), ее декомпозицию функций (побудительную; инициирующую, при выдвижении субъектом целей; осознанного управления активностью; выбора наиболее эффективных способов достижения цели; оценочного критерия к результатам деятельности, определения отношения человека к окружающей действительности, функцию заключающаяся в определении степени стабильности личности, и выбираемых способах взаимодействия с окружающей действительностью) и рассматривать как динамическую структурно-функциональную модель.

Список источников

1. Барабанщиков В.А. Принцип системности в современной психологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 3 – 17.
2. Белоус О.В. Методологические проблемы саморегуляции субъектов образовательного процесса // Теоретические и прикладные исследования психологии саморегуляции. Курск, Набережные Челны : Изд-во ТОП, 2011. С. 9 – 29.
3. Беломестнова Н.В. Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. Т. 1. № 10. С. 43 – 54.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва: ДиректМедиа, 2008. 1174 с.
5. Беломестнова Н.В. Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. Т. 1. № 10. С. 43 – 54.
6. Роговин, М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: Методологические основы. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
7. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2004. 272 с.
8. Чернышов В.Н., Чернышов А.В. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 96 с.
9. Гунзунова Б.А. Личностные факторы эмоциональной саморегуляции педагогов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-1. С. 93 – 96.
10. Калужский М.А. Общая теория систем: учебное пособие. Москва: ДиректМедиа. 2013.
11. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Москва: Логос, 2007. 186 с.
12. Черников Ю.Г. Системный анализ и исследование операций: учебное пособие. Москва: Московский государственный горный университет. 2006.
13. Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: Праймеврознак, 2003. 384 с.
14. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
15. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: Методологические основы. Ярославль: ЯрГУ. 1977.
16. Карпов А.В. Принцип метасистемности в структурной организации личности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. Ярославль: ЯрГУ. 2012. № 4 (22). С. 67 – 73.
17. Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. Москва: ИП РАН, 2004. 504 с.
18. Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. Москва: РАО, 2011. 1088 с.
19. Чернышов В.Н., Чернышов А.В. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 96 с.
20. Ожиганова Г.В. Высшая способность к саморегуляции и внутренний опыт // Приволжский научный вестник. Серия: Психологические науки. 2014. № 11-2 (39). С. 164 – 169.
21. Черников Ю.Г. Системный анализ и исследование операций: учебное пособие. Москва: Московский государственный горный университет, 2006.
22. Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Высшая школа экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3 – 22.
23. Конопкин О.А. Структурно-функциональный и содержательный аспекты осознанной саморегуляции // Психология. 2005. Т. 2. № 1. С. 27 – 42.
24. Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 121 – 127.
25. Бякова Н.В. Опыт осознанной саморегуляции как условие успешности профессионального обучения: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2009. 167 с.
26. Зобков А.В. Системно-структурная организация саморегуляции субъектом учебной деятельности // Системная психология и социология. 2017. № 3 (23). С. 12 – 23.
27. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120 – 132.

28. Конопкин О.А. Структурно-функциональный и содержательный аспекты осознанной саморегуляции // Психология. 2005. Т. 2. № 1.

29. Вареца Е.С., Дохоян А.М., Белоус О.В. Формирование личностной саморегуляции как личностного потенциала // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2021. № 3-4 (63). С. 147 – 154.

30. Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 121 – 127.

31. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006. 1208 с.

32. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. Москва; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 232 с.

33. Осницкий А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 2 [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 6 (8). URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 13.10.2024)

34. Иванников В.А. Идеи А.Н. Леонтьева и их значение для современной психологии // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 29 – 35.

35. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18 – 37.

36. Мирославский Ю.А. Природа и структура системы саморегуляции и активности личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: ПИРАО, 1994. 45 с.

37. Яницкий М.С. Ценностная регуляция поведения личности и ее нарушение при различных формах социальных девиаций // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2 (18). С. 119 – 131.

38. Шингаев С.М., Никифоров Г.С. Виды психической саморегуляции // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 1. С. 92 – 101.

39. Иванников В.А., Монроз А.В. Волевая саморегуляция процесса мотивации // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. Электронный ресурс. Режим доступа: URL.http://psystady.ru(дата обращения: 13.10.2024)

References

1. Barabanshchikov V.A. The principle of systemicity in modern psychology. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2004. Vol. 1. No. 3. P. 3 – 17.

2. Belous O.V. Methodological problems of self-regulation of subjects of the educational process. Theoretical and applied research in the psychology of self-regulation. Kursk, Naberezhnye Chelny: TOP Publishing House, 2011. P. 9 – 29.

3. Belomestnova N.V. Systems approach in psychology. Bulletin of the Orenburg State University. 2005. Vol. 1. No. 10. P. 43 – 54.

4. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: DirectMedia, 2008. 1174 p.

5. Belomestnova N.V. Systems approach in psychology. Bulletin of the Orenburg State University. 2005. Vol. 1. No. 10. P. 43 – 54.

6. Rogovin, M.S. Structural-level theories in psychology: Methodological foundations. Yaroslavl: YarSU, 1977.

7. Seryi A.V. The system of personal meanings: structure, functions, dynamics. Kemerovo: Kuzbassvuizdat. 2004. 272 p.

8. Chernyshov V.N., Chernyshov A.V. Systems theory and systems analysis: textbook. Tambov: Publishing house of Tambov state technical university, 2008. 96 p.

9. Gunzunova B.A. Personal factors of emotional self-regulation of teachers. Bulletin of the Kemerovo State University. 2015. No. 3-1. P. 93 – 96.

10. Kaluzhskiy M.A. General Systems Theory: a tutorial. Moscow: DirectMedia. 2013.

11. Shadrikov V.D. Problems of Systemogenesis of Professional Activity. Moscow: Logos, 2007. 186 p.

12. Chernikov Yu.G. Systems Analysis and Operations Research: a tutorial. Moscow: Moscow State Mining University. 2006.

13. Smith N. Modern Systems of Psychology. St. Petersburg: Primevroznak, 2003. 384 p.

14. Klochko V.E. Self-organization in Psychological Systems: Problems of Formation of the Personality's Mental Space (Introduction to Transspective Analysis). Tomsk: Tomsk State University, 2005. 174 p.

15. Rogovin M.S. Structural-level theories in psychology: Methodological foundations. Yaroslavl: YarSU. 1977.

16. Karpov A.V. The principle of metasystemicity in the structural organization of personality. Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series: Humanities. Yaroslavl: YarSU. 2012. No. 4 (22). P. 67 – 73.

17. Karpov A.V. Metasystemic organization of level structures of the psyche. Moscow: IP RAS, 2004. 504 p.

18. Karpov A.V. Psychology of consciousness: Metasystemic approach. Moscow: RAO, 2011. 1088 p.

19. Chernyshov V.N., Chernyshov A.V. Systems theory and systems analysis: textbook. manual. Tambov: Tambov state Publishing House. tech. un-ta, 2008. 96 p.

20. Ozhiganova G.V. Higher capacity for self-regulation and internal experience. Volga region scientific bulletin. Series: Psychological sciences. 2014. No. 11-2 (39). P. 164 – 169.

21. Chernikov Yu.G. Systems analysis and operations research: a tutorial. Moscow: Moscow State Mining University, 2006.

22. Abulkhanova K.A. The principle of the subject in domestic psychology. Psychology. Higher School of Economics. 2005. Vol. 2. No. 4. P. 3 – 22.

23. Konopkin O.A. Structural-functional and substantive aspects of conscious self-regulation. Psychology. 2005. Vol. 2. No. 1. P. 27 – 42.

24. Morosanova V.I. Stylistic features of personality self-regulation. Questions of Psychology. 1991. No. 1. P. 121 – 127.

25. Byakova N.V. Experience of conscious self-regulation as a condition for the success of professional training: dis. ... candidate of psychological sciences. Moscow, 2009. 167 p.

26. Zobkov A.V. Systemic-structural organization of self-regulation by the subject of educational activity. Systemic Psychology and Sociology. 2017. No. 3 (23). P. 12 – 23.

27. Sergienko E.A. Systemic-subjective approach: justification and prospects. Psychological journal. 2011. Vol. 32. No. 1. P. 120 – 132.

28. Konopkin O.A. Structural-functional and substantive aspects of conscious self-regulation. Psychology. 2005. Vol. 2. No. 1.

29. Varetsa E.S., Dokhoyan A.M., Belous O.V. Formation of personal self-regulation as a personal potential. New in psychological and pedagogical research. 2021. No. 3-4 (63). P. 147 – 154.

30. Morosanova V.I. Stylistic Features of Personality Self-Regulation. Questions of Psychology. 1991. No. 1. P. 121 – 127.

31. Ivannikov V.A. Psychological Mechanisms of Volitional Regulation. St. Petersburg: Piter, 2006. 1208 p.

32. Osnitsky A.K. Psychological Mechanisms of Independence. Moscow; Obninsk: IG-SOTSIN, 2010. 232 p.

33. Osnitsky A.K. Regulatory Experience, Subjective Activity and Human Independence. Part 2 [Electronic Resource]. Psychological Research: Electronic Scientific Journal. 2009. No. 6 (8). URL: http://psystudy.ru (date of access: 13.10.2024)

34. Ivannikov V.A. Ideas of A.N. Leontiev and their significance for modern psychology. Cultural-historical psychology. 2013. No. 4. P. 29 – 35.

35. Leontiev D.A. Self-regulation, resources and personal potential. Siberian psychological journal. 2016. No. 62. P. 18 – 37.

36. Mislavsky Yu.A. Nature and structure of the system of self-regulation and activity of the individual: author's abstract. diss. ... doctor of psychological sciences. Moscow: PIRAO, 1994. 45 p.

37. Yanitsky M.S. Value regulation of personality behavior and its violation in various forms of social deviations. Bulletin of KRAUNC. Humanitarian sciences. 2011. No. 2 (18). P. 119 – 131.

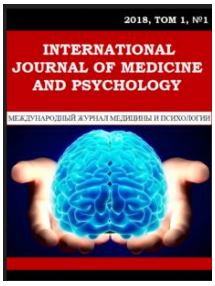
38. Shingaev S.M., Nikiforov G.S. Types of mental self-regulation. Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 92 – 101.

39. Ivannikov V.A., Monroz A.V. Volitional self-regulation of the motivation process. Psychological research. 2014. Vol. 7. No. 35. Electronic resource. Access mode: URL.http://psystady.ru (accessed: 13.10.2024)

Информация об авторе

Сухотина Е.В., аспирант, SPIN-код: 8350-0763, Кемеровский государственный университет, Elenasyhotina88@mail.ru

© Сухотина Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9

[1, 2] Фёдоров А.Ф.,
[1] Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
[2] Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева

К вопросу понятия «стрессоустойчивости» сотрудников уголовно-исполнительной системы

Аннотация: введение: современные исследователи в психологии и кадровом менеджменте как в отечественной, так и в зарубежной литературе описывают стресс как комплексную реакцию организма, которая включает в себя и физические, и психологические изменения. **Цель работы:** состоит в проведении исследования эмоциональной сферы сотрудников уголовно-исполнительной системы, которая является особенно уязвимой к стрессу и первой реагирует на стрессовые ситуации. **Результаты** проведенного исследования указывают на необходимость акцентировать важность целенаправленности эмоциональных переживаний сотрудников пенитенциарной системы на решение сложных задач как мерило стрессоустойчивости. Исследования указывали на стрессоустойчивость, которая связана со способностью сотрудников эффективно справляться со стрессом, поддерживать работоспособность и психическое здоровье в условиях высоких нагрузок. **Вывод.** Проведен анализ различных видов стресса, каждый из которых оказывал влияние на состояние сотрудников. Анализ проводился с учетом особенностей работы сотрудников. Важно акцентировать внимание сотрудников пенитенциарной системы на интегративном качестве стрессоустойчивости, которое включает взаимодействие между волевой, интеллектуальной, эмоциональной и мотивационной сферами личности, что позволяет в сложных обстоятельствах успешно добиваться целей.

Ключевые слова: стресс, сотрудник, стрессоустойчивость, деятельность, уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Фёдоров А.Ф. К вопросу понятия «стрессоустойчивости» сотрудников уголовно-исполнительной системы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 132 – 137.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1, 2] Fedorov A.F.,
[1] Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletov,
[2] Kovrov State Technological Academy named after V.A. Degtyarev

On the issue of the concept of “stress resistance” of employees of the penitentiary system

Abstract: introduction: modern researchers in psychology and personnel management, both in domestic and foreign literature, describe stress as a complex reaction of the body, which includes both physical and psychological changes. **Purpose of the work**: is to conduct a study of the emotional sphere of employees of the penal system, which is especially vulnerable to stress and is the first to respond to stressful situations. **The results** of the study indicate the need to emphasize the importance of focusing the emotional experiences of penitentiary system employees on solving complex problems as a measure of stress resistance. Research has pointed to stress resilience, which is related to employees' ability to effectively cope with stress and maintain performance and mental health under high pressure. **Conclusion.** An analysis of various types of stress was carried out, each of which influenced the state of employees. The analysis was carried out taking into account the characteristics of the employees' work.

It is important to focus the attention of penitentiary system employees on the integrative quality of stress resistance, which includes the interaction between the volitional, intellectual, emotional and motivational spheres of the individual, which allows one to successfully achieve goals in difficult circumstances.

Keywords: stress, employee, stress resistance, activity, penal system

For citation: Fedorov A.F. On the issue of the concept of "stress resistance" of employees of the penitentiary system. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 132 – 137.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 2, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Сегодня в научном сообществе не существует единого взгляда на концепции такие, как стресс и устойчивость к нему, из-за множества их определений, так исходя из английской этимологии слова «стресс», означающего давление или нажим, в психологии стресс трактуется как состояние психического напряжения, вызванное сильными внешними стимулами.

Стресс рассматривается как неспецифическая реакция на новые, требующие повышенной адаптации обстоятельства, которая провоцирует системные изменения в организмах человека, помогающие ему мобилизоваться и приспособиться.

Эмоциональная сфера является особенно уязвимой к стрессу у сотрудников пенитенциарной системы и первой реагирует на стрессовые ситуации, так как профессиональная деятельность связана с решением сложных задач в экстремальных ситуациях.

Эмоциональный стресс является реакцией на конфликтные ситуации, которые могут вызывать ограничивающие возможности удовлетворения социальных и биологических потребностей, интенсивные переживания у сотрудников пенитенциарной системы. Под эмоциональным стрессом важно понимать не только эмоциональные и поведенческие ответы на стрессор, но и сопутствующие им физиологические механизмы.

В понимании В.В. Бодрова, стресс является многоаспектным явлением, превышающим рамки лишь эмоционального реагирования и затрагивает всю личность, включая мотивационную сферу, когнитивные процессы, волевые усилия и особенности характера [1].

Под информационным стрессом понимается чрезмерная психическая напряженность, вызванная избытком информации или её тревожным содержанием, которая может приводить к психофизиологической дезинтеграции и снижению работоспособности. Факторами, стимулирующими такое состояние, В.В. Бодров считает не только перегрузки информацией, но и воздействие всех тех сообщений и событий, которые вызывают психологический дисбаланс или требуют повышенной ответственности и быстрых решений[13].

Академический стресс особо проявляется в образовательной среде и связан с задачами, регламентами и условиями обучения, что может варьироваться от стресса, связанного с экзаменами и требованиями к обучению, до нарушений питания и сна, вызванных учебным процессом[7].

Крюкова Т.Л. определяет «стресс» как экстремальную нагрузку, которая вызывает существенные изменения в психологии и физиологии человека. Это может служить основой для мобилизации ресурсов и энергии либо для подготовки к действиям в условиях угрозы [9]. В исследованиях таких ученых, как Ю.В. Кузнецова, В.Г. Петровская и Д.Н. Исаев, выделяется ряд видов психологического стресса: профессиональный стресс, организационный, посттравматический, эмоциональный, информационный [10].

Н.Е. Водопьянова выделяет среди причин стресса в организациях внутренние конфликты, возникающие из-за дисбаланса между ожиданиями работников и требованиями организации. Б.Г. Мещеряков и В.П. Зинченко рассматривают стресс как реакцию человека на сложные и напряжённые условия, можно сказать, это связано и с обыденной жизнью, и с необычными ситуациями.

Ганс Селье, пионер в изучении стресса, принимал его за «неспецифический ответ организма» на любые требования, в то время как Р. Лазарус стремился разграничить физиологический и психологический стресс, который выдвинул гипотезу о том, что эмоциональный стресс возникает не только из-за фактических стимулов, но и основан на личном опыте и восприятии сложных или угрожающих событий.

Стрессоустойчивость определяется как свойство личности, интегрирующее эмоциональные, волевые, интеллектуальные и мотивационные компоненты психической деятельности, что способствует успеху при достижении целей в сложных эмоциональных условиях[14].

В области психологии термин «стрессоустойчивость» характеризуется как совокупность харак-

теристик личности, которые обеспечивают устойчивость к различным стрессовым ситуациям. В рамках этого определения можно выделить три ключевых элемента: во-первых, осознание значимости собственного «Я», во-вторых, чувство независимости и уверенности в собственных возможностях управлять жизненными процессами и, в-третьих, готовность и интерес к переменам, что включает в себя восприятие изменений как шанса для роста и развития, а не как угрозы.

Б.Х. Варданян подчеркивает, что в сложной обстановке гармоничное соотношение между всеми аспектами психической деятельности является ключевым для стрессоустойчивости, видя в этом поддержку эффективного выполнения задач [5].

Анализ того, как сотрудники относятся к внутренним и внешним детерминантам в сферах, где чисто «черное» или «белое» разделение невозможно, представляет большой интерес для психологии. В социальной плоскости далеко не всегда можно говорить о полном личном контроле над обстоятельствами, но типично необходимо совместное действие, при котором управление распределено между разными участниками[12].

В сфере профессиональной деятельности сотрудников исследовались различные виды стресса, каждый из которых оказывал влияние на состояние сотрудников и её функционирование. Профессиональный стресс у сотрудников пенитенциарной системы приводит к нарушению адаптации в результате изменений в работе, которые увеличивают напряжённость служебной деятельности и препятствуют продуктивности. В работе у сотрудников пенитенциарной системы отражается взаимосвязь точки зрения между внутренними и внешними факторами, влияющими на работу исправительного учреждения.

Профессиональный стресс у сотрудников пенитенциарной системы возникает из-за проблем, связанных с работой, включая специфику профессии и условия труда, но когда дело доходит до анализа стресса в рамках профессиональной активности, центральное место занимает индивидуальный сотрудник, тогда как исследуя стресс в организационных рамках, внимание фокусируется на коллективе в целом.

Важно подчеркнуть, что для сотрудников пенитенциарной системы преодоление эмоционального напряжения при осуществлении сложной деятельности в контексте стрессоустойчивости имеет место. Сотрудник пенитенциарной системы видит в стрессоустойчивости способность переносить большие нагрузки и адекватно реагировать в экстремальных ситуациях. Сотрудник должен видеть стрессоустойчивость как способность контроля над своими эмоциями.

Необходимо акцентировать важность целенаправленности эмоциональных переживаний сотрудников пенитенциарной системы на решение сложных задач как мерило стрессоустойчивости.

Зыков А.А. и Блудов Н.И. устойчивость к стрессу объясняют через определение темперамента, используя психические и эмоциональные резервы для успешного выполнения задач [8].

Материалы и методы исследований

В психологии изучение стрессоустойчивости раскрывает много подходов. А.Е. Ольшанникова определяет эту характеристику как преобладание позитивных эмоций у индивида, так по мнению Р.А. Кутбиддиновой и Е.С. Нестеренко, важным фактором является саморегуляция, которая может состоять из разных стилистических компонентов. Л. Мерфи, А.Е. Тарас, Д. Амирхан, Р. Лазарус, и Ли Канг Хи видят стрессоустойчивость сквозь призму копинг-механизмов, то есть способностей, позволяющих человеку эффективно справляться со стрессом.

Изучение стратегий преодоления стресса позволило понять, как разные личностные качества коррелируют с определенными стилями совладания. В модели, предложенной Р. Лазарусом и коллегами, подчеркивается динамичность отношений между человеком и постоянно меняющейся окружающей средой. В этой модели копинг-механизмы делятся на эмоционально-ориентированные, цель которых – снижение эмоционального напряжения и проблемно-ориентированные, которые направлены на активное решение возникшей проблемы. Оценка угрозы ситуации или сложности зависит от персепции личности о наличии достаточных ресурсов для совладания с ней [6].

Результаты и обсуждения

Важной является идентификация шаблонов реакций разных типов личности на требования окружающей среды, но исследование выделяло «мониторы», склонные к вдумчивому анализу обстановки, и «тупики», старающиеся эмоционально отстроиться от ситуации. Анализировалась у сотрудников реакция «внутренних» (чья интерпретация событий сосредоточена на собственных действиях) против «внешних» (кто склонен винить во всём внешние обстоятельства). Исследовались оптимисты и пессимисты, а также индивидуальная степень самоэффективности – уверенность сотрудников в собственных способностях исполнять задачи и достигать желаемых результатов.

Для выбора конкретной копинг-стратегии человек нередко опирается на сформированный набор копинг-ресурсов в зависимости от оценки ситуации, что в свою очередь коррелирует с его

личностными характеристиками. Так, например, оптимисты предпочитали проблемно-ориентированный подход, если считали ситуацию контролируемой, и акцентировать внимание на эмоциональном принятии, когда ситуация представлялась неподвластной контролю. Концепции «конструктивного мышления» и «адаптивности» предполагают, что эффективное совладание подразумевает использование разносторонних ситуационно-адаптивных стратегий.

Сложность социальных взаимодействий часто затрудняет определение четких границ влияния отдельного человека на итоговые результаты. В контексте локуса контроля, виден переход от классического противопоставления внутренней и внешней причинности к более тонкому разделению на интернальный контроль, контроль «могущественных других» и влияние случая. Это расширение взглядов позволило глубже понять роль человеческой управляемости в поведенческих реакциях [2].

Умение воспринимать и учитывать социальное измерение, осознавая концепцию совместного контроля, является ключевым для понимания и управления человеческим поведением. В контексте управляемости это подразумевает различение четырех аспектов: ситуации, которые контролируем лично; ситуации под чужим контролем; ситуации совместного контроля; и ситуации, исход которых не подлежит предсказанию или управлению, а знание о сферах управляемости, когда сотрудники осознают, какие результаты они могут действительно контролировать, помогает эффективно распределять ресурсы и избегать неоправданных затрат энергии, осознание управляемости способствует более рациональной оценке жизненных обстановок и, как следствие, к снижению уровня стресса. Сотрудники пенитенциарной системы, которые воспринимали ситуации как управляемые, лучше справлялись с потенциальными угрозами и минимизировали негативные эффекты стрессовых реакций.

Основная идея исследования заключалась в предположении, что сотрудники пенитенциарной системы, ориентированные на активное воздействие на управляемые аспекты ситуаций и своей жизни, вместо того чтобы тратить ресурсы на неуправляемые элементы, будут чувствовать себя более здоровыми и удовлетворенными. Установлено, что у сотрудников пенитенциарной системы с высокой стрессоустойчивостью, основанной на осознании управляемости, присутствуют определенные характеристики[3].

Способность отличать управляемые аспекты ситуаций от неуправляемых и делать выбор в пользу действий, адекватных в текущих условиях.

Умение решать проблемы, идентифицируя и применяя практические решения, возможные для выполнения самостоятельно или в команде с другими.

Готовность принять тот факт, что некоторые вещи изменить невозможно, и научиться с этим мириться, не тратя впустую усилия.

В то время как такие особенности личности, как темперамент, традиционно считаются относительно постоянными, концепция управляемости более поддается коррекции, особенно если она связана с навыками, которые могут быть развиты, и подкрепляется личной мотивацией. Осознание управляемости – это навык, который может быть освоен и потенциально улучшен через специальное обучение, хотя определенные типы личности могут это делать с разной степенью легкости [4].

Прежде чем перейти к разработке обучающих программ для повышения осведомленности об управляемости, была проведена проверка, связано ли таковое осознание с уровнем воспринимаемого стресса и общим благополучием. Но несмотря на наличие множества исследовательских инструментов, которые примерно измеряли связанные с управляемостью концепции, они были сосредоточены на отдельных аспектах и охватывали ее в полной мере. Разработанный в рамках этого исследования инвентарь управляемости помог оценить, насколько реакции людей на ситуации соответствуют реалистичной оценке управляемости различных потенциальных исходов, что, в свою очередь, позволит установить, действительно ли те, кто сосредоточен на управляемости и принимает соответствующие меры, лучше справляются с требованиями окружающей среды, по сравнению с теми, кто не принимает во внимание управляемость как таковую [11].

Выводы

Таким образом, стрессоустойчивость сотрудников пенитенциарной системы была изучена. В общем смысле стрессоустойчивость связана со способностью сотрудников пенитенциарной системы эффективно справляться со стрессом, поддерживать работоспособность и психическое здоровье в условиях высоких нагрузок и давления и в исследовании акцентировалось внимание на таких аспектах, как умение сотрудников пенитенциарной системы регулировать своими эмоциями, сохранять оптимистичный настрой и восстанавливаться после трудных событий в служебной деятельности.

Важно подходить к понятию «стрессоустойчивости» сотрудников пенитенциарной системы через ряд конкретных компонентов, таких как уме-

ние сопротивляться со стрессом, толерантность к фрустрации, эмоциональная устойчивость, психологическая устойчивость к выполнению сложных задач во время служебной деятельности. У сотрудников пенитенциарной системы важно рассматривать стрессоустойчивость как специфический аспект психической устойчивости, проявляющаяся в процессе профессиональной деятельности в ответ на стрессовые факторы.

Список источников

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Изд-во «ПЕР СЭ», 2006. С. 352.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. С.-Пб.: Питер, 2023. 540 с.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2020. 336 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: МГУ, 1984. 200 с.
5. Варданян Б.Х. Механизмы регуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. М., 1983. С. 542 – 543.
6. Добрынина Е.А., Титова Л.А., Карасева О.В., Тертышников А.А. Особенности синдрома эмоционального выгорания у среднего медперсонала скорой медицинской помощи // Образование и наука в современных условиях. 2023. № 1 (6). С. 47 – 49.
7. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Институт психологии РАН, 2023. 512 с.
8. Зыков А.В., Крутых Е.Г. Эмоциональное выгорание медицинских работников скорой помощи [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2024. № 23. С. 166 – 169.
9. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг – шкалы. Кострома: Авантитул. 2007. 60 с.
10. Кузнецова Е.В., Петровская В.Г., Рязанцева С.А. Психология стресса и эмоционального выгорания: учеб. пособие для студ. факультета психологии. Куйбышев, 2023. 96 с.
11. Лозгачева О.В. Формирование стрессоустойчивости на этапе профессионализации: На примере юридического Вуза: дис. …канд. психол. наук. Екатеринбург, 2024. С. 158.
12. Маркова С.В., Степанова А.Р. Влияние организационных и личностных факторов на развитие синдрома эмоционального выгорания // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2021. № 7. С. 114.
13. Нартова-Бочавер С.К. Coping behavior в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 2010. № 5. С. 20 – 30.
14. Усатов И.А. Авторская методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 681 – 685.

References

1. Bodrov V.A. Psychological stress: development and overcoming. Moscow: Publishing house "PER SE", 2006. P. 352.
2. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnostics and prevention. St. Petersburg: Piter, 2023. 540 p.
3. Vodopyanova N.E. Psychodiagnostics of stress. St. Petersburg: Piter, 2020. 336 p.
4. Vasilyuk F.E. Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations). Moscow: Moscow State University, 1984. 200 p.
5. Vardanyan B.Kh. Mechanisms of regulation of emotional stability. Categories, principles and methods of psychology. Mental processes. M., 1983. P. 542 – 543.
6. Dobrynina E.A., Titova L.A., Karaseva O.V., Tertyshnikov A.A. Features of the emotional burnout syndrome in mid-level emergency medical personnel. Education and Science in Modern Conditions. 2023. No. 1 (6). P. 47 – 49.
7. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Stress, burnout, coping in the modern context. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2023. 512 p.
8. Zykov A.V., Krutykh E.G. Emotional burnout of emergency medical workers [Electronic resource]. Young scientist. 2024. No. 23. P. 166 – 169.
9. Kryukova T.L. Methods for studying coping behavior: three coping scales. Kostroma: Avan-titul. 2007. 60 p.

10. Kuznetsova E.V., Petrovskaya V.G., Ryazantseva S.A. Psychology of stress and emotional burnout: textbook for students of the Faculty of Psychology. Kuibyshev, 2023. 96 p.

11. Lozgacheva O.V. Formation of stress resistance at the stage of professionalization: On the example of a law school: diss. ... candidate of psychological sciences. Yekaterinburg, 2024. P. 158.

12. Markova S.V., Stepanova A.R. Influence of organizational and personal factors on the development of emotional burnout syndrome. Almanac of modern science and education. Tambov: Gramota, 2021. No. 7. P. 114.

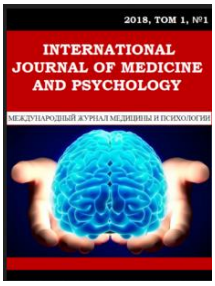
13. Nartova-Bochaver S.K. Coping behavior in the system of concepts of personality psychology. Psychological journal. 2010. No. 5. P. 20 – 30.

14. Usatov I.A. Author's technique "Test for determining the level of personality stress resistance". Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 11. P. 681 – 685.

Информация об авторе

Фёдоров А.Ф., кандидат психологических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых; Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева, zimbur79@mail.ru

© Фёдоров А.Ф., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.99

[1] Юркова И.Г.,
[1] Каткова Ю.Э.,
[1] Кладько Д.М.,
[1] Кубанский государственный университет

Особенности профессиональной мотивации сотрудников организации гостиничной сферы

Аннотация: в статье приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей профессиональной мотивации сотрудников одного из гостиничных комплексов г. Краснодара. Общий объем выборки составил 94 человека. Для проведения исследования использовались следующие методы: тест на типы мотивации В. И. Герчикова, методики Т. Элерса на мотивацию избегания неудач и на мотивацию достижения успеха, тест на мотивацию профессиональной деятельности А. Реана. Математико-статистические методы исследования: анализ средних и корреляционный анализ (SPSS 27.0). В результате исследования было выявлено, что доминирующее число респондентов ориентированы на инструментальный тип мотивации, для сотрудников гостиниц характерна внешняя мотивация и мотивация на избегание неудач, что свидетельствует о том, что в организациях гостиничной сферы по-прежнему необходимо делать упор на развитие системы материального стимулирования.

Ключевые слова: мотивация персонала, материальное стимулирование, стимулирование труда, трудовые ресурсы, управление персоналом, гостиничная сфера, профессиональная мотивация, мотивация избегания неудач, мотивация достижения успеха

Для цитирования: Юркова И.Г., Каткова Ю.Э., Кладько Д.М. Особенности профессиональной мотивации сотрудников организации гостиничной сферы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 138 – 142.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Yurkova I.G.,
[1] Katkova Yu.E.,
[1] Kladko D.M.,
[1] Kuban State University

Features of professional motivation of employees of the hotel sector

Abstract: the article presents the results of an empirical study aimed at studying the features of professional motivation of employees of one of the hotel complexes in Krasnodar. The total sample size was 94 people. The following methods were used to conduct the research: V. I. Gerchikov's test of motivation types, T. Ehlers' methods of motivation to avoid failures and motivation to achieve success, A. Rean's test of motivation for professional activity. Mathematical and statistical methods of research: analysis of means and correlation analysis (SPSS 27.0). As a result of the study, it was revealed that the dominant number of respondents are focused on the instrumental type of motivation, while hotel employees are characterized by external motivation and motivation to avoid failures, which indicates that in organizations of the hotel sector it is still necessary to focus on the development of a financial incentive system.

Keywords: staff motivation, financial incentives, labor incentives, labor resources, personnel management, hotel sector, professional motivation, motivation to avoid failure, motivation to achieve success

For citation: Yurkova I.G., Katkova Yu.E., Kladko D.M. Features of professional motivation of employees of the hotel sector. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 138 – 142.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Актуальность темы заключается в том, что в современных условиях рынка все большее значение приобретают мотивационные аспекты управления персоналом, особенно в сфере гостиничного сервиса. В последнее время активно растет конкуренция в данной сфере, что привело к дефициту специалистов на рынке труда и компании вынуждены пристальное внимание уделять процессам привлечения, стимулирования и удержания персонала [7].

На данный момент существует большое количество мнений относительно того, что же такое мотивация, и множество мнений относительно ответов на такие вопросы как: почему человек поступает определенным образом; какие потребности стремится удовлетворить человек; какие результаты планирует получить человек в ходе своих действий [1].

Мнения специалистов, исследующих причины мотивации, разнятся. Одни считают, что главной причиной определенных действий человека являются внешние факторы и те условия, в которых находится человек в определенный промежуток времени. Другие же специалисты придерживаются мнения, что в основе мотивов человека лежат приобретенные и врожденные факторы. Третья группа специалистов придерживается иного мнения: истинные мотивы действий человека – его врожденные качества [2].

Можно выделить два основных термина «мотивация»: психологическая категория, которая отражает процесс осознания человеком своих потребностей и, в связи с этим, выбор им определенной модели поведения для их удовлетворения; категория менеджмента, благодаря которой выделяются методы влияния на персонал факторами внешней среды [12].

На сегодняшний день в науке разработано достаточное количество теорий, направленных на изучение мотивации. Наиболее распространенными являются, например, теория мотивации Д. Мак-Клелланда [9], которая гласит, что мотивация человека зависит от трех факторов: - стремление к признанию окружающих; - стремление к успеху; - стремление к власти. Двухфакторная теория мотивации Ф. Герцберга [4], суть которой состоит в выяснении того, из-за чего работники бывают недовольны и что вызывает у них удовлетворение в работе. В данной теории выделяются два вида факторов – гигиенические и мотивирующие. Следующая теория – теория ожиданий В. Врума [3]. Мотивация, по мнению В. Врума, является произведением следующих факторов: ожидаемой ценности вознаграждения, ожидаемого вознаграждения и ожидания того, что приложенные усилия принесут результат. Чем выше значимость каждого из перечисленных факторов, тем уровень мотивации человека выше. Если значимость какого-либо фактора равна нулю, то и общий уровень мотивации равен нулю.

Аспекты исследования профессиональной мотивации затронуты в работах таких авторов, как В. И. Герчиков, Т. Элерс, А. Реан, А. Маслоу, О. Абдуллина [1], Ф. Апиш [2], Р. Дилтс, Н. Зубакова, Д. Мак-Клелланд [9], Ф. Герцберг, К. Домровская, В. Врум [3], М. Бухолова, И. Бакулин, В. Архипова, А. Леонтьев, Р. Немов, П. Шишкоедов, Д. Городовский, А. Попов, Х. Хекхаузен, Н. Есина, Е. Волкова, Б. Ананьев и других авторов.

Вопросом стимулирования и особенностей мотивации персонала на предприятиях гостиничной сферы в российской практике занимались такие авторы, как Зайцева Н.А. [6], П.П. Чуваткин, С.А. Горбатов [11], Жукова М.А. [5], Ключевская И.С. [8], Федоренко А.В., Семенникова А.И. и другие.

Материалы и методы исследований

Цель исследования заключается в определении особенностей профессиональной мотивации сотрудников организации в сфере гостеприимства. В исследовании принимали участие рядовые сотрудники (администраторы, консьержи, горничные, персонал ресторана, баров и СПА-центра, менеджеры). Количество испытуемых – 94 человека, из которых 30 респондентов мужского пола (32%) и 64 респондента женского пола (68%).

Методологическую основу исследования составили: тест на типы мотивации В. И. Герчикова, методики Т. Элерса на мотивацию избегания неудач и на мотивацию достижения успеха, тест на мотивацию профессиональной деятельности А. Реана. В качестве математико-статистических ме-

тодов исследования выступали анализ средних и корреляционный анализ, содержащийся в стандартном пакете программ SPSS 27.0.

Результаты и обсуждения

В результате анализа различий в профессиональной мотивации у сотрудников предприятия в сфере гостеприимства по гендерному признаку определено не было. Поэтому далее особенности профессиональной мотивации изучались на общей выборке респондентов (табл. 1). Было выявлено, что у респондентов доминирует инструментальный тип мотивации. Так, для сотрудников гостиниц важными выступают материальное стимулирование, стремление к большему заработку, поиск наиболее щедрого работодателя, восприятие работы как источника получения дохода, боязнь потери дохода.

Таблица 1

Особенности профессиональной мотивации сотрудников организации гостиничной сферы.

Table 1

Features of professional motivation of employees of the hotel industry.

Тип мотивации (В.И. Герчиков)					Мотивация избегания неудач	Мотивация достижения успеха	Профессиональная мотивация (А. Реан)		
ИН	ПР	ПА	ХО	ЛЮ			ВМ	ВПМ	ВОМ
13	8,6	4,3	6,4	4,35	18,3	17,2	3,4	4,16	3,75

Мотивационный комплекс по результатам теста на профессиональную мотивацию выглядит следующим образом: ВПМ> ВОМ> ВМ. Здесь внешняя мотивация доминирует, то есть для респондентов мотивацией является страх наказания, негативных последствий и их мотивация зависит от внешних факторов, не от внутренних. Для них не значима мотивация самореализации, удовлетворения от процесса и результата работы.

По результатам теста на мотивацию избегания неудач респонденты имеют высокий уровень мотивации. Это означает, что респонденты: не могут достигать высоких результатов ввиду боязни неудачи, не проявляют инициативу в действиях и решениях, имеют низкую самооценку, не верят в себя и склонны к эмоциональному выгоранию.

Результаты теста на мотивацию достижения успеха позволили сделать вывод, что респонденты имеют умеренно сильную мотивацию. Им свойственны склонность к планированию своего будущего, стремление к саморазвитию и удовлетворенность своей жизнью.

Далее изучались структурные особенности профессиональной мотивации сотрудников организации гостиничной сферы. Выявленные значимые корреляции представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значимые корреляционные связи особенностей профессиональной мотивации сотрудников.

Table 2

Significant correlations of the characteristics of professional motivation of employees.

	Инструментальный тип мотивации	Профессиональны тип мотивации	Хозяйственный тип мотивации
Внутренняя мотивация	**-0,75856***	-0,17967	-0,30272
Мотивация избегания неудач	0,37650	**0,68551***	-0,27597
Мотивация достижения успеха	-0,05397	-0,17752	**0,64427***
Примечание: * – при p <0,001			

Ведущий инструментальный тип мотивации у респондентов отрицательно связан с внутренней мотивацией (r = - 0,75; p <0,05). Данные свидетельствует о том, что чем сильнее сотрудники ориентированы на материальное вознаграждение, тем меньше для них имеет значение содержание самой деятельности. Иными словами, сотрудники организации гостиничной сферы с большей отдачей работают за повышение оплаты своего труда, для них более значимо материальное стимулирование и не является стимулирующим фактором интересная, содержательная работа.

Следует отметить, что профессиональный тип мотивации у респондентов прямо связан с мотивацией избегания неудач (r = 0,68; p <0,05). Это говорит о том, что чем выше у сотрудников чем выше у сотрудников стремление к развитию карьеры, к интересной работе, профессиональному разви-

тию, тем сильнее у них страх ошибиться, уровень тревожности, что так же может свидетельствовать о низкой самооценке и неуверенности в своих силах.

При этом достаточно согласованной выступает положительная корреляция в выборке хозяйственного тип мотивации с мотивацией достижения успеха ($r = 0,64$; $p < 0,05$). То есть, чем сильнее сотрудник ориентирован на достижение результата, чем выше его самооценка и уверенность в себе, тем больше для него будет выступать мотивацией возможность самостоятельно выполнять профессиональные задачи, тем больше он готов брать на себя ответственность за свою работу и не нуждается в четких инструкциях и постоянном контроле при выполнении профессиональной деятельности.

Выводы

Таким образом, в результате полученных данных можно составить мотивационный портрет рядового сотрудника организации в гостиничной сфере. Большинство сотрудников (администраторы, консьержи, горничные, персонал ресторана, баров и СПА-центра, менеджеры) из числа обслуживающего персонала ориентированы на материальное благополучие, для них значимым мотивирующим фактором выступает материальное вознаграждение. Они не стремятся к разносторонней интересной в содержательном плане работе, ориентированы на избегание ошибок, слабо мотивированы на достижение успеха. Для них характерно избегание ответственности, страх наказания и лишения материальных стимулов – премиальных, бонусов и т.д.

Полученные результаты демонстрируют основные направления при разработке систем стимулирования для сотрудников организаций в гостиничной сфере. При формировании системы стимулирования необходимо основной упор делать на использование материальных видов мотивации таких, как премии, организация бесплатного питания, социальные выплаты, развитие бонусных программ – за продажи дополнительных услуг, за повышение категории номера проживания, от продажи продукции мини бара, оказания услуг по глажке и чистке обуви, за участие в продаже услуг других подразделений, за положительный именной отзыв в «книге жалоб и предложений» или на сайтах в сети интернет, годовая премия в зависимости от количества проданных номеров высокой категории (люкс, полулюкс и панорамный номер).

Список источников

1. Абдуллина О.А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М.: Просвещение, 2020. 141 с.

2. Апиш Ф.Н. Современные теории мотивации. Майкоп.: Аякс, 2021. 156 с.

3. Врум В. Труд и мотивация. 1-е изд. перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2022. 281 с.

4. Герцберг Ф. Мотивация к работе. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 216 с.

5. Жукова М.А., Жуков В.А. Система мотивации персонала в гостиничном бизнесе // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. № 5 (78). С. 16-21.

6. Зайцева Н.А. Особенности стимулирования персонала в гостиницах: российский и зарубежный опыт // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 7 (45). С. 64 – 71.

7. Кладько Д.М., Юркова И.Г. Особенности стимулирование персонала компании в сфере гостиничного сервиса // Личность и ее бытие в реалиях современности: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под редакцией З.И. Рябикиной, Л.Н. Ожиговой, А.Ш. Гусейнова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т. Кр-р.: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 279 – 282.

8. Ключевская И.С. Управление персоналом гостиничного предприятия: учебное пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. 386 с.

9. Мак-Клелланд Д. Мотивация человека. 1-е изд. перераб. и доп. СПб.: Феникс, 2021. 267 с.

10. Скрипниченко Л.С., Юркова И.Г. Организационное поведение: ценности в системе управления. Учеб.-метод. пособие. Кр-р: Кубанский гос. ун-т, 2019. 142 с.

11. Чуваткин П.П., Горбатов С.А. Управление персоналом гостиничных предприятий: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 280 с.

12. Юркова И.Г., Мальцева О.А. Организационная культура как фактор управления мотивацией персонала // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 6. С. 65 – 68.

References

1. Abdullina O.A. General pedagogical training of teachers in the system of higher pedagogical education. Moscow: Education, 2020. 141 p.

2. Apish F.N. Modern theories of motivation. Maikop: Ayaks, 2021. 156 p.

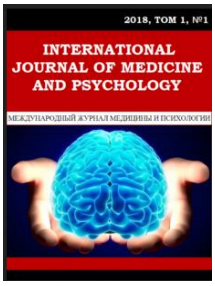
3. Vroom V. Labor and motivation. 1st revised and enlarged ed. Moscow: KNORUS, 2022. 281 p.

4. Herzberg F. Motivation for work. 4th revised and enlarged ed. Moscow: Yurait, 2021. 216 p.
5. Zhukova M.A., Zhukov V.A. Personnel motivation system in the hotel business. Personnel and intellectual resources management in Russia. 2022. No. 5 (78). P. 16 – 21.
6. Zaitseva N.A. Features of personnel incentives in hotels: Russian and foreign experience. Service in Russia and abroad. 2013. No. 7 (45). P. 64 – 71.
7. Kladko D.M., Yurkova I.G. Features of personnel incentives in the hotel service company. Personality and its existence in the realities of modern times: materials of the international. scientific and practical. conf. edited by Z.I. Ryabikina, L.N. Ozhigova, A.Sh. Guseinov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. Kr-r.: Kuban State University, 2024. P. 279 – 282.
8. Klyuchevskaya I.S. Personnel management of a hotel enterprise: a tutorial. M.: NIC INFRA-M, 2021. 386 p.
9. McClelland D. Human motivation. 1st ed. revised and enlarged. SPb.: Phoenix, 2021. 267 p.
10. Skripnichenko L.S., Yurkova I.G. Organizational behavior: values in the management system. Textbook.-method. manual. Kr-r: Kuban State University, 2019. 142 p.
11. Chuvatkin P.P., Gorbatov S.A. Personnel management of hotel enterprises: textbook for universities. M.: Publishing house Yurait, 2025. 280 p.
12. Yurkova I.G., Maltseva O.A. Organizational culture as a factor in personnel motivation management. Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. No. 6. P. 65 – 68.

Информация об авторах

Юркова И.Г., кандидат психологических наук, доцент, SPIN-код: 4230-4384, Кубанский государственный университет, shelig@rambler.ru
Каткова Ю.Э., преподаватель, SPIN-код: 9731-4482, Кубанский государственный университет, emylife_mk@mail.ru
Кладько Д.М., Кубанский государственный университет, 2132320d@mail.ru

© Юркова И.Г., Каткова Ю.Э., Кладько Д.М., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.99 + 37.032

[1] Еланцева С.А.,
[2] Голынский В.А.,
[1] Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова,
филиал Тюменского государственного университета,
[2] Гимназия № 4, г. Тюмень

Формирование социально-педагогической компетентности у родителей подростков 12-13 лет со склонностью к девиантному поведению

Аннотация: исследование посвящено проблеме изучения формирования социально-педагогической компетентности у родителей подростков 12-13 лет со склонностью к девиантному поведению. Родительская социально-педагогическая компетентность представляет собой совокупность знаний, умений и личных качеств, позволяющих эффективно воспитывать подростков, выстраивать с ними продуктивные отношения. Эксперимент проводился с участием родителей подростков 12-13 лет, с применением трех диагностических методик, с использованием комплекса психолого-педагогических методов, направленных на развитие когнитивной (лекции, дискуссии, круглые столы и семинары), мотивационно-личностной (ролевые игры, квесты, психогимнастика, моделирование педагогических ситуаций, консультирование) и коммуникативно-деятельностной (тренинг) компетентности. На констатирующем этапе эксперимента установлено, что слабее всего развит когнитивный аспект родительской социально-педагогической компетентности; это говорит о недостаточной сформированности психологических знаний о подростках. В экспериментальной группе наблюдается значительное улучшение всех компонентов социально-педагогической компетентности, в отличие от контрольной группы, где изменений не произошло. Программа включала три блока: 1) социально-педагогическое просвещение родителей, направленное на повышение когнитивной компетентности 2) помощь в целеполагании, развитии личных качеств родителей, 3) развитие навыков конструктивного взаимодействия с подростками. Разработанная программа показала свою эффективность в повышении уровня социально-педагогической компетентности родителей, что может стать фактором предотвращения девиантного поведения у подростков. Перспективы включают использование онлайн-технологий для расширения охвата родителей.

Ключевые слова: социально-педагогическая компетентность, родители, подростки, девиантное поведение, мотивационно-личностная компетентность, когнитивная компетентность, коммуникативно-деятельностная компетентность, психолого-педагогические методы, педагогическое воздействие, тренинги

Для цитирования: Еланцева С.А., Голынский В.А. Формирование социально-педагогической компетентности у родителей подростков 12-13 лет со склонностью к девиантному поведению // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 143 – 150.

Поступила в редакцию: 3 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Elantseva S.A.,***
[2] ***Golynsky V.A.,***
[1] P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) University of Tyumen,
[2] Gymnasium No. 4 of the city of Tyumen

Formation of socio-pedagogical competence among parents of 12-13 year old adolescents with a tendency to deviant behavior

Abstract: the research is devoted to the problem of studying the formation of socio-pedagogical competence in parents of 12-13 year old adolescents with a propensity to deviant behaviour. The experiment was conducted with the participation of parents of 12-13 year-old adolescents, using three diagnostic techniques, using a set of psychological and pedagogical methods aimed at the development of cognitive (lectures, discussions, round tables and seminars), motivational and personal (role-plays, quests, psychogymnastics, modelling of pedagogical situations, counselling) and communicative-activity (training) skills. At the ascertaining stage of the experiment it was found that the weakest developed cognitive aspect of parental socio-pedagogical competence; this indicates the insufficient formation of psychological knowledge about adolescents. In the experimental group there was a significant improvement in all components of socio-pedagogical competence, in contrast to the control group where there were no changes. The developed programme showed its effectiveness in increasing the level of parents' socio-educational competence, which can be a factor in preventing deviant behaviour in adolescents. Prospects include the use of online technologies to extend the reach of parents.

Keywords: social-pedagogical competence, parents, adolescents, deviant behavior, motivational-personal competence, cognitive competence, communicative-activity competence, psychological and pedagogical methods, pedagogical influence, training

For citation: Elantseva S.A., Golynsky V.A. Formation of socio-pedagogical competence among parents of 12-13 year old adolescents with a tendency to deviant behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 143 – 150.

The article was submitted: December 3, 2024; Approved after reviewing: February 5, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

В последние десятилетия наблюдается стабильный рост девиантного поведения среди несовершеннолетних. Подростковая девиация, выражающаяся в агрессивности, буллинге, преступлениях против половой неприкосновенности и собственности, обусловлена возрастными особенностями этого периода. Статистические данные, в частности от Следственного комитета России, показывают, что 60% преступлений, таких как грабежи и вымогательства, совершены группами, в 70% состоящими только из несовершеннолетних [8].

Природа девиаций требует внимательного изучения семейных факторов. Семья является первым социальным институтом, формирующим личность ребенка, и её влияние на проявления девиантного поведения подростков трудно переоценить [13]. Психологические и социально-экономические проблемы в семье, а также недостаток воспитательных знаний у родителей, особенно в отношении подростков «групп риска», способствуют развитию девиаций. Согласно исследованиям, семья является определяющим фактором девиантного поведения в возрасте 11-13 лет у 77,3% опрошенных [8]. Главным мотивом является восполнение эмоционально-коммуникативного дефицита, что поддерживается в исследованиях ряда авторов, таких как А.В. Анисимова, В.В. Артемьева, У.Г. Егорова, Д.А. Дробот, Т.И. Митичева и других.

Семейная компетентность в воспитании детей, как утверждают L. Gavriliță и другие исследователи, является ключевым фактором предотвращения девиаций [17]. Однако исследования показывают, что лишь 20% родителей подростков обладают достаточной психологической компетентностью в воспитании [3].

В монографии А.К. Марковой компетентность описана как сочетание психических качеств, обеспечивающих способность действовать самостоятельно и ответственно, а также выполнять определённые функции [12]. Е.А. Суслова и Н.Н. Ершова считают социальную компетентность гуманистической направленностью личности, включающей стремление к самоактуализации и педагогическую позицию [15]. А.С. Магауова рассматривает социальную компетентность как способность к межличностным отношениям, интегральную характе-

ристику личности, отражающую её достижения в развитии отношений и адаптацию к социальным нормам и ценностям [11].

Т.В. Коваленко определяет педагогическую компетентность родителей как совокупность когнитивных, ценностно-мотивационных, эмоциональных и поведенческих качеств, необходимых для качественного воспитания [9]. Ю.В. Варданян, М.А. Кечина и А.С. Трифонов определяют психологическую компетентность родителей подростков как способности, позволяющие успешно осуществлять психолого-педагогическое сопровождение общения с ребёнком [3].

А.В. Минина выделяет компоненты социальной компетентности родителей: гностический (педагогические знания), мотивационно-личностный (личностные качества, педагогические способности), коммуникативно-деятельностный (умения и навыки) [13]. И.В. Офат использует аналогичную модель, с акцентом на знание педагогики и психологии, умение применять их на практике, способность к бесконфликтному общению и взаимодействию в процессе воспитания, а также мотивацию и личностные качества [14]. К.М. Лебедева выделяет четыре компонента: ценностно-смысловой, когнитивный, поведенческо-коммуникативный и рефлексивный [10]. Подходы к структуре социально-педагогической компетентности родителей детей дошкольного возраста не всегда применимы к родителям подростков. Однако анализ Е.Ю. Ганичевой показал, что различий нет. Она выделяет следующие компоненты: мотивационно-личностный (способность к саморазвитию, эмпатия, самоконтроль), гностический (психолого-педагогические знания) и коммуникативно-деятельностный (умения в воспитании подростков) [4].

Ю.В. Варданян, М.А. Кечина, А.С. Трифонов исследуют психологическую компетентность родителей подростков, выделяя коммуникативные и организаторские способности, эмоциональный интеллект, саморегуляцию и родительские установки [3].

И.С. Данилова, изучая зарубежные подходы к родительству, указывает, что родительская компетентность за рубежом основывается на трех элементах: ценности развития ребенка, адаптивности родителей и воздействия среды [5].

C. Reparaz, S. Rivas, A. Osorio, G. Garcia-Zavala подчеркивают, что родительская компетентность зависит от установок родителей (теплота и требовательность), воспитания ценностей (стойкость и конфиденциальность), что связано с удовлетворенностью жизнью подростков [19].

Современные научные публикации о компонентах социально-педагогической компетентности родителей не предлагают единой терминологии. Однако, анализ сущности выделяемых компонентов показывает, что подходы к структуре родительской компетентности в основном схожи. Принципиальных различий в структуре компетентности для детей разного возраста не выявлено; различия касаются только наполнения компонентов, что зависит от возрастной специфики.

Таким образом, родительская социально-педагогическая компетентность представляет собой совокупность знаний, умений и личных качеств, которые позволяют эффективно воспитывать подростков, выстраивать с ними продуктивные отношения. Структура этой компетентности включает когнитивный, мотивационно-личностный и коммуникативно-деятельностный аспекты.

Современные методы формирования социально-педагогической компетентности родителей включают тренинги, лекции, консультативные беседы и другие формы работы. Важную роль здесь играют онлайн-технологии. Согласно исследованию H. Ögel-Balaban, родительские группы в социальных сетях могут оказывать когнитивную поддержку и повышать родительскую компетентность [18]. Исследования А.С. Трифонова подтверждают эффективность онлайн-курсов, направленных на психолого-педагогическое сопровождение родителей [16].

В целом, методы работы с родителями подростков, склонных к девиациям, могут быть разнообразными, но важно, чтобы они охватывали все компоненты социально-педагогической компетентности.

Материалы и методы исследований

Целью исследования было экспериментальное тестирование комплекса методов формирования социально-педагогической компетентности у родителей подростков с девиантным поведением. Гипотеза заключалась в том, что формирование социально-педагогической компетентности будет эффективным при разработке и реализации серии занятий, направленных на развитие когнитивного, мотивационно-личностного и коммуникативно-деятельностного компонентов у родителей подростков 12-13 лет.

Исследование проводилось на базе Муниципального автономного образовательного учреждения «Гимназия №4 города Тюмени», где в качестве испытуемых приняли участие родители учащихся гимназии. Гендерные, возрастные и этнические различия участников не учитывались. Основными критериями отбора были: наличие склонности к девиантному поведению у подростков, по

данным психолога, и возраст подростков (12-13 лет). В исследование было включено 32 родителя, согласившихся участвовать.

Для исследования был выбран экспериментальный план с двумя независимыми группами: экспериментальная группа подвергалась воздействию, а контрольная группа продолжала обычную деятельность. Диагностика проводилась до и после педагогического воздействия в обеих группах.

Были подобраны диагностические методики, позволяющие оценить сформированность родительской социально-педагогической компетентности по трем компонентам.

Методика «Ценностные Ориентации» (М. Рокич) использовалась для диагностики мотивационно-личностного критерия социально-педагогической компетентности у родителей младших подростков. Высокий уровень соответствует ориентации на семейные ценности и ценности воспитания на 1-6 местах, средний – на 7-12 местах, низкий – на 13-18 местах.

Тест «Психолого-педагогические особенности подросткового возраста» (В.В. Бочкова, Л.В. Власова) оценивал когнитивный критерий компетентности у родителей. Высокий уровень (36-39 баллов) указывает на хорошее владение знаниями о воспитании и социализации подростков, средний (24-35 баллов) – на недостаточную сформированность знаний, низкий (13-23 балла) – на отсутствие знаний о психолого-педагогических особенностях подростков.

Методика диагностики родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин) применялась для диагностики коммуникативно-деятельностного критерия компетентности у родителей подростков с девиантным поведением. Уровни по шкалам определялись по баллам: по шкале «принятие» – 24-32 балла (высокий), 9-23 (средний), 0-8 (низкий); по шкале «кооперация» – 7-8 (высокий), 3-6 (средний), 0-2 (низкий); по шкале «симбиоз» – 6-7 (высокий), 3-5 (средний), 0-2 (низкий); по шкале «авторитарная гиперсоциализация» – 3-5 (высокий), 6-7 (низкий), 0-2 (средний); по шкале «маленький неудачник» – 0-2 (высокий), 3-6 (средний), 7-8 (низкий).

После констатирующего этапа родители были разделены на экспериментальную и контрольную группы (по 16 человек). Распределение осуществлялось так, чтобы уровень социально-педагогической компетентности не имел значительных различий.

На втором этапе эксперимента для формирования социально-педагогических знаний (когнитивный компонент) у родителей использовались лекции, беседы, дискуссии, круглые столы и семинары. Эти занятия были направлены на ознакомление с психологическими особенностями подростков, причинами девиантного поведения и стилями семейного воспитания, влияющими на развитие девиаций.

Для формирования личностных качеств и ценностей (мотивационно-личностный компонент) применялись активные методы: ролевые игры, квесты, психогимнастика, консультирование и моделирование педагогических ситуаций. Эти методы помогали развивать у родителей потребность в саморазвитии и поддержке подростков, а также в повышении своих знаний для эффективного воспитания.

Для формирования коммуникативно-деятельностного компонента организовывались тренинговые занятия, направленные на развитие эмпатии, навыков взаимодействия с подростками, педагогической рефлексии, самоконтроля и способности к саморегулированию своих педагогических методов.

План работы с родителями включал три основных блока:1) социально-педагогическое просвещение родителей, направленное на повышение когнитивной компетентности через лекции, беседы, дискуссии и другие формы работы; 2) помощь в целеполагании, развитии педагогических навыков и личных качеств родителей, а также в осознании необходимости коррекции стилей семейного воспитания, если они негативно влияют на подростка (через консультации, игровые и психокоррекционные методы); 3) развитие навыков конструктивного взаимодействия с подростками, склонными к девиантному поведению, с использованием анализа педагогических ситуаций и тренингов по улучшению взаимоотношений.

Разработанная нами обучающая сессия рассчитана на 15 занятий с продолжительностью полгода.

На контрольном этапе эксперимента использовались диагностические методики констатирующего этапа. Для выявления статистических различий применялся U-критерий Манна-Уитни с использованием программы «Математические методы обработки данных в психологии» [https://www.psychol-ok.ru/lib/statistics.html]. Этот анализ позволяет определить степень значимости различий в показателях социально-педагогической компетентности при попарном сравнении групп.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим результаты по каждой методике и, соответственно, по каждой компоненте родительской социально-педагогической компетентности отдельно.

Таблица 1

Сформированность родительской социально-педагогической компетентности по мотивационно-личностной компоненте.

Table 1

Formation of parental social and pedagogical competence according to the motivational and personal component.

Уровень	Констатирующий этап				Контрольный этап			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Высокий	4	25	5	31	7	44	6	37
Средний	8	50	8	50	7	44	7	44
Низкий	4	25	3	19	2	12	3	19

В контрольной группе результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента не показали достоверных различий по методике «Ценностные ориентации» (табл. 1). В экспериментальной группе были выявлены значимые различия ($p \leq 0.05$) в мотивационно-личностном компоненте социально-педагогической компетентности. До начала занятий половина родителей (50%) ставили ценности семьи и воспитания на второй план, треть (25%) – на последние места, и только у 25% эти ценности были приоритетными. После формирующего этапа высокие и средние уровни мотивационно-личностной компетентности показали 44% родителей, а на низком уровне остались лишь 12%.

Таблица 2

Сформированность родительской социально-педагогической компетентности по когнитивной компоненте.

Table 2

Formation of parental social and pedagogical competence according to the cognitive component.

Уровень	Констатирующий этап				Контрольный этап			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Высокий	3	18,8	4	25	7	43,7	4	25
Средний	6	37,5	6	37,5	7	43,7	7	43,7
Низкий	7	43,7	6	37,5	2	12,5	5	31,3

Большинство родителей (12 человек) контрольной группы до и после формирующего этапа эксперимента показывали средний и низкий уровни когнитивной компоненты социально-педагогической компетентности по методике «Психолого-педагогические особенности подросткового возраста» (табл. 2). В экспериментальной группе педагогическое воздействие вызвало положительную динамику ($p \leq 0.05$) в знаниях о подростковом возрасте. Если на констатирующем этапе 43,7% родителей имели низкий уровень знаний, то после формирующего этапа 43,7% показали средний и высокий уровни когнитивной компоненты.

Таблица 3

Сформированность родительской социально-педагогической компетентности по коммуникативно-деятельностной компоненте.

Table 3

Formation of parental social and pedagogical competence in the communicative and activity component.

Уровень	Констатирующий этап				Контрольный этап			
	Экспериментальная группа		Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Высокий	4	25	4	25	10	63	4	25
Средний	6	37,5	6	37,5	5	31	6	37,5
Низкий	6	37,5	6	37,5	1	6	6	37,5

В контрольной группе по методике ОРО большинство родителей (75%) имели средний и низкий уровни коммуникативно-деятельностной компоненты социально-педагогической компетентности, которые не изменились после формирующего эксперимента (табл. 3). Эти уровни характеризуются преобладанием отрицательных эмоций к подросткам, отсутствием веры в них и низкой оценкой их способностей, а также завышенными требованиями и авторитарностью. В экспериментальной группе результаты показали достоверные изменения ($p \leq 0.05$). На констатирующем этапе средний и низкий уровни были у 37,7% родителей, а на контрольном этапе на низком уровне остался только 1 родитель (6%), на среднем – 5 (31%). Подвижки высокого уровня наблюдались у 63% родителей (10 человек), что указывает на принятие подростковых особенностей, уважение к позиции подростка и адекватный родительский контроль.

Выводы

Проведенное исследование повысило уровень родительской социально-педагогической компетентности по трем компонентам: мотивационно-личностной, когнитивной и коммуникативно-деятельностной. Реализованная серия занятий с использованием традиционных психолого-педагогических методов (консультации, тренинги, лекции, семинары, ролевые игры и др.) эффективно повлияла на эти компоненты. Родительская социально-педагогическая компетентность особенно важна для подростков 12-13 лет с девиантным поведением, поскольку она может предотвратить развитие девиаций у детей в начале подросткового возраста, который является предиктором девиантного поведения. Исследование стало пилотажным, выявив проблемные моменты в организации и содержании работы, проверив методический инструментарий и позволив детализировать дальнейшую исследовательскую работу. Перспективы исследования включают привлечение большего числа родителей и усиление традиционных методов с помощью онлайн-технологий.

Список источников

1. Анисимова А.В. Родительская компетентность как основа предупреждения и профилактики девиантного поведения // Молодой ученый. 2014. № 17.1 (76.1). С. 7 – 8.

2. Артемьева В.В. Семья подростка с девиантным поведением как объект психологического воздействия // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 7 – 11.

3. Варданян Ю.В., Кечина М.А., Трифонов А.С. Исследование психологических компетенций современных родителей подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6 (8). С. 31.

4. Ганичева Е.Ю. Развитие психолого-педагогической компетентности родителей подростков в условиях образовательной организации // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. С. 122 – 135.

5. Данилова И.С. Зарубежные передовые практики развития компетентностного родительства: конкретизация понятий современного образовательного пространства // Современное педагогическое образование. 2019. № 9. С. 176 – 180.

6. Дробот Д.А., Митичева Т.И. Изучение взаимоотношений родителей с подростками девиантного поведения // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 943 – 945.

7. Егорова У.Г. Просвещение родителей в вопросах профилактики отклоняющегося поведения подростков // Вестник СамГУ. 2014. № 9 (120). С. 232 – 236.

8. Изучение мотивов проявления девиантного поведения обучающимися, причин, условий, способствующих формированию такого поведения, а также мер, принимаемых по предупреждению и профилактике девиантного поведения обучающихся [Электронный ресурс] // Аналитический доклад. Москва: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2022. URL: https://cpprkam.ru/wp-content/uploads/2022/08/analiticheskij-doklad-motivy-i-prichiny-deviaczii.pdf. (дата обращения 24.02.2025).

9. Коваленко Т.В. Понятие родительской компетенции в современной педагогической практике // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4-6 (13). С. 27 – 32.

10. Лебедева К.М. Педагогическая компетентность родителей дошкольников: структура и методики ее измерения в контексте личностного подхода // Дошкольное воспитание. 2014. № 6. С. 84 – 93.

11. Магауова А.С. Компетентностная парадигма подготовки социальных педагогов // ЦИТИСЭ. 2019. № 1 (18). С. 6.

12. Маркова А.К. Психология профессионализма. Москва: Знание, 1996. 308 с.

13. Минина А.В. Компетентность современных родителей в воспитании самостоятельности у дошкольников // Дискуссия. 2014. № 1 (42). С. 131 – 137.

14. Офат И. В. Психолого-педагогические компетенции родителей: термин, структура, компоненты. Диагностика уровней сформированности психолого-педагогических компетенций у родителей детей дошкольного возраста // Образование и воспитание. 2020. № 3 (29). С. 75 – 82.

15. Суслова Е.А., Ершова Н.Н. Социальная перцепция в профессиональной деятельности. Москва: РАГС, 1998. С. 77 – 88.

16. Трифонов А.С. Развитие психологических компетенций современных родителей подростков с помощью онлайн-курса // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3 (146). С. 200 – 209.

17. Gavrilită L. Ataşamentul securizant ca resursă a competenței parentale // Psihologia. Revista ştiinţifico-practică. 2021. Vol. 39. № 2. P. 21 – 26. DOI 10.46728/pspj.2021.v39.i2.p21-26

18. Ögel-Balaban H. Bir ebeveynlik kaynağı olarak Facebook ebeveyn grupları: Anneler üzerine bir araştırma // Nesne Psikoloji Dergisi. 2021. Vol. 9 (19). P. 114 – 126. DOI 10.7816/nesne-09-19-09

19. Reparaz C., Rivas S., Osorio A., Garcia-Zavala G. A Parental Competence Scale:Dimensions and Their Association With Adolescent Outcomes // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 1 – 14. DOI 10.3389/fpsyg.2021.652884

References

1. Anisimov AV Parental competence as a basis for preventing and preventing deviant behavior. Young scientist. 2014. No. 17.1 (76.1). P. 7 – 8.

2. Artemyeva VV Family of a teenager with deviant behavior as an object of psychological influence. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. P. 7 – 11.

3. Vardanyan Yu.V., Kechina M.A., Trifonov A.S. Study of psychological competencies of modern parents of teenagers. World of science. Pedagogy and psychology. 2020. No. 6 (8). P. 31.

4. Ganicheva E.Yu. Development of psychological and pedagogical competence of parents of teenagers in the context of an educational organization. Theoretical and experimental psychology. 2023. No. 1. P. 122 – 135.

5. Danilova I.S. Foreign advanced practices in the development of competence-based parenting: concretization of the concepts of the modern educational space. Modern pedagogical education. 2019. No. 9. P. 176 – 180.

6. Drobot D.A., Miticheva T.I. Studying the relationship between parents and adolescents with deviant behavior. Young scientist. 2015. No. 24 (104). P. 943 – 945.

7. Egorova U.G. Education of parents in matters of prevention of deviant behavior of adolescents. Bulletin of Samara State University. 2014. No. 9 (120). P. 232 – 236.

8. Study of motives for manifestation of deviant behavior by students, reasons, conditions contributing to formation of such behavior, as well as measures taken to prevent and prophylaxis of deviant behavior of students [Electronic resource]. Analytical report. Moscow: Federal State Budgetary Institution “Center for Protection of Rights and Interests of Children”, 2022. URL: https://cpprkam.ru/wp-content/uploads/2022/08/analiticheskij-doklad-motivy-i-prichiny-deviaczii.pdf. (date of access 02/24/2025).

9. Kovalenko T.V. The concept of parental competence in modern pedagogical practice. Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 4-6 (13). P. 27 – 32.

10. Lebedeva K.M. Pedagogical competence of parents of preschoolers: structure and methods of its measurement in the context of a personal approach. Preschool education. 2014. No. 6. P. 84 – 93.

11. Magauova A.S. Competence paradigm of training social educators. CITISE. 2019. No. 1 (18). P. 6.

12. Markova A.K. Psychology of professionalism. Moscow: Znanie, 1996. 308 p.

13. Minina A.V. Competence of modern parents in raising independence in preschoolers. Discussion. 2014. No. 1 (42). P. 131 – 137.

14. Ofat I.V. Psychological and pedagogical competencies of parents: term, structure, components. Diagnostics of the levels of formation of psychological and pedagogical competencies in parents of preschool children. Education and upbringing. 2020. No. 3 (29). P. 75 – 82.

15. Suslova E.A., Ershova N.N. Social perception in professional activity. Moscow: RAGS, 1998. P. 77 – 88.

16. Trifonov A.S. Development of psychological competencies of modern parents of teenagers using an online course. Kazan pedagogical journal. 2021. No. 3 (146). P. 200 – 209.

17. Gavrilită L. Ataşamentul securizant ca resursă a competenței parentale. Psihologia. Review of educational-co-practical practices. 2021. Vol. 39. No. 2. P. 21 – 26. DOI 10.46728/pspj.2021.v39.i2.p21-26

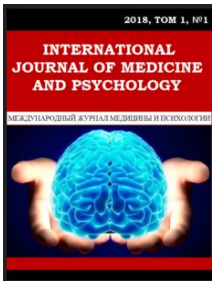
18. Ögel-Balaban H. Bir ebeveynlik kaynağı olarak Facebook ebeveyn grupları: Anneler üzerine bir araştırma. Nesne Psikoloji Dergisi. 2021. Vol. 9 (19). P. 114 – 126. DOI 10.7816/nesne-09-19-09

19. Reparaz C., Rivas S., Osorio A., Garcia-Zavala G. A Parental Competence Scale: Dimensions and Their Association with Adolescent Outcomes. Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 1 – 14. DOI 10.3389/fpsyg.2021.652884

Информация об авторах

Еланцева С.А., доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5778-8551, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, s.elantsewa@yandex.ru
Голынский В.А., учитель музыки, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-6057-3417, Гимназия № 4, г. Тюмень, golynskiy.vlad@bk.ru

© Еланцева С.А., Голынский В.А., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9+37.013.8

[1] Кузнецова Ю.Н.,
[1] Зизикова С.И.,
[1] Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Современные аспекты оказания психологической помощи спортсменам

Аннотация: в статье были рассмотрены современные аспекты оказания психологической помощи спортсменам через трансформацию личности спортсмена. Трансформация понимается, как расширение границ восприятия, обретения способности движения к новому опыту. В статье рассмотрены технологии работы психолога с состояниями травмы, депрессии, тревоги, искаженной привязанности. Процесс становления спортсмена рассматривается через обретение им чувственного опыта, который выступает саморегулирующей функцией для обеспечения возможности творческого приспособления к стрессовой ситуации, которая возникает в спорте. Через современный психоанализ и гештальт-терапевтический подход в статье рассматриваются способы работы с тревожностью в полевой перспективе и целостности процессов контакта без отрыва от семейного, культурного, экономического и исторического контекста. Исследуются возможности гештальт-терапии в оказании психологической поддержки спортсмена.

Ключевые слова: психическое состояние, развитие, трансформация, травма, чувствительность, чувственный опыт, гештальт

Для цитирования: Кузнецова Ю.Н., Зизикова С.И. Современные аспекты оказания психологической помощи спортсменам // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 151 – 157.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Kuznetsova Yu.N.,
[1] Zizikova S.I.,
[1] Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism

Modern aspects of providing psychological assistance to athletes

Abstract: our article examined modern aspects of providing psychological assistance to athletes through the transformation of an athlete's personality. Transformation is understood as expanding the boundaries of perception, gaining the ability to move towards new experiences. The article discusses some aspects of a psychologist's work with conditions of trauma, depression, anxiety, and distorted attachment. The process of becoming an athlete is considered through the acquisition of sensory experience, which acts as a self-regulating function to provide the athlete with the opportunity to creatively adapt to a stressful situation that arises in sports. Through modern psychoanalysis and the Gestalt approach, the article examines ways to work with anxiety from a field perspective and the integrity of contact processes without separation from the family, cultural, economic and historical context. The possibilities of Gestalt therapy in providing psychological support to an athlete are being investigated.

Keywords: mental state, development, transformation, trauma, sensitivity, sensory experience, gestalt

For citation: Kuznetsova Yu.N., Zizikova S.I. Modern aspects of providing psychological assistance to athletes. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 151 – 157.

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 6, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Размышляя о природе человеческого развития, совершенствования, мы понимаем, что данные процессы могут разворачиваться в определенных заданных условиях бытия. Развивается только то, что существует в моменте настоящего культурно-исторического события. Человек представляет собой чувствительную материю. Через чувствительность организма мы вступаем и выстраиваем отношения со средой. Отправной точкой является чувственный опыт. К такому опыту мы относим ощущения, движения и эмоциональные состояния. Чувственный опыт становится проводником в сознательном отражении действительности и не существует в линейке субъект – объект. Есть организм, который включен в ситуацию, он включен в нее, оказывает влияние и организм выражает в чистом виде изначальные отношения бессубъектно-объектные [5].

Анализируя формы взаимодействия организма со средой, мы задумались о проблеме профессионально-личностного становления спортсмена. В этом процессе, на наш взгляд недостаточно раскрыта роль постоянного психологического сопровождение личности спортсмена на всех этапах его спортивной карьеры. Спортсмен, как целостный организм являет собой сложную структуру, которая включает в себя множество подструктур, которые входят в контактирование между собой не только по биологическим, физиологическим, генетическим законам, но в том числе и по эмоциональным и социокультурным [1].

Материалы и методы исследований

В данной статье применяется междисциплинарный подход, включающий концепции психологии, философии и социологии для анализа процесса профессионально-личностного становления спортсмена. Основой исследования выступает концепция чувственного опыта как ключевого механизма взаимодействия организма со средой, а также роль психологического сопровождения в адаптации спортсмена к изменяющимся условиям профессиональной деятельности. В качестве методологической базы используются теории психоанализа (Ф. Перлз, У. Бион, Д. Боулби), гештальт-подхода и концепция привязанности, которые позволяют рассмотреть динамику трансформаций в личности спортсмена. Анализируется влияние факторов среды, а также их опосредованное влияние на психическое состояние и адаптивные механизмы личности в спорте. Выдвигается гипотеза о значении психологического сопровождения как инструмента, способствующего формированию устойчивых стратегий адаптации, преодолению кризисов и развитию новых способов взаимодействия с миром.

Результаты и обсуждения

Фрейд в своей книге «Импульс и его судьба» развивал идею, что изначальный мир не является хаотичным пространством, он представляет собой основание для детерминированной среды и не существует помимо исторической и географической среды. В случае, когда качества и возможности человека понимаются так, как они актуализированы в географически и исторически опосредованных средах, мы попадаем в сферу образа-действия. На протяжении всего контакта со средой с человеком будут происходить трансформации. В процессе работы со спортсменом психолог ассимилирует знание о спортсмене, это и есть наша экономика, мы берем ресурс, и мы работаем над этим ресурсом, ресурс трансформируется и за счет этой трансформации участвует в создании других объектов. Процесс трансформации постоянно имеет тенденцию к усложнению. Роль психолога в этом процессе заключается в сопровождении трансформаций, которые происходят со спортсменом, преобразуя их в когнитивные, эстетические, чувственные компетенции. Психолог придает гуманность процессам трансформации когнитивно, аффективно, эстетически. Спортсмену передаются способы бытия с миром, способы творения и создавания, то, что называется процессом гуманизации, который постоянно возобновляется. Процесс гуманизации изменяется во времени и изменяет свои свойства и качества [11].

Например, в ситуации, когда российских спортсменов отстранили от участия в международных соревнованиях, для большинства – это был шок, и данный факт ставил перед ними массу вопросов. Главный из этих вопросов, – Какой я? Кто я? когда я остаюсь без привычной среды. Какой я, если предыдущий опыт не проходит через тело и как мне, когда технически все прерывается. Тогда этот опыт дает мне трансформацию жизни, этот опыт не обязательно что-то восхитительное, но он мне что-то дает. Это и есть трансформация, это есть развитие!

Ф. Перлз, основатель гештальт-терапии, настаивал на том, что терапия не учит жить, она создает способы передать человечность. Процесс развития личности в русле гештальт подхода существует вне возраста. Это не означает, что процессы не различаются или ресурсы одинаковые, но

гештальт останавливается на процессе контакта, когда появляется что-то живое и способное к трансформации. Какую новизну нам надо трансформировать, это может быть болезненно и вызывать страдание и тревогу, но и это есть часть процесса. И это не про развитие, где есть стадии и мерки, хотя они тоже нужны как ориентиры и опоры, но если мы будем думать о стадиях, то это будет пессимистично, мы боремся с регрессом, и это никак нас не подталкивает к тому, что переживается во время регресса. Мы не замечаем, что чувственно проживается. Как мы смотрим на развитие, от этого будет зависеть, как мы будем располагать себя с человеком [6].

Итак, работа психолога со спортсменом, прежде всего, делает невидимые достижения заметным, а потом делает ставшее видным прогрессирующе очевидным, так что, в конце концов, получается неоспоримый факт. Работа с сомнениями в спортивной практике центральная вещь и в жизни тоже [3].

Во время работы психолога со спортсменом, мы можем «увидеть» его ресурсы и его ограничения. Обнаружив данные факты, мы продолжаем работу, в русле постоянного вопроса – Как я могу объединиться с новым опытом? Развитие – это тоже способность объединяться с этим миром и от этого будет зависеть качество развития. Какие условия меня окружают, хочу ли я с этим объединяться [2]?

Иногда в нашей работе нам трудно объединяться, потому что когнитивные функции нарушены, есть невозможность к объединению (например, сильная тревожность). Есть спортсмены, у которых есть дефициты. Когда мы объединяемся в нашей работе, возникает такое свойство, как качество внимания, которое создает качество опор для дальнейшей работы. Когда я объединяюсь, получаю отражение того, кем я являюсь. Способность объединяться будет влиять на качество оболочки. Как я буду чувствовать себя целостным, и выражается с помощью тела. Наша первая потребность, потребность в отражении, но отражение должно быть гибкое, изменённое, пластичное. Если отражение не гибкое, мы приклеиваемся к миру, но мы не приклеиваемся, потому что мир деформируется. Мы трогаем, мышечная аккомодация, мы смотрим, а мышцы адаптируются. Наши мышечные функции позволяют продвигаться на ощупь, и такое движение ведет к дифференциации среды. Исследование показали, что восемьдесят процентов времени мы щупаем и очень редко находим друг друга. Функция продвижения на ощупь очень важна [8].

Дональд Вудс Винникотт, говорит так, что мир – это объект и найден уже готовым, созданным. И эти два глагола важны (найден и создан). Среда должна быть правильно расположена, не слишком близко и не слишком далеко! В доступе, к услугам! И у человека будут создаваться условия из возможностей. Рефлексы нужны для объединения с миром, человек социален, так как у него есть функции для того, чтобы объединяться [10].

Уилфред Бион работал с травмированными солдатами. Бион обнаружил, что то, что солдаты проживали во время боевых действий, были чрезмерными и у них не было возможности к ассоциации, к объединению. В этом месте, где нет возможности к объединению, возникает диссоциация. Невозможность полноценно проживать различного рода эмоции исходя из специфики спортивной деятельности, позволяет нам взять опыт Уилфреда Биона на вооружение, при работе с травматическим опытом спортсмена [7].

В работе со спортсменами поможет дополнить картину теория привязанности и типа привязанности Джона Боулби.

Джон Боулби вводит понятие импринтинга. Импринтинг – это способность к мгновенному отреагированию на новизну, которая приходит из среды, форма мгновенного обучения. В развития человека формируются разные типы привязанности к лицу, к которому он испытывает безусловное доверие. Другими словами импринтинг – это гарантия безопасности. Но в ходе работы со спортсменом психологи могут столкнуться с проблемами дальнейшего совершенствования из-за искаженно сформировавшегося типа привязанности, который будет блокировать его последующее развитие, как спортсмена и личности [12].

Сформированный тип надежной привязанности, дает нам информацию, что спортсмен готов объединяться спокойно, переваривать новый опыт. Значит, я нахожусь в среде, которую достаточно легко найти.

Столкнувшись с амбивалентной привязанностью, мы можем почувствовать через спортсмена, что поддержка, которая ему оказывается будет прерывистая. Спортсмен будет бессознательно ощущать себя, как в ловушке, где необходимо быть постоянно настороже, что я попаду в ловушку. И в работе с психологом тоже будет формироваться ощущение ожидания ловушки. Мы можем заметить, как распределяет свое внимание спортсмен. Терапевт может предложить поисследовать внимание. Может мы обнаружим что-то между тревогой и возбуждением, между невозможностью и желанием?

Избегающая привязанность демонстрируем нам другую модель контактирования. Здесь очень много можем заметить движения спортсмена к психологу, много желания к объединению с ним. Но это объединение будет меня мучать разными способами и тогда мое внимание теряет опоры. Я буду хотеть потрогать, но меня это будет обжигать и будет мешать объединяться. И я смогу сделать это под контролем. Я пойду в работу с психологом, но оставлю ему очень мало места.

Дезорганизующая привязанность. Есть желания движения, чтобы объединится, но то, с чем я желаю объединиться деструктивно. Что-то активно деструктивное, через слова жесты нехватку заботы. Деструктивно, через тишину, более скрытно, мне под запретом объединяться. Я буду ненавидеть эту мысль, чтобы объединиться. Предложение быть с кем-то и с чем-то невыносимо. Я буду разрушать любую возможность объединяться. Качество внимания конструируется в моменте преконтакта, в наметках опыта, то, как мы нашли мир и его опоры, когда мы увидим, что-то, что нам может помочь исследовать, мы называем это новое качество и вписываем опыт в наше тело.

Если я предполагаю теорию привязанности в работе с клиентом, как я распоряжусь своим вниманием? Какое будет эхо? Как я буду действовать, чтобы объединиться? Что создает опасность и безопасность? Только в этой точке мы можем быть терапевтами. Когда мы работаем со спортсменами, у которых проблема ощущать свою оболочку, которых очень быстро переполняют эмоции, мы посвятим время работе над этим и какую телесность я могу предложить, как психолог. Как я буду предлагать что-то клиенту [9].

Типы привязанности постоянно эволюционируют.

Развитие личности спортсмена сопровождается процессом, который мы называем страдание. Поддержание страдания – это необходимая работа, чтобы обрести новую форму эффективности. Тогда страдание превращается в испытание и сопровождается удовольствием. Процесс обретения новой формы, как испытание разворачивается и может стать фигурой, и только дальше идет творческое приспособление к новой среде. Ребенок встает, падает, не знает, зависим, испытывают боль, но продолжает желать делать всё сам. И тогда ребенку необходимо пройти испытание для того, чтобы научится ходить, потому что ходьба – это творческое приспособление! Нет лучше опоры, чем воплощенная в другом человеке опора! Те же самые процессы происходят с личностью в спортивной деятельности и удовольствие испытаний должны сопровождаться мощной поддержкой присутствия.

Что ты сейчас чувствуешь? Вопрос, который задает психолог, когда нужна помощь от клиента, чтобы активизировать его, чтобы мы могли объединиться. Можем переформулировать вопрос, что я чувствую в этот момент, мое это или твое, что именно сейчас циркулирует, между нами. Когда людей лишают обратной связи – это наихудший способ взаимодействия, который приводит к травматизации личности. Лучше плохой отзыв, чем никакой. Нам нужен отзыв, который бы потянул ниточку, через инициацию удивления и обнаружения. И тогда ощущения становятся впечатлениями. Например, первый новый опыт ребенок переживает через тело, а взрослый наделяет опыт впечатлениями. Когда я говорю, что меня бросили, возникает мир фантазий и ощущений и отсылает к чувственному опыту! Глаголы – это отношенческие миры. Бросили или отпустили?! Кончились ресурсы - происходит обрушение [7]!

В процессе разворачивания спортивной карьеры, спортсмен, безусловно будет встречаться с такими ощущениями как отчужденность, брошенность, невозможность, непереносимость, которые будут сопровождать поражения и неудачи. Для того, чтобы переварить эти состояния необходимо время, через тело спортсмена, где происходят процессы контейнирования (собирания) эмоций. Если я что-то собираю, то я чувствую себя целостным, я чувствую, что я живу здесь и сейчас, чтобы собраться можно что-то убрать. Заняться деятельностью, которая поможет найти себя. Уилфред Бион, полагал, что функцию контейнера может нести значимая для человека фигура, в нашем случае этой фигурой может стать психолог. Психолог рядом со спортсменом становится частью этого контейнера и помогает перерабатывать эмоции спортсмена, которые пока он сам не может оформить, помогает их вербализовать и возвращает затем спортсмену, а он впоследствии в этой новой форме будет способен думать ими. Психолог в этой работе позволяет спортсмену совместно активизировать процесс переживания негативных эмоций, не оставляет спортсмена брошенным в этом моменте, дает право быть свободным и существоваться в чувственном опыте. Такая работа в последствии даст спортсмену ресурс творческого приспособления, к новой ситуации и приведет его к созданию новых связей с миром. Все происходит через конфликт, качественный конфликт.

Работа психолога со спортсменом идет в русле наделения переживаний спортсмена символической функцией. Когда мы теряем символическую функцию, мы теряем функцию связи и отыгрываем свои негативные эмоции на окружающих. Символическая функция ассоциируется с атмосферой,

защищается и делает это неосознанно. Спортсмен в состоянии фрустрации, что-то хочет, но это невозможно, кто-то ему что-то говорит, ему стыдно, хлопает дверью, ломает. Вспомним эмоциональную реакцию Александры Трусовой на Олимпиаде в Пекине. Её второе место для неё звучало, как мгновенная утрата всех ее ожиданий и смыслов. Александра в секунды потеряла саму себя, находясь фактически в реагирующем теле. Тем и понятен выход столь мощной истерической реакции. В ее словах, по сути, читалась невозможность быть в условиях, которые ее «убивали». В этот момент бесполезно взаимодействовать со спортсменом на уровне сознания, все когнитивные функции у него отключены, единственный способ, дать время и возможность для проживания утраты. Спортсмен отыгрывает ощущения, это не прямое действие, у него нет всей последовательности в контакте, которые ему позволили бы сказать мне не хорошо, связать с контекстом. Работая со спортсменами в ситуации проигрыша необходимо притормаживать процессы быстрого проживания травмы. Создать условия для возможности почувствовать, связать чувства с контекстом. Задача психолога заметить, как мы участвуем в создании условий для этого, в каких словах спортсмен нуждается. Символическая функция нужна, она придает качество ассоциации. Символическая функция борется с тем, чтобы не было отыгрывания [9].

Например, шокирующий для всех случай, когда у пары Роднина-Зайцев отключилось музыкальное сопровождение. Они должны были по правилам остановиться, но спортсмены закончили программу. Затихла музыка – шок, это сокращение контекста и первый уровень символизации. Но если мы разворачиваем процесс – это связь с контекстом и второй уровень символизации, когда активизируются когнитивные функции, приходит решение, творческое приспособление к условиям.

Например, мне кто-то звонит и требует встречи, я останавливаюсь и думаю, на сколько человек может выдержать, и тогда я даю возможность что-то обнаружить в себе, свои силы. Предлагаем ему потерпеть, это обогащает опыт и создает ресурс, в этом и есть концепт агрессивности. Ждать и потерпеть – это способ агрессировать в гештальтистском смысле.

Гештальт-терапия обогащает символическую функцию. Социальная ситуация нынешняя настроена на отыгрывание. Это мы можем видеть в технических инструментах, которые нам предлагают. Символическая функция переход от крика, к возможности что-то выразить. Крик – это тоже движение. Среда вокруг человека, который кричит, трансформируется под его нужды. Отсутствие возможности символизации процессов, приводят к тому, что становятся не понятен посыл, спортсмен больше тревожится, ему не удается понять среду, отделить себя от среды и это очень много тревоги. Чем богаче символическая функция, тем лучше и больше я могу трансформироваться в тревоге, тем больше могу создавать ресурсов и опор.

Если мы работаем в травме, все, что мы делаем, мы добавляем символическую функцию там, где она была раздавлена. Сопровождение травматизма, мы пытаемся быть с тем, что ощущается. Уже одно то, что надо быть в травме, может вызывать панику, спутанность. Травмированные могут предлагать действия, которые вызывают суету, что-то делать быстро и не останавливаться, чтобы не проживать, не останавливаться на ощущениях [7].

Символический мир, мир свободы и ограничений. Если ребенок что-то долго клянчит, его спрашивают: «Тебе достать луну с неба?» Энергия желания не всегда может быть удовлетворена. Задача развития увидеть другое движение. Чем разнообразнее движение, тем богаче опыт создания фигур. Терапевт может предложить опыт через себя. У терапии в этом случае и обучающая функция – обогащать опыт, слова, переживания. Интроекция – пробовать на вкус, смаковать, оценивать нюансы. Страх, что если мы будем пробовать, то это будут интроекты. Но это должно быть как научение пробования мира на вкус. Нельзя себя ограничивать функциональным словарем, это обеднение символической функции.

Запрос я хочу, чтобы страдание остановилось через 10 сеансов, но психолог понимает, что нельзя за 10 сеансов научиться контактировать с миром. Поиск эффективности – это упрощение жизни, иногда это нужно, но не всегда.

Довольно часто, как психологи, мы можем увидеть депрессивное состояние спортсмена. Депрессия начинается с чувства бессилия, нет ресурсов, пустое место. Если мы находим достаточно опор, чтобы пройти через чувство бессилия, мы трансформируемся в то, что для нас возможно и в этот момент выходим из бессилия. Вместо того, чтобы бессилие нас раздавило, мы как бы нападаем на реальность. У каждого спортсмена есть свой опыт контактирования с бессилием, то есть как его сопровождали в этом процессе. Например, я мечтал, а мне говорили «бесполезно», «справляйся сам», «это не для тебя» и т.д. Истории – это как мы проходим через иллюзии, есть желания остаться в иллюзиях, но в контактировании мы можем найти эту историю.

Депрессия, как вариант нормы, как реакция на психотравму – это некая зрелось. Мы здесь не го-

ворим о клинической депрессии, мы говорим о депрессии, когда спортсмен может мобилизовать свои ресурсы и это признак взрослости. Чтобы перестали фантазировать о своем всесилии, а чтобы остались мечты, чтобы они давали энергию для развития и достижений. Тогда спортсмен обретает энергию для продолжения всего, что хочет делать. Иногда мы специально доводим спортсмена до этого состояния.

Выводы

Таким образом, способность к трансформации личности – это некий дар, я не знаю, куда она меня приведет, иногда мы доходим до порога трансформации, но что-то сдерживает для шага. Если что-то не трансформируется это такой способ сказать, что я не хочу никакого влияния, я хочу удержать власть над собой. Опыт разворачивается, но нет трансформации. Этот взгляд на процесс развития личности в спорте значительно расширит наши возможности, как психологов в деле обеспечения я эффективного результата возможностей саморегулирования на этом пути.

Список источников

1. Бурганов Р.Т., Зизикова С.И. Актуальные проблемы практической готовности будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации // Доминанты психолого-педагогического мастерства в сфере физической культуры и спорта: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 18 октября 2024 года. Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2024. С. 55 – 59.

2. Зизикова С.И. Сохранение физического и психического Здоровья студентов в постковидный период // Олимпийский спорт и спорт для всех: Материалы XXVI Международного научного Конгресса, Казань, 08-11 сентября 2021 года / Под общей ред. Р.Т. Бурганова. г. Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2021. С. 436 – 439.

3. Зизикова С.И., Матасова И.Л., Шаталина М.А. Тренинг позитивного общения как средство построения конструктивного взаимодействия в юношеском возрасте // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 10 (188). С. 487 – 492. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.10.p487-492

4. Стайнер Д., Рональд Б., Дэниел П.,. Клинические лекции по Кляйн и Биону. Москва: Когито-Центр, 2012. 192 с.

5. Кузнецова Ю.Н., Деморецкая А.Д. Взаимосвязь уровня эмоциональной осведомленности с тревожностью у спортсменок высокой квалификации в художественной гимнастике // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 3. С. 207 – 212.

6. Перлз Ф. Теория гештальт терапии. М.: Институт психотерапии, 1999. 384 с.

7. Петрова Е.Ю. Травма. Материалы к авторскому семинару по работе с последствиями шоковой травмы и экстренных ситуаций. М.-СПб., 2015. 7 с.

8. Кузнецова Ю.Н., Ильченко И.Б., Забиров А.Н., Сивков В.А. Психолого-педагогические методы коррекции поведения спортсменов (гештальт-терапевтический аспект) // Казанский педагогический журнал. 2020. № 6 (143). С. 280 – 286. DOI 10.51379/kpj.2020.42.22.038

9. Робин Ж.М. Социальные изменения начинаются вдвоем. Эссе и лекции по гештальт-терапии. Москва: Институт общегуманитарных исследований (ИОИ). 2016. 278 с.

10. Сысоева Е.Ю. Переходный объект в теории Дональда Вудса Винникотта // Актуальные проблемы современной психологии: Сборник научных трудов I Межвузовской студенческой конференции, Москва, 27 марта 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. С. 31 – 34.

11. Фрейд Зигмунд Основные психологические теории в психоанализе. М., 2005. 410 с.

12. Юдина Т.О. Боулби Джон // Научно-образовательный портал "Большая российская энциклопедия". 2023. № 1. С. 618 – 625. DOI 10.54972/00000001_2023_1_93

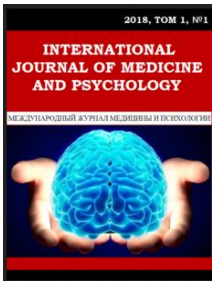
References

1. Burganov R.T., Zizikova S.I. Actual problems of practical readiness of future specialists in the field of physical education and sports for professional activities in the context of digital transformation. Dominants of psychological and pedagogical mastery in the field of physical education and sports: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, Kazan, October 18, 2024. Kazan: Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism, 2024. P. 55 – 59.
2. Zizikova S.I. Maintaining the physical and mental health of students in the post-covid period. Olympic sports and sports for all: Proceedings of the XXVI International Scientific Congress, Kazan, September 08-11, 2021. Under the general editorship of R.T. Burganov. Kazan: Volga Region State Academy of Physical Education, Sports and Tourism, 2021. P. 436 – 439.
3. Zizikova S.I., Matasova I.L., Shatalina M.A. Positive communication training as a means of building constructive interaction in adolescence. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 10 (188). P. 487 – 492. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.10.p487-492
4. Steiner D., Ronald B., Daniel P., Clinical lectures according to Klein and Bion. Moscow: Cogito-Center, 2012. 192 p.
5. Kuznetsova Yu.N., Demoretskaya A.D. The relationship between the level of emotional awareness and anxiety in highly qualified female athletes in rhythmic gymnastics. Modern science-intensive technologies. 2022. No. 3. P. 207 – 212.
6. Perls F. Theory of Gestalt therapy. Moscow: Institute of Psychotherapy, 1999. 384 p.
7. Petrova E.Yu. Trauma. Materials for the author's seminar on working with the consequences of shock trauma and emergency situations. Moscow-St. Petersburg, 2015. 7 p.
8. Kuznetsova Yu.N., Ilchenko I.B., Zabirov A.N., Sivkov V.A. Psychological and pedagogical methods of correcting the behavior of athletes (gestalt therapeutic aspect). Kazan Pedagogical Journal. 2020. No. 6 (143). P. 280 – 286. DOI 10.51379/kpj.2020.42.22.038
9. Robin J.M. Social change begins together. Essays and lectures on gestalt therapy. Moscow: Institute for General Humanitarian Studies (IOI). 2016. 278 p.
10. Sysoeva E.Yu. Transitional object in the theory of Donald Woods Winnicott. Actual problems of modern psychology: Collection of scientific papers of the I Interuniversity student conference, Moscow, March 27, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rusains", 2023. P. 31 – 34.
11. Freud Sigmund Basic psychological theories in psychoanalysis. Moscow, 2005. 410 p.
12. Yudina T.O. Bowlby John. Scientific and educational portal "Great Russian Encyclopedia". 2023. No. 1. P. 618 - 625. DOI 10.54972/00000001_2023_1_93

Информация об авторах

Кузнецова Ю.Н., кандидат психологических наук, доцент, SPIN-код: 9736-2362, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, knopjul@mail.ru
Зизикова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии в сфере физической культуры и спорта, SPIN-код 3181-5380, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, zizikova@yandex.ru

© Кузнецова Ю.Н., Зизикова С.И., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.96 + 330.16

[1] Шабанов Л.В.,
[1] Лычагина С.В.,
[1] Суханов Д.Г.,
[1] Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Взгляды на психологию потребительского поведения сквозь призму потребностно-мотивационной и мотивационно-потребностной сфер личности

Аннотация: в статье рассматриваются феномен экономического поведения с позиции первичного спроса (потребностно-мотивационной сферы личности) и вторичного, сформированного «извне» – например, через групповое давление или смещения ценностной значимости на незначительный предмет (т.е. обратная – мотивационно-потребностная сфера). Компаративный анализ экономических учений в рамках социальной, политической и экономической психологии показал, что в процессе социализации личности происходит изменение доминирования потребностно-мотивационной сферы личности через институты группового давления на диктат мотивационно-потребностная сферы. Это в свою очередь изменяет смысл социализации как воспитания и включения нового человека в общественно-полезную деятельность на потребительское поведение «I, Me, Mine» («Я, Мне, Моё), что в реальности выключает человека из поля общественной коммуникации «Мы» в поле торгово-экономических отношений, заменяя гражданское общество на систему клиентелы.

Ключевые слова: потребность, мотив, потребительское поведение, объект, абъект, субъект, деятельность

Для цитирования: Шабанов Л.В., Лычагина С.В., Суханов Д.Г. Взгляды на психологию потребительского поведения сквозь призму потребностно-мотивационной и мотивационно-потребностной сфер личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 158 – 168.

Поступила в редакцию: 4 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Shabanov L.V.,
[1] Lychagina S.V.,
[1] Sukhanov D.G.,
[1] Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

Views on the psychology of consumer behavior through the prism of the need-motivation and motivation-need spheres of personality

Abstract: the article examines the phenomenon of economic behavior from the perspective of primary demand (the need-motivational sphere of personality) and secondary, formed "from the outside" – for example, through group pressure or shifting value significance to an insignificant subject (i.e. the reverse – the motivational-need sphere). A comparative analysis of economic doctrines within the framework of social, political and economic psychology has shown that in the process of personality socialization, there is a change in the dominance of the need-motivational sphere of personality through institutions of group pressure on the dictates of the motivational-need sphere. This, in turn, changes the meaning of socialization as education and the inclusion of a new person in social-

ly useful activities to consumer behavior "I, Me, Mine", which in reality turns a person off from the field of public communication "We" in the field of trade and economic relations, replacing civil society to the clientele system.

Keywords: motivational and need sphere of personality, consumer behavior, object, abject, subject, activity

For citation: Shabanov L.V., Lychagina S.V., Sukhanov D.G. Views on the psychology of consumer behavior through the prism of the need-motivation and motivation-need spheres of personality. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 158 – 168.

The article was submitted: December 4, 2024; Approved after reviewing: February 7, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Современный мир зашёл в один из самых больших кризисов цивилизации, возможно он соотносим с кризисами наступления «тёмных веков»: XI-IX вв. до Р.Х. нашествие «народов моря», VI-IX вв. н.э. падение Римской империи и великое переселение народов. Каждый крупный кризис имеет свои маркеры и один из них – изменение социально-психологического фона общественного потребления, а значит, изменение мотивационно-ценностных факторов жизни среднестатистического человека.

Действительно, в самом общем плане, мотив можно представить, как некую базовую платформу реагирования, понимание которой позволяет интерпретировать то или действие реципиента как в малой группе (эталонная ячейка или целевая группа), так и в большом коммуникативном поле.

Сторонники «старой классической» welfare state (общества потребления) пытаются сохранить психологию потребительского благополучия и социального спокойствия через концепции «нового» колониализма в виде монополизации контроля за технологиями и вывозом производства в страны с дешёвой рабочей силой. В целом это позиция природного неравенства XIX в. (социал-дарвинизм) вызрела в современный гегемонизм (глобализм, мондиализм, сообщество единой судьбы), меритократические модели неравенства (общество «золотого миллиарда»). Главным мотивом в продвижении этих идей стал образ расширяющейся линейки потребительских возможностей человека, а философия либерализма рационализировала отказ от идентификации социальных характеристик личности и либертарианство в отношении психофизиологических характеристик человека, прикрываясь идеями гедонизма.

Сторонники «старого консервативного» патриархального общества, вознося идею эволюционного развития, сейчас выдвигают целый веер «новых» концепций от религиозной фундаментальной утопии до изоляционистских или региональных объединений. При этом либеральная система цифрового контроля и либертарианский «электронный концлагерь» не вызывает идиосинкразии и даже отражается в особых ценностях цифровизации личности (когда аналог «Супер Эго» в виде коллективного контроля фасилитирует поведение всех и каждого).

Третья парадигма – социалистическая, сейчас представлена «новыми» концептами социальных государств от «зелёного» троцкизма и трансгуманизма (где ценность человека вторична) до ноосферной коммуны (Космический Третий Рим или СССР 2.0).

В 2015 г. Генассамблея ООН представила «план достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех: 2015-2030». Обозначенные цели в области устойчивого развития (Sustainable Development Goals) [1, с. 4-25]. с одной стороны заявляются как «Цели развития тысячелетия» (17 глобальных целей, включающих 169 шагов-задач), но с другой – по сути не имеют никакого содержания кроме декларативного [2, с. 6-8]. В реальности международные инициативы в области развития подчинены целям глобального сокращения населения, отсюда например предложение об инклюзивном капитализме лидеров Давоса (ВЭФ) и их фронтмена К. Шваба, разделение людей на «полезных» и «бесполезных», а также планах по сокращению населения [3, с. 1].

С позиции социальной психологии нельзя не видеть странные изменения потребностно-мотивационной сферы личности, рационализирующие отказ от самоидентификации, что губительно в рамках становления личности, мотивирующие отказы от поло-ролевых стандартов поведения, переход на иные виды еды, изменение психологии витальности (например, мотивационно-обоснованный выбор эвтаназии).

Материалы и методы исследований

В данной работе, через призму политической и экономической психологии, как производных социальной психологии – науки о динамике отношений «личность – группа», мы использовали компаративный анализ потребностно-мотивационной сферы личности как зеркальную структуру, обратную мотивационно-потребностной сфере и имею-

щую не просто «зеркальность» характеристик, но и нелинейность обращения одна в другую. Это позволило точнее определить степень потребностно-мотивационного кризиса в поведении современного человека и не только описать его, но и предложить выход в виде возможно новой концепции социально-экономической психологии в эпоху нарастающих кризисных тенденций.

Проведение компаративного анализа позволяют сделать вывод, что начало современного кризиса лежит в конфликте социально-философских учений, ставших основанием для трёх «современных» идеологических школ:

1. Либеральная модель свободного поведения изначально базировалась на идее равенства мотива и потребности за счёт регулятора в лице суверена, которому всякий член общества должен делегировать свою политическую субъектность государству («Левиафан» и «Бегемот» Т. Гоббса, «О духе законов» Ш. Монтескьё), а государственная машина должна обеспечить человека правом собственности, которое и определяет свободу социально-экономического поведения («законы народонаселения» Т. Мальтуса, «провиденциальные законы рынка» А. Смита).

2. Консервативная модель строится на принципе «общее выше частного, коллектив важнее отдельной личности» («Разумный эгоизм» В.Г. Белинского, «Протестантская этика» М. Вебера, «Социальная логика» Г. Тарда), где мотивация превалирует над потребностями и чем более конформна личность, тем большее количество возможностей обеспечивается обществом, более независимая – наоборот («философия нищеты» П.Ж. Прудона, «маргинальный человек» Э.В. Стоунквиста).

3. Социалистическая модель строится на принципе Протагора «Человек – мера всех вещей», а значит (априори) потребности превалируют над мотивацией. Природа человека целесообразна и коллективна, при этом коллектив воспитывает человека, а человек создаёт своим поведением качество и характер своего коллектива. Значит все проблемы с излишествами в потребностях могут быть устранены воспитанием «Нового человека», лишённого вредных мотиваций за счёт включенности в большой созидательный труд («благородный простак» Ж.Ж. Руссо, «манифест коммунистической партии» К. Маркса, Ф. Энгельса, «экономические проблемы социализма» И.В. Сталина [24]).

При анализе трёх подходов к мотивации оказывается, что большая часть общепринятых терминов (свобода, воля, личность, целесообразность, потребность, мотивация и др.) имеют разные интерпретации, а это значит, что любая попытка экспертов примирить указанные выше позиции будет обречена, т.к. выработать единую теорию кризиса невозможно.

Результаты и обсуждения

Для появления понятной большинству специалистов теории необходимо рассмотреть важное изменение в психологии личности современного человека: смена доминирования потребностно-мотивационной сферы личности на доминанту мотивационно-потребностной сферы, что привело к искажению направленности поведения и подмене важности выживания (коллективизму) к важности потребления (индивидуализму).

Различение понятий потребностно-мотивационной и мотивационно-потребностной сфер даст возможность увидеть, что для потребностно-мотивационной сферы определяющим фактором становится внутренний (ощущение недостаточности в состоянии организма), а для мотивационно-потребностной сферы, наоборот, определяющий факторы имеют внешний, социально-окрашенный характер (мотив устранения несоответствия личного «Я» с нормой, которую задаёт эталонная группа, «значимый другой»). Для этого необходимо рассмотреть и обобщить понятия потребностно-мотивационной и мотивационно-потребностной сфер личности; соотнести эти понятия с базовыми принципами психологии экономической деятельности; провести анализ этико-экономических исследований (А. Смит, Т. Мальтус, К. Маркс, М. Вебер) и психологических направлений зарубежных (Г. Тард, А. Маслоу) и ряда российских учёных А.Н. Леонтьева [9], С.Л. Рубинштейна [20], Д. Н. Узнадзе [26] в контексте становления современных концепций экономической психологии.

Мотивационно-потребностная сфера – это особая область психических состояний, вызывающая побуждающую, ориентировочную активность личности, направленную на цель. В этом определении можно увидеть влечения и желания, установки и ценности, интересы и склонности и наконец: нужду и потребности. Однако в реальности «мотивационно-потребностная сфера» скорее «*потребностно-мотивационная*», т.к. не мотив рождает нужду и потребность, а наоборот. Отсутствие удовлетворения или способа достижения удовлетворения какой-либо потребности мотивирует человека на действия.

Мотив, по определению – опредмеченная потребность – и значит вырастает из ориентировки, т.е. имеет установку на образ цели концентрации внимания, которая (с позиции телеологичности сознания человека) подкрепляется положительно-

заряженным интересом, представленным в виде воображаемой идеальной модели предмета или позитивного целевого состояния.

Эмоциональное беспокойство, вызванное неудовлетворённостью, имеет позитивную задачу в виде представления (информационной модели) о положительном образе будущего состояния организма (удовольствия) и отрицательную – собственно мотивирующую досаду (а вдруг не успею, а вдруг не получится) [7, 22 и др.].

Нарастающие противоречия между представлением о «представлении» относительно разворачивающегося события (аффектора) и образом восприятия приводит к разрушению устаревшей информационной модели (а значит, к потере связи с готовой запуститься реакцией на раздражитель). Внимание переключается на другой образ (объект, предмет, явление), обесценивая предыдущий мотиватор новым (меняя психическое состояние и потребностный фон). Иное дело, когда информационная модель подкреплённая опытом (память о «представлении») входит в конфликт с той реальностью, которая предстаёт «здесь и сейчас» (данная нам в ощущениях). Внимание подкрепляется потребностью и интересом, генерализируя мотив и запуская целеполагание будущего процесса достижения цели (обладание объектом желания). Поэтому осознание мотива на первом этапе всегда эмоционально, а значит и не исключает (даже провоцирует) возможность получения сразу нескольких возрастающих мотивов, иногда противоположных и друг другу, и цели, и выполняемому в этот момент действию. Однако рационализация мотивов – цель которой вернуться к гомеостазу организма, через память о «памяти прежнего состояния», позволяет в результате борьбы мотивов выбрать наиболее значимый из них (относительно цели). При этом, само целеполагание, адресуясь к процессам саморегуляции, соотносится с представлением о «памяти прежнего спокойствия».

Немаловажную роль в процессе борьбы мотивов будут играть:

- широта мотивов – количество одновременных факторов, влияющих на выбор поведенческого ответа (какова нужда, силы потребностей, наличие желания и присутствие иных интересов);

- гибкость реагирования – возможность, снимая несколько очагов возбуждения в областях коры головного мозга, увеличить за счёт уменьшения количества центров – качество доминантности основного очага (т.е. рост дополнительных подкреплений, интерес, актуализация влечений, активация внутренних убеждений и направленности на ценность самих достижений);

- иерархии мотивов, борьба которых и позволяет в конечном итоге выбрать способ и яркость реагирования (потребности → мотивы → (борьба мотивов) → (главный) ведущий мотив = целеполагание → цель).

Наконец, достижение / не достижение цели оформляет направленность на обладание или избегание через эмоциональный ответ [28, с. 97-103]. Классификатор эмоций П.В. Симонова делит их на «витальные» (онтогенез), имеющие направленность на удовлетворение потребностей выживания; «социальные» (социогенез), с направленностью на коллективный интерес, и – программы «саморазвития», т.е. уникальные ценности самоактуализации, формирующие качества личной самореализации человека [21].

Потребительская и трудовая деятельность в этом контексте будет интересна прежде всего двумя сторонами (присваивающей и производящей), которые составляют основу экономического поведения и психологии достижения цели (имей или будь [5, с. 216]). С точки зрения психологии, это поведение человека, обусловленное экономическими стимулами и эмоционально закрепляемое в социально-значимых чувствах, влияющих на предпочтения, выбор и принятие решения в большом коммуникативном поле общей связности субъектов труда (иерархии и субординации, система наказаний и вознаграждений, ориентация на демонстрацию или сокрытия успешности и т.д.).

Эмоциональные области личности на уровне предмета изучения «Общей психологии» могут быть представлены в виде формулы: «Аффект → Эмоция → Чувство». Здесь и сила аффекта, и сила эмоционального проявления связаны внутри себя силой факторов среды (всё, что есть «не-Я»). Если давление среды неожиданно больше ответа организма, то происходит аффект (нарушение внутреннего равновесия). Однако любой опыт, порождая рефлексию (оценку произошедшего с «Я» в системе «не-Я»), вынуждает человека учиться и отрабатывать реакцию на аффект, адаптируясь к дальнейшему столкновению с чем-то подобным.

Здесь можно зафиксировать не только инициацию эмоциональной сферы личности, но и начало социально-экономического поведения в среде («не-Я»), которое рассматривается социально-психологическим комплексом индивидуальной социализации («Я»). Однако, с появлением социальной перцепции – формула изменяется: «Аффект → Чувство → Эмоция». На базе полученного аффекта формируется чувство как принятая «Я» мера воздействия (отклик) на давление Среды, которая всегда меньше ответного «отзеркаливания», что и провоцирует на проявление эмоций за счёт сброса накопленной энергии. Таким образом, уже

сложившееся чувство к неожиданной проблеме запускает готовность к максимально эффективному реагированию на аффект, а эмоция начинает играть роль не только механизма саморегуляции, но и маркера идентичности (показателя социализации «Я»).

Таким образом, человек, присваивающего типа поведения становится «дефицитарным», а человек производящего типа – «холистическим». Для первого типа важна иерархия, в противном случае, сложно выделяться среди своих, отличаться от иных и самое главное – понимать, как и куда в дальнейшем развиваться по линии роста причастности, значимости, престижа и власти. Для второго – важна самодостаточность и свобода от лишних «зависимостей» (Omnia mea mecum porto – всё своё ношу с собой) [18].

Эта проблема возникает в эпоху Ренессанса как ответ на общественный заказ неравновесия «Я» производящего и потребляющего начала – что считать достаточным или недостаточным относительно личного понимания индивида. Например, общеупотребимый термин «Богатство» понимался как сбережение и приумножение в рамках семьи, общины, государства; достаток в мудрости и сила в здоровье соотносились с понятием изобилия Абундацио (самодостаточность). Приватность ведения дел (Привацио) трактовалось однозначно – бедность духовности и постоянная жадность, отсюда и «приватизация» как накопительство вещей считалась показателем психического нездоровья (хоардинг или «синдром Плюшкина»). Бедность для людей того времени значила вечное стремление делать запасы и вкладывать деньги в сиюминутные ценности, а понятия «чернь» и «бедняки» – находились в разных категориях. «Чернь» – люди низкого происхождения, социальная категория, обозначающая человека, не имеющего высоких устремлений и живущего «коротким» горизонтом. «Бедняки» – люди, не сумевшие воспользоваться своими исходными возможностями, психологическая категория, обозначающего человека с неразвитой волевой сферой, потребности и капризы которого сделали его нищим в социальном, политическом, экономическом смыслах. То есть, резюмируя: ресурсы, имеющиеся у человека, формируют его место в обществе, составляя потенциал его способности управлять процессами жизнеустройства на практике (психология человека формирует не только его социальные отношения, но и экономическую деятельность – имей или будь) [27, с. 28-30].

Адам Смит, рассуждая о перипетиях психологии экономической деятельности, ставил во главу угла не только «волшебную руку Проведения» на рынке, но и антагонизм:

а) психологию продавца – максимально выгодно для себя продать товар по максимальной к себестоимости цене;

б) психологию покупателя – максимально выгодно для себя купить по минимальной к себестоимости наценке.

Для Смита в психологии социальных отношениях была очевидна несправедливость, и он ставил выше рынка – нравственность человека, как базис этики капитализма: основа капитализма = свободный рынок; основа нравственного поведения на рынке = договороспособность и репутация [22]. Однако получается, что человек экономический и его психология у А. Смита соотнесены с законами экономического поведения (иерархического с позиции предложения «имей» и холистического с позиции спроса «будь»). Так мотивы регулируют потребности, а потребности формируют мотивацию, поэтому потребности должны быть соотнесены и созвучны мотивам (иначе они будут не востребованы – т.е. в них нет нужды; значит, это no-needs = непотребности).

Для Томаса Мальтуса ситуация обязательного соответствия экономической деятельности социальным отношениям нравственного человека оценивалась принципиально по-другому. Если есть разные психологические типы социальных отношений, значит есть разные и потребности – высшие и низшие, а значит должны быть и разные этики в экономической деятельности. «Ножницы» Мальтуса сразу же отделяют друг от друга блоки ресурсов, производительность труда, нравственность распределения продукта и постоянно возрастающее население. При этом производство будет всегда отставать от рождаемости, а распределение продукта – всегда несправедливым, т.к. будет сокращать количество сытых, увеличивая число голодных (насколько ты можешь «иметь», настолько ты и можешь «быть») [10].

Таким образом в двух личностных психологиях производителя и потребителя создаются разные этические принципы, которые могут выглядеть вполне согласовано: чтобы «иметь» нужно быть, а, чтобы «быть» нужно иметь. Для кого-то работает этика выживания и удовлетворения низших потребностей и мотивация его – в расширении линейки потребления экстенсивна; для иных – высшие мотивации связаны с потребностью в интенсификации получения прибыли через прогресс производства, конкуренции и личностного роста (и ради этого они готовы потерпеть). Формула «имей <=> будь» одна, но системы ценностей разные.

Так складывается западная политэкономическая школа, в рамках которой начиная с Ж.О. де Ламетри («Человек-Машина») и заканчивая Г. Тардом («Экономическая психология») [23], создаются работы по определению типов экономического поведения, соответственно:

1.1 Менялы (капитал на разнице курсов валют) – максимальная субъектность, договор о цене обмена производится не просто только в своей группе, но и соблюдается полностью. Волевая составляющая явно превалирует над эмоциональной (высокая цена репутации и доверия);

1.2 Клиенты (действующие в интересах своей эталонной группы). Волевая составляющая вуалируется внешним нонконформизмом, связанным с потребностью в эмоциональном доминировании (высокая цена престижа и компетентности в своей группе).

2.1 Процентщики (капитал, основанный на процентах с долговых обязательств). Волевая составляющая уравновешивает эмоциональную сферу (высокая цена власти над попавшими в ловушку должниками компенсируется особым демонстративно аскетическим образом жизни);

2.2 Откупщики (покупатели для ренты, субарендаторы) – субъектность, договорённости внутри своей целевой группы соблюдается, плюс, имеется негласный статус типа «воровского кодекса чести». Волевая составляющая вытесняет эмоциональную (иерархия ценностей варьируется от 100% интересов патрона до 0% интереса должника, развита клиентела и субординация прав и обязанностей).

3.1 Оценщики (посредники для обоснования цены и ценности продукта) – максимально возможная абъектность, ведут себя как открытая система (вне-субъектные и вне-объектные элементы), предлагающий свои услуги в качестве необязательного товара. Но являясь латентным субъектом, занятым в сфере страхования, гарантий, дериваций и контроля за движениями активов и пассивов, формируют дополнительную ценность на потребительском рынке. Волевая составляющая компенсируется эмпатией к эмоциональной сфере целевой группы (через групповое давление на конформное поведение единицы);

3.2 Потребители (приобретатели продукции рынка в меру своей возможности) максимальная объектность, открыты манипуляции и пропаганде. Эмоциональная составляющая доминирует над волевой (конформизм) [17, с. 43-57].

Русская школа политэкономии исходила из привязки к античным «школам жизни» эпохи Эллинизма и к их ведущим понятиям: свобода выбора (телеология), дисциплина потребления (атараксия) и самодостаточность (автаркия). Типология психотипов строилась в системе философии отношений «Я» ⟷ «не-Я»:

I. Гедонизм (первая ступень понимания, кто «Я» и что мне нужно относительно себя от других?). Эпикур учил: природа человека – это его желания. Управляя желаниями делаешь человека счастливым (насыщая) или несчастным (обделяя). Гедонист – дефицитарен и требует от потребления максимального разнообразия. Таким образом телеология этого Homo Economicus: чтобы «иметь» нужно «быть».

II. Скептицизм (вторая ступень понимания, что «Я» делаю в коллективе и как организована моя деятельность?). Гегель в «Науке Логики» постулировал: противоречие – вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречиями невозможно мыслить (оперировать и делать вывод) [8]. Скептик – дефицитарен и находится в конфликте с реальностью. Телеология Homo Scepticus: да, чтобы «быть» нужно быть, однако потребление позволяет только «иметь», значит ограничивает «Я» дисциплиной потребления (и мы имеем массу примеров такого noblesse oblige в литературе: Онегин, Печорин, Базаров, Безухов т.д.).

III. Стоицизм (третья ступень и её вопросы – почему мы это делаем и в чём смысл нашей деятельности?); это особое понимание: только в системе долга и заботы о ближних своих (не обязательно людях) человек может «быть» и творить, превозмогая любые невзгоды ради достижения цели, т.к. природа – целостное существо, со всеми функциями живого, а быть частью её – уже радость и наслаждение. Стоик – холистичен и самодостаточен как часть целого. Таким образом телеология стоицизма – не обязательно «иметь», обязательно «быть», ибо только личная дисциплина превращает индивида в человека (так у В. Г. Белинского: «прагматический эгоизм», это когда «Мы», ограничивая потребление «Я», делаем его человеком) [4].

IV. Кинизм (четвёртая ступень – почему мне это необходимо и в чём будет польза для всех?). Антисфен учил, что в общественной жизни мудрец руководствуется не общепринятыми законами, а законами добродетели (она проявляется в поступках и не требует ни обилия слов, ни обилия знаний). Кинизм – это во многом осознание ценности своего конкретного действия «быть», поэтому = индивидуальность превалирует над общественным – т.к. только «Я» имеет ответственность за себя и своё бытие. Киник – холистичен, т.к. самодостаточен как отдельная самость и отделённая целостность (как у Л. Н. Толстого в романе «Вой-

на и мир» князь Андрей Болконский в споре с Пьером Безуховым приходит к выводу: «Я» – это то, что останется после меня; на этом в последствии будет построено мировоззрение «толстовцев»[18]).

При этом русская политэкономия оказалась триалектична, что выражалось в конфликте и с политическим конституционализмом, и юридическим либерализмом. Отсюда политическая непримиримость вопроса о «четвёртом лишнем» («Что делать?» и «Кто виноват?»). Гедонист может понимать киника и скептика, но будет всегда конфликтовать со стоиком в отношении «имей» или «будь», избирая «имей» (меркантилизм); скептик, понимая психологию стоической дисциплины ума и тела или стремления к наслаждению гедониста, не станет терпеть рядом с собой циничного «равнодушия» киника – или «будь» или «имей» (прагматизм). Стоик, принимая позицию киника и скептика, останется врагом гедонизма, в отношении «имей или будь», избирая «будь» (коллективизм). А киник (не раздражаясь аскезе стоика или сибаритству гедониста) не сможет ужиться со скептиком – в отношении «имей» нужна заботливость, в отношении «будь» нужна ответственность, поэтому «не имею» и «не буду» (обломовщина). Поэтому понятие автаркия – для русской экономической школы станет главной научной проблемой в рамках психологии хозяйствования и производства (от планов индустриализации начала XX в. до планов импортозамещения начала XXI в.).

Так или иначе, но в XX в. остаются две главные исследовательские позиции: чисто экономическая теория рынка (экономикс) и междисциплинарная теория хозяйства (политэкономия). Однако начинается всё с работы А. Хиршмана «Страсти и интересы», где говорится об особых добродетелях «духа торговли» и целесообразности, которые заменили собой иллюзорный престиж (духовенства) и расточительный героизм (аристократии). Что симптоматично.

Показательно, что рядом с этой работой можно поставить «Философией нищеты» П.Ж. Прудона о том, что частная собственность – есть кража частника у общества [19]. А рядом с Прудоном – К. Маркса с «Нищетой философии», где поднимается вопрос не о честности распределения собственности, а о справедливости товарно-денежных отношений: как может соотносится «психология волка» к «психологии овец»? [12]. Можно вспомнить известную басню «Волк и ягнёнок» И.А. Крылова: «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Но Маркс вслед за Л. Фейербахом утверждал: Человек – есть высшее существо для человека. В русле немецкой классической философии он отстаивал принцип самоценности личности и вытекающие из него требования к обществу, которое должно обеспечить самореализацию личности через построение социалистического государства [13].

Мотив этики поднимает и М. Вебер («Протестантская этика и дух капитализма»), указывая на особую психологию протестантизма, собственно создавшего в Северной Европе капиталистический уклад [6]. В отличие от Маркса, Вебер показывает ценность самоактуализации личности как реализацию экономического рационализма, находящегося за пределами понятия равнодушия (ничего личного, просто бизнес) или понятия благотворительности (я даю тебе деньги, чтобы ты получил время – я даю тебе время, чтобы ты заработал деньги). Так происходит смещение ценностной значимости на незначительный предмет – приватизацию, сочетающую сектантский аскетизм с накопленным богатством (главный итог XIX в. был в том, что Привацио победило Абундацио) [14]. Собственно, М. Вебер первый кто указал на разрыв связи между религиозностью (этикой деятельности А. Смита) и предпринимательством (эстетикой конкуренции Т. Мальтуса).

В рамках психологии в это время развиваются две крупнейшие школы: Бихевиоризм (который будет эволюционировать от поведения человека к поведению масс) [16] и Теория Деятельности (от личности к субъекту деятельности) [15]. Сделаем обобщение – если в бихевиоризме, говоря о поведении человека, рассматривали его и целевые, и вне-целевые характеристики (например, манипулятивное или подражательное поведение с узким горизонтом прогнозирования), то в деятельностном подходе – чётко постулировалось, что деятельность всегда имеет субъектность в определении цели (не имеющие целеполагания действия включались в неосознаваемые психические процессы, например, автоматизмы).

Между этих двух позиций находился А. Маслоу накануне создания «пирамиды потребностей», самого известного в системе психологических, политических и экономических наук теоретического конструкта [11]. Сам Маслоу изначально сравнивал сферу индивидуальных и общественных потребностей у обезьян (используя методологию бихевиоризма) и подобную же – у индейцев племени «черноногих» (используя методологию близкую к теории деятельности – бихевиоризм там не работал). Вывод по группе обезьян был прост: без удовлетворения одних (низших потребностей) невозможно прийти к удовлетворению других (высших), а значит, не удовлетворив биологических потребностей организма, человек не получает мотивации к удовлетворению социальных и тем

более духовных. Но, если обезьяна не дрессируется, а человек не социализируется, получается нужна работа с потребностно-мотивационной сферой объекта наблюдения. Однако вывод по работе с индейцами показал, что человек может и способен терпеливо переносить недостаток удовлетворения низших потребностей ради удовлетворения более высоких. В этом случае получилось, что мотивация управляла потребностями. И если в первом случае побеждала целесообразность гедонизма «иметь» чтобы «быть», то в случае с индейцами, результат получился стоическим – «Общество», ограничивая «Я», делает его человеком. Перед нами предстаёт два типа психологии экономического поведения: «дефицитарный» человек (гедонист, скептик, либерал, мальтузианец) и человек «холистический» (стоик, киник, социалист, марксист).

Психологический тип «дефицитарного человека» связан с мотивацией на гомеостаз через потребление и гетеростаз неадекватного ощущения какого-либо недостатка (дефицита). Пирамида дефицитарных потребностей строится по линии: сначала удовлетворение биологической нужды «Мне», затем иерархический рост и расширение престижности «Я» и на верхнем уровне – удовлетворение духовных потребностей «Моё» (I-Me-Mine = классическая «Пирамида потребностей»). Так самореализация в привлечении партнёров, капиталовложение в наследников, использование своих талантов ради ценности выделения главной цели, создаёт эффект «отложенной самоактуализации». А достижение этой цели означает конец миссии и ситуацию, в которой больше нечего хотеть (рушится весь смысл жизни).

«Холистический» человек – благородный простак или просвещённый аскет, его пирамида биологических потребностей строится ради «Любви/ Чувства причастности», но не имеет потребности в престиже, доминировании и власти. Над этой усечённой пирамидой висит конус духовных потребностей с «недрёманым оком» Самоактуализации для себя (атараксия), в котором отражается высшая цель – Самореализация для других (автаркия). Но и здесь происходит смещение ценностной значимости на незначительный предмет. Потому что ни самоактуализация, ни самореализация не предполагают ни вознаграждения со стороны социума, ни благодарности со стороны человечества (ты всё делаешь сам и по своей воле, вне зависимости от отношения к этому со стороны социальных объектов) [16].

В рамках теории Деятельности А.Н. Леонтьев описывал эффект «переноса мотива на цель», который даёт возможность не только развития экстенсивного удовлетворения и выполнения целевых показателей, но и позволяет интенсифицировать личностный рост [10]. Однако у Маслоу – с его внешней мотивацией, социализация заканчивается выделением индивида в самостоятельную и независимую единицу, а самоактуализация (вершина пирамиды) уже не предполагает дальнейшего роста (нет мотивации – нет потребности). Для теории Деятельности факт остановки развития не фатален, напротив, личность движется от одной к другой зоны ближайшего развития (ЗБР) с помощью потребностно-мотивационных механизмов, но преодолеть препятствие «Я» может получив дополнительную мотивацию, а затем индивид, будучи мотивированным, сможет выработать потребность к волевому действию на преодоление препятствия.

Выводы

Итак, экономическое поведение индивида зависит не столько от потребностно-мотивационной сферы, сколько от мотивационно-потребностной – т.е. вторичной к первому состоянию за счёт внешнего воздействия на личность через институты общественного давления на потребительские возможности. И если в случае потребностно-мотивационной необходимости человек вынужден адаптироваться, чтобы решать спектр проблем витального и экзистенциального характера, то вопросы мотивационно-потребностной необходимости оказались связаны с социализацией и личностным устремлениям социально-коммуникативного характера. Когда эмоциональное беспокойство возникает ввиду явно преувеличенной ценности предмета (обладание или не-обладание которым никак не может критически сказаться на жизнеустойчивости организма или качестве рассудочной деятельности)? Это всего лишь имидж, который уравнивает человека, делая его таким же «*не похожим ни на кого, как и все*» остальные реципиенты общественного пространства. Действительно, как может острое желание обладать новым модным аксессуаром или записью (пластинка, кассета, компакт-диск, файл) популярного исполнителя влиять на витальные функции пищеварения, экзистенции мышления или на жизнедеятельность организма? Оказывается – может.

Потребностно-мотивационная сфера – это часть общей психологии любого человека, жизнь которого априори связана с эмоционально-волевыми процессами, то мотивационно-потребностная сфера – это область социализации и коммуникации личности, её социальной психологии, политической и экономической жизни, психологии игры, обучения и труда.

Таким образом, можно конкретизировать выводы:

1. Все рассмотренные нами поведенческие модели (*гедонизм, скептицизм, стоицизм, кинизм*) – есть своеобразная зона потребностных рефлексов в виде «вложенного результата» в личность как продукт воспитания, и в этом смысле правы сторонники концепций консервативных ценностей и научного коммунизма: условия личностного роста создают безусловное поведение (неосознаваемые автоматизмы), когда человека совершает приобретение не по необходимости выживания, а для воссоздания позитивных эмоций от чувства приобретения (не важно полезного или бесполезного продукта).

2. Одним из самых главных условий для воспитания личности являются культурные нормы, которые определяют не просто поведение какой-то группы людей в режиме «здесь и сейчас», имеют фактор «долгой трансляции» на много поколений, что делает поведение человека и управляемым (закладка ценностей), и предсказуемым (культурно нормированное поведение). Однако, кризис идентификации, когда культурная норма заменяется рекламой имиджевого поведения, приводит к кризису идентичности, когда самостоятельный человек, уникальный субъект деятельности, становится одним из сотен тысяч подражателей в рамках модного тренда. А это уже потеря субъектности и новое мышление дефицитарного потребителя с коротким эффектом удовольствия от приобретения новой ценности (которая тоже имеет тенденцию к быстрой девальвации).

3. Культура как инструмент идентичности и идентификации из-за системы растущего потребления деградирует к неким глобальным параметрам «свой» и «чужой», но уже не в рамках культурного канона той или другой группы, а в рамках психологии потребления и возрастного ценза.

4. Так социальная склонность к идентификации с кем-то приводит к поиску эталонной группы по принципу прикладной идеологии (*меняла, клиент, оценщик, откупщик, процентщик, потребитель*). Человеку навязывается новая клиентела, как система служения очередному идолу моды, попзвезде, маркам машин, телефонов, спортивных команд и т.д. и т.п. Складывается новая задача коммуникаций «Патронат» – «посредник» – «клиент». Поэтому деление на либералов, консерваторов или традиционалистов устарело и скорее вредит, чем помогает определить коллизии развития социума в современной сложной ситуации кризиса цивилизации, общества, личности.

5. Пребывание в таком кризисе человека атомизированного общества только обостряет затяжной стресс, который сам по себе генерирует социальные депривации, последствия которых так же становятся результатом переключения доминирования потребностно-мотивационная сферы, на диктат внешне навязанных ценностей мотивационно-потребностного плана, что в свою очередь влияет на принятие решения «не создавать, а только потреблять».

6. Понятие потребления имеет исторически неравноценное понимание в разных парадигмах мирового «образа будущего», равно как и возвращение понятий «автаркия», «богатство», «бедность», «собственность» и т.п. – очень неоднозначно трактуются в базовых социально-философских школах (*абундацио и привацио*).

7. Концептуальные модели (социально-психологические, религиозные, политические и экономические) способны объединить людей только на уровне низших систем индивидуальной психологии личности – любопытство, любовь и ненависть. Система потребления перевернула отношение потребностно-мотивационной сферы личности и мотивационно-потребностной сферы, что является отдельным и очень важным в современной ситуации глобального кризиса фактором, который отражается и в социально-психологических кризисах «Я» – «Мы» и в кризисах личности «Я» – «Значимый другой».

Список источников

1. United Nations (2017) Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017, Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный документ] Код доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:A_RES_71_313_E.pdf (Дата обращения: 13.11.2023; Архивировано 28 ноября 2020). С. 4 – 25.

2. Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda (Working draft). Sustainable Development Knowledge Platform. United Nations (19 марта 2015). [Электронный документ] Код доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/ documents/6754Technical.pdf (дата обращения: 20.10.2023; Архивировано 3 марта 2016). С. 6 – 8.

3. Klaus Schwab Demands $3.5 Trillion Per Year In Taxes To ‘Decarbonize’ The Planet. [Электронный документ] Код доступа: https://www.planet-today.com/2023/12/klaus-schwab-demands-35-trillion-per.html (дата обращения: 25.11.2023). С. 1.
4. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. Москва: Современник, 1988. 651 с.
5. Берн Э. Иметь или быть? СПб.: АСТ, 2016. 320 с.
6. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
7. Вилюнас В. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 457 с.
8. Гегель Г. В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1998. 1067 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
10. Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М.: Концептуал, 2024. LXIV, 251 с.
11. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
12. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. М.: ЭКСМО, 180 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс и Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419 – 459.
14. Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 41 – 42.
15. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. 255 с.
16. Пожарский С.Д. Акмеология и катабология (теория совершенствования человека). СПб.: Лема, 2013. 265 с.
17. Позняков В.П. Экономическая психология как отрасль психологической науки // Проблемы экономической психологии. Т.1. М.: ИП РАН, 2004. С. 43 – 57.
18. Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Монография. Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2012. 296 с.
19. Прудон П.-Ж. Система экономических противоречий или Философия нищеты». М.: OMIKO, 2021. С. 230-252.
20. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. 287 с.
21. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций / АН СССР. Объед. науч. совет «Физиология человека и животных». Москва: Наука, 1970. 141 с.
22. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Ось-89, 1997. 255 с.
23. Тард Г. де. Социальная логика. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. 427 с.
24. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Монография. М., Госполитиздат, 1952. 92 с.
25. Турчин А.С., Шабанов Л.В. Философско-психологические и педагогические основания гносеологии и семантики образовательной деятельности военного вуза. Монография. СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2023. С. 3 – 66.
26. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 450 с.
27. Шабанов Л.В. Государство – как философия и психология коллективного субъекта. Монография. СПб: Изд-во Академии Следственного комитета РФ, 2021. 194 с.
28. Шабанов Л.В. Эстетика горизонта // Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего: I Международная научно-практическая конференция г. Донецк (20 апреля 2022 г.). Донецк., 2022. С. 97 – 103.

References

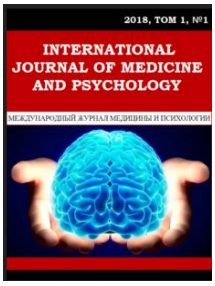
1. United Nations (2017) Resolution adopted by the General Assembly on July 6, 2017, Work of the Sta-tistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic document] Access code: https://ru.wikipedia.org/wiki/File:A_RES_71_313_E.pdf (Access date: 11/13/2023; Archived November 28, 2020). pp. 4 – 25.
2. Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda (Working draft). Sustainable Development Knowledge Platform. United Nations (March 19, 2015). [Electronic document] Access code: https://sustainabledevelopment.un.org/content/docu-ments/6754Technical.pdf (date of access: 20.10.2023; Archived March 3, 2016). P. 6 – 8.
3. Klaus Schwab Demands $3.5 Trillion Per Year In Taxes To ‘Decarbonize’ The Planet. [Electronic document] Access code: https://www.planet-today.com/2023/12/klaus-schwab-demands-35-trillion-per.html (date of access: 25.11.2023). P. 1.
4. Belinsky V.G. A look at Russian literature. Moscow: Sovremennik, 1988. 651 p.

5. Berne E. To Have or to Be? St. Petersburg: AST, 2016. 320 p.
6. Weber M. Selected Works: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. Moscow: ROSSPEN, 2006. 648 p.
7. Vilyunas V. Psychology of Motivation Development. St. Petersburg: Rech, 2006. 457 p.
8. Hegel G.V.F. Science of Logic. Moscow: Mysl, 1998. 1067 p.
9. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p.
10. Malthus T.R. Experience of the Law of Population. Moscow: Conceptual, 2024. LXIV, 251 p.
11. Maslow A. Motivation and Personality. SPb.: Piter, 2019. 400 p.
12. Marx K. The Poverty of Philosophy. Reply to Mr. Proudhon's "Philosophy of Poverty". Moscow: EKSMO, 180 p.
13. Marx K., Engels F. The Manifesto of the Communist Party. Marx and Engels. Works. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. P. 419 – 459.
14. Panorama of Economic Thought at the End of the Twentieth Century. SPb.: Economic School, 2002. P. 41 - 42.
15. Petrovsky A.V. Personality. Activity. Collective. Moscow: Politizdat, 1982. 255 p.
16. Pozharsky S.D. Acmeology and catabolism (theory of human improvement). SPb.: Lema, 2013. 265 p.
17. Poznyakov V.P. Economic psychology as a branch of psychological science. Problems of economic psychology. Vol. 1. M.: IP RAS, 2004. P. 43 – 57.
18. Posypanova O.S. Economic psychology: psychological aspects of consumer behavior. Monograph. Kaluga: Publishing house of KSPU named after K.E. Tsiolkovsky, 2012. 296 p.
19. Proudhon P.-J. The system of economic contradictions or the Philosophy of poverty. Moscow: OMIKO, 2021. Pp. 230-252.
20. Rubinstein S.L. Being and consciousness. SPb.: Piter, 2017. 287 p.
21. Simonov P.V. Theory of reflection and psychophysiology of emotions. USSR Academy of Sciences. United scientific council "Physiology of man and animals". Moscow: Nauka, 1970. 141 p.
22. Smith A. Research on the nature and causes of wealth of nations. Moscow: Os-89, 1997. 255 p.
23. Tarde G. de. Social logic. St. Petersburg: Soc.-psychological center, 1996. 427 p.
24. Stalin I.V. Economic problems of socialism in the USSR. Monograph. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 92 p.
25. Turchin A.S., Shabanov L. V. Philosophical, psychological and pedagogical foundations of epistemology and semantics of educational activities of a military university. Monograph. SPb.: Publishing house of the National University "Center for Strategic Studies", 2023. P. 3 – 66.
26. Uznadze D.N. Psychological studies. Moscow: Nauka, 1966. 450 p.
27. Shabanov L.V. The state – as a philosophy and psychology of a collective subject. Monograph. SPb: Publishing house of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2021. 194 p.
28. Shabanov L.V. Aesthetics of the horizon. Personnel management: realities of the present and possibilities of the future: I International scientific and practical conference, Donetsk (April 20, 2022). Donetsk., 2022. P. 97 – 103.

Информация об авторах

Шабанов Л.В., доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, Научно-исследовательский центр, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, lev.shabanov@mail.ru
Лычагина С.В., кандидат педагогических наук, доцент, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, svetlanalychagina@list.ru
Суханов Д.Г., кандидат педагогических наук, доцент, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, dim.suhanow2013@yandex.ru

© Шабанов Л.В., Лычагина С.В., Суханов Д.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9

[1] Вавилова В.А.,
[2] Ягудин Д.Р.,
[1] врач "Медико-профилактическое дело», специалист в направлении «Психология Нейродинамического нарушения в психической деятельности», аспирант, Славяно-греко-латинская академия,
[2] доктор психологических наук, Член Российской профессиональной медицинской ассоциации остеопатии и мануальной медицины, психосоматолог, преподаватель, Международный университет профессиональных инноваций

Типичные и атипичные реакции человека на эмоционально значимые стимулы. Особенности и роль психомоторных процессов, диагностика и способы коррекции

Аннотация: актуальность темы определяется тем, что в последнее время наблюдается возрождение интереса к методам телесной психотерапии. Многочисленные исследования нейробиологии и психофизиологии показывают, что для развития современного понимания сознательных, предсознательных и бессознательных процессов необходимо учитывать «физическое измерение опыта». В статье под психомоторным развитием понимается как непрерывный прогрессирующий процесс, в котором двигательная активность тесно связана с психикой. Акцентируется внимание на том, что в моторной организации человека, в его поведении, деятельности отражается вся целостная характеристика его как индивида. Выявлено, что прежде чем приступать к воздействию на психомоторное развитие человека и его патологию, необходимо иметь предварительные знания как о его природе, так и о возможностях компенсировать его недостатки. В заключении показано, что психомоторное развитие – это сложное явление, которое необходимо понимать, чтобы его можно было использовать в качестве ориентира, особенно в тех случаях, когда оно нетипично или нарушено.

Ключевые слова: человек, психофизиология, нейропсихология, психомоторные процессы, реакция, диагностика, терапия

Для цитирования: Вавилова В.А., Ягудин Д.Р. Типичные и атипичные реакции человека на эмоционально значимые стимулы. Особенности и роль психомоторных процессов, диагностика и способы коррекции // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 169 – 175.

Поступила в редакцию: 5 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Vavilova V.A.,
[2] Yagudin D.R.,
[1] Doctor of Medical and Preventive Medicine, Specialist in the field of Psychology of Neurodynamic disorders in mental activity, Postgraduate, Slavic-Greek-Latin Academy,
[2] Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Member Russian Professional Medical Association of Osteopathy and Manual Medicine, psychosomatologist, lecturer, International University of Professional Innovation

Typical and atypical human reactions to emotionally significant stimuli. Features and role of psychomotor processes, diagnosis and correction methods

Abstract: the relevance of the topic is determined by the fact that recently there has been a revival of interest in the methods of body psychotherapy. Numerous studies in neurobiology and psychophysiology show that in order to develop a modern understanding of conscious, preconscious and unconscious processes, it is necessary to take into account the "physical dimension of experience." In the article, psychomotor development is understood as a continuous progressive process in which motor activity is closely related to the psyche. Attention is focused on the fact that the entire integral characteristic of a person as an individual is reflected in the motor organization of a person, in his behavior, activity. It has been revealed that before starting to influence the psychomotor development of a person and his pathology, it is necessary to have prior knowledge both about his nature and about the possibilities to compensate for his shortcomings. In conclusion, it is shown that psychomotor development is a complex phenomenon that needs to be understood so that it can be used as a guideline, especially in cases where it is atypical or impaired.

Keywords: human, psychophysiology, neuropsychology, psychomotor processes, reaction, diagnosis, therapy

For citation: Vavilova V.A., Yagudin D.R. Typical and atypical human reactions to emotionally significant stimuli. Features and role of psychomotor processes, diagnosis and correction methods. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 169 – 175.

The article was submitted: December 5, 2024; Approved after reviewing: February 8, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

В последнее время наблюдается возрождение интереса к методам телесной психотерапии. Многочисленные исследования нейробиологии и психофизиологии показывают, что для развития современного понимания сознательных, предсознательных и бессознательных процессов необходимо учитывать «физическое измерение опыта». Психология не независима от физиологии, но она требует более тонкой и глубокой физиологии. Психотерапия – это совокупность терапевтических процессов всех видов, как физических, так и психических. Таким образом, учет тела при лечении психических и психосоматических заболеваний не является новым подходом. Непосредственная работа с телом в современности является второстепенной областью в методах лечения наиболее важных психотерапевтических школ психоанализа, психотерапии с глубоким психологическим обоснованием и поведенческой терапии [11, с. 167-168].

Португальский нейробиолог Дамасио считает, что тело, представленное в мозге, может быть незаменимой системой отсчета для нейронных процессов, которые мы воспринимаем как сознание; что наш собственный организм, а не какая-либо абсолютная внешняя реальность, служит ориентиром для построений, которые мы создаем из нашего окружения, и для построения вездесущей субъективности, которая является неотъемлемой частью нашего опыта; что наши самые зрелые мысли и величайшие поступки, наши самые высокие радости и самые глубокие отчаяния принимают тело за эталон наш разум существует в интегрированном организме и для него [11, с. 167-168].

Не существует холодного, бесстрастного восприятия, наше глубоко естественное представление о том, что «движет» человеком, когда он говорит, например, «у меня с сердца свалился камень» или «я разрываюсь от гнева», сигнализирует о некоторых процессах внутри, которые формируют чувства, которые формируют его самого. В этих повседневных утверждениях, связанных с телом, которых так много, проявляется то, как человек переживает эмоции, а именно близость к телу. Связь с телом – это «человеческое условие», повсеместное распространение эмоций, которое в человеческом развитии и в его повседневном опы-

те связывает практически каждый объект и ситуацию его опыта с фундаментальными ценностями гомеостатической, физиологической регуляции, а именно: вознаграждение или наказание, удовольствие или боль, добро или зло [3, с. 108].

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование основывается на анализе современных научных данных в области нейробиологии, психофизиологии и психотерапии. Методологическая база исследования включает обзор и синтез существующих теоретических концепций, сравнительный анализ подходов различных психотерапевтических школ, а также интерпретацию эмпирических данных, представленных в литературе. Особое внимание уделяется работам, посвященным взаимосвязи психических и соматических процессов, роли интероцепции в формировании сознания, а также влиянию телесных факторов на эмоциональное и когнитивное функционирование. Используется междисциплинарный подход, объединяющий знания из области психологии, нейронаук, физиологии и психотерапии.

Результаты и обсуждения

О том, что происходит, когда люди, лишаются своих внутренних источников информации или больше не могут обрабатывать и воспринимать их мозгом, свидетельствуют многочисленные клинические отчеты. В зависимости от того, как вызвана эта потеря информации и какие области мозга затронуты, страдает не только глубина восприятия эмоций, но и весь процесс мышления и действий, вплоть до различных уровней того, что называется сознанием. Сознание не существует без представления тела.

Лучшая или худшая способность воспринимать эту интероцептивную информацию должна оказывать соответствующее влияние на важные жизненные процессы, не в последнюю очередь на эмоциональное переживание и обработку эмоционально значимых стимулов, а также на поведение. Интероцептивные процессы можно изучать, изучая восприятие сигналов от различных систем организма. Особенно хорошо подходят такие процессы, которые можно исследовать неинвазивно и просто [5, с. 56-63].

Живое существо выживает только потому, что приспособлено к окружающей среде, если есть отклонения, то у субъекта уменьшаются шансы на выживание. Постепенно это приводит к упадку, разрушению. Понятие адаптации само по себе трудно уточнить. Это требует прохождения других концепций. Во-первых, скажем, что живое существо приспособлено к среде, когда перед лицом этой среды, опять же называемой ситуацией, оно способно дать адекватный или адаптированный ответ. Личность, среда и реакция – это три неразделимых элемента.

Адаптированный ответ относится к двум типам целей: ситуационным и биологическим. 1.1. ситуационная цель ситуация (или стимул) несет в себе требование только потому, что она отсылает к проекту, к цели. Например, когда предмет приближается то можно парировать его, если он несет вред и индивид хочет избежать этой травмы или попытаться остановить его, если нужно завладеть им. Это означает, что ситуация имеет смысл только потому, что она отсылает к живому человеку, который стремится к этому замыслу. Обычно мы делаем предположение о цели, преследуемой субъектом, но это всего лишь вероятность. Два человека играют в коллективный вид спорта, они ожидают, что реакции друг друга будут направлены на чтобы команда, выиграла, но может быть и по-другому. Один из игроков может сделать противоположное тому, что от него ожидается, либо из-за своей неспособности, он стремится к цели, но не имеет ресурса, либо намеренно, он хочет, чтобы его команда проиграла сознательно или нет [10, с. 60]. Так и при терапевтическом вмешательстве можно предполагать, что субъект хочет вылечиться, но это только вероятность. Он может захотеть сохранить свою болезнь по нескольким причинам: потому что он извлекает из ситуации множество преимуществ, которые еще называют побочными выгодами, или потому, что его болезнь играет определенную роль в гомеостазе семейной группы, к которой он принадлежит.

Следовательно, необходимо важно учитывать: 1) любая ситуация должна быть связана с целью, которую преследует субъект, эта цель не очевидна; 2) цель предвосхищает действие, она его предопределяет. При этом индивид может быть осведомлен об этом или нет, т.е. действовать бессознательно; 3) в данной среде с установленной целью субъект должен обладать адекватными средствами для достижения своей цели. У индивидов есть много причин для действий, но некоторые из них обусловлены выживанием субъекта или вида. Это императив, который является самим следствием биологической реальности. Каждое живое существо действует, чтобы увеличить свои шансы на выживание [4, с. 126-136].

Таким образом, движения человека преследуют две цели: скорость и точность. Люди стремятся к тому, чтобы их цели совпадали с потребностями окружающей среды. В ходе своей эволюции виды адаптировались к самым разным условиям. То, что относится к видам, относится и к человеку. Каждый адаптируется в ходе своего онтогенеза, он учится ходить, говорить, соответствующим обра-

зом взаимодействовать со своим окружением [9, с. 35-45].

Адаптированные ответы происходят из двух взаимодействующих источников: наследственности и индивидуального приобретения. Наследственность обеспечивает при рождении индивида набор программ, которые посредством восприятия и действия организуют среду, в которой индивид будет жить. Ходьба – хороший пример взаимодействия между генетически закодированной программой и ее выражением в среде. Все дети учатся ходить, и человеческая ходьба имеет характеристики, присущие всем людям. Эта двигательная способность приобретается в процессе обучения и возникает в определенный момент эволюции человека [2, с. 84-90].

Ходьба имеет ситуацию генетической детерминации психомоторных навыков, которая выражается в обучении. Следует отметить, что кодируется не только выражение движения, но и время, в которое происходит обучение. Различные характеристики индивида, составляющие так называемый его фенотип, зависят от его генетического состава, его генотипа, но также, в определенной степени, от условий среды, в которой происходило его развитие, что может привести к так называемым эпигенетическим изменениям. Все люди (здоровые) умеют ходить, но у каждого есть своя индивидуальная походка, которая позволяет узнавать его со спины, когда он идет по улице [2, с. 84-90].

Индивидуальное приобретение – это второе средство адаптации человека к окружающей среде. Она может осуществляться двумя способами: либо путем индивидуального прогресса, либо с помощью модели, которой нужно подражать. Индивидуальный прогресс – это совершенствование посредством практики какого-либо действия или поведения. Он выполняется путем повторения движения или действия. Перцептивные последствия имеют большое значение для поддержания и улучшения повторяющейся деятельности. Подкрепление – это процесс, который происходит во время поведения и изменяет частоту его появления. Подкрепления могут быть спонтанными (удовлетворение, получаемое от их достижения) или внешними, принимающими форму поощрения или вознаграждения со стороны окружающих. Подкрепления, которые увеличивают частоту появления поведения, называются «положительными»; если они уменьшают ту же частоту, они называются «отрицательными». Без подкрепления обучение затруднено, если не невозможно [5, с. 77].

Таким образом, благодаря экспериментам, повторению и учету последствий своих действий качество ответов улучшается. Другая возможность приобретения нового поведения называется прогрессом по образцу. Это явление, кстати, используется в некоторых методах лечения, когда терапевт с помощью видеозаписей или терапевта, обладающего необходимыми навыками, показывает пациенту, как достичь определенного навыка. То, что называется социальным обучением путем наблюдения или подражания, играет большую роль в приобретении новых ответов.

В процессе развития дети проводят много времени, наблюдая за своими родителями, сверстниками или другими взрослыми и подражая тому, что они наблюдают. Таким образом, они приобретают широкий спектр моделей поведения, предпочтений и убеждений, которые они, в свою очередь, будут использовать. Такие имитации появляются очень рано. Альберт Бандура, автор теории социального научения, выделяет четыре основных процесса, позволяющих наблюдателю получать информацию из модельных действий: внимание, память, двигательное воспроизведение и мотивация. Внимание позволяет сделать выбор из всей информации, предоставляемой моделью, оно варьируется в зависимости от характеристик (социальный статус, возраст). Мнестические процессы позволяют сохранять полученную таким образом информацию и связывать ее с уже известным поведенческим репертуаром. Моторное воспроизведение позволяет в пространстве и времени упорядочить различные элементы в последовательности, соответствующей шаблону. Мотивация позволяет выбрать из полученных ответов те, которые будут выполнены. Таким образом, любое отношение человека к ситуации должно рассматриваться в соответствии с тремя критериями: критерием цели, критерием средства, критерием недостатка [3, с. 59].

Критерии цели. Цель можно определить, как ожидание конечного результата. Это может быть явным, когда субъект может легко это выразить, или неявным, когда субъект четко не осознает причин, по которым он делает то, что делает. Кроме того, поскольку сокрытие является частью социальной жизни, заявленные цели не обязательно являются преследуемыми. Поэтому важно, как наблюдатель за поведением других, задаться вопросом о конечном конкретном результате, к которому стремится субъект.

Критерии средства. Поскольку цель определена, необходимо задаться вопросом, есть ли у субъекта средства для ее достижения. Есть ли у него средства изменить исходную ситуацию, чтобы цель осуществилась? Он может быть не в состоянии провести соответствующий анализ информа-

ции, содержащейся в окружающей среде, если, например, средства, полезные для восприятия (т. е. органы чувств), недостаточны. Когда возможен перцептивный анализ, но недостаточны возможности реагирования, именно движущие средства делают доступность цели проблематичной. Существует тесное взаимодействие между восприятием и двигательными навыками. Двигательные навыки нарушаются, если манипулировать перцептивной информацией. Таким образом, было бы более уместно говорить о психо-перцептиво-моторных навыках [1, с. 67-72].

Критерий недостаточности. когда испытуемому не удается достичь поставленных перед собой целей, необходимо задать себе два вопроса: каковы причины, по которым он этого не достигает? Какими средствами он мог бы этого достичь? Из этих размышлений вытекает область психомоторных навыков.

Психомоторный терапевт – специалист по реабилитации психомоторных расстройств, это профессионал, который выполняет ряд действий совместно с другими профессионалами (врачом, логопедом, ортопедом, профессиональным терапевтом, физиотерапевтом, психологом, нейропсихологом). Понимание проблем проходит через серию анализов.

Психомоторный анализ. Первым действием психомоторного специалиста является семиологический анализ, другими словами, психомоторное обследование, поиск признаков, симптомов. Симптом – это характеристика, присутствующая у субъекта и проявляющаяся только при патологии. В области медицины симптомами являются лихорадка, высокий уровень лейкоцитов, слуховые галлюцинации. Изолированный симптом обычно ничего не значит, он часто сочетается с другими, тогда его называют синдромом. Семиологический анализ включает в себя со стороны психомоторного специалиста глубокое знание психомоторных симптомов и синдромов и их различных проявлений. Одной из характеристик психомоторных патологий является то, что они различаются в зависимости от возраста, пола и среды обитания.

Причины психомоторных расстройств являются многофакторными, поэтому необходимо изучить многие области знаний, чтобы понять, что происходит. Синдром не выражается одинаково у разных людей, человек может быть носителем психомоторного расстройства, но иметь достаточные компенсаторные или резистентные способности, чтобы о нем никогда не догадывались. Проводить анализ психомоторного расстройства - значит задаться вопросом, какое место занимает симптом в психической организации субъекта. Речь идет об анализе индивидуальных мотивов. Есть люди, которым выгодны их симптомы и терапия им вряд ли поможет. Поэтому прежде чем приступить к терапии психомоторного расстройства, необходимо установить межличностные отношения.

После того, анализа средств, необходимо подумать о том, как мы будем действовать. В эти рамки вписывается все, что подпадает под термины терапевтического проекта и психомоторной терапии. В терапевтическом проекте есть стремление к изменениям. Средств для достижения этой цели чрезвычайно много, но следует использовать средства, направленные на что-то. Проведенные исследования эффективности терапевтических процессов дают пищу для размышлений. Воплотить в жизнь терапевтический выбор – это искусство, которое требует импровизации, воображения и клинического чутья. Это также отношения между людьми, ситуации часто бывают непредвиденными, потому что непредсказуемы.

Психомоторные процессы выделяют из неврологии и психиатрии. На самом деле разделение искусственно. Психомоторные навыки отличаются от неврологии тремя аспектами: тем, что считается объектом исследования, а именно телом; пространством, в котором тело развивается; обследованием. Неврология рассматривает тело как потенциальное средство. Ее интересуют возможности, которые он имеет для воздействия на среду, но до и вне любого взаимодействия. Неврология направлена на топографическую диагностику поражений, вызывающих расстройство. Таким образом, изучение рефлексов позволяет определить, функционируют ли нервы, обеспечивающие перенос нервных импульсов, или же наблюдение за тремором указывает на то, что та или иная часть центральной нервной системы нарушена [6, с. 137-141].

Однако на определенном уровне необходимо учитывать отношения с окружающей средой, это основа нейропсихологии. Со стороны психомоторных процессов тело исследуется при его взаимодействии со средой. Психомоторное расстройство проявляется в преследуемой цели и адаптации субъекта к ее достижению. Вот почему психомоторный экзамен ставит субъекта в ситуацию, то есть в конкретное отношение цели, которую необходимо достичь посредством отношений. В отличие от неврологического расстройства, которое присутствует вне какого-либо действия, психомоторное расстройство проявляется только во взаимодействии. Одной из центральных характеристик психомоторного симптома является то, что он носит ситуативный характер, он может варьироваться в зависимости от контекста, может про-

являться по-разному в различных контекстах, например, школе и в семье.

Психомоторное обследование направлено на характеристику расстройств в соответствии с системами взаимоотношений. Оно не стремится к топографической локализации в нервной системе, потому что это как минимум дисфункция головного мозга. Тогда мы говорим о расстройстве зрительной моторики, отношения к пространству, навыков ручного управления. Неврология и психомоторные навыки объединяются, когда рассматриваются отношения между индивидом и ситуацией, как в нейропсихологии [8, с. 56-60].

Одна из наиболее актуальных и важных проблем в современной практической терапии и науке это нейродинамическое восстановление пациентов, которое является наиболее всеобъемлющим и систематизированным лечением, позволяющем оценить механическую подвижность отдельных нервных стволов, классифицировать их двигательные нарушения и определить методы мануальной терапии и физических упражнений в зависимости от типа и степени поражения в каждом отдельном случае.

Исследование нейродинамического восстановления указывает на тот факт, что именно оно запускает механизм движения к цели человека, при этом меняя качество жизни, а также одновременно работает с телом и психикой. Большой вклад в разработку этого метода внесли зарубежные практики Дэвид Батлер и Майкл Шеклок [12, с. 49-57], а в отечественной терапии доктор психологических наук, автор уникальной методики «Психология нейродинамического нарушения и психической деятельности» Д.Р. Ягудин [7, с. 190-195]. Оценить эффективность нейродинамических методик, используемых в качестве единственного терапевтического компонента, по сравнению с фиктивной терапией при лечении – задача для последующих исследований.

Выводы

Таким образом, человека следует рассматривать как единую социальную, эмоциональную, духовную и физическую целостность. существует связь между эмоциональной жизнью и телесностью. На нейровегетативном уровне (гладкие мышцы и железы) физиологические изменения сопровождают все эмоции: учащенное дыхание и учащенное сердцебиение, сужение сосудов периферических кровеносных сосудов, повышенное потоотделение, чувство ужаса. Эти реакции своеобразно сопровождают чувства страха, радости, печали. На уровне взаимоотношений (цереброспинальная нервная система) двигательное поведение может быть дезорганизовано аффектом.

Психомоторная терапия может использовать свои средства, чтобы раскрыть разнообразие процессов переживания на всех уровнях, сделать их контролируемыми и осознанными. Часто речь идет об интеграции, особенно когда процессы переживания на разных уровнях расходятся, и человек, например, в своих физических импульсах ощущает нечто отличное от того, что ему говорят его сознательные убеждения. Ранняя и точная диагностика позволяет заблаговременно начать реабилитацию с помощью нейродинамического восстановления и, следовательно, важна как для предотвращения патологических двигательных паттернов, так и для развития неправильных временных отношений, а также помогает в создании механизмов направленной компенсации, фактически производит внутреннюю «реорганизацию» человека.

Список источников

1. Ахмадулина А.О., Чимагомедова А.Ш., Левин О.С., Полуэктов М.Г. Клиническая феноменология и патофизиологические механизмы дневных и ночных императивных движений // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2022. Т. 122. № 11-2. С. 67 – 72.

2. Волошина Л.Н., Гуляева С.С., Гуляев П.Д., Гуляев С.П. Саморегуляция двигательной активности на занятиях оздоровительной ходьбой // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № 3. С. 84 – 90.

3. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер-Пресс, 2005. 412 с.

4. Кабачкова А.В., Захарова А.Н., Кривощеков С.Г., Капилевич Л.В. Двигательная активность и когнитивная деятельность: особенности взаимодействия и механизмы влияния //Физиология человека. 2022. Т. 48. № 5. С. 126 – 136.

5. Никандров В.В. Психомоторика: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004. 104 с.

6. Пальцын А.А., Свиридкина Н.Б. Сила кисти // Патологическая физиология и экспериментальная терапия. 2023. Т. 67. № 3. С. 137 – 141.

7. Рыжова Е.Г., Ягудин Д.Р. Нейродинамическое восстановление пациента: практические результаты и их обсуждение // Международный журнал медицины и психологии. 2024. Т. 7. № 7. С. 190 – 195.

8. Сурнина О.Е., Лебедева Е.В. Половые и возрастные различия времени реакции на движущийся объект у детей и взрослых // Физиология человека. 2001. Т. 27. № 4. С. 56 – 60.

9. Тюрина Н.А., Уточкин И.С. Распределение пространственного внимания при восприятии движения // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 35 – 45.

10. Шиленко О.В., Платунов А.И., Таланцева В.К. Учет свойств нервной системы и психофизиологического состояния студентов в процессе физического воспитания // Теория и практика физической культуры. 2024. № 6. С. 60.

11. Damasio A., Meyer K. "Behind the looking glass" // Nature. 2008. № 454 (7201). P. 167 – 168.

12. Michael Shacklock Neurodynamics Proposal 1995 // Kinésithérapie la Revue. 2012. № 12 (121). P. 49 – 57.

References

1. Akhmadulina A.O., Chimagomedova A.Sh., Levin O.S., Poluektov M.G. Clinical phenomenology and pathophysiological mechanisms of daytime and nighttime imperative movements. Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. 2022. Vol. 122. No. 11-2. P. 67 – 72.

2. Voloshina L.N., Gulyaeva S.S., Gulyaev P.D., Gulyaev S.P. Self-regulation of motor activity during health walking. Man. Sport. Medicine. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 84 – 90.

3. Ilyin E.P. Psychophysiology of human states. St. Petersburg: Piter-Press, 2005. 412 p.

4. Kabachkova A.V., Zakharova A.N., Krivoshchekov S.G., Kapilevich L.V. Motor activity and cognitive activity: interaction features and mechanisms of influence. Human Physiology. 2022. Vol. 48. No. 5. P. 126 – 136.

5. Nikandrov V.V. Psychomotor skills: a tutorial. St. Petersburg: Rech, 2004. 104 p.

6. Paltsyn A.A., Sviridkina N.B. Hand strength. Pathological physiology and experimental therapy. 2023. Vol. 67. No. 3. P. 137 – 141.

7. Ryzhova E.G., Yagudin D.R. Neurodynamic recovery of a patient: practical results and their discussion. International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Vol. 7. No. 7. P. 190 – 195.

8. Surnina O.E., Lebedeva E.V. Gender and age differences in reaction time to a moving object in children and adults. Human Physiology. 2001. Vol. 27. No. 4. P. 56 – 60.

9. Tyurina N.A., Utochkin I.S. Distribution of spatial attention in the perception of movement. Experimental Psychology. 2013. Vol. 6. No. 2. P. 35 – 45.

10. Shilenko O.V., Platunov A.I., Talantseva V.K. Taking into account the properties of the nervous system and the psychophysiological state of students in the process of physical education. Theory and practice of physical education. 2024. No. 6. P. 60.

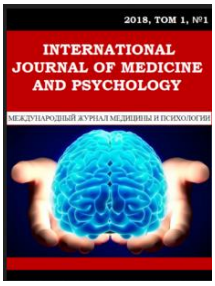
11. Damasio A., Meyer K. “Behind the looking glass”. Nature. 2008. No. 454 (7201). P. 167 – 168.

12. Michael Shacklock Neurodynamics Proposal 1995. Kinésithérapie la Revue. 2012. No. 12 (121). P. 49 – 57.

Информация об авторах

Вавилова В.А., врач "Медико-профилактическое дело», специалист в направлении «Психология Нейродинамического нарушения в психической деятельности»; аспирант, Славяно-греко-латинская академия
Ягудин Д.Р., доктор психологических наук, Член Российской профессиональной медицинской ассоциации остеопатии и мануальной медицины, психосоматолог; преподаватель, Международный университет профессиональных инноваций, dr.yagudin@mail.ru

© Вавилова В.А., Ягудин Д.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 159.9.07

[1] Пашкин С.Б.,
[1] Морозов Д.Д.,
[1] Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Особенности профессиональной мотивации молодых специалистов социономического профиля

Аннотация: в настоящее время на Российском рынке труда сложилась ситуация, при которой работодателю крайне важно учитывать особенности мотивации своих сотрудников. Подобная тенденция обусловлена, как рекордно низким уровнем безработицы в России за 2024 год, так и ростом «мобильности» молодых кадров, стремящихся к профессиональному развитию и более высокому материальному достатку. В рамках данного исследования мы изучили особенности профессиональной мотивации и ее факторов у молодых специалистов социономического профиля, а также дали работодателям рекомендации, которые позволят более гибко и эффективно управлять специалистами, относящимися к данной группе. Исследование проводилось с помощью демографической анкеты и ряда психодиагностических методик: Опросник Мотивации к карьере (адаптация методики А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубера), Многофакторный опросник для оценки мотивации трудовой деятельности, Субъективный баланс работы и личной жизни А.Н. Моспан, Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова (2016).

Полученные в результате исследования данные показали, что молодым специалистам социономического профиля сложно реалистично оценивать свои карьерные перспективы и выстраивать баланс между работой и личной жизнью. При этом, они высоко ценят полезность и признание своей деятельности и готовы к сверхурочной работе ради достижения общих целей. Совокупность полученных данных обусловила необходимость формирования перечня рекомендаций для работы с данными специалистами и для их подготовки.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, молодые специалисты, социономические специальности, карьера, профессиональная мотивация, баланс работы, баланс личной жизни

Для цитирования: Пашкин С.Б., Морозов Д.Д. Особенности профессиональной мотивации молодых специалистов социономического профиля // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 176 – 182.

Поступила в редакцию: 6 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Pashkin S.B.,
[1] Morozov D.D.,
[1] Herzen State Pedagogical University of Russia

Features of professional motivation of young specialists of a socionomic profile

Abstract: currently, the Russian labor market is in a situation where it is extremely important for employers to take into account the peculiarities of their employees' motivation. This trend is due to the record low unemployment rate in Russia in 2024, as well as the growth of “mobility” of young people seeking professional development and higher material wealth. In the framework of this study, we have studied the features of professional motivation and its factors in young specialists of socionomic profile, as well as provided employers with recommendations that

will allow more flexible and effective management of specialists belonging to this group. The study was conducted using a demographic questionnaire and a number of psychodiagnostic techniques: Career Motivation Questionnaire (adaptation of A. Noe, R. Noe, D. Bachhuber), Multifactor questionnaire to assess the motivation of labor activity, Subjective balance of work and personal life A.N. Mospan, E.N. Osin, E.I. Rasskazova (2016).

The data obtained as a result of the study showed that young socionomic specialists find it difficult to realistically assess their career prospects and build a work-life balance. At the same time, they highly value the usefulness and recognition of their work and are ready to work overtime for the sake of achieving common goals. The totality of the obtained data made it necessary to formulate a list of recommendations for working with these specialists and for their training.

Keywords: professional motivation; young professionals; socionomic specialties; career; professional motivation; work balance; personal life balance

For citation: Pashkin S.B., Morozov D.D. Features of professional motivation of young specialists of a socionomic profile. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 176 – 182.

The article was submitted: December 6, 2024; Approved after reviewing: February 9, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

В текущих условиях, связанных с постоянными политическими и экономическими изменениями, проблема профессиональной мотивации молодых специалистов становится максимально актуальной. Рекордно низкие показатели безработицы в России за 2024 год указывают на то, что на данный момент сотрудник – является ценностью для организации и организации важно понимать мотивацию его профессиональной деятельности, чтобы сотрудник был заинтересован расти и развиваться в рамках организации. В данном исследовании мы изучим профессиональную мотивацию у молодых специалистов социономического профиля.

В настоящее время в России уделяется отдельное внимание вопросу поддержки населения и обеспечения его социальными гарантиями. Медицина, юриспруденция, образование, сфера услуг – все эти направления с каждым годом развиваются все динамичнее. Подобное развитие обусловлено постоянным ростом стандартов обслуживания и необходимостью обеспечение прав человека в соответствии с современными конституционными и законодательными нормами. Данная тенденция была бы невозможна без наличия профессий, специфика профессиональной деятельности которых, подразумевает постоянное взаимодействие с другими людьми. Такие профессии принято относить к профессиям типа «человек-человек» или же «профессиям социономического профиля». Особенности предмета и объекта деятельности у специалистов данного профиля накладывают на них особые требования, которым должны соответствовать сотрудники для успешного выполнения профессиональных обязанностей. Помимо данных требований, по нашему мнению, специалисты, решившие связать свое трудовую деятельность с постоянным взаимодействием с другими людьми, также должны обладать особыми ценностными установками профессиональной деятельности, которые будут отличать их от других типов профессий [8].

Вопросами классификации профессий занимался целый ряд исследователей. Одной из разработанных в 80-е годы концепций, является классификация Е.А. Климова, которая остается актуальной и на сегодняшний день. К профессиям типа «человек-человек», автор относил профессии, подразумевающие: обучающую деятельность, руководящую деятельность, бытовое и торговое обслуживание, медицинское и информационное обслуживание [1].

В профессиях социономического профиля в противовес субъект-объектных отношений появляются межличностные отношения. Успешность данных отношения во многом будет определяться в зависимости от точности и полноты представления о психологических и личностных особенностях других людей, выступающих в данной цепочке объектом труда [2].

Специфика профессиональной деятельности специалистов социономического профиля, обязует образовательную систему развивать у ее представителей про социальную мотивацию, основанную на гуманистических ценностях [4]. Данная мотивация может также отражаться и на профессиональной мотивации, коррелирующей с ценностными установками и ориентирами.

Вопросами профессиональной мотивации занимался целый ряд отечественных исследователей, среди которых можно выделить Д.А. Леонтьева, Д.А. Аширова, Б.С. Волкова, Г.В. Беляеву и др.

Профессиональная мотивация и ее уровень

способствует выбору новых путей и поиску решений, приводящих к достижению целей, а также является основой для оценки собственных способностей, возможностей и особенностей [5].

В иерархии мотивационных ценностей у специалистов социономической сферы одну из главенствующих ступеней занимает альтруистические мотивы. Данный тезис также подтверждает и альтернативное название профессий социономического профиля – «помогающие профессии» [3]. Данные мотивы неизбежно влияют и на профессиональную мотивацию, являющуюся основой вектора профессионального развития

Анализируя профессиональную мотивацию молодых специалистов социономической сферы, важно отметить, что уровень профессиональной мотивации студентов имеет прямую корреляцию с уровнем продуктивного общения с преподавателем. Наиболее значимыми факторами, влияющими на профессиональную мотивацию в процессе обучения, являются: положительное отношение к будущей профессии, развитое профессиональное самосознание, позитивная Я-концепция [10].

На стадии обучения и профессионального становления молодым специалистам важно иметь возможность обсуждения потенциальных трудностей с опытным представителем данной сферы. Совместное обсуждение профессиональных вопросов, обмен возникающими идеями, ссылками на статьи и литературу, связанную с темой профессиональной деятельности, – все это способствует повышенному интересу и мотивации к профессиональной деятельности среди будущих специалистов [9].

Изучение профессиональной мотивации молодых специалистов социономического профиля и выявление ее особенностей позволит строить образовательных процесс более эффективно, а также позволит сформулировать ряд практических рекомендаций работодателю. Данные рекомендации позволят работодателям создавать для сотрудников условия труда, способствующие снижению текучки кадров, а также эффективно строить план индивидуального развития сотрудников.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании мы изучили особенности профессиональной мотивации молодых специалистов социономического профиля, а также проанализируем переменные, являющиеся ключевыми двигателями карьеры для представителей данного типа профессий. В исследовании приняло участие 64 специалиста социономической сферы: психологи, преподаватели, репетиторы и тренинг-менеджеры.

Исследование проводилось с помощью следующих методов: анкета, направленная на сбор демографических данных, ряд стандартизированных методик, направленных на выявление особенностей профессиональной мотивации.

Для решения поставленных исследовательских задач был использован следующий набор методик:

1. Опросник Мотивации к карьере (адаптация методики А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубера) предназначен для изучения мотивации к карьере в разрезе трех факторов: карьерная интуиция, карьерная причастность, карьерная устойчивость.

2. Многофакторный опросник для оценки мотивации трудовой деятельности (Multifactor Inventory of Labor Activity Motivation, MILAM) позволяет диагностировать многофакторную структуру мотивации трудовой деятельности, которую образуют 25 первичных и два вторичных показателя, разработанные на основе поведенческих индикаторов. М. В. Прохорова, О. М. Овсянникова (2017)

3. Субъективный баланс работы и личной жизни – исследовательская методика для измерения субъективной оценки соотношения работы и жизни. На основе совокупности теорий, описывающих проблемы баланса работы и жизни, авторы сформулировали широкий круг различных вариантов их соотношения: баланс, помеха, негативный перенос, независимость, позитивный перенос и компенсация. А.Н. Моспан, Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова (2016)

Результаты и обсуждения

Анализируя анкету, направленную на сбор демографических данных, мы выявили, что средний возраст участников исследования 26,5 лет, 73,5% – женщины (47 человек), 26,5% – мужчины (17 человек). Распределение профессий среди респондентов выглядит следующим: психологи – 37,5%, преподаватели – 18,75%, тренинг-менеджеры – 12,5%, репетиторы – 23,5%, юристы – 7,8%. Все респонденты имеют высшее образование и трудовой стаж более 2 лет.

Средние результаты молодых специалистов социономической сферы по опроснику Мотивации к карьере представлены на рис. 1.

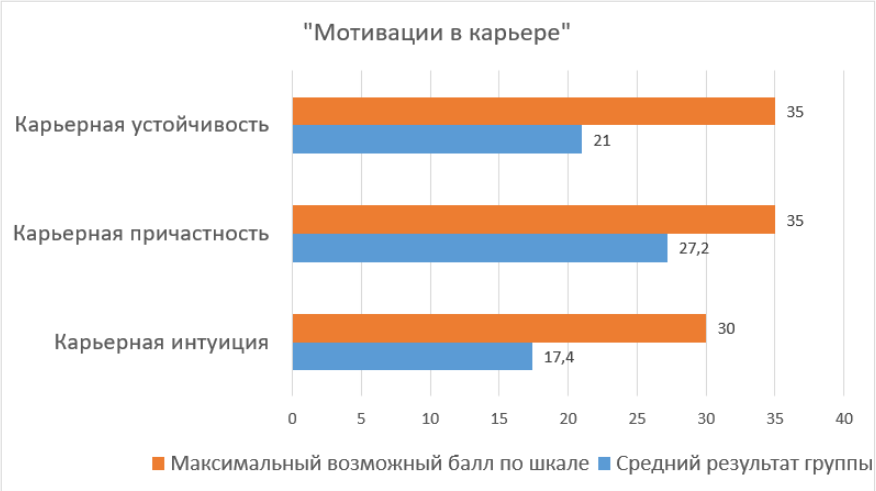


Рис. 1. Средние результаты молодых специалистов социономического профиля по шкалам методики «Мотивации в карьере».
Fig. 1. Average results of young specialists with a socionomic profile according to the scales of the “Career Motivation” method.

Интерпретируя средние результаты, полученные с помощью методики «мотивации в карьере» можно заключить: для молодых специалистов социономического профиля наиболее характерна карьерная причастность, являющаяся направляющим компонентом профессиональной мотивации. Средний балл по данной шкале – 27,2. Данный показатель, исходя из интерпретации авторов методики, попадает в категорию «средний результат» (21-29 баллов), однако находится в верхней части данного диапазона и выражен значительно сильнее двух других показателей: карьерная интуиция, карьерная устойчивость.

Подобный показатель по шкале «карьерная причастность» свидетельствует о готовности сотрудников работать с большой отдачей, в том числе и сверхурочно. Для них важно разделять с работодателем профессиональную цель и ставить ее на первое место.

Показатели по шкалам «карьерная устойчивость» и «карьерная интуиция», исходя из интерпретации автора, находятся в пограничных значениях между «низким» и «средним» результатом. Подобный результат по шкале «карьерная устойчивость» свидетельствует о том, что участникам выборки, в среднем, сложно дается борьба с изменениями и негативными ситуациями в рамках профессиональной деятельности. Качественные показатели профессиональной деятельности таких сотрудников будут снижаться под влиянием неблагоприятных условий и стрессовых факторов. Показатель по шкале «карьерная интуиция» может указывать на невысокую эффективность действий сотрудников, направленную на карьерный рост. Подобный результат также может указывать на неадекватные ожидания от профессии (заниженные или завышенные).

Интерпретируя результаты молодых специалистов социономического профиля по всем шкалам методики «Мотивации в карьере», можно сделать следующие выводы:

Доминирующая карьерная мотивация у выборки – карьерная причастность. Молодые специалисты социономической сферы готовы брать на себя ответственность за результат своей деятельности, и, при необходимости работать сверхурочно ради достижения профессиональных целей. При этом, данные сотрудники могут иметь нестабильную оценку собственных ожиданий от карьеры, а также подвержены снижению работоспособности при неблагоприятных условиях труда. Таким образом, молодые специалисты социономической сферы готовы посвящать свободное время своей профессиональной деятельности и ставить ее на первое место, однако, им сложно объективно оценить потенциал своего развития, а стрессовые ситуации и нестабильность могут существенно повлиять на

Далее рассмотрим мотивы, лежащие в основе профессиональной деятельности у молодых специалистов социономического профиля. Средние результаты группы по методике «Многофакторный опросник для оценки мотивации трудовой деятельности» представлены в табл. 1. В ней продемонстрированы наиболее выраженные факторы, образующие структуру мотивации трудовой деятельности сотрудников.

Средние результаты молодых специалистов социономического профиля по методике «Многофакторный опросник для оценки мотивации трудовой деятельности» распределились следующим

образом:

1. Важная/Полезная работа: средний уровень выраженности – 7,6 балла, максимальный возможный балл – 10, стандартное отклонение (σ) – 1,65.
2. Профессиональный рост: средний уровень выраженности – 7,8 балла, максимальный возможный балл – 10, стандартное отклонение (σ) – 1,21.
3. Избегание неподходящего стиля работы: средний уровень выраженности – 7,7 балла, максимальный возможный балл – 10, стандартное отклонение (σ) – 1,9.

Интерпретируя полученные результаты, можно заключить вывод о том, что доминирующими факторами мотивации при выборе работы будет являться возможность профессионального роста (7,8) и полезность профессиональной деятельности для социума (7,6). Полезность работы связана с особенностями специфики профессиональной деятельности специалистов социономической сферы. Выбирая профессии, направленные на работу с другими людьми, у человека должна быть выражена просоциальная мотивация, лежащая в основе данного выбора.

Высокий показатель по фактору «возможность профессионального роста» указывает на карьерную амбициозность молодых специалистов социономической сферы. Молодые специалисты хотят иметь возможность развиваться и расти по карьерной лестнице, а главным опасением в профессиональной деятельности они считают неподходящий стиль работы.

Далее мы проанализируем баланс работы и личной жизни молодых специалистов социономической сферы. Как мы упоминали раннее, специфика деятельности специалистов социономической сферы – уникальна и требует повышенной социальной ответственности и соблюдения этических норм, которые не зафиксированы в регламентах. Подобный факт может иметь влияние на баланс работы и личной жизни. Данные, полученные с помощью методики «Субъективный баланс работы и личной жизни» представлены на рис. 2.

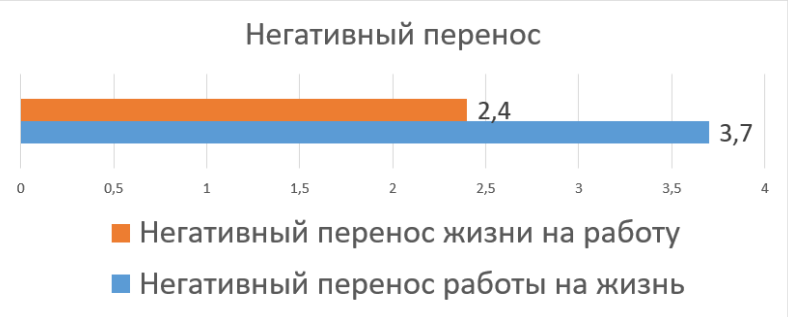


Рис. 2. Средние результаты молодых специалистов социономического профиля по шкале «Негативный перенос» (Методика – «Субъективный баланс работы и личной жизни»).
Fig. 2. Average results of young specialists with a socionomic profile on the “Negative Transfer” scale (Methodology – “Subjective balance of work and personal life”).

Результаты и обсуждения

Исходя из средних результатов молодых специалистов социономической сферы, можно сделать вывод, о том, что им свойственно переносить негативные фон с рабочих процессов на личную жизнь (3,7 баллов из 5). Подобный показатель указывает на повышенный риск профессионального и эмоционального выгорания и может быть связан с повышенной ответственностью профессий типа «человек-человек». При этом, показатель «негативный перенос жизни на работу» находится в рамках нормы.

Ниже на рис. 3 представлены результаты по шкале «Позитивный перенос», демонстрирующие баланс между положительными эмоциями на работе и вне работы.

Рис. 3. Средние результаты молодых специалистов социономического профиля по шкале «Позитивный перенос» (Методика – «Субъективный баланс работы и личной жизни»).
Fig. 3. Average results of young specialists in the socionomic profile on the “Positive Transfer” scale (Methodology – “Subjective balance of work and personal life”).

Показатель 3,9/5 по шкале «Личная жизнь как источник сил для работы» указывает на то, что для молодых специалистов социономического профиля свойственно соотношение личной жизни и работы при котором личная жизнь является источником сил для профессиональной деятельности. Подобный показатель также указывает на необходимость дополнительных внутренних ресурсов для осуществления профессиональной деятельности.

Обобщая 2 данных шкалы, можно сделать вывод о том, что молодым специалистам социономической сферы сложно сохранять баланс между работой и личной жизнью. При этом, им свойственно переносить рабочие сложности на личную жизнь, что может быть связано с повышенной ответственностью профессий типа «человек-человек». В то же время, свободное время выступает для них источником сил для работы. Подобная модель может приводить к истощению и профессиональному выгоранию, которое существенно скажется на качестве рабочей деятельности специалистов социономической сферы.

Выводы

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод о том, что молодые специалисты социономической сферы ценят свою профессиональную роль и полезность своей деятельности. Они готовы работать сверхурочно и нести ответственность за результат своего труда. При этом, данным специалистам необходима поддержка, связанная с построением их карьеры, так как им свойственно ошибаться в ожиданиях от своего профессионального развития. Более тесное взаимодействие с преподавателями во время обучения в вузе, регулярное прохождение учебных практик, приближенных к реальным условиям, наставничество во время периода адаптации на рабочем – все это может существенно приблизить ожидания молодых специалистов к реальности, тем самым, сделав их карьерные перспективы более понятными.

В качестве профилактики профессионального выгорания и негативного переноса с работы на личную жизнь, можно дать рекомендацию о необходимости смены обстановки в процессе отдыха. Данная рекомендация уместна, как для самих специалистов, так и для их работодателей. Активные корпоративные мероприятия, поощрение активного отдыха, гибкий подход к графику работы, позволяющий специалисту в случае необходимости переработок, восстановить силы – все это в долгосрочной перспективе принесет работодателю повышенную эффективность, а также снизит риск демотивации сотрудников и «текучки» кадров. Обратная связь о перспективах дальнейшего развития также является необходимым компонентом в работе с данной группой специалистов.

Работодателям важно учитывать особенности специфики профессиональной мотивации молодых специалистов, так как она может отличаться от привычных им моделей. В таком случае, гибкий подход будет залогом успеха для эффективного руководства и совместного достижения профессиональных целей.

Список источников

1. Стельмашенко О.В., Елина Ю.А. Проблема дефицита молодых специалистов на рынке труда Российской Федерации // Экономика и социум. 2023. № 10 (113). С. 650 – 656.

2. Кашапов М.М., Сурина Н.В. Особенности ресурсности мышления профессионалов социономического типа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2023. № 12. С. 40 – 48.

3. Серафимович И.В. Ресурсность профессионального мышления студентов социономических групп профессий // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. № 28 (3). С. 134 – 142.

4. Брессо Т.И. Изучение просоциальной мотивации студентов социономических профессий // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 1 (21).

5. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. СПб.: Нестор-История, 2014. 367 с.

6. Кочетков Н.В. К вопросу об отношении к деньгам студентов-психологов // Проблемы современного образования. 2017. № 3. С. 33 – 38.

7. Новикова А.В., Савинова Т.В. Развитие профессиональной мотивации будущих психологов // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 3 (78). С. 282 – 285.

8. Гридина Е.Н. Педагогическое сопровождение социально-профессиональной адаптации будущих учителей технологии на этапе профессиональной подготовки в вузе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 3 (67). С. 278 – 283.

9. Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2007. 349 с.

10. Новикова А.В., Савинова Т.В. Развитие профессиональной мотивации будущих психологов // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78 (3). С. 282 – 285.

References

1. Stelmashenko O.V., Elina Yu.A. The problem of shortage of young specialists in the labor market of the Russian Federation. Economy and Society. 2023. No. 10 (113). P. 650 – 656.

2. Kashapov M.M., Surina N.V. Features of the resourcefulness of thinking of professionals of the socionomic type. Bulletin of the Saratov University. New series. Series Acmeology of education. Developmental psychology. 2023. No. 12. P. 40 – 48.

3. Serafimovich I.V. Resourcefulness of professional thinking of students of socionomic groups of professions. Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2022. No. 28 (3). P. 134 – 142.

4. Bresso T.I. Study of prosocial motivation of students of socionomic professions. Russian Journal of Education and Psychology. 2013. No. 1 (21).

5. Mitina L.M. Psychology of personal and professional development of subjects of education. St. Petersburg: Nestor-History, 2014. 367 p.

6. Kochetkov N.V. On the issue of attitude to money of psychology students. Problems of modern education. 2017. No. 3. P. 33 – 38.

7. Novikova A.V., Savinova T.V. Development of professional motivation of future psychologists. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 3 (78). P. 282 – 285.

8. Gridina E.N. Pedagogical support of social and professional adaptation of future technology teachers at the stage of professional training at the university. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2023. No. 3 (67). P. 278 – 283.

9. Shapovalenko I.V. Age psychology (Developmental psychology and age psychology). Moscow: Gardariki, 2007. 349 p.

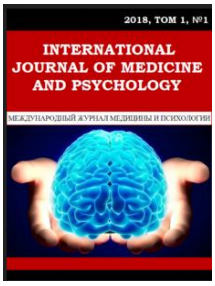
10. Novikova A.V., Savinova T.V. Development of professional motivation of future psychologists. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 78 (3). P. 282 – 285.

Информация об авторах

Пашкин С.Б., доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

Морозов Д.Д., аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48

© Пашкин С.Б., Морозов Д.Д., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9

[1] Скорикова О.В.,
[1] руководитель сектора психологической поддержки обучающихся СПО центра психологической поддержки (Антикризисного центра)

Взаимосвязь социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов

Аннотация: статья рассматривает социально-психологическую адаптацию как процесс взаимодействия личности и общества, способствующий успешному выполнению социальных ролей и самоактуализации. Этот процесс играет ключевую роль в обеспечении успешного выполнения человеком различных социальных ролей, а также в его стремлении к самоактуализации и самореализации в социальных условиях. Автор выделяет два типа адаптации: регрессивную и прогрессивную, последняя из которых приводит к истинной социализации. Адаптация характеризуется как регулятор психического напряжения и может принимать внешнюю, внутреннюю или смешанную форму. Основное внимание уделяется роли социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью студентов, влияющей на их академический и личностный успех. Процесс адаптации к университетской среде, особенно важный в начале обучения, включает преодоление стресса и обретение способности справляться с новыми требованиями. Процесс адаптации к университетской среде, который является особенно актуальным на начальных этапах обучения, включает в себя преодоление стрессовых ситуаций и приобретение навыков эффективного реагирования на новые вызовы и требования. Усиление социальной интеграции и эмоциональной регуляции способствует лучшим академическим результатам и удовлетворенности образовательным процессом. В статье подчеркивается важность институциональной поддержки для успешной адаптации студентов через создание благоприятной среды и предоставление ресурсов. В исследовании описаны этапы подготовки эмпирического исследования, методы и методики, использованные при его проведении, статистические данные, полученные в ходе эмпирического исследования, обсуждение его результатов.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, удовлетворенность учебной деятельностью, университетская среда, образовательный процесс, студенты

Для цитирования: Скорикова О.В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 183 – 191.

Поступила в редакцию: 7 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 февараля 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Skorikova O.V.,
[1] Head of the psychological support sector for students of the Vocational School of the Center for Psychological Support (Anti-Crisis Center)

The relationship of socio-psychological adaptation and satisfaction with educational activities among students

Abstract: the article considers socio-psychological adaptation as a process of interaction between an individual and society, contributing to the successful fulfillment of social roles and self-actualization. This process plays a key role in ensuring the successful fulfillment of various social roles by a person, as well as in his desire for self-

actualization and self-realization in social conditions. The author identifies two types of adaptation: regressive and progressive, the latter of which leads to true socialization. Adaptation is characterized as a regulator of mental tension and can take an external, internal or mixed form. The main attention is paid to the role of socio-psychological adaptation and satisfaction with students' academic activities, which affects their academic and personal success. The process of adapting to the university environment, especially important at the beginning of studies, includes overcoming stress and gaining the ability to cope with new requirements. The process of adaptation to the university environment, which is especially relevant at the initial stages of education, includes overcoming stressful situations and acquiring skills to effectively respond to new challenges and requirements. Strengthening social integration and emotional regulation contributes to better academic results and satisfaction with the educational process. The article emphasizes the importance of institutional support for the successful adaptation of students through the creation of a favorable environment and the provision of resources. The study describes the stages of preparing an empirical study, the methods and techniques used in its conduct, the statistical data obtained during the empirical study, and the discussion of its results.

Keywords: socio-psychological adaptation, satisfaction with academic activities, university environment, educational process, students

For citation: Skorikova O.V. The relationship of socio-psychological adaptation and satisfaction with educational activities among students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 183 – 191.

The article was submitted: December 7, 2024; Approved after reviewing: February 10, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Студенческий возраст – это период завершения физического созревания, бурного роста самосознания, формирования мировоззрения, выбора профессии и начала вступления во взрослую жизнь. Студенческий возраст не только завершает период подготовки к взрослой жизни, но и сам по себе исключительно богат и многогранен [2]. Проблема взаимосвязи социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов является актуальной темой в области педагогической и психологической науки. Социально-психологическая адаптация студентов включает в себя процесс их интеграции в учебное окружение, формирование социальных связей, а также способность справляться с эмоциональными и психологическими нагрузками, которые возникают в процессе обучения. Удовлетворенность учебной деятельностью, в свою очередь, отражает степень, в которой студенты чувствуют себя комфортно и успешно в учебном процессе, что влияет на их мотивацию, вовлеченность и академические достижения.

Существует множество факторов, которые могут влиять на эту взаимосвязь. Например, уровень социальной поддержки, который студенты получают от однокурсников и преподавателей, может значительно способствовать их адаптации и, соответственно, повышать удовлетворенность учебной деятельностью. Низкий уровень социальной интеграции может привести к чувству одиночества и изоляции, что, в свою очередь, негативно сказывается на мотивации и удовлетворенности обучением.

Кроме того, индивидуальные характеристики студентов, такие как личностные черты, уровень самооценки и предыдущий опыт обучения, также играют важную роль в этой взаимосвязи. Студенты с развитыми социальными навыками, как правило, лучше адаптируются к новым условиям и, следовательно, испытывают большее удовлетворение от учебного процесса. Напротив, студенты, испытывающие трудности в социальной адаптации, могут сталкиваться с проблемами в учебе, что приводит к снижению удовлетворенности и даже к академическим неудачам.

Образование играет ключевую роль в формировании как индивидуальности человека, так и общества в целом. Оно питает критическое мышление, помогает людям осознать окружающий мир и свою роль в нем, а также открывает двери для профессионального роста [5].

Учебный процесс в вузе является сложной и энергозатратной задачей, требующей значительных эмоциональных и физических усилий от молодого человека. Вопрос адаптации студентов активно рассматривается психологами, которые используют различные подходы и методики [6].

Понятийные рамки адаптации в науке непрерывно развиваются и углубляются. Это связано с множеством исследований в различных областях – от физиологии до математики. Психологи адаптируют и внедряют эти концепции и модели для изучения различных форм взаимодействия человека с окружающей средой, анализируя адаптацию на различных уровнях: психофизиологическом,

психологическом и социально-психологическом [4].

Цель статьи: обоснование необходимости учёта взаимосвязи социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью в процессе обучения студентов

Материалы и методы исследований

Социально-психологическая адаптация характеризуется таким взаимодействием личности и общества, при котором, несмотря на отсутствие длительных внешних и внутренних противоречий, личность способна выполнять свои основные задачи, легко выполнять ожидаемые обществом роли, испытывать состояние самоактуализациии уверенно выражать свои творческие способности.

Социально-психологическую адаптацию можно разделить на два типа.

1. Регрессивная: проявляется как формальная адаптация, которая не приносит пользы ни обществу, ни его социальным группам, ни самому человеку.

2. Прогрессивный, когда достигается абсолютная адаптация;

Последний тип адаптации психологи определяют, как конформистский, который основан на формальном принятии индивидом социальных норм и условий. У индивида отсутствует способность подчиняться, открываться, достигать самореализации, познавать чувство собственного достоинства, проявлять творчество.

Определяются три типа адаптивности [10]:

1. внешняя адаптивность означает, что человек остаётся независимым и сохраняет свою индивидуальность, не изменяя свои внутренние установки;

2. внутренняя адаптивность предполагает полное принятие изменений, при котором происходят трансформации в концепциях и функциональных аспектах личности;

3. смешанная адаптивность характеризуется ситуацией, когда индивид частично адаптируется к социальным нормам и ценностям, при этом сохраняя свою уникальность и самоидентификацию.

Только прогрессивная адаптация способна привести к настоящей социализации человека.

Социально-психологическая адаптация считается способом защиты человека путем разрешения психического напряжения, тревог, неуверенности и страхов, возникающих при взаимодействии с окружающей средой. Процесс социально-психологической адаптации, взаимодействие личности и группы, протекает при отсутствии длительных внешних и внутренних противоречий, и личность свободно осуществляет свою первоначальную деятельность и соответствует ожиданиям от ролей, которые навязывает ей группа.

Роль социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов является ключевым аспектом в достижении их академического и личностного успеха. В современном образовательном пространстве, где требования к студентам постоянно возрастают, умение успешно адаптироваться к изменяющимся условиям учебного процесса становится неотъемлемой частью их развития.

Адаптация к университетской среде представляет собой длительный процесс, который в основном происходит в течение первого учебного года и особенно в начале, когда открывается множество возможностей и возникает необходимость задействовать личные ресурсы. Этот процесс следует рассматривать не только как конечный результат, подразумевающий успешное функционирование, но и как саму трансформацию, которая ведет от первой, стрессовой стадии к этапу, где преобладают благополучие и способность действовать в соответствии с новыми требованиями. Таким образом, процесс адаптации включает в себя как преодоление эмоционального напряжения, так и достижения уровня, на котором студент чувствует себя комфортно и успешно справляется с вызовами, связанными с обучением [8].

Социально-психологическая адаптация включает в себя не только способность студента находить общий язык с окружающими его людьми, такими как однокурсники, преподаватели и административный персонал, но и умение справляться с внутренними вызовами, такими как стресс, тревога и неопределенность. Этот процесс адаптации оказывает значительное влияние на удовлетворенность учебной деятельностью, поскольку студенты, успешно интегрировавшие социальные и психологические аспекты своей жизни, как правило, достигают более высоких академических успехов и испытывают больше удовольствия от образовательного процесса.

Комплексная взаимосвязь между адаптацией и удовлетворенностью проявляется в том, что студенты, которые эффективно выстраивают межличностные отношения и способны регулировать собственные эмоции, гораздо лучше справляются с академическими требованиями. Они демонстрируют большую вовлеченность в учебный процесс, активно участвуют в обсуждениях, задают вопросы и проявляют инициативу в научно-исследовательской деятельности. Это, в свою очередь, способствует более глубокому усвоению знаний и развитию критического мышления.

Социальное благополучие играет ключевую

роль в жизни молодёжи, так как значительно влияет на её ценностные ориентиры, мотивацию к образованию, а также стремление к саморазвитию и самореализации [9].

Не менее важным аспектом является поддержка, которую студенты получают от своего учебного заведения. Создание благоприятной учебной среды, что включает в себя доступ к ресурсам, консультациям и возможности участия в социальных и культурных мероприятиях, способствует формированию положительного отношения к учебе. Так, вузы и факультеты, предоставляющие поддержку и возможности для самовыражения, играют важную роль в успешной адаптации студентов.

Кроме того, личностные качества, такие как уверенность в себе, настойчивость и открытость новому опыту, также вносят значительный вклад в успешную адаптацию. Такие студенты не только легче справляются с трудностями, но и выступают в роли катализаторов позитивных изменений в своей учебной и социальной среде [2]. В процессе обучения в высших учебных заведениях происходит интенсивное становление нравственного самосознания, формирование устойчивого мировоззрения, которые представляют собой основу морально-этической культуры индивидума. На данном этапе укрепляются ценностные ориентиры и идеалы, а также развиваются моральные качества личности [7].

Изучение взаимосвязи социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов представляет собой важный аспект в понимании их общего благополучия и академической успешности. Студенческая жизнь является одним из ключевых периодов в развитии личности, когда приобретаются новые знания, формируются социальные навыки и укрепляются жизненные ценности. В этот период особую роль играет способность студентов адаптироваться к новым условиям обучения и интегрироваться в университетскую среду. Успешность обучения студентов во многом определяется возможностями психической регуляции своего состояния, поведения и деятельности [1].

Социально-психологическая адаптация включает в себя множество аспектов: от формирования новых социальных связей и взаимодействия с однокурсниками до умения справляться с учебными нагрузками и стрессом. Удовлетворенность учебной деятельностью, в свою очередь, отражает качество восприятия образовательного процесса, личные достижения и уровень мотивации студента. Она также зависит от понимания и поддержки со стороны преподавателей и административного персонала университета. Социально-психологическая адаптация охватывает множество аспектов: от создания новых социальных контактов и взаимодействия с однокурсниками до освоения методов управления учебными нагрузками и стрессовыми ситуациями. Уровень удовлетворенности учебным процессом, в свою очередь, является отражением восприятия образовательной среды, индивидуальных успехов и мотивации студента. Эта удовлетворенность также зависит от поддержки и понимания со стороны преподавателей и сотрудников администрации университета [3]. Период обучения в вузе приобретает особую значимость благодаря развитию ключевых направлений для студентов первого курса. Во-первых, это усовершенствование учебно-познавательной активности, которое проявляется в способности студентов анализировать, структурировать и обобщать значительные объемы теоретической информации. Во-вторых, важным аспектом является сфера взаимодействия, в рамках которой формируются навыки командной работы и эффективного межличностного общения. Кроме того, развитие самосознания становится не менее значимо, где важным аспектом является формирование мотивации и адекватного восприятия собственных достоинств и недостатков. Эти компоненты способствуют не только личностному росту студентов, но и их успешной адаптации к требованиям учебной среды. Таким образом, именно этот учебный период служит основой для формирования ключевых компетенций, необходимых для дальнейшего обучения и профессиональной деятельности.

Цель исследования : изучить взаимосвязь социально-психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов.

Для исследования взаимосвязь социально- психологической адаптации и удовлетворенности учебной деятельностью у студентов было предпринято эмпирическое исследование, которое включало подготовительный, эмпирический и аналитический этапы.

База и выборка эмпирического исследования: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Выборка составила 80 человек – студентов 1 курса в возрасте 18-20 лет.

Этапы:

1. Подготовительный: анализ теоретических источников по проблеме исследования, подбор методик согласно цели исследования.
2. Эмпирический: исследование факторов социально-психологической адаптации и удовлетворённости учебной деятельностью первокурс-

ников посредством подобранного пакета диагностических методик.

3. Аналитико-обобщающий: обработка, анализ и описание результатов исследования.

Для достижения цели исследования использовались следующие методики:

1. Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд
2. Методика «Адаптированность студентов в вузе» (Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова).
3. Тест-опросник удовлетворенности учебной деятельности (УУД) Л.В. Мищенко

Результаты и обсуждения

Корреляционные связи исследовались с помощью расчёта коэффициента линейной корреляции Пирсона

Значимые корреляционные связи между социально-психологической адаптацией и удовлетворенностью учебной деятельностью студентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значимые корреляционные связи между социально-психологической адаптацией и удовлетворенностью учебной деятельностью студентов.

Table 1

Significant correlations between socio-psychological adaptation and satisfaction with students' educational activities.

Показатели	R Пирсона	p-уровень значимости
Адаптивность&Общая удовлетворенность учебной деятельностью	0,227	p>0,05
Адаптивность&Удовлетворенность взаимоотношениями с однокурсниками	0,286	p>0,05
Принятие себя &Удовлетворенность учебным процессом	-0,284	p>0,05
Принятие себя &Удовлетворенность воспитательным процессом	0,232	p>0,05
Непринятие себя&Удовлетворенность избранной профессией	0,224	p>0,05
Принятие других & Удовлетворенность учебным процессом	0,439	p>0,01
Принятие других & Удовлетворенность избранной профессией	-0,319	p>0,01
Непринятие других& Общая удовлетворенность учебной деятельностью	-0,222	p>0,05
Непринятие других& Удовлетворенность избранной профессией	-0,373	p>0,01
Эмоциональный комфорт& Удовлетворенность учебным процессом	0,250	p>0,05
Эмоциональный комфорт& Удовлетворенность взаимоотношениями с однокурсниками	-0,235	p>0,05
Внешний контроль& Удовлетворенность учебным процессом	-0,329	p>0,01
Ведомость & Удовлетворенность учебным процессом	0,359	p>0,01
Эскапизм& Удовлетворенность воспитательным процессом	0,458	p>0,01
Адаптированность к учебной группе&Удовлетворенность воспитательным процессом	- 0,265	p>0,05
Адаптированность к учебной группе& Удовлетворенность взаимодействием с преподавателями	0,248	p>0,05

Корреляционный анализ показал, что:

При повышении адаптивности у студентов повышается общая удовлетворенность учебной деятельностью (0,227 при p= 0,05) и удовлетворенность взаимоотношениями с однокурсниками (0,286 при p= 0,05). При повышении адаптивности у студентов увеличивается общая удовлетворенность учебной деятельностью, потому что адаптивные студенты лучше справляются с изменениями и новыми вызовами, что снижает уровень стресса и тревожности. Они развивают навыки решения проблем и критического мышления, что делает обучение более интересным и увлекательным. Кроме того, такие студенты легче устанавливают социальные связи и взаимодействуют с преподавателями и сокурсниками, создавая поддерживающую учебную среду. Высокая адаптивность также помогает им воспринимать трудности как возможности для роста, что способствует позитивному отношению к учебному процессу и повышает общую удовлетворенность. При повышении адаптивности у студентов увеличивается общая удовлетворенность взаимоотношениями с однокурсниками, потому что адаптивные студенты лучше справляются с социальными взаимодействиями и изменениями в группе. Они открыты к новым знакомствам, легче устанавливают контакты и активно участвуют в совместной деятельности, что способствует созданию дружеской атмосферы. Адаптивные студенты также более терпимы к различиям и способны эффективно разрешать конфликты, что укрепляет взаимопонимание и доверие в группе. В

результате, такие положительные взаимодействия приводят к более глубоким и удовлетворительным отношениям с однокурсниками.

При возрастании принятия себя у студентов снижается удовлетворенность учебным процессом (- 0,284, при p= 0,05), но повышается удовлетворенность воспитательным процессом (0,232, при p= 0,05). При возрастании принятия себя у студентов может снижаться удовлетворенность учебным процессом, потому что они становятся менее критичными к своим достижениям и результатам. Это может привести к снижению мотивации к учебе и стремлению к самосовершенствованию, так как студенты могут начать воспринимать свои текущие навыки и знания как достаточные. Кроме того, повышенное принятие себя может вызвать ощущение комфорта и стабильности, что иногда приводит к отсутствию стремления к новым вызовам и активному участию в учебном процессе, что в итоге снижает удовлетворенность от обучения. При возрастании принятия себя у студентов повышается удовлетворенность воспитательным процессом, потому что они становятся более уверенными в себе и открытыми к взаимодействию с окружающими. Это способствует созданию положительной атмосферы, в которой студенты чувствуют себя комфортно, выражая свои мысли и идеи. Принятие себя также помогает развивать эмоциональную устойчивость, что позволяет лучше справляться с трудностями и конфликтами в группе.

При принятии других у студентов повышается удовлетворенность учебным процессом (0,439, при p = 0,01), но снижается удовлетворенность избранной профессией (- 0,319, при p= 0,01). При принятии других у студентов повышается удовлетворенность учебным процессом, так как это способствует созданию поддерживающей и дружелюбной атмосферы, что делает обучение более комфортным и эффективным. Студенты, принимающие окружающих, чаще взаимодействуют и сотрудничают, что улучшает их вовлеченность в учебный процесс. Однако снижение удовлетворенности избранной профессией может быть связано с тем, что студенты, сосредоточенные на принятии других, могут меньше внимания уделять своим профессиональным целям и амбициям. Это может привести к чувству несоответствия между их личными ценностями и выбранной карьерой, что вызывает сомнения в правильности выбора профессии.

Повышенное непринятие других студентами ведет к снижению общей удовлетворенности учебной деятельностью (- 0,222, при p= 0,05), а также снижению удовлетворенности избранной профессией (- 0,373, при p= 0,01). Повышенное непринятие других студентами приводит к снижению общей удовлетворенности учебной деятельностью, поскольку создает негативную атмосферу, в которой учащиеся чувствуют себя изолированными и некомфортно. Это мешает эффективному взаимодействию и сотрудничеству, что негативно сказывается на вовлеченности и мотивации. Кроме того, непринятие может способствовать конфликтам и стрессу, что ухудшает общее восприятие учебного процесса. Снижение удовлетворенности избранной профессией также может быть следствием этого непринятия, так как студенты могут ощущать, что их личные ценности и социальные связи не соответствуют профессиональным требованиям, что вызывает сомнения в правильности выбора карьеры.

Возрастание эмоционального комфорта ведет к удовлетворенности учебным процессом (0,250, при p = 0,05), но снижению удовлетворенности взаимоотношениями с однокурсниками (- 0,235, при p = 0,05). Возрастание эмоционального комфорта способствует удовлетворенности учебным процессом, так как создает позитивную атмосферу, в которой студенты чувствуют себя расслабленно и уверенно, что улучшает их вовлеченность и мотивацию к обучению. Однако это же повышение комфорта может привести к снижению удовлетворенности взаимоотношениями с однокурсниками, если студенты начинают изолироваться в своем эмоциональном состоянии или меньше взаимодействовать с группой. Это может уменьшить количество социальных связей и совместных активностей, что негативно сказывается на восприятии отношений с другими учащимися.

Повышенный внешний контроль студентов ведет к снижению удовлетворенности учебным процессом (- 0,329, при p= 0,01). Повышенный внешний контроль студентов снижает удовлетворенность учебным процессом, поскольку создает атмосферу давления и ограничений, в которой учащиеся чувствуют себя менее свободными в своем обучении. Это может вызывать стресс и тревогу, что негативно сказывается на их мотивации и вовлеченности. Когда студенты ощущают, что их действия и решения находятся под постоянным контролем, они могут терять интерес к учебе и воспринимать процесс как навязанный, а не как возможность для личностного и профессионального роста.

Повышенная ведомость ведет к повышению удовлетворенности учебным процессом (0,359, при p= 0,01). Повышенная ведомость способствует увеличению удовлетворенности учебным процессом, поскольку она обеспечивает студентам четкие ожидания и структуру, что помогает им лучше организовать свое время и усилия. Когда учащиеся имеют доступ к регулярной обратной связи и информации о своем прогрессе, это создает чувство контроля и уверенности в своих способностях. Кроме того, такая прозрачность способствует более активному вовлечению в учебный процесс, так как студенты понимают, какие аспекты требуют внимания и улучшения. В результате это повышает их мотивацию и удовлетворенность от обучения.

Возрастание эскапизма у студентов ведет к повышению удовлетворенности воспитательным процессом (0,458, при p= 0,01). Возрастание эскапизма у студентов может вести к повышению удовлетворенности воспитательным процессом, поскольку позволяет учащимся временно отвлекаться от стрессов и трудностей учебной жизни. Эскапизм, проявляющийся через различные формы досуга, такие как игры, фильмы или чтение, предоставляет студентам возможность расслабиться и восстановить эмоциональное равновесие. Это может создать положительное восприятие воспитательного процесса, так как студенты находят в нем поддержку и возможность для личной самореализации.

Адаптированность к учебной группе ведет к снижению удовлетворенности воспитательным процессом (- 0,256, при p= 0,05), но повышению удовлетворенности взаимодействием с преподавателями (0,248 при p= 0,05). Адаптированность к учебной группе может приводить к снижению удовлетворенности воспитательным процессом, так как студенты, успешно интегрировавшиеся в коллектив, могут сталкиваться с давлением социальных норм и ожиданий, что создает стресс и снижает общую удовлетворенность. В то же время, такая адаптация может способствовать повышению удовлетворенности взаимодействием с преподавателями, поскольку студенты, чувствующие себя частью группы, становятся более открытыми к общению и сотрудничеству с преподавателями. Это взаимодействие может восприниматься как поддержка и помощь в учебном процессе, что в итоге повышает удовлетворенность именно в этой области.

Выводы

Социально-психологическая адаптация определяется как взаимодействие личности и общества, позволяющее личности выполнять свои задачи и роли, испытывать состояние самоактуализации. Она делится на два типа: регрессивная, которая не приносит пользы ни обществу, ни индивиду, и прогрессивная, ведущая к абсолютной адаптации. Прогрессивная адаптация способствует реальной социализации человека. Она также служит защитой от психического напряжения, тревог и страхов в условиях взаимодействия с окружающей средой.

Для студентов социально-психологическая адаптация и удовлетворенность учебной деятельностью имеют ключевое значение для их академического и личностного успеха. Умение находить общий язык с окружением, справляться с внутренними вызовами, и поддержка учебного заведения формируют положительное отношение к учебе. Личностные качества, такие как уверенность и открытость, способствуют успешной адаптации. Исследования подтверждают, что хорошо адаптированные студенты чаще выражают удовлетворенность учебой, менее подвержены тревоге и эмоциональному напряжению.

В результате проведенного эмпирического исследования выявлено 16 значимых корреляционных связей между социально- психологической адаптацией и удовлетворенностью учебной деятельностью у студентов.

Исследование, посвященное изучению взаимосвязи между социально-психологической адаптацией и удовлетворенностью учебной деятельностью, выявляет сложные и многогранные отношения между этими аспектами студенческой жизни. Важно отметить, что адаптация к новому учебному окружению и условиям, особенно в начале учебного процесса, является критическим этапом, влияющим на общее восприятие студентом своего образовательного опыта.

Таким образом, комплексный подход к поддержке студентов в процессе адаптации может стать ключевым элементом повышения их удовлетворенности учебной деятельностью. Образовательные учреждения должны уделять внимание разработке программ, нацеленных на смягчение адаптационных трудностей и формирование благоприятной учебной среды, чему будут способствовать как индивидуальные консультативные услуги, так и групповые мероприятия, способствующие социальной интеграции и академической вовлеченности.

Список источников

1. Бенелли А.В. Психологические особенности воспитания и обучения в аспекте развития личности студента // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция. Доклады и материалы: в 2-х ч. Москва, 14-16 ноября 2019 года / Под общей ред. И.М. Ильинского. Том Часть 2. Москва: Московский гуманитарный университет, 2019. С. 287 – 292.
2. Вергун Т.В., Чупаха И.В. Психолого-педагогические аспекты формирования личности в процессе обучения в высшем учебном заведении // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2023. № 3. С. 16 – 20.
3. Григорьева В.П. Особенности социально-психологической адаптации студентов первого курса к образовательному процессу в вузе // Молодой ученый. 2021. № 43 (385). С. 59 – 61.
4. Заборовская О.С. Факторы адаптации студентов вуза // Язык. Общество. Медицина : материалы XVI Республиканской студенческой научно-практической конференции и XIII Республиканского научно-практического семинара «Формирование межкультурной компетентности в учреждениях высшего образования при обучении языкам», Гродно, 18 ноября 2016 года. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет, 2017. С. 233 – 236.
5. Ковальчук В.К. Роль высшей школы в формировании личности студента: современные реалии // Общество и государство. 2023. № 3 (43). С. 14 – 18.
6. Кураченко И.В. К вопросу адаптации студентов к учебному процессу // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – университет – предприятие»: материалы XIV международной научно-методической конференции, Гомель, 02 февраля 2023 года. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2023. С. 228 – 229.
7. Маскалянова С.А., Саранча Е.В. Особенности развития морально-нравственной культуры личности современных студентов в условиях виртуального информационного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 4. С. 62 – 65.
8. Найденова Е.В., Морозова А.С. Взаимосвязь между адаптированностью и психическим состоянием в учебной деятельности у студентов 1 курса // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2023. Т. 6. № 4. С. 99 – 108.
9. Сухова Е.Е., Черкесова Е.А. Социальное благополучие современного студенчества // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2023. № 9. С. 104 – 114.
10. Тамкова Е.А., Дианова Н.Ф. Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-3 (56). С. 142 – 145.

References

1. Benelli A.V. Psychological features of education and training in the aspect of student personality development. Higher education for the 21st century: the role of humanitarian education in the context of technological and socio-cultural changes: XV International scientific conference. Reports and materials: in 2 parts. Moscow, November 14-16, 2019. Under the general editorship of I.M. Ilyinsky. Volume Part 2. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2019. P. 287 – 292.
2. Vergun T.V., Chupakha I.V. Psychological and pedagogical aspects of personality formation in the process of studying in a higher educational institution. Economic and humanitarian studies of the regions. 2023. No. 3. P. 16 – 20.
3. Grigorieva V.P. Features of socio-psychological adaptation of first-year students to the educational process at the university. Young scientist. 2021. No. 43 (385). P. 59 – 61.
4. Zaborovskaya O.S. Factors of Adaptation of University Students. Language. Society. Medicine: Proceedings of the XVI Republican Student Scientific and Practical Conference and the XIII Republican Scientific and Practical Seminar "Formation of Intercultural Competence in Higher Education Institutions in Teaching Languages", Grodno, November 18, 2016. Grodno: Grodno State Medical University, 2017. P. 233 – 236.
5. Kovalchuk V.K. The Role of Higher Education in the Formation of a Student's Personality: Modern Realities. Society and State. 2023. No. 3 (43). P. 14 – 18.
6. Kurachenko I.V. On the issue of students' adaptation to the educational process. Modern education: continuity and continuity of the educational system "school – university – enterprise": materials of the XIV international scientific and methodological conference, Gomel, February 02, 2023. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University, 2023. P. 228 – 229.

7. Maskalyanova S.A., Sarancha E.V. Features of the development of moral and ethical culture of the personality of modern students in the context of the virtual information space. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education. 2021. No. 4. P. 62 – 65.

8. Naidenova E.V., Morozova A.S. The relationship between adaptability and mental state in educational activities of 1st year students. Innovative science: psychology, pedagogy, defectology. 2023. Vol. 6. No. 4. P. 99 – 108.

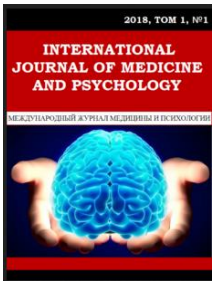
9. Sukhova E.E., Cherkesova E.A. Social well-being of modern students. Creative heritage of E.V. Ilyenkov and modernity. 2023. No. 9. P. 104 – 114.

10. Tamkova E.A., Dianova N.F. Social and psychological adaptation: classification and mechanisms. International journal of humanitarian and natural sciences. 2021. No. 5-3 (56). P. 142 – 145.

Информация об авторе

Скорикова О.В., руководитель сектора психологической поддержки обучающихся СПО центра психологической поддержки (Антикризисного центра), olgaolga87@bk.ru

© Скорикова О.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)
УДК 378.147

[1] Демиденко Н.Н.,
[1] Константинова Н.М.,
[1] Тверской государственный университет

Метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности будущего субъекта труда

Аннотация: обеспечение безопасности жизнедеятельности в современном обществе становится все более актуальной проблемой, в связи с этим растет значение образования в данной области знаний и развития метакомпетенций безопасности жизнедеятельности будущих субъектов труда в различных сферах трудовой деятельности. В работе представлена метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности, которая разработана на основе общих характеристик феномена метакомпетенций и психологического анализа компетентностного компонента дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». Модель позволяет определить оптимальные пути организации психологического сопровождения развития метакомпетенций безопасности жизнедеятельности в процессе вузовской подготовки специалиста, отвечающего актуальным требованиям современного общества.

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности, будущий субъект труда, метакомпетенции, метаструктуры психики человека, метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности

Для цитирования: Демиденко Н.Н., Константинова Н.М. Метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности будущего субъекта труда // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 192 – 198.

Поступила в редакцию: 8 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Demidenko N.N.,
[1] Konstantinova N.M.,
[1] Tver State University

Meta-competence model of life safety of the future subject of labor

Abstract: ensuring life safety in modern society is becoming an increasingly urgent problem, in this regard, the importance of education in this area of knowledge and the development of life safety metacompetences of future labor subjects in various areas of labor activity is growing. The paper presents a metacompetence model of life safety, which is developed on the basis of general characteristics of the metacompetence phenomenon and psychological analysis of the competence component of the discipline "Life Safety". The model allows us to determine the optimal ways of organizing psychological support for the development of life safety metacompetences in the process of university training of a specialist who meets the current requirements of modern society.

Keywords: life safety, future subject of labor, metacompetences, metastructures of the human psyche, metacompetence model of life safety

For citation: Demidenko N.N., Konstantinova N.M. Meta-competence model of life safety of the future subject of labor. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 192 – 198.

The article was submitted: December 8, 2024; Approved after reviewing: February 11, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

В условиях стремительно развивающихся технологий, цифровизации, появления на рынке труда новых профессии, объективно высоких требований к компетентности работника в любой сфере производства, экономики остро встает вопрос подготовки высококвалифицированных субъектов труда, способных справляться с актуальными проблемами и обладающих ресурсом действовать эффективно в нетипичных ситуациях, в условиях кризиса. Очевидно, что современное высокотехнологичное производство сопряжено с различными рисками и опасностями, это требует обеспечение безопасных условий труда и подготовленного для работы в этих условиях работника. Анализ современных тенденций развития общества в целом объясняет тот факт, почему проблеме безопасности жизнедеятельности в настоящее время уделяется самое пристальное внимание со стороны различных государственных структур. Подчеркнем, что с научной точки зрения данная проблема активно исследуется в различных научных отраслях (социология труда, организационная психология, валеология, акмеология и др.), в том числе в психологии труда. Но вопрос остается не до конца изучен, в частности в отношении – метакомптенетностной компоненты личности будущего субъекта труда как основы формирования безопасного поведения работника в жизни и в сфере профессиональной деятельности.

В связи с вышеизложенным, становится актуальной прикладной аспект общей проблемы – это профессиональная подготовка будущих субъектов труда в вузе, обладающих необходимыми метакомпетенциями в контексте безопасности жизнедеятельности.

Цель исследования – теоретически обосновать и представить авторскую метакомпетентностную модель безопасности жизнедеятельности будущего субъекта труда.

Материалы и методы исследований

Безопасность жизнедеятельности является основной потребностью человека и, в первую очередь, это касается его трудовой деятельности. Все сферы экономики требуют безопасного производства для более эффективной и высокой производительности труда, сохранения профессионального здоровья и жизни субъектов труда. Быстро меняющиеся требования рынка труда актуализируют подготовку трудовых кадров, обладающих необходимыми профессиональными и психологическими качествами в области безопасности жизнедеятельности. Объектом анализа в нашей работе являются метакомпетенции безопасности жизнедеятельности (МБЖД), развитие которых должно осуществляться на этапе профессиональной подготовки в вузе. МБЖД рассматриваются нами с позиции психологической сущности данного феномена и с опорой на имеющиеся дефиниции безопасности.

Результаты и обсуждения

Согласно теории А. Маслоу, потребности в безопасности и защите находятся на втором уровне в иерархии потребностей, то есть после физиологических и, таким образом, занимают доминирующую позицию по сравнению с другими потребностями человека [6]. Кроме того, исследователи подчеркивают, что удовлетворение данной потребности является необходимым условием нормального существования и развития человека, а безопасное поведение личности является основой всех других видов безопасности, и она не может быть эффективной, если сам человек не уделяет этому должного внимания [5]. Безопасность – это такое состояние, без которого не могут нормально развиваться ни личность, ни социальная организация, ни общество в целом, и которое предполагает наличие определенных условий, необходимых для жизни, развития и деятельности [7, 1].

Различные аспекты общей проблемы и изучение причин потенциальных и реальных опасностей в процессе трудовой деятельности в психологии труда представлены в научных трудах ведущих ученых Е.А. Климова, А.В. Карпова, М.А. Котика, В.А. Толочека, А.Н. Занковского и др. Исследователи выделяют два основных фактора, обусловливающих возникновение опасностей в процессе трудовой деятельности: особенности производственной среды и опасности, связанные с человеческим фактором. К факторам современной производственной среды можно отнести возрастание скорости обмена информацией, стремительное внедрение цифровизации и искусственного интеллекта в различные отрасли, усложнение высокотехнологических производственных процессов, что делает многие профессии потенциально опасными. При этом определяющее значение имеют

личностные факторы человека. Высокие требования к профессионализму субъекта труда, возрастание психологической нагрузки на работника и руководителя, необходимость управлять своим эмоциональным состояниям, рост ответственности за выполняемую работу, все эти непроизводственные факторы, психологические особенности состояния человека влияют на безопасность его труда весьма существенно.

Таким образом, обеспечение безопасности жизнедеятельности в современном обществе становится все более актуальной в практическом отношении проблемой. Исходя из логики профессиогенеза, следует отметить растущее значение образования в области безопасности жизнедеятельности. Вследствие все более возрастающего динамизма научно-технического прогресса, быстрого устаревания профессиональных компетенций, безопасность жизнедеятельности как область научных знаний постоянно содержательно модифицируется. В связи с этим необходимо непрерывное образование, многократное обучение и переобучение в сфере безопасности жизнедеятельности. Подчеркнем, что цели образования в области безопасности обусловлены национальными интересами.

Для достижения обозначенных целей в условиях профессиональной подготовки в вузе служит универсальная компетенция «Безопасность жизнедеятельности» (УК-8), которая реализуется в рамках одноименной дисциплины. Основная цель данной дисциплины заключается в формировании компетенций (знаний, умений, навыков) безопасности, что подразумевает готовность и способность личности использовать приобретенные знания для обеспечения безопасности в профессиональной деятельности. Современный рынок труда характеризуется усложнением старых и появлением новых профессий, многие из которых имеют опасные и экстремальные факторы труда и, по сути, являются стрессовыми, однако в психологии труда вопросы безопасности в современных реалиях развития общества изучены недостаточно и требуют дальнейшего рассмотрения. Все это ставит перед психологией труда задачу разработки современных методов и программ психологического сопровождения, обеспечивающих безопасные условия трудовой деятельности. Решению этих задач должно способствовать такое образование в области безопасности жизнедеятельности, которое позволит субъектам труда обеспечить сохранение жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности.

Исследователи отмечают, что стремительное развитие научно-технического прогресса стало предъявлять более высокие требования к профессионализму субъектов труда, и реализуемый в высшем образовании компетентностный подход является уже недостаточным. Для профессионального образования становятся более актуальными метакомпетенции, которые служат для облегчения освоения других универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций [2].

Сущность метакомпетенций, их роль в профессиональной подготовке будущих субъектов труда показаны в многочисленных научных исследованиях Э.Ф. Зеера, А.В. Карпова, В.Д. Шадрикова, Н.Н. Демиденко, И.Я. Зимней, А.П. Карпенко, В.Р. Малахова, С.А. Михайличенко, Л.М. Ордобоевой, М.В. Осипова, Е.В. Резчиковой, А.К. Самойленко, В.А. Толочека, А.В. Хуторского, В.А. Шершнева, В.А. Чернявской и др. Несмотря на различные подходы к определению метакомпетенций, по многим позициям мнения авторов совпадают. Все они признают, что метакомпетенции занимают верхнюю строчку в иерархии профессиональных компетенций. Метакомпетенции в отличие от компетенций носят обобщенный, универсальный характер и они направлены на решение новых задач. Метакомпетенции способствуют саморазвитию и самообразованию, формированию новых компетенций, на основе которых возможно приобретение и развитие новых способностей и качеств у будущих субъектов труда. Метакомпетенции ориенированы на личность, на сформированность метаструктур психики будущего субъекта труда. При этом многие исследователи данного феномена сходны во мнении, что сформированные метакомпетенции у субъекта труда являются высшей степенью профессионализма и их, в отличие от компетенций, нельзя сводить к простой сумме знаний, умений, навыков. По определению Н.Н. Демиденко, метакомпетенции в аспекте профессионализма представляют совокупность универсальных навыков субъекта труда, которые с профессионально важными качествами помогают не только адаптироваться к возникающим проблемам в профессиональной среде, но и приобретать новейшие способы их решения [2]. Данное положение справедливо и для такой универсальной компетенции, как безопасность жизнедеятельности.

Трансформация рынка труда выступает сегодня основой трансформации образовательной среды. Как следствие данного факта будут усложняться и ужесточаться требования, предъявляемые к субъектам труда, а вместе с ними меняться и представления о тех метакомпетенциях, которые должны быть сформированы в процессе профессиональной подготовки в вузе. В настоящее время далеко не для всех конкретных видов профессиональной де-

ятельности определены метакомпетенции безопасности, которыми должен обладать субъект труда. Данный факт объясняется тем, что многие профессии исчезают из жизни современного общества как устаревшие, взамен появляются новые, еще полностью не изученные в психологии труда.

Как показал анализ научных работ, посвященных изучению метакомпетенций в контексте психологии труда, в них практически не встречается указаний, какие метакомпетенции обеспечивают работникам безопасность трудового процесса. В связи с этим научный интерес представляет изучение метакомпетенций безопасности жизнедеятельности (МБЖД) и путей их развития у обучающихся, так как безопасный труд является залогом и сохранения жизни, и здоровья, и успешности профессиональной деятельности субъекта труда. Итак, с точки зрения психологии труда, любые аспекты научного исследования безопасности будущего субъекта труда важны с учетом новых, быстро изменяющихся условий рынка труда, возможности смены профессий, динамики потребностей профессионала и пр.

В связи с вышеизложенным объективно появляется потребность в исследовании МБЖД, что требует проведение психологического анализа компетентностного компонента дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». Такой анализ был проведен в рамках нашего исследования и представлен научной публикацией [4].

Маркерами достижения планируемых результатов освоения дисциплины являются индикаторы безопасности жизнедеятельности, согласно которым проводился психологический анализ. Данный анализ включал учебно-профессиональную деятельность студентов и профессионально важные качества (ПВК) будущего субъекта труда. Учебно-профессиональная деятельность представлена потребностями и мотивацией обучающихся в вопросах безопасности и универсальными учебными действиями. К учебно-профессиональной деятельности также были отнесены контроль/самоконтроль и результаты освоения формируемых метакомпетенций. ПВК будущего субъекта труда рассматривались в соответствии с индикаторами планируемых результатов освоения дисциплины. По результатам психологического анализа были определены метакомпетенции безопасности жизнедеятельности, которыми должны обладать будущие субъекты труда для безопасной и успешной производственной деятельности в выбранной сфере профессиональной активности. К ПВК мы отнесли такие, как системное мышление, целеустремленность, самообразование, способность действовать согласно инструкциям, а также развитую нравственно-этическую сторону сознания и достаточную профессиональную мотивацию. К качествам личности как умениям действовать в экстремальных ситуациях относятся: выраженное чувство долга, быстрое принятие правильных решений, быть лидером, брать ответственность на себя, умение управлять своими эмоциями, коммуникабельность, умение строить отношения с людьми, умение разрешать и предотвращать конфликты.

При разработке метакомпетентностной модели безопасности жизнедеятельности будущих субъектов труда мы учитывали результаты предыдущих исследований, связанных с отношением будущих субъектов труда к вопросам безопасности жизнедеятельности. В исследовании сотрудников кафедры «Безопасность жизнедеятельности» ТвГУ было показано, что одна треть студентов психологически и морально не готова оказывать первую помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях [8]. В нашем исследовании по вопросам отношения студентов к вакцинопрофилактике COVID – 19 было показано, что далеко не все студенты умеют правильно использовать информацию и критически оценивать чрезвычайную ситуацию в период пандемии [3]. Приведенные данные свидетельствуют, что у значительной части обучающихся не сформированы метакомпетенции безопасности жизнедеятельности такие, как: установка на взаимный выигрыш, способность вместе достигать цели, самостоятельность и другие. Все эти данные актуализируют заявленную научную проблематику и прикладные исследования по развитию метакомпетенций безопасности жизнедеятельности у будущих субъектов труда в процессе профессиональной подготовки в вузе.

Как известно, создание моделей в современной науке и, в частности, в психологии труда признается эффективным способом научного осознания исследуемого феномена. Теоретическая концептуальная метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности отражает основные характеристики феномена, его структуру, интегрирует систему научных представлений о метасруктурных компонентах психики и возможностей их развития в единое целое. Данная модель разрабатывалась на основе теоретико-методологического анализа проблемы, выявлении общих характеристик метакомпетенций и психологического анализа компетентностного компонента дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» (рис. 1).

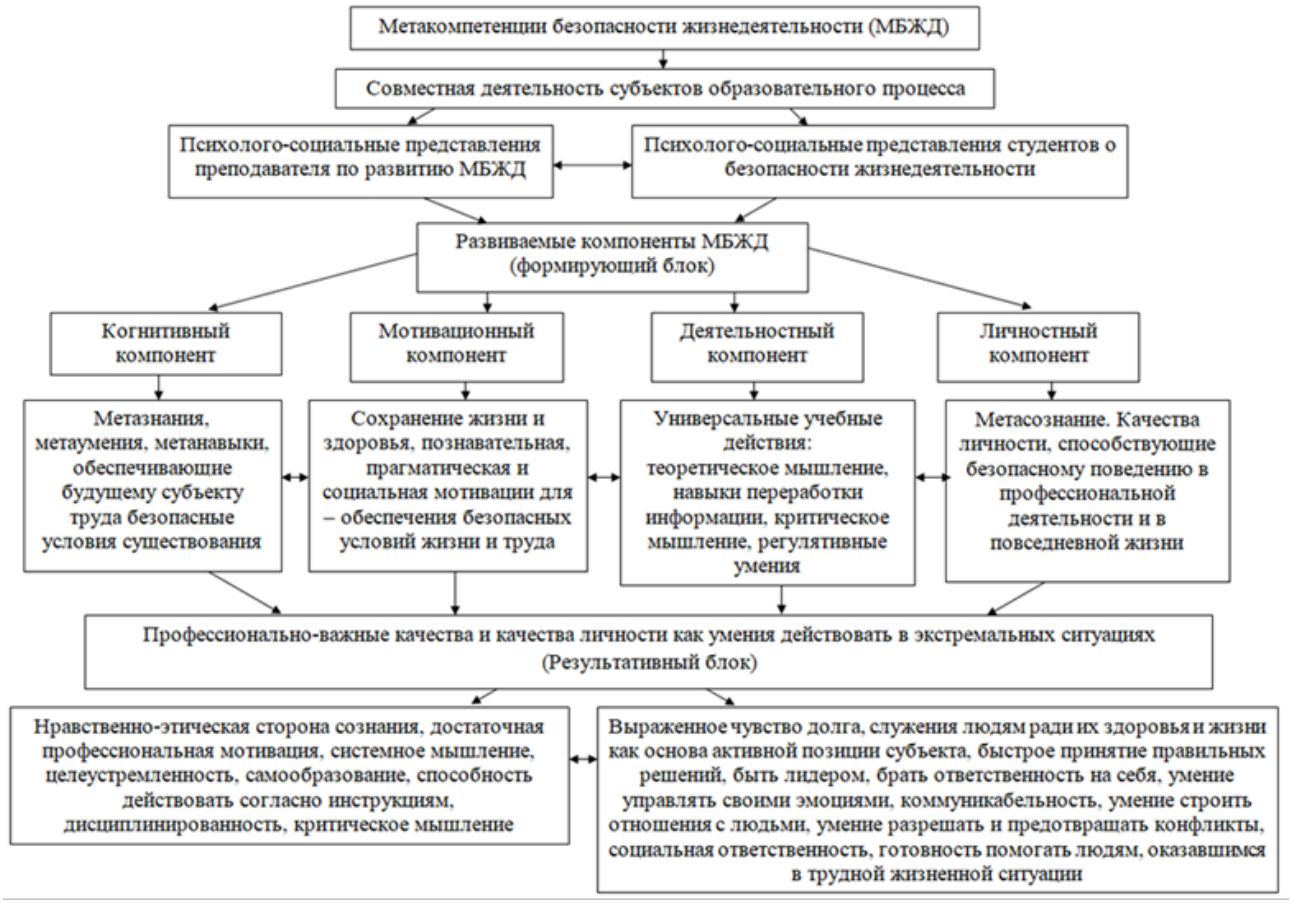


Рис. 1. Метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности.
Fig. 1. Metacompetence model of life safety.

Представленная модель позволяет увидеть составляющие безопасности жизнедеятельности метауровня, определить содержательный аспект каждого компонента МБЖД, показывает возможности развития МБЖД на этапе профессиональной подготовки в вузе [2]. Развитие МБЖД опирается на совместную деятельность субъектов образовательного процесса, которая учитывает мотивацию и интересы как преподавателя, так и обучающегося. Можно сказать, что обучающиеся и преподаватели выступают в соответствии с данной моделью в качестве коллективного субъекта труда.

Метакомпетенции включают базовые компоненты: когнитивный, мотивационный, деятельностный, личностный.

Когнитивный компонент представляет собой синтез из метазнаний, метаумениий и метанавыков, которые должны способствовать обеспечению безопасных условий существования будущим субъектам труда. Мотивационный компонент представлен основными видами мотиваций, значимыми для обеспечения безопасности жизнедеятельности: сохранение жизни и здоровья, познавательная, прагматическая и социальная. В психологии труда большое внимание уделяется анализу вредного влияния на работника негативных факторов в процессе трудовой деятельности, поэтому развитая прагматическая мотивация для максимально возможного снижения риска опасных и вредных факторов в процессе трудовой деятельности у будущих субъектов труда имеет большое практическое значение. Важную роль при развитии МБЖД играют социальные мотивы, которые предполагают готовность будущих субъектов труда оказывать помощь, в том числе и психологическую, людям, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях, например, из-за получения производственной или иной травмы, пострадавшим в ЧС, при потере близких и имущества и т.д.

Деятельностный компонент представляет собой систему профессиональных действий обучающихся и представлен универсальными учебными действиями. На основании проведенного анализа научных данных к универсальным учебным действиям мы отнесли теоретическое мышление, навыки переработки информации, критическое мышление и регулятивные умения. Теоретическое мышление заключается в умении обобщать, систематизировать, классифицировать различные явления. Навыки переработки информации позво-

ляют правильно оценивать те или иные события, что чрезвычайно важно при возникновении различных рисков и опасностей, которые встречаются как в повседневной, так и производственной деятельности человека. Критическое мышление помогает отличать факты от мнений, видеть двусмысленность утверждения, логическое несоответствие и т.п. Регулятивные умения позволяют ставить задачи, определять цели, планировать, корректировать, контролировать и анализировать свою деятельность.

Личностный компонент модели развития МБЖД включает метасознание и качества личности, способствующие безопасному поведению в профессиональной деятельности и в повседневной жизни. Метасознание – это сложный психологический механизм определенных действий, универсальная способность человека самостоятельно управлять процессом обучении, что способствует более успешному приобретению, осмыслению и применению знаний, умений, навыков в различных условиях деятельности.

К качествам личности, раскрывающимся в умениях действовать в экстремальных ситуациях и способствующим безопасному поведению в профессиональной деятельности и в повседневной жизни, отнесли следующие: быстрое принятие правильных решений, умение брать ответственность на себя и умение управлять своими эмоциями, коммуникабельность, умение строить отношения с людьми, умение разрешать конфликты, социальная ответственность как готовность оказывать помощь людям.

Метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности указывает профессионально важные качества будущего субъекта труда для осуществления безопасной профессиональной деятельности. Так как безопасность жизнедеятельности – это универсальная компетенция, в нее включены нравственно-этическая сторона сознания, развитую профессиональную мотивацию, системное мышление, самообразование, целеустремленность, способность действовать согласно инструкциям, дисциплинированность, критическое мышление. В модели также представлены такие качества личности, которые проявляются как умения действовать в экстремальных ситуациях. Это выраженное чувство долга, служение людям ради здоровья и жизни как основа активной жизненной позиции, быстрое принятие правильных решений, способность быть лидером, брать ответственность на себя. К перечисленным следует добавить умения: управлять эмоциями, строить отношения с людьми, разрешать конфликты и предотвращать их, а также социальная ответственность, готовность помогать людям при возникновении опасных и чрезвычайных ситуациях, коммуникабельность. Считаем важным обратить внимание на развитие нравственно-этической стороны сознания будущего субъекта труда, к которой относятся чувства долга, веры, совести, патриотизм. готовность служить людям и Родине.

Выводы

Теоретически обоснованная метакомпетентностная модель безопасности жизнедеятельности представляет сложную, уровневую систему метакомпетенций, выступающую базисом для развития профессионально важных качеств будущего субъекта труда, которые необходимы для обеспечения безопасных условий труда и жизни.

В научно-исследовательском ключе данная модель служит основой для разработки программ эмпирического исследования личности и компетентностной компоненты будущего субъекта труда, позволяет прогнозировать оптимальные пути организации психологического сопровождения развития метакомпетенций безопасности жизнедеятельности, что в целом должно обеспечить повышение эффективности подготовки надежного специалиста в современных условиях развития общества.

Список источников

1. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды в структуре комплексной безопасности образовательной организации // Казанский педагогический журнал. 2017. № 6 (125). С. 12 – 18.

2. Демиденко Н.Н. Мотивационно-компетентностный подход к профессионализму научно-педагогического труда преподавателя высшей школы: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Тверь, 2020. 869 с.

3. Демиденко Н.Н., Шверина Н.М. Отношение к вакцинопрофилактике как отражение уровня развития метакомпетенций безопасности жизнедеятельности у будущих субъектов труда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 1 (58). С. 76 – 83.

4. Демиденко Н.Н., Шверина Н.М. Психологический анализ компетентностного компонента учебной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных и их наставников, Тверь, 26-27 апреля 2022 года. Тверь: Тверской государственный университет, 2022. С. 86 – 95.

5. Клейберг Ю.А. Психология организационного поведения, социального риска и безопасности личности: учебно-метод. пособие для гум. вузов / Акад. Нац. образ. и науки, Межд. Ассоциация девиантологов. Алматы: ADAL KITAP, 2022. 267 с.

6. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики: пер. с англ. Спб.: Издат. Группа «Евразия», 1997. 430 с.

7. Тутушкина М.К., Волков С.А., Годлиник О.Б. и др. Практическая психология: учебник для вузов / под ред. М. К. Тутушкиной. М.: АСВ; Санкт-Петербург: Дидактика Плюс, 1997. 333с.

8. Шверина Т.А., Шверина О.В., Косарева Н.П. Первая помощь и ее изучение в рамках дисциплины "Безопасность жизнедеятельности". Проблемы и решения // Вестник НЦБЖД. 2021. № 3 (49). С. 120 – 126.

References

1. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment in the structure of comprehensive security of an educational organization. Kazan Pedagogical Journal. 2017. No. 6 (125). P. 12 – 18.

2. Demidenko N.N. Motivation-competence approach to the professionalism of scientific and pedagogical work of a higher education teacher: dissertation for the degree of Doctor of Psychology. Tver, 2020. 869 p.

3. Demidenko N.N., Shverina N.M. Attitude to vaccination as a reflection of the level of development of life safety metacompetencies in future labor subjects. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2022. No. 1 (58). P. 76 – 83.

4. Demidenko N.N., Shverina N.M. Psychological analysis of the competence component of the academic discipline "Life Safety". Psychology, education: current and priority areas of research: materials of the International scientific and practical conference of students, graduate students, young scientists and their mentors, Tver, April 26-27, 2022. Tver: Tver State University, 2022. P. 86 – 95.

5. Kleiberg Yu.A. Psychology of organizational behavior, social risk and personal safety: a teaching aid for humanities universities. Acad. of National Education and Sciences, Int. Association of Deviants. Almaty: ADAL KITAP, 2022. 267 p.

6. Maslow A.G. The Far Limits of the Human Psyche: trans. from English. St. Petersburg: Izd. Group "Eurasia", 1997. 430 p.

7. Tutushkina M.K., Volkov S.A., Godlinik O.B. et al. Practical Psychology: textbook for universities. edited by M.K. Tutushkina. Moscow: ASV; St. Petersburg: Didaktika Plus, 1997. 333 p.

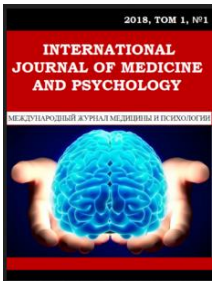
8. Shverina T.A., Shverina O.V., Kosareva N.P. First aid and its study within the framework of the discipline "Life Safety". Problems and solutions. Bulletin of the National Center for Life Safety. 2021. No. 3 (49). P. 120 – 126.

Информация об авторах

Демиденко Н.Н., доктор психологических наук, профессор, Тверской государственный университет, nndem@list.ru

Константинова Н.М., аспирант, Тверской государственный университет

© Демиденко Н.Н., Константинова Н.М., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9.072.432

[1] Домнина О.В.,
[1] Новикова Е.Е.,
[1] Саратовская государственная юридическая академия

Психология воздействия права. Междисциплинарный анализ психических методов реализации функций государства по охране правопорядка

Аннотация: в условиях современной динамичной реальности обеспечение общественной безопасности требует интеграции правовых и психологических методов воздействия. Настоящая статья представляет междисциплинарный анализ психических методов реализации охранительной функции государства, исследуя влияние правовых норм на психику граждан и формирование общественного мнения. Авторы, объединяя опыт юриста, медика и психолога, анализируют системный и телеологический подходы, опираясь на публикации отечественных и зарубежных учёных и эмпирические данные, полученные с использованием статистического и качественного анализа. Расширенное обсуждение результатов позволяет обосновать необходимость интеграции информационных и психологических технологий в государственную политику. Статья содержит практические рекомендации по оптимизации тренингов для сотрудников правоохранительных органов и разработке программ государственной безопасности, направленных на укрепление правопорядка. Цель настоящего исследования заключается в выявлении и обосновании психических методов воздействия, используемых государством для реализации функции охраны правопорядка, а также в анализе их влияния на общественное сознание и поведение граждан. Авторы статьи, ставят задачу определить, каким образом современные психологические инструменты способствуют укреплению правопорядка и способствуют формированию устойчивой системы общественной безопасности.

Ключевые слова: правоохранительная система, психология воздействия, психические методы, право и психика, государственная безопасность, системный подход, телеологический анализ, правопорядок

Для цитирования: Домнина О.В., Новикова Е.Е. Психология воздействия права. Междисциплинарный анализ психических методов реализации функций государства по охране правопорядка // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 199 – 205.

Поступила в редакцию: 10 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Domnina O.V.,
[1] Novikova E.E.,
[1] Saratov State Law Academy

The psychology of legal impact. Interdisciplinary analysis of the mental methods of implementing the functions of the state for the protection of law and order

Abstract: in today's dynamic reality, ensuring public safety requires the integration of legal and psychological methods of influence. This article presents an interdisciplinary analysis of the mental methods of implementing the protective function of the state, examining the influence of legal norms on the psyche of citizens and the formation of public opinion. Combining the experience of a lawyer, a physician, and a psychologist, the authors analyze systematic and teleological approaches based on publications by domestic and foreign scientists and empirical data obtained using statistical and qualitative analysis. An extended discussion of the results makes it possible to sub-

stantiate the need to integrate information and psychological technologies into public policy. The article contains practical recommendations on optimizing trainings for law enforcement officers and developing state security programs aimed at strengthening law and order. The purpose of this study is to identify and substantiate the mental methods of influence used by the state to implement the function of law enforcement, as well as to analyze their impact on public consciousness and behavior of citizens. The authors of the article set the task to determine how modern psychological tools contribute to strengthening law and order and contribute to the formation of a sustainable public security system.

Keywords: law enforcement system, psychology of influence, mental methods, law and psychology, state security, systemic approach, teleological analysis, law and order

For citation: Domnina O.V., Novikova E.E. The psychology of legal impact. Interdisciplinary analysis of the mental methods of implementing the functions of the state for the protection of law and order. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 199 – 205.

The article was submitted: December 10, 2024; Approved after reviewing: February 13, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Современные вызовы, связанные с быстрыми технологическими изменениями, глобализацией и ростом объёма информационных потоков, требуют переосмысления традиционных методов обеспечения правопорядка. Интернет, социальные сети и новые медиа превратились в мощные инструменты формирования общественного мнения, а значит, государство нуждается в эффективных методах воздействия на психику граждан для поддержания стабильности и правопорядка. В условиях роста информационной нагрузки возникает необходимость интеграции психологических методов в систему государственного регулирования, что, в свою очередь, ставит вопросы междисциплинарного синтеза юридических норм и психологических инструментов. В данной статье проводится анализ влияния информационных кампаний и психологических методов воздействия на общественное сознание. Исследование базируется на сравнении отечественных и зарубежных подходов, а также на эмпирических данных, полученных с помощью статистического и контент-анализа. Использование интегрированного системного и телеологического подходов позволяет не только оценить эффективность современных методов, но и сформировать рекомендации по оптимизации государственной политики в данной области [9].

Материалы и методы исследований

В данной работе в качестве основного материала использованы научные статьи, монографии и эмпирические исследования, посвящённые вопросам системного и телеологического анализа правового воздействия на общество. Главную теоретическую базу составляют классические труды по теории систем (Л. Берталанфи [1]) и современные исследования в области психологии правопорядка [5]. Эмпирической базой послужили результаты исследования, проведенного с помощью анкетирования, что позволило получить статистически значимые результаты о восприятии правовых норм населением. Выборка составила 200 участников, включая студентов юридического образовательного учреждения, представителей правоохранительных органов и обычных граждан. Демографические характеристики выборки включали возраст (от 18 до 65 лет), пол (приблизительно 50% мужчин и 50% женщин), уровень образования (от среднего до высшего) и профессиональную деятельность. Выбор методов был обусловлен необходимостью получить как глубокое понимание влияния права на психику граждан, так и количественные данные для обоснования выводов. Качественные методы позволили выявить нюансы восприятия правовых норм, тогда как количественные данные обеспечили возможность обобщения результатов на более широкую группу.

Методологическая основа исследования базируется на двух ключевых подходах:

1. Системном подходе, позволяющем рассматривать охрану правопорядка как сложное интегрированное образование, в котором взаимодействуют законодательство, государственные институты и информационные технологии.

2. Телеологическом подходе, направленном на выявление целевых установок, мотивационных факторов и когнитивных механизмов, лежащих в основе психологического воздействия на граждан.

Для достижения поставленных целей использовались следующие методы:

- Анализ литературных источников: изучение отечественных и зарубежных публикаций, охватывающих вопросы правового воздействия и психологических методов.

- Сравнительный анализ, позволяющий сопоставить различные подходы к информационному воздействию в государственном управлении.

- Контент-анализ медийных сообщений, оценка информационных кампаний, направленных на формирование позитивного имиджа государственных структур.

- Статистический анализ, использованный для количественной оценки влияния информационных кампаний на общественное доверие и уровень социальной напряжённости.

Такая комбинация методов позволяет получить всесторонний взгляд на феномен правового воздействия, выявить его системные и психологические аспекты, а также разработать практические рекомендации для оптимизации государственной политики в сфере безопасности.

Результаты и обсуждения

1. Информационное воздействие и формирование общественного мнения

На основе проведённого анализа литературы и эмпирических данных установлено, что информационные кампании играют ключевую роль в формировании благоприятных установок у граждан по отношению к государственным институтам. Так, согласно исследованиям Глуховой Е.В. [2], «правильно оформленный информационный контент не только информирует, но и эмоционально вовлекает аудиторию, способствуя формированию доверия к структурам власти». Его результаты, подкреплённые статистическими данными, свидетельствуют о том, что рост доверия коррелирует с уменьшением социальной напряжённости. Дополнительный анализ, проведённый Талапиной Е.В. [10], показал, что применение когнитивно-психологических приёмов, таких как риторика позитивного подкрепления, усиливает эмоциональный резонанс информационных сообщений, что подтверждает эффективность современных методов воздействия.

2. Психологическая подготовка сотрудников и влияние на эффективность правопорядка

Вторая ключевая область исследования затрагивает вопрос профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Правкин И.В. [9] подчёркивает, что «современные программы психологической подготовки, направленные на развитие эмпатии и стрессоустойчивости, существенно повышают оперативность реагирования в кризисных ситуациях». Экспертные интервью, проведённые в рамках нашего исследования, подтвердили, что сотрудникам, прошедшим специализированные тренинги, удаётся эффективнее справляться с напряжёнными ситуациями. Правкин И.В. также отмечает, что интеграция психологических модулей в образовательные программы способствует снижению уровня профессионального стресса и формированию рабочего климата доверия внутри коллектива правоохранительных органов [9]. Эти данные подчеркивают важность дальнейшей адаптации психологических методик в программе подготовки специалистов для охраны общественного порядка.

3. Междисциплинарная интеграция правовых и психологических методов

Как подчёркивает Курочкин С.А. [6], «междисциплинарный анализ в области права и психологии позволяет выявить скрытые взаимосвязи между юридическими нормами и когнитивными механизмами формирования общественного мнения». Автор указывает, что традиционные правовые меры не всегда учитывают эмоциональные и социо-психологические факторы, тогда как современные подходы, основанные на принципах когнитивной психологии, способны существенно усилить воздействие. Талапина Э.В. [10] отмечает, что применение современных цифровых технологий для распространения правовой информации повышает гибкость и адаптивность информационных кампаний, что особенно важно в условиях динамичного информационного поля. Малько А.В. [7] дополняет эти выводы, указывая, что интеграция правовых норм с психологическими стратегиями способствует созданию синергетического эффекта, когда правовые инструкции не только регулируют поведение граждан, но и способствуют эмоциональному комфорту населения.

4. Социально-психологические аспекты в государственном воздействии

Особое внимание в нашем анализе уделено изучению социально-психологических аспектов, влияющих на формирование общественного мнения. В своей работе Оксаматный В.В. [8] подчёркивает, что устойчивость общественного мнения зависит от того, насколько информация, доносимая государственными структурами, соответствует ожиданиям и когнитивным потребностям населения. Его исследования показывают, что позитивное представление о правопорядке улучшает качество жизни граждан за счёт снижения уровня агрессии и конфликтности. Глухова Е.В. [2] также акцентирует внимание на том, что когнитивно-аффективные механизмы играют ключевую роль в установлении устойчивых общественных установок, при условии правильного использования стратегий позитивного подкрепления в информационных кампаниях.

5. Медицинский аспект: охрана прав на бесплатное медицинское обслуживание и психология воздействия

Учитывая междисциплинарный характер исследования, особый акцент был сделан на анализе влияния правовых норм, связанных с охраной прав на бесплатное медицинское обслуживание, на психическое состояние граждан. В современных условиях обеспечение доступа к качественной медицинской помощи является важным элементом государственной политики, который напрямую влияет на уровень доверия населения к государству. В ряде исследований отмечается, что информационные кампании, направленные на разъяснение прав граждан на бесплатное медицинское обслуживание, существенно улучшают общественное мнение о системе здравоохранения [7]. Медицинские исследования показывают, что уверенность граждан в наличии гарантированного доступа к бесплатной медицинской помощи снижает уровень тревожности и способствует улучшению психического здоровья населения.

Так, по словам ряда экспертов, внедрение информационно-пропагандистских программ в области здравоохранения не только повышает информированность, но и оказывает позитивное психологическое воздействие, создавая ощущение защищенности [1,3]. Эти программы включают разъяснительные кампании о порядке получения медицинской помощи, правах пациентов и гарантиях, предоставляемых государством. Более того, опыт ряда зарубежных стран, где подобные информационные меры приводят к росту доверия граждан к системе здравоохранения, свидетельствует о том, что интеграция правовых и психологических методов воздействия в данной сфере оказывает значительное позитивное влияние на общее состояние здоровья населения. Это дополнение междисциплинарного подхода открывает новые возможности для внедрения адаптивных методик, направленных на снижение уровня стресса и тревожности, а также улучшение качества жизни граждан через укрепление правовых гарантий в сфере здравоохранения.

Ниже приведены результаты исследования (анкетирования) с демонстрационной таблицей результатов. Данный пример показывает, как информационные кампании по разъяснению прав на бесплатное медицинское обслуживание могут влиять на уровень тревожности граждан, создавая ощущение защищённости и уверенности.

Цель исследования:

Изучить влияние информационно-пропагандистских программ, направленных на разъяснение прав граждан на бесплатное медицинское обслуживание, на уровень тревожности населения.

Методология:

1. Был проведён опрос с использованием заранее разработанной анкеты.

2. Выборка состояла из 200 граждан, которые были разделены на две группы:

- Экспериментальная группа – граждане, которые ознакомились с информационными материалами (n = 100).

- Контрольная группа – граждане, не получавшие дополнительной информации (n = 100).

3. Уровень тревожности измерялся с помощью стандартизированной шкалы (шкала тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина), результаты выражались в баллах (чем ниже баллы, тем ниже уровень тревожности).

Результаты опроса представлены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Группа	Средний уровень тревожности (баллы)	Стандартное отклонение	Изменение уровня тревожности (%)
Контрольная группа	52	8	0 (базовый уровень)
Экспериментальная группа (до информационной компании)	53	9	0(базовый уровень)
Экспериментальная группа (после информационной компании)	43	7	-18,9

Примечание: Значения являются условными и получены в результате сравнительного анализа до и после воздействия информационных материалов.
Note: The values are conditional and are obtained as a result of a comparative analysis before and after exposure to information materials.

Интерпретация результатов

1. Сравнительный анализ:

– В контрольной группе средний уровень тревожности остался неизменным (52-53 балла), что подтверждает стабильность показателя при отсутствии дополнительного информационного воздействия.

– В экспериментальной группе наблюдается значительное снижение тревожности после ознакомления с информационными материалами (снижение на 18,9%), что говорит об успешном воздействии информационно-пропагандистской про-

граммы.

2. Психологическое воздействие:

– Снижение уровня тревожности связано с повышением уверенности граждан в наличии гарантированного доступа к бесплатной медицинской помощи.

– Данные свидетельствуют о том, что информирование о правах помогает уменьшить чувство незащищённости, что позитивно сказывается на психическом состоянии населения.

3. Выводы для практики:

– Результаты исследования подтверждают необходимость проведения регулярных информационных кампаний, способствующих укреплению доверия между гражданами и государственными структурами.

– Интеграция таких программ в государственную политику может стать одним из эффективных инструментов снижения уровня общественного стресса.

Результаты нашего исследования демонстрируют, что информационно-пропагандистские программы, направленные на разъяснение прав граждан на бесплатное медицинское обслуживание, способствуют снижению уровня тревожности населения. Снижение среднего уровня тревожности на 18,9% в экспериментальной группе указывает на то, что информирование граждан оказывает не только когнитивное, но и выраженное эмоциональное воздействие. Возможные причины таких результатов включают:

- Отсутствие прозрачности в представлении прав граждан. До проведения информационной кампании многие респонденты могли испытывать неопределённость в вопросах получения медицинской помощи. Неполнота или недоступность информации формировали негативное настроение, недостаток уверенности и, как следствие, повышенный уровень тревожности.

- Эффект когнитивного диссонанса. Информационный вакуум и противоречивость сведений в СМИ зачастую приводят к тому, что граждане не способны объективно оценить свои права. Повышение достоверности информации снижает этот диссонанс и способствует формированию устойчивых позитивных установок.

- Влияние эмоциональной составляющей информационных материалов. Как показывают исследования [1], правильно структурированные и эмоционально оформленные материалы способны не только информировать, но и создавать психологический комфорт, повышая чувство защищённости. Здесь важно отметить, что сочетание юридической точности и психологической адаптивности информационных сообщений является ключевым фактором в снижении стресса.

Выявленные проблемы и пробелы в текущей информационной политике

Несмотря на позитивный эффект информационных кампаний, анализ показывает наличие ряда проблем:

- Недостаточная адаптация материалов под целевую аудиторию. Многие информационные кампании ориентированы на общий месседж, но не учитывают специфические когнитивные и эмоциональные особенности различных групп населения (по возрасту, социальному статусу, уровню образования).

- Отсутствие интерактивности и обратной связи. Граждане зачастую получают пассивную информацию, что снижает их вовлечённость и возможность задавать уточняющие вопросы. Это способствует сохранению некоторой степень недоверия к официальным каналам.

- Низкий уровень интеграции юридических и психологических методик. В ряде случаев информационные материалы сконцентрированы либо на разъяснении юридических норм, либо на эмоциональном воздействии, без комплексного подхода, который учитывал бы оба аспекта одновременно.

Предложения и рекомендации

Основываясь на выявленных причинах и существующих пробелах, предлагаем следующие конкретные меры для улучшения качества информационных кампаний в сфере информирования о бесплатном медицинском обслуживании:

- Разработка целевых информационных программ для различных групп населения. Создание адаптированных версий информационных материалов, учитывающих возрастные, социальные и образовательные характеристики аудитории. Например, для пожилых людей можно разработать материалы с увеличенными шрифтами и более подробными пояснениями, а для молодёжи — использовать мультимедийные форматы и интерактивные платформы.

- Интеграция юридических знаний с психологической поддержкой. При подготовке материалов важно включать в них не только юридический ликбез, но и элементы психологической поддержки: рекомендации по снижению стресса, контакты горячих линий для консультационной помощи, практические советы по поведению в экстренных ситуациях.

- Усиление обратной связи и вовлечение граждан в диалог. Создание интерактивных платформ (форумы, онлайн-чаты, мобильные приложения), где граждане смогут не только получать информацию, но и задавать вопросы специалистам. Это

уменьшит эффект информационного вакуума, позволит оперативно корректировать предвзятую информацию и повысит доверие к государственным структурам.

- Проведение регулярных тренингов и обучающих семинаров. Обучение методам когнитивно-психологического воздействия, а также техникам эффективной коммуникации позволит создавать материалы, способные на качественное изменение общественного мнения.

- Мониторинг и оценка эффективности информационных кампаний. Создание системы постоянного мониторинга отзывов и оценки эмоционального состояния граждан после проведения информационных кампаний позволит оперативно выявлять недостатки и вносить коррективы в стратегию информирования.

6. Проблемы и перспективы внедрения психических методов в государственное регулирование

Несмотря на положительные результаты, остаются существенные проблемные аспекты. Правкин И.В. [9] указывает, что отсутствие интегрированных методик подготовки кадров снижает потенциал эффективного применения психологических методов на практике. Традиционные образовательные модели часто не учитывают специфики современных информационных технологий, что приводит к дефициту специалистов, способных эффективно применять инновационные методы в условиях динамичного информационного поля. Также Талапина Э.В. [9] подчеркивает, что успешное внедрение информационных кампаний возможно только при тесном межведомственном сотрудничестве, что часто остаётся на уровне деклараций.

Однако перспективы развития остаются оптимистичными. Наш анализ подтверждает, что интеграция современных информационных технологий, правовых норм и психологических методов способна значительно усилить эффективность государственной политики в сфере безопасности и улучшить охрану прав, включая область здравоохранения и другие. Новые образовательные программы для сотрудников правоохранительных органов и информационно-пропагандистские кампании, адаптированные с учётом психологических аспектов, могут стать основой для создания более эффективной системы государственной защиты. Комплексный подход позволит повысить уровень доверия граждан к государственным институтам и снизить риск возникновения социальных конфликтов, создавая более стабильное и безопасное общество.

Выводы

Проведённое исследование демонстрирует, что интеграция психических методов в систему государственного воздействия является эффективным инструментом совершенствования охранной функции государства. Анализ эмпирических данных и научных публикаций подтверждает, что современные информационные кампании, базирующиеся на принципах когнитивно-психологического воздействия, способствуют формированию устойчивого общественного мнения, снижению уровня тревожности и повышению оперативности реагирования правоохранительных органов. Особое внимание уделено механизму информационного воздействия в сфере охраны прав на бесплатное медицинское обслуживание, что подтверждает важность междисциплинарного подхода в интеграции правовых и психологических методов воздействия.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку новых образовательных программ для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также на оптимизацию информационно-пропагандистских программ в сфере правового воспитания, что позволит создать эффективные механизмы государственной защиты. Применение полученных рекомендаций в практике государственного управления имеет высокий потенциал для повышения уровня общественного доверия и создания устойчивой правовой среды.

Список источников

1. Берг Л.Н. Психологический аспект правового воздействия // Lex russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 88 – 98. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098

2. Глухова Е.В. К вопросу о влиянии информационных технологий на современное право // Вестник экономики управления и права. 2023. Т. 16. № 1. С. 71 – 77.

3. Довгань Е.Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 109 – 125.

4. Желдыбина Т.А. Научная парадигма в теории права // Правосудие. 2019. Т. 1. № 2. С. 101 – 117. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.101-117

5. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 216 – 226. DOI: 10.17759/psylaw.2023130415

6. Курочкин С.А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Т. 162. № 2. С. 69 – 83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83

7. Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163 – 180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113

8. Оксамытный В. В. Проблемы проявления правовой культуры в пограничном правовом поведении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 221 – 226. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-221-226

9. Правкин И.В. Значение системной методологии в исследовании структурно-содержательных особенностей правоохранительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 102 – 106.

10. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5 – 17.

11. L. von Bertalanffi Общая теория систем – критический обзор / Исследования по общей теории систем. М., 1969. 520 с.

References

1. Berg L.N. Psychological aspect of legal influence. Lex russica. 2023. Vol. 76. No. 8. P. 88 – 98. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.088-098

2. Glukhova E.V. On the influence of information technologies on modern law. Bulletin of Economics, Management and Law. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 71 – 77.

3. Dovgan E.F. Human rights in the era of information technology. Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. 2018. No. 5. P. 109 – 125.

4. Zheldybina T.A. Scientific paradigm in the theory of law. Justice. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 101 – 117. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.2.101-117

5. Ilyina O.Yu., Tumanova L.V. Legal and Psychological Aspects of the Fairness of Judicial Activity [Electronic resource]. Psychology and Law. 2023. Vol. 13. No. 4. Pp. 216–226. DOI: 10.17759/psylaw.2023130415

6. Kurochkin S. A. Effectiveness of Legal Norms as a Condition for the Effectiveness of Legal Impact (on the Example of Procedural Law Norms). Scientific Notes of Kazan University. Series "Humanities". 2020. Vol. 162. No. 2. P. 69 – 83. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.69-83

7. Malko A.V., Subochev V.V. Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and scientific category. Psychology and Law. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 163 – 180. DOI: 10.17759/psylaw.2021110113

8. Oksamytny V.V. Problems of manifestation of legal culture in borderline legal behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. P. 221 – 226. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-221-226

9. Pravkin I.V. The Importance of Systems Methodology in the Study of Structural and Substantive Features of the Law Enforcement System. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. P. 102 – 106.

10. Talapina E.V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. Journal of Russian Law. 2018. No. 2. P. 5 – 17.

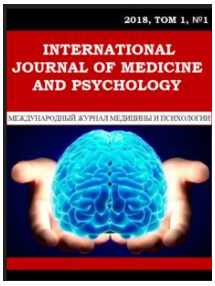
11. L. von Bertalanffi General Systems Theory – a Critical Review. Research in General Systems Theory. Moscow, 1969. 520 p.

Информация об авторах

Домнина О.В., кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия, ol-domni@yandex.ru

Новикова Е.Е., кандидат медицинских наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия

© Домнина О.В., Новикова Е.Е., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9

[1] Носакова Т.В.,
[1] Российский государственный профессионально-педагогический университет

Возможности и риски цифровой среды: психологические механизмы адаптации, развития и диагностики

Аннотация: данная статья направлена на выявление основных возможностей и вызовов цифровой среды с учётом психологических механизмов, лежащих в основе адаптации, развития и диагностики. Научная новизна исследования состоит в системном анализе факторов, влияющих на динамику психического состояния индивида в контексте цифровизации. В статье рассмотрены практические подходы к диагностике и профилактике дезадаптации, а также к оптимизации психологического сопровождения личности в современном информационном пространстве. Понимание фундаментальных психологических закономерностей и механизмов помогает не только предупреждать негативные эффекты цифрового воздействия, но и использовать преимущества технологических средств для повышения психологического благополучия и раскрытия потенциала человека. Автор предлагает интерпретацию адаптационных стратегий, учитывающих индивидуальные и социокультурные особенности, а также пути внедрения инновационных методик диагностики и коррекционной работы, позволяющих повысить эффективность взаимодействия с цифровой средой.

Ключевые слова: цифровая среда, адаптация, психологические механизмы, развитие, диагностика, риски, технологии

Для цитирования: Носакова Т.В. Возможности и риски цифровой среды: психологические механизмы адаптации, развития и диагностики // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 206 – 212.

Поступила в редакцию: 12 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] Nosakova T.V.,
[1] Russian State Professional Pedagogical University

Opportunities and risks of the digital environment: psychological mechanisms of adaptation, development and diagnostics

Abstract: this article aims to identify the main opportunities and challenges of the digital environment, taking into account the psychological mechanisms underlying adaptation, development and diagnostics. The scientific novelty of the study lies in the systemic analysis of factors influencing the dynamics of the individual's mental state in the context of digitalization. The article discusses practical approaches to the diagnosis and prevention of maladaptation, as well as to optimizing psychological support for an individual in the modern information space. Understanding the fundamental psychological patterns and mechanisms helps not only to prevent the negative effects of digital influence, but also to use the advantages of technological means to improve psychological well-being and reveal human potential. The author offers an interpretation of adaptation strategies that take into account individual and socio-cultural characteristics, as well as ways to implement innovative diagnostic methods and corrective work to improve the effectiveness of interaction with the digital environment.

Keywords: digital environment, adaptation, psychological mechanisms, development, diagnostics, risks, technologies

For citation: Nosakova T.V. Opportunities and risks of the digital environment: psychological mechanisms of adaptation, development and diagnostics. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 206 – 212.

The article was submitted: December 12, 2024; Approved after reviewing: February 14, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Современная эпоха характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые глубоко проникают во все сферы жизни. Цифровая среда формирует новые форматы взаимодействия между людьми, пересматривает привычные модели коммуникации и создает широкие возможности для саморазвития и профессиональной деятельности. Широкий доступ к сети Интернет, мобильным приложениям и социальным сетям изменяет характер социального взаимодействия, позволяя мгновенно делиться информацией, обмениваться мнениями и находить единомышленников независимо от географических границ. Однако столь бурное развитие технологического прогресса несет в себе двойственную природу: с одной стороны, перед человеком открываются неограниченные перспективы для обучения, профессиональной реализации и творческого самовыражения; с другой – повышается риск столкновения с перегрузкой информацией, снижением уровня критического мышления, формированием зависимости от виртуальной среды. Психологический аспект взаимодействия с цифровой средой представляет особый интерес, поскольку именно на уровне психики проявляются и позитивные, и негативные эффекты использования технологий. Цифровая среда способна оказывать влияние на самооценку, межличностные отношения и даже на формирование ценностных установок человека. Возникает необходимость понимать, как именно цифровые инструменты влияют на когнитивные процессы, эмоциональную сферу и социальное поведение личности. Исследования в области психологии и смежных дисциплин подтверждают, что чрезмерное увлечение виртуальными коммуникациями может приводить к искаженным представлениям о собственной значимости и возможностях, ослаблению реальных социальных связей и иным формам дезадаптации. При этом, если грамотно использовать цифровые ресурсы и технологии, они могут выступать мощным фактором положительных перемен: от индивидуального личностного роста до совершенствования общественных институтов, связанных с образованием, здравоохранением и экономикой.

Одним из ключевых направлений исследования является понимание психологических механизмов, которые лежат в основе адаптации к цифровой среде. Для успешного взаимодействия с инновационными средствами человеку необходимо развивать навыки саморегуляции, информационной гигиены и критического восприятия. Эти навыки позволяют не только избегать перегрузки, но и поддерживать психическое здоровье, сохраняя гармонию между онлайновой и офлайновой деятельностью. Отдельного внимания заслуживают вопросы диагностики и коррекции возможных негативных последствий, включая стресс, тревожность и депрессивные состояния, которые часто сопровождают высокую степень вовлеченности в виртуальную активность. Еще один важный аспект современного научного интереса заключается в возможности использования цифровых технологий для психодиагностики и психологического сопровождения. Множество инструментов, таких как мобильные приложения, онлайн-платформы и специальные программные решения, могут эффективно дополнять традиционные методы диагностики и консультации, делая их более гибкими и доступными. Это особенно актуально в условиях удаленной работы, цифрового образования и глобальной мобильности населения, когда возникает потребность в дистанционных форматах сопровождения и психологической поддержки.

Помимо диагностики, цифровая среда предлагает новые возможности для развития личности и формирования позитивных качеств. Онлайн-курсы, виртуальные тренинги и психологические игры способствуют обучению, формированию эмоционального интеллекта и развитию профессиональных компетенций. Однако для того, чтобы эти ресурсы приносили пользу, необходимо учитывать индивидуальные особенности пользователей, их возраст, социальное окружение и уровень цифровой грамотности.

Несмотря на очевидные достоинства и преимущества, цифровая среда таит в себе риски, которые трудно игнорировать. Они связаны как с информационной безопасностью, так и с психологическими вызовами: от зависимости и киберзапугивания до трудностей в формировании истинного самовосприятия и социального доверия. Решение этих проблем требует комплексного подхода, предполагающего разработку как технологических, так и социокультурных стратегий регулиро-

вания. Психология играет в этом процессе центральную роль, так как именно она позволяет глубоко понять механизмы восприятия и поведения человека в условиях ускоренной цифровизации.

Многие авторы подчеркивают роль цифровой среды в становлении психики современного человека [1]. При этом риски, возникающие в процессе взаимодействия с информационными технологиями, рассматриваются как вызов, требующий глубокого системного анализа [2]. Исследователи уделяют внимание психологическим и психофизиологическим аспектам цифровой среды, указывая на возможные последствия для эмоционального благополучия и здоровья индивида [3]. Одни авторы акцентируют внимание на экопсихологическом подходе к рассмотрению цифровизации [4], тогда как другие сосредотачиваются на готовности личности к взаимодействию с цифровой средой, рассматривая риск как важный критерий этой готовности [5]. Нельзя упускать из виду и влияние цифровизации на подрастающее поколение, которое находится в наиболее уязвимом положении при формировании своей идентичности [6]. В правовом контексте мышление в цифровом пространстве рассматривается как феномен, требующий нового осмысления [7]. Также важно учитывать осознание последствий цифровизации, что связано с прогнозированием будущего и оценкой современных тенденций [8]. Некоторые исследователи указывают на риски адаптации личности в условиях цифровизации образования, где процесс обучения существенно меняется [9]. Воздействие цифровизации на клиническую психологию предполагает перестройку форматов диагностики и консультирования [10]. При этом психологическое благополучие индивида ставится в зависимость от умения использовать цифровые технологии конструктивно [11]. В то же время, ряд работ демонстрирует, что современные исследования в сфере визуализации и новых медиа требуют особого внимания к психологическим факторам [12]. Одной из важных проблем становится вопрос самодисциплины пользователя для сохранения цифровой психогигиены [13]. И наконец, психодиагностика электронных образовательных сред расширяет возможности анализа состояния учащихся и педагогов, что открывает дополнительные перспективы в научной и практической деятельности [14].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования применялся комплекс теоретических и аналитических методов, включая сравнительный анализ научной литературы и контент-анализ профильных электронных ресурсов. На первом этапе была проведена систематизация публикаций, содержащих данные о психологии цифровой среды, факторах адаптации и потенциальных рисках. Затем осуществлялась структурная интерпретация материалов с учётом ключевых понятий «цифровая среда», «психологическая адаптация» и «диагностика».

Для уточнения взаимосвязей между различными аспектами взаимодействия личности с технологиями использовался метод логико-смыслового моделирования. Оценка степени проявления возможных дезадаптивных форм поведения осуществлялась на основе анализа описаний в соответствующих источниках и сопоставления с данными прикладных исследований. Полученные результаты обобщались и проверялись на предмет согласованности с существующими теоретическими моделями.

Результаты и обсуждения

Цифровая среда, будучи важным элементом современного общества, оказывает многогранное воздействие на индивида. Степень влияния обусловлена не только техническими характеристиками самих технологий, но и психологическими особенностями личности, а также социально-культурным контекстом. Для более детального понимания целесообразно рассмотреть три основных направления взаимодействия: адаптация к новому формату коммуникации, возможности для развития и самоактуализации, а также диагностика психических состояний и поведенческих паттернов в условиях цифровой среды. С одной стороны, цифровая коммуникация способствует упрощению межличностных связей, позволяет поддерживать контакт с большим числом людей, обмениваться информацией практически мгновенно и не зависеть от географических границ. С другой стороны, обилие таких контактов иногда приводит к поверхностности общения, снижению качества эмоциональной обратной связи и формированию иллюзии близости. Индивидуальные отличия в уровне цифровой грамотности, в умении отсеивать избыточную информацию и критически оценивать источники влияют на успешность адаптации к цифровому пространству. Кроме того, важную роль играет способность к саморегуляции, которая помогает ограничивать время в сети, защищать личные границы и сохранять эмоциональное равновесие.

Не менее значимым аспектом становится возможность развития и самоактуализации в цифровой среде. На сегодняшний день существует множество онлайн-платформ, обучающих курсов и интерактивных программ, позволяющих человеку расширять свои компетенции, повышать квалификацию или даже сменить профессиональную сфе-

ру. Этот процесс тесно связан с концепцией непрерывного образования и самообразования, когда личность в любой точке жизненного цикла может выбирать подходящие инструменты для развития. Виртуальные группы, форумы и социальные сети становятся площадкой для обмена опытом, сотрудничества и поиска новых форм самореализации. Однако при недостаточной мотивации или отсутствии целенаправленного подхода эти ресурсы могут остаться неиспользованными, а человек – не достичь заявленных целей.

Диагностика психических состояний и поведенческих особенностей в цифровом пространстве также представляет огромный интерес для психологов. Интернет- и мобильные приложения, онлайн-тестирования, а также различные программные средства позволяют проводить первичную оценку уровня тревожности, стресса, депрессии или иных состояний. В то же время цифровые следы (например, история просмотров, активность в социальных сетях, характер взаимодействия с контентом) могут стать дополнительным источником данных для более точной и глубокой психологической диагностики. Преимуществом является удаленный формат, при котором специалист и клиент могут находиться в разных городах или странах. Это особенно актуально в ситуациях, требующих консультаций для населения отдаленных регионов, лиц с ограниченными возможностями или тех, кто по другим причинам не имеет доступа к очным сеансам. Одновременно стоит учитывать и риски. Одним из самых существенных угроз в цифровой среде становится интернет-зависимость, которая выражается в неконтролируемом стремлении постоянно находиться онлайн, проверять сообщения, вести виртуальные диалоги и просматривать ленты новостей. Подобное поведение может приводить к снижению социальной активности в реальном мире, возникновению тревожности, бессонницы, нарушениям когнитивных функций. Кроме того, в процессе онлайн-взаимодействия человек рискует столкнуться с кибербуллингом, манипуляциями сознанием и распространением недостоверной информации, что может негативно сказаться на самооценке, межличностных отношениях и психическом состоянии.

Важным шагом на пути к оптимизации взаимодействия с цифровой средой становится развитие культуры ответственного потребления информации. Под этим понимается не только умение различать достоверные и недостоверные источники, но и осознанный подход к формированию своей медиасреды, умение ставить границы и критически оценивать собственную вовлеченность в интернет-активность. Психологическая служба может оказать поддержку, внедряя обучающие программы, развивающие медиа-грамотность и навыки саморегуляции. При этом комплексная диагностика, оценивающая не только уровень цифровых компетенций, но и личностные качества, помогает формировать индивидуальные стратегии адаптации. Например, люди с выраженной интровертностью могут с успехом реализоваться через онлайн-проекты, требующие глубокого анализа и минимального прямого контакта, а экстраверты могут испытывать определенное напряжение вследствие недостатка живого общения. Здесь важно учитывать индивидуальный профиль личности и соответствующие рекомендации для оптимизации использования цифровых ресурсов.

С точки зрения научно-практической деятельности, особый интерес вызывает интеграция различных методик диагностики, основанных на классических подходах (опросниках, тестах, интервью), с цифровыми приложениями, способными автоматически обрабатывать значительный массив данных. Такой симбиоз помогает психологам экономить время, оперативно получать обратную связь и улучшать качество интервенций. Ниже приведена обобщающая таблица, отражающая основные аспекты влияния цифровой среды на личность, а также возможные пути адаптации и диагностики.

Таблица 1

Анализ ключевых факторов воздействия цифровой среды и подходов к диагностике.

Table 1

Analysis of key factors influencing the digital environment and approaches to diagnostics.

Фактор воздействия	Описание	Возможные методы диагностики	Стратегии адаптации
Информационная перегрузка	Избыточность и хаотичность поступающей информации	Онлайн-опросы, анализ цифровой активности	Развитие навыков фильтрации и приоритизации, формирование режимов использования
Кибербуллинг и манипуляции	Травля и манипулятивное воздействие в сети	Анкетирование, наблюдение за коммуникациями в соцсетях	Обучение навыкам психологической защиты, развитие эмпатии и критического мышления

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Интернет-зависимость	Неконтролируемая потребность находиться в онлайне	Онлайн-тесты для диагностики аддиктивного поведения	Терапевтические программы, развитие самодисциплины и осознанности
Мотивация к саморазвитию	Желание изучать новые технологии, обучаться онлайн и повышать квалификацию	Мониторинг участия в онлайн-курсах, самооценка	Индивидуальные планы развития, наставничество, поддержка внутренней мотивации
Межличностные отношения	Новые формы общения, изменение восприятия социальной близости	Анализ структуры социальных связей, фокус-группы	Баланс онлайн- и офлайн-коммуникаций, развитие навыков эмпатического взаимодействия
Психическое здоровье и стресс	Увеличение тревожности, депрессивных состояний в связи с особенностями цифрового окружения	Клинические опросники, самооценка самочувствия онлайн	Психотерапия, онлайн-консультирование, внедрение цифровых инструментов самоконтроля и самоподдержки
Профессиональная деятельность	Использование цифровых инструментов в работе, удаленные форматы и гибкий график	Анализ навыков digital-компетентности, отзывы коллег	Организация рабочего пространства, внедрение принципов work-life balance

Благодаря системному подходу к изучению этих факторов можно разработать комплексную программу, направленную на снижение рисков и повышение эффективности использования цифровой среды. При этом важно понимать, что нет универсальных решений, одинаково подходящих для всех категорий населения. Оптимальной оказывается индивидуализированная или дифференцированная стратегия, учитывающая не только психологические, но и социальные, экономические и культурные особенности.

Перспективы будущих исследований видятся в более детальном изучении механизмов формирования устойчивых позитивных стратегий, связанных с использованием цифровой среды. Это может включать разработку и проверку специализированных программ обучения цифровой гигиене, а также создание онлайн-сервисов, направленных на самоподдержку и профилактику негативных состояний. Кроме того, важно продолжать работу над совершенствованием методов диагностики, включая анализ цифровых паттернов поведения, встраивание адаптивных алгоритмов машинного обучения и использование инновационных интерфейсов для взаимодействия специалиста и клиента.

Таким образом, системное исследование цифровой среды как объекта психологического анализа открывает широкие возможности для развития науки и практики. При условии грамотной интеграции цифровых инструментов и систематической психологической поддержки можно минимизировать риски и раскрыть потенциал личности, используя преимущества технологического прогресса для более глубокого понимания самого человека и его взаимодействия с миром.

Выводы

В ходе проведённого анализа можно заключить, что цифровая среда является не только мощным инструментом, способным расширять границы человеческих возможностей, но и источником новых вызовов, связанных с изменением характера социального взаимодействия, формированием зависимостей и ростом эмоциональных и когнитивных нагрузок. При этом ключевым фактором успешного приспособления к цифровым инновациям служат психологические механизмы адаптации, которые включают навыки саморегуляции, критического мышления и медиаграмотности. Грамотно выстроенные стратегии информационного поведения позволяют минимизировать риски и поддерживать здоровый баланс между виртуальным и реальным пространством.

Немаловажным оказывается и потенциал цифровой среды в плане развития и диагностики. Технологические инструменты облегчают доступ к новейшим методикам обучения, позволяют проводить мониторинг психического состояния человека и своевременно предоставлять консультативную поддержку. Использование онлайн-платформ, мобильных приложений и интерактивных ресурсов открывает широкие возможности для персонализированного подхода к психологической помощи. Однако практика показывает, что эффективность таких решений напрямую зависит от уровня

подготовки специалистов и их способности интегрировать цифровые технологии в классические методы психологического сопровождения.

В итоге, необходимо продолжать развитие научных исследований, направленных на выявление закономерностей функционирования психики в условиях цифровой среды, а также углублять теоретико-методологическую базу, позволяющую разрабатывать новые инструменты и программы профилактики, диагностики и коррекции. При этом важно сохранять этические ориентиры, учитывая принципы конфиденциальности и безопасности данных, а также помнить о важности индивидуального подхода и гуманистических ценностях. Только таким образом можно достичь гармоничного баланса между использованием современных технологических возможностей и сохранением психологического благополучия каждого человека.

Список источников

1. Шейнов В.П. Цифровая среда как пространство становления психики современного человека // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. С. 200 – 204. DOI 10.17759/sps.2024150213

2. Панов В.И., Патраков Э.В. Опыт системных исследований цифровизации информационной среды: риски, представления, взаимодействи // Мир психологии. 2021. № 1-2 (105). С. 116 – 130.

3. Черкесова Д.У., Рабаданова А.И., Акбиева З.С. Цифровая среда: психологические и психофизиологические риски // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. № 3. С. 120 – 125. DOI 10.21779/2542-0313-2024-39-3-120-125

4. Панюкова Ю.Г. Цифровизация информационной среды в контексте экопсихологической модели становления субъектности // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 222 – 227. DOI 10.17759/sps.2023140113

5. Патраков Э.В., Сабо Ч.М., Батурина Л.И., Де Мораес Р.С.П. Экопсихологическая интерпретация риска как критерия психологической готовности индивида к взаимодействиям с цифровой средой (кросс-культурное исследование педагогов) // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 1. С. 124 – 137. DOI 10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137

6. Мартюшов В.Ф., Золотов А.А., Ломакин А.С., Боровик В.В. Цифровизация и подрастающее поколение: вызовы современности // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2021. № 2 (25). С. 41 – 47. DOI 10.46573/2409-1391-2021-2-41-47

7. Арямов А.А. Правопонимание мышления в цифровом пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 96 – 101. DOI 10.35750/2071-8284-2020-2-96-101

8. Акопов Г.В., Акопян Л.С., Долгова В.И. Осознание последствий цифровизации в представлениях о возможном // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 4 (57). С. 14 – 21. DOI 10.51944/2073-8544_2021_4_14

9. Панченко О.Л. риски адаптации личности в условиях цифровизации образования // Человек и образование. 2021. № 1 (66). С. 113 – 118. DOI 10.54884/S181570410020620-7

10. Левада А.В. Клиническая психология в условиях цифровизации // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 2. С. 207 – 213.

11. Бузенюк Е.И. Психологическое благополучие индивида в эпоху расцвета цифровых технологий // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 28. С. 20 – 24.

12. Бюндюгова Т.В. Современные исследования визуализации в психологии в цифровой среде // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 2. С. 130 – 135.

13. Медведская Е.И. Цифровая психогигиена как проблема самодисциплины интернет-пользователя // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1, Педагогика. Психология. Филология. 2023. № 3 (117). С. 79-83.

14. Мягков А.А. Психодиагностика электронных образовательных сред, разбор значений // Мир педагогики и психологии. 2024. № 5 (94). С. 417 – 421.

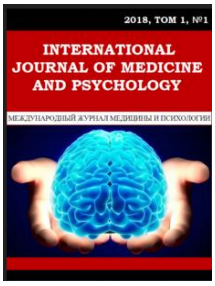
References

1. Sheynov V.P. Digital environment as a space for the development of the modern human psyche. Social Psychology and Society. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 200 – 204. DOI 10.17759/sps.2024150213
2. Panov V.I., Patrakov E.V. Experience of systemic studies of the digitalization of the information environment: risks, ideas, interactions. The World of Psychology. 2021. No. 1-2 (105). P. 116 – 130.
3. Cherkesova D.U., Rabadanova A.I., Akbieva Z.S. Digital environment: psychological and psychophysiological risks. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2, Humanities. 2024. Vol. 39. No. 3. Pp. 120 – 125. DOI 10.21779/2542-0313-2024-39-3-120-125
4. Panyukova Yu.G. Digitalization of the information environment in the context of the ecopsychological model of the formation of subjectivity. Social Psychology and Society. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 222 – 227. DOI 10.17759/sps.2023140113
5. Patrakov E.V., Sabo Ch.M., Baturina L.I., De Moraes R.S.P. Ecopsychological interpretation of risk as a criterion for an individual's psychological readiness to interact with the digital environment (cross-cultural study of teachers). Human Psychology in Education. 2023. Vol. 5. No. 1. P. 124 – 137. DOI 10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137
6. Martyushov V.F., Zolotov A.A., Lomakin A.S., Borovik V.V. Digitalization and the younger generation: challenges of our time. Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities. 2021. No. 2 (25). P. 41 – 47. DOI 10.46573/2409-1391-2021-2-41-47
7. Aryamov A.A. Legal understanding of thinking in the digital space. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (86). P. 96 – 101. DOI 10.35750/2071-8284-2020-2-96-101
8. Akopov G.V., Akopyan L.S., Dolgova V.I. Awareness of the consequences of digitalization in ideas about the possible. Actual problems of psychological knowledge. 2021. No. 4 (57). P. 14 – 21. DOI 10.51944/2073-8544_2021_4_14
9. Panchenko O.L. Risks of personality adaptation in the context of digitalization of education. Man and education. 2021. No. 1 (66). P. 113 – 118. DOI 10.54884/S181570410020620-7
10. Levada A.V. Clinical Psychology in the Context of Digitalization. Intellectual Resources for Regional Development. 2021. No. 2. P. 207 – 213.
11. Buzenyuk E.I. Psychological Well-Being of an Individual in the Era of the Flourishing of Digital Technologies. Bulletin of the Educational Consortium Central Russian University. Series: Humanities. 2023. No. 28. P. 20 – 24.
12. Byundyugova T.V. Modern Research of Visualization in Psychology in the Digital Environment. Intellectual Resources for Regional Development. 2021. No. 2. P. 130 – 135.
13. Medvedskaya E.I. Digital mental hygiene as a problem of Internet user self-discipline. Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1, Pedagogy. Psychology. Philology. 2023. No. 3 (117). P. 79 – 83.
14. Myagkov A.A. Psychodiagnostics of electronic educational environments, analysis of meanings. The world of pedagogy and psychology. 2024. No. 5 (94). P. 417 – 421.

Информация об авторе

Носакова Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, SPIN-код: 6318-9397, Российский государственный профессионально-педагогический университет, nosakovatv@mail.ru

© Носакова Т.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.9.01

[1, 2] Кравченко С.В.,
[1] психолог, супервизор, индивидуальный предприниматель Кравченко С.В., г. Новосибирск,
[2] Новосибирский государственный педагогический университет

Социальные сети как фактор формирования удовлетворенности жизнью: эмпирическое исследование

Аннотация: удовлетворенность жизнью является важной научной и практической составляющей психологии, которая дает представление о субъективном благополучии в жизни индивида. В настоящее время нуждается в исследовании проблема потери ориентиров и критериев удовлетворенности жизни, связанная с развитием социальных сетей. Пользователи социальных сетей смотрят на жизнь через профиль интернет-страниц «успешных», «обеспеченных», «исключительно счастливых людей», и их собственная жизнь кажется им серой и не насыщенной. Не понимая критериев своей собственной удовлетворенности жизнью, многие делают вывод, что их жизнь «не такая». Заявленная проблема видится перспективой дальнейшего научного исследования рассматриваемой темы.

В статье рассматриваются понятия удовлетворенности жизнью, активности и самопрезентации в социальных сетях. Представлен анализ результатов эмпирического исследования, целью которого было изучение взаимосвязи удовлетворенности жизнью с самопрезентацией в социальных сетях и с восприятием презентации других лиц в социальных сетях.

Выдвинуто два предположения:

1) риск неудовлетворенность жизнью повышается при сравнении себя с идеализированными образами, транслируемыми в социальных сетях другими пользователями;

2) удовлетворенность жизнью ниже при намеренной приукрашенной самопрезентации в социальных сетях, не соответствующей действительности.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, самопрезентация в социальных сетях

Для цитирования: Кравченко С.В. Социальные сети как фактор формирования удовлетворенности жизнью: эмпирическое исследование // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 213 – 224.

Поступила в редакцию: 12 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1, 2] Kravchenko S.V.,
[1] psychologist, supervisor, individual entrepreneur Kravchenko S.V., Novosibirsk,
[2] Novosibirsk State Pedagogical University

Social networks as a factor in the formation of life satisfaction: an empirical study

Abstract: life satisfaction is an important scientific and practical component of psychology, which gives an idea of the subjective well-being in an individual's life. Currently, the problem of loss of landmarks and criteria of life satisfaction associated with the development of social networks needs to be investigated. Social media users look at life through the profile of the Internet pages of "successful", "well-off", "exceptionally happy people", and their own lives seem gray and not saturated to them. Without understanding the criteria of their own life satisfaction,

many conclude that their life is "not like that." The stated problem is seen as a prospect for further scientific research on the topic under consideration.

The article examines the concepts of life satisfaction, activity and self-presentation in social networks. An analysis of the results of an empirical study is presented, the purpose of which was to study the relationship of life satisfaction with self-presentation on social networks and with the perception of other people's content on social networks.

The author's hypothesis implies two assumptions:

1) the risk of dissatisfaction with life increases when comparing oneself with idealized images broadcast on social networks by other users;

2) life satisfaction is lower with intentionally embellished self-presentation on social networks that does not correspond to reality.

Keywords: life satisfaction, self-presentation in social networks

For citation: Kravchenko S.V. Social networks as a factor in the formation of life satisfaction: an empirical study. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 213 – 224.

The article was submitted: December 12, 2024; Approved after reviewing: February 14, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

В психологической науке удовлетворенность жизнью считается важнейшим аспектом, составляющей субъективного благополучия. Удовлетворенность жизнью обусловливает высокую успешность в различных областях деятельности, максимальное раскрытие способностей человека, его эмоциональный комфорт, проявляющийся в переживании полноты жизни.

В настоящее время большинство людей значительную часть своего времени проводят в социальных сетях. Социальные платформы не просто служат средством общения, но и становятся важной частью их повседневной жизни. Виртуальное пространство, созданное в социальных сетях, наполняется различными взаимодействиями, эмоциями и информацией, что делает его значимой частью психологического мира человека. Это привело к тому, что многие аспекты жизни людей, такие как самооценка, социальные связи и восприятие своей собственной жизни во многом формируются под влиянием того, что происходит в онлайн-пространстве.

Сказанное актуально не только для молодежи, но и для людей зрелого возраста. В связи с тенденцией непрекращающегося роста популярности социальных сетей имеет смысл и при рассмотрении вопросов факторов удовлетворенности жизнью у лиц зрелого возраста уделить особое внимание их активности и самопрзентации в социальных сетях.

Материалы и методы исследований

Удовлетворенность жизнью трактуется научном психологическом дискурсе по-разному. В одних источниках акцент делается при ее описании как на как составляющую счастья (например, у Е.Е. Бочаровой [4]), в других источниках она трактуется через психическое здоровье (например, у Н. В. Вязововой и В.М. Мелеховой [5]), в третьих источниках она трактуется через деятельность, профессиональную реализацию (например, у Е.А. Яковлевой и В.И. Крячко [19]), в четвертых источниках – она рассматривается через призму качества жизни (например, у Д.Б. Громовой и Н.А. Хоркиной [7]).

Активное использование социальных сетей привело к появлению новых исследовательских проблем, одной из которых является проблема связи удовлетворенности жизнью и степени включенности в социальные сети [15]. По мнению Д.С. Корниенко с соавторами, «человек формирует собственную виртуальную идентичность и представляет себя в социальной сети» [8, с. 6].

А.Р. Шишкова определила, что особенности самопрезентации человека в социальных сетях выражаются в подчеркнутом компенсаторном характере такого самопредставления, а сама самопрезентация человека выполнят функцию реализации его идеального Я [18].

О.С. Андреевой рассматривается связь активности использования социальных сетей и удовлетворенности жизни. В общем, количество времени, которое пользователи проводят в социальных сетях, может приводить к повышению уровня тревожности [2].

К.А. Алексеевой отмечено, что вера пользователя в информацию, публикуемую другими в социальных сетях, приводит к его неудовлетворенности собственной жизнью [1]. В частности, пишет автор, женщины чаще сравнивают свою внешность с виртуальными образцами и могут

чувствовать себя менее привлекательно, что лишает их уверенности в себе.

О.А. Пикулевой отмечено, что Интернет предоставляет уникальную возможность для смены идентичности посредством самопрезентационного поведения пользователей. Автором перечислены разные причины смены идентичности пользователей в процессе самопрезентации. Это и самоактуализация, и получение нового опыта, и формирование определенного Я-образа, и склонность просто поразвлекаться. Особый интерес представляет такая причина смены идентичности в процессе самопрезентации в социальных сетях, как компенсация на фоне жизненной неудовлетворенности, в целом, или определенными сторонами собственной реальной идентичности [12].

Интерес представляют данные исследования, проведенного Д.В. Сильченко и В.Б. Шумским, согласно которым было установлено, что пользователи социальных сетей с высоким уровнем вовлеченности в них демонстрируют более низкие уровни удовлетворенности жизнью по сравнению с пользователями социальных сетей с низким уровнем вовлеченности [16].

Согласно исследованиям А.А. Бочавер и его коллег, одной из особенностей общения в социальных сетях является распространение так называемых «дистиллированных» идеальных образов. Эти образы отражают социально одобряемые нормы, касающиеся внешности, семейных отношений, материального благосостояния и других аспектов, что может вызывать у пользователей негативные чувства по отношению к самим себе. Пассивный просмотр чужих публикаций в ленте социальных сетей без активного взаимодействия может усиливать чувство зависти, снижать самооценку и общее удовлетворение жизнью. [3]

Д.С. Корниенко и его коллеги также выяснили, что удовлетворенность жизнью будет низкой, если и в социальных сетях человек чувствует себя одиноко, в то время как ощущение друзей в соцсетях приводит к положительной оценке удовлетворенности человека жизнью [9]. С другой стороны, некоторыми авторами, например, В.А. Розановым и А.С. Рахимкуловой, допускается, что взаимодействие в социальных сетях может повысить жизненную удовлетворенность, в частности, посредством новой самопрезентации [14].

Таким образом, представление о взаимосвязи социальных сетей и удовлетворенности жизнью в психологической литературе весьма размыто на текущий момент. Есть указания на связь удовлетворенности жизни и активности использования социальных сетей, объема проводимого в них времени, поднимается проблема неудовлетворенности собственной жизнью при постоянном сопоставлении себя с образцами из чужих профилей. Постулируется, что пользователи социальных сетей не удовлетворены своей жизнью из-за той информации, которая курсирует там (на фоне веры в успех других). Излишне активная, частая и радикальная смена идентичности в процессе самопрезентации в социальных сетях трактуется как компенсация на фоне жизненной неудовлетворенности. С другой стороны, допускается, что посредством самопрезентации в социальных сетях можно нормализовать психологическое благополучие и повысить жизненную удовлетворенность.

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено эмпирическое исследование, целью которого было изучение взаимосвязи удовлетворенности жизнью с самопрезентацией в социальных сетях и с восприятием чужого контента в социальных сетях. Исследование проведено на выборке объемом 100 человек. Базой исследования послужили социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм». Сбор данных осуществлялся в форме онлайн-опроса. Состав выборки по половой принадлежности: 50 мужчин и 50 женщин. Возрастная характеристика: от 35 до 50 лет. Все участники исследования имели свой аккаунт в социальных сетях.

Исследование призвано проверить достоверность выдвинутой рабочей гипотезы. В качестве гипотезы было выдвинуто два предположения:

1) риск неудовлетворенность жизнью повышается при сравнении себя с идеализированными образами, транслируемыми в социальных сетях другими пользователями;

2) удовлетворенность жизнью ниже при намеренной приукрашенной самопрезентации в социальных сетях.

Методы эмпирического исследования: анкетирование, тестирование.

Для изучения удовлетворенности жизнью была подобрана «Шкала удовлетворённости жизнью» E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen и S. Griffin, адаптированная и валидизированная Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным.

Для изучения особенностей сопоставления себя с идеализированными образами, транслируемыми в социальных сетях другими пользователями была разработана анкета, включающая перечень эмоций, состояний, переживаний, настроений, типичных для пользователей социальных сетей, демонстративно транслирующих жизненный успех.

Для изучения особенностей самопрезенации испытуемых в социальных сетях использованы:

1) методика «Шкала измерения тактик самопрезентации» (С.-Ж. Ли, Б. Куигли): посредством

данной методики диагностировались доминирующие тактики самопрезентации участников исследования в социальных сетях, включая, в частности, тактики желания понравиться, приписывание себе достижений или их преувеличения;

2) «Модифицированный опросник самопрезентации в Facebook» (М. Михикян, Дж. Денис, К. Субраманиам, в модификации Д. С. Корниенко с соавторами): посредством данной методики диагностировалось, насколько выражена тенденция реалистичного демонстративного «Я» и насколько выражена тенденция фальшивого обманного «Я».

Для проверки положений рабочей гипотезы проводился корреляционный анализ по критерию Спирмена для определения значимых взаимосвязей между удовлетворенностью жизнью пользователей социальных сетей, с одной стороны, и восприятием чужих «успешных» аккаунтов, спецификой самопрезентации в социальных сетях, с другой стороны.

Результаты и обсуждения

Согласно результатам, полученным по методике E. Diener в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, низкий уровень жизненной удовлетворенности установлен у 40% участников исследования, средний уровень выявлен у 58%, высокий уровень жизненной удовлетворенности установлен у 2% (рис. 1).

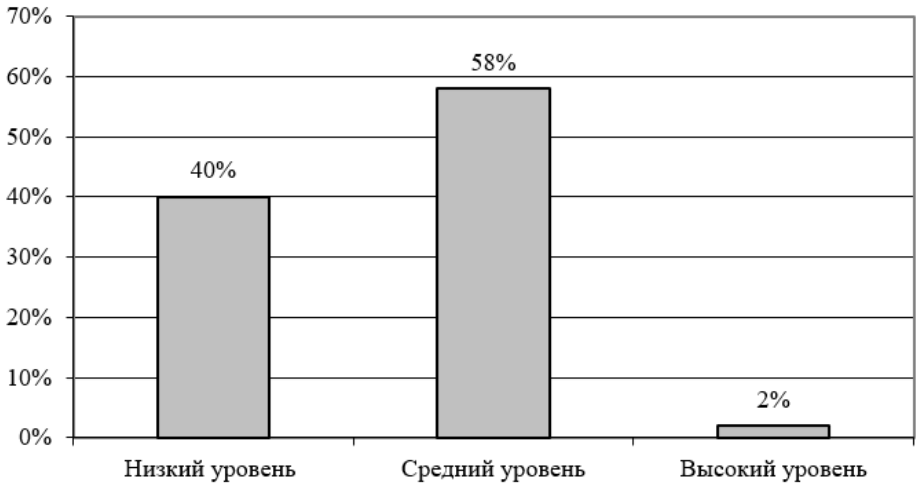


Рис. 1. Удовлетворённость жизнью у пользователей социальных сетей по итогам методики E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen и S. Griffin, в адапт. Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина (в %).
Fig. 1. Life satisfaction among social network users based on the results of the method by E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen and S. Griffin, adapted by D.A. Leontiev and E.N. Osin (in %).

Так, почти у половины участников эмпирического исследования была зафиксирована тенденция к неудовлетворенности жизнью.

По итогам проведения анкетирования пользователей социальных сетей были определены ведущие эмоции, состояния, переживания, настроения при просмотре чужих аккаунтов, демонстративно и гиперболизированно транслирующих жизненный успех (рис. 2).

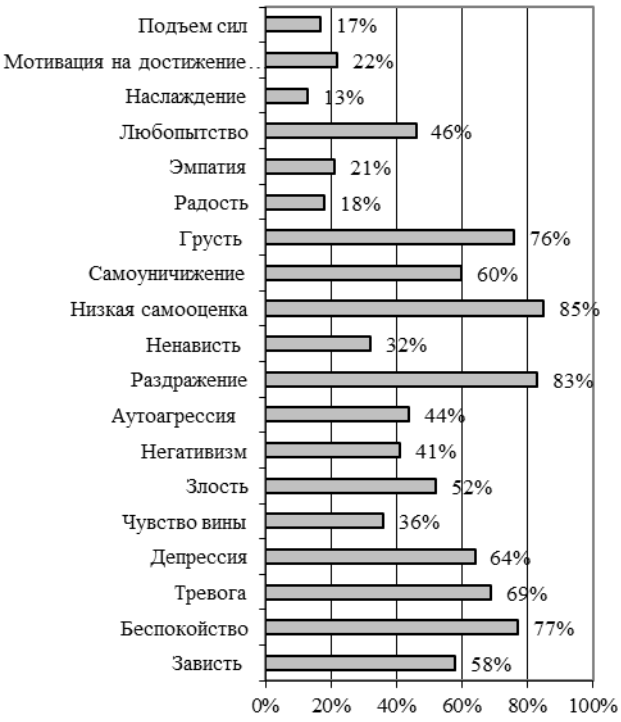


Рис. 2. Ведущие эмоции, состояния, переживания, настроения участников исследования при просмотре чужих «успешных» аккаунтов по итогам анкетирования (в %).
Fig. 2. Leading emotions, states, experiences, moods of the study participants when viewing other people's "successful" accounts based on the results of the survey (in %).

При просмотре такого рода аккаунтов у участников исследования превалируют эмоциональные состояния негативного спектра, деструктивные эмоции, настроения, переживания. Так, лидирующие места здесь занимают – падение самооценки (85% участников исследования), сильное раздражение (83%), беспокойное состояние (77%), грустное настроение (76%), тревожное состояние (69%), депрессивная симптоматика (64%).

По данным, полученным по методике «Шкала измерения тактик самопрезентации» С.-Ж. Ли - Б. Куигли наиболее частыми тактиками самопрезентации являются такие, как (рис. 3):

- «образец для подражания» (5,44): тактика, когда поведение предъявляется как этически ценное и привлекательное; используя эту тактику, участники исследования вызывают уважение, желание подражания и восхищение у других;

- «желание понравиться» (4,67)% ассертивная тактика, предполагающая действия и поступки, проявленные для вызова симпатии к себе у окружающих;

- «демонстрация достижений» (4,43): тактика, предполагающая сообщение о своей ответственности причастности к позитивным достижениям;

- «преувеличение достоинств» (4,21): ассертивная тактика, предполагающая убеждение других, что итог собственного поведения человека более позитивен, чем он может быть идентифицирован в реальности.

Рис. 3. Выраженность тактик самопрезентации у пользователей социальных сетей по итогам методики С.-Ж. Ли, Б. Куигли (ср.зн.).
Fig. 3. Expression of self-presentation tactics among social network users based on the results of the methodology of S.-J. Lee, B. Quigley (average value).

По данным, полученным по методике «Модифицированный опросник самопрезентации в Facebook» (М. Михикян, Дж. Денис, К. Субраманиам, в модификации Д. С. Корниенко с соавторами) (рис. 4), по выборке пользователей социальных сетей наиболее выраженным при самопрезентации в социальных сетях является фальшивое обманное «Я» (3,22) в сравнении с выраженностью реалистичного демонстративного «Я» (2,69).

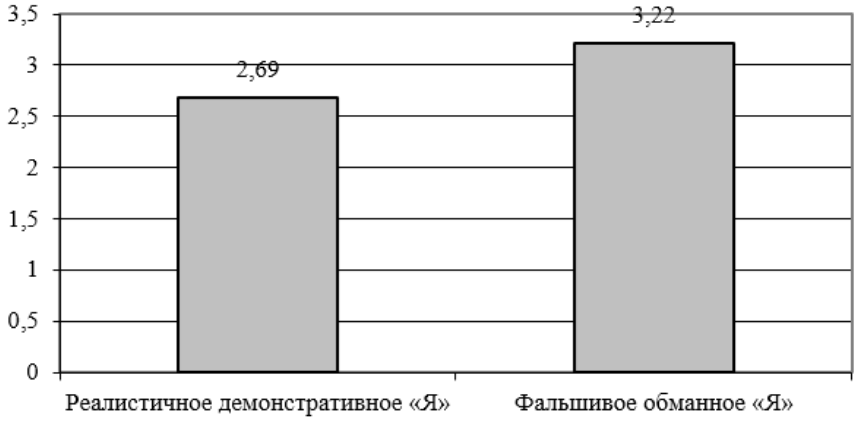


Рис. 4. Выраженность противоположных стратегий представления образа «Я» в социальной сети у участников исследования по итогам методики М. Михикян, Дж. Денис, К. Субраманиам, в модификации Д. С. Корниенко (ср.зн.).
Fig. 4. Expression of opposite strategies for representing the image of the “I” in a social network among the participants of the study according to the results of the method of M. Mikhikyan, J. Denis, K. Subramaniam, as modified by D. S. Kornienko (average value).

В данной выборке при самопрезентации в соц. сетях наиболее выражено стремление к демонстрации идеализированного образа Я, отличного от реальности.

Для проверки гипотезы был проведен корреляционный анализ по критерию Спирмена. На рис. 5 представлены данные о характере взаимосвязи удовлетворенности жизнью и особенностей восприятия чужих «успешных» аккаунтов в социальных сетях.

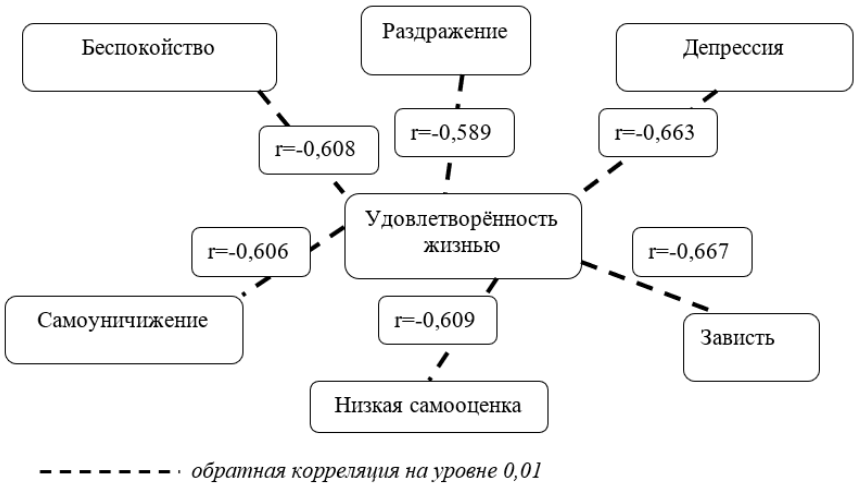


Рис. 5. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью и восприятия чужих «успешных» аккаунтов в социальных сетях по итогам корреляционного анализа по критерию Спирмена.
Fig. 5. The relationship between life satisfaction and the perception of other people's "successful" accounts on social networks based on the results of correlation analysis using Spearman's criterion.

Согласно результатам корреляционного анализа, можно говорить о подтверждении предположения о том, что риск неудовлетворенность жизнью повышается при сравнении себя с идеализированными образами, транслируемыми в социальных сетях другими пользователями. При таком сопоставлении провоцируются низкая самооценка, самоуничижение, чувство зависти, беспокойство, раздражение и депрессивная симптоматика, что находится в сильной обратной корреляционной связи ($p \leq 0{,}01$) с удовлетворенностью жизнью.

На рис. 6 представлены данные о характере взаимосвязи удовлетворенности жизнью и особенностей самопрезентации в социальных сетях по итогам методики С.-Ж. Лии Б. Куигли.

Рис. 6. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью и особенностей самопрезентации в социальных сетях по итогам корреляционного анализа по критерию Спирмена.
Fig. 6. The relationship between life satisfaction and features of self-presentation in social networks based on the results of correlation analysis using the Spearman criterion.

Обратные корреляции получены по выборке пользователей социальных сетей между удовлетворенностью жизнью и такой защитной тактикой самопрезентации, как «оправдание с отрицанием ответственности» (p≤0,01), и такими ассертивным тактиками самопрезентации, как «желание понравиться» (p≤0,01), «запугивание» (p≤0,05), «приписывание себе достижений» (p≤0,01), «преувеличение своих достижений» (p≤0,01), «негативная оценка других» (p≤0,01), «пример для подражания» (p≤0,01).

Данные результаты корреляционного анализа можно интерпретировать следующим образом: чем чаще при самопрезентации пользователи социальных сетей обращаются к защитным тактикам, где фигурируют вербальные утверждения, заявления, отрицающие ответственность за негативные поступки или события, тем ниже у них уровень удовлетворенности жизнью.

Также удовлетворенностью жизнью у пользователей социальных сетей ниже при превалировании у них при самопрезентации таких ассертивных тактик, как действия и поступки для вызова симпатии к себе у других, самовозвышающая коммуникация («желание понравиться»); действия на проектирование тождественности себя как сильного («запугивание»); заявление об ответственности и доверии за позитивные достижения («приписывание себе достижений»); убеждение аудитории в том, что результаты собственных действий более позитивны, чем в действительности «преувеличение своих достижений»; высказывание негативных оценок в адрес («негативная оценка других»); позиционирование себя в качестве примера для других («пример для подражания»).

Удовлетворённость жизнью (по данным методики E. Diener в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина) находится в прямой корреляции (p≤0,01) с реалистичным демонстративным «Я» и в обратной корреляции (p≤0,01) с фальшивым обманным «Я» (по итогам опросника М. Михикян, Дж. Денис, К. Субраманиам, в модификации Д.С. Корниенко) (рис. 7).

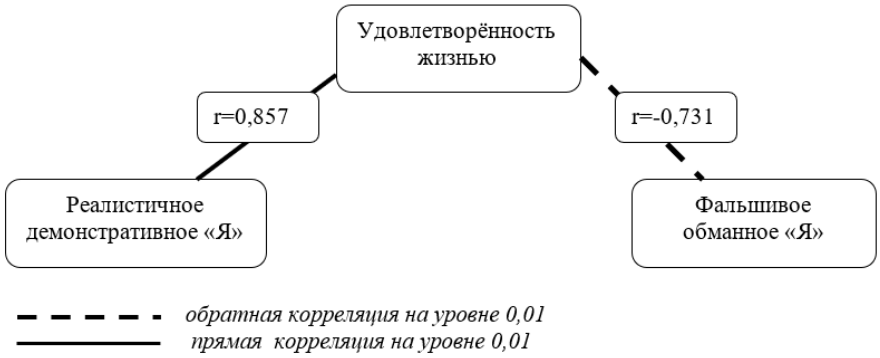


Рис. 7. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью с реалистичным и фальшивым «Я» при самопрезентации в социальных сетях по итогам корреляционного анализа по критерию Спирмена.
Fig. 7. The relationship between life satisfaction and the realistic and false “I” during self-presentation on social networks based on the results of correlation analysis using Spearman’s criterion.

Данные результаты корреляционного анализа можно интерпретировать следующим образом:

- если пользователи соц.сетей презентуют свой образ преимущественно близким к реальной жизни, с выраженным стремлением показать себя как человека, имеющего собственные убеждения, взгляды и ценности и стремящегося произвести впечатление на других, то у них выше уровень удовлетворенности жизнью;

- если пользователи демонстрируют стремления к демонстрации образа, существенно отличного от реальности, то них у них наблюдается выраженная неудовлетворенность жизнью.

Почти у половины принявших участие в эмпирическом исследовании (40%), зафиксирована тенденция к неудовлетворенности жизнью («Шкала удовлетворённости жизнью» E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen и S. Griffin, в адаптации Д.А. Леонтьева - Е.Н. Осина).

По итогам анкетирования, при просмотре чужих аккаунтов, демонстративно и гиперболизированно транслирующих жизненный успех, участники эмпирического исследования переживают преимущественно деструктивные эмоции, настроения, состояния. Это падение самооценки, сильное раздражение, беспокойное состояние, грустное настроение, тревожное состояние, депрессивная симптоматика.

В выборке пользователей социальных сетей наиболее частыми тактиками самопрезентации

являются ассертивные – «пример для подражания», «желание понравиться», «приписывание себе достижений», «преувеличение своих достижений».

Наиболее выраженным при самопрезентации в социальных сетях в выборке является фальшивое обманное «Я».

При сравнении себя с идеализированными образами, транслируемыми в социальных сетях другими пользователями, риск неудовлетворенность жизнью растет за счет снижения самооценки, самоуничижения, чувства зависти, беспокойства, раздражения и депрессивной симптоматики.

Удовлетворенность жизнью находится в определенной взаимосвязи с показателями самопрезентации в социальных сетях. Она прямо коррелирует с реалистичным «Я» и в обратно – с фальшивым «Я» при самопрезентации. У лиц, наиболее удовлетворенных собственной жизнью, самопрезентация в социальных сетях складывается из представления своего образа с максимальной близостью к тому, что есть в реальной жизни. Чем чаще при самопрезентации в социальных сетях обращение к ассертивным тактиками «желание понравиться», «приписывание себе достижений» «преувеличение своих достижений», «негативная оценка других», тем ниже уровень удовлетворенности жизнью. Полученные данные корреляционного анализа соотносятся с литературными данными, в частности, с опубликованными в работе К.А. Алексеевой рассуждениями о том, что активные пользователи социальных сетей не удовлетворены своей жизнью, собственная жизнь им не кажется столь привлекательной. При таких обстоятельствах пользователи популярных социальных сетей стремятся распространить новую ложь о себе при самопрезентации [1].

Выводы

По итогам проведенного исследования выдвинутые положения рабочей гипотезы нашли подтверждение:

1) риск неудовлетворенность жизнью повышается при сравнении себя с идеализированными образами, транслируемыми в социальных сетях;

2) удовлетворенность жизнью ниже при намеренной приукрашенной самопрезентации в социальных сетях, не соответствующей действительности.

Полученные эмпирическим путем данные, с одной стороны, подтвердили выдвинутые предположения, с другой стороны, обнаружили проблемное поле негативного влияния социальных сетей на степень удовлетворенности жизнью у их пользователей.

Проведенное исследование подтвердило немаловажность для жизненной удовлетворенности фактора реалистичной самопрезентации в социальных сетях, отсутствия склонности к преувеличению в виртуальном пространстве собственных достижений, приукрашиванию собственного образа жизни, а также критичного восприятия транслируемого в социальных сетях контента о жизненных достижениях других людей

Проведенный анализ позволил выявить, что фактор активности и самопрезентации в социальных сетях важен при рассмотрении в современных условиях вопросов факторов удовлетворенности жизнью. В то же время представление о взаимосвязи особенностей виртуальной самопрезентации в социальных сетях и удовлетворенности жизнью в психологической литературе весьма размыто на текущий момент. Представленные в статье новейшие данные эмпирического характера демонстрируют актуальную картину обусловленности удовлетворенности жизнью фактором социальных сетей. Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на проблему удовлетворенности жизнью в новых социальных условиях.

Список источников

1. Алексеева К.А. Самопрезентация в киберпространстве: границы реального и выдуманного // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (36). № 2. С. 175 – 186. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37623287&ysclid=m0bdjhoacr795516796 (дата обращения: 23.10.2024)

2. Андреева О.С. Удовлетворенность жизнью в юношеском возрасте в связи с активностью использования социальных сетей // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 1419 – 1426. https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nlclmh&ysclid=lzqvnwf2qg75663064 (дата обращения: 21.10.2024)

3. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 1 – 18. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41358555&ysclid=m0bfxu42r397050364 (дата обращения: 20.10.2024)

4. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь дискриминационных установок и характеристик удовлетворенности жизнью, счастья у представителей молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. Вып. 2 (34). https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-diskriminatsionnyh-ustanovok-i-harakteristik-udovletvorennosti-zhiznyu-schastya-u-predstaviteley-molodezhi?ysclid=m0bfdzidw0989638872 (дата обращения: 21.10.2024)

5. Вязовова Н.В., Мелихова В.М. Особенности отношения к карьере лиц с различным уровнем психологического благополучия // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2021. Т. 20. № 3 (49). С. 14 – 25. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otnosheniya-k-kariere-lits-s-razlichnym-urovnem-psihologicheskogo-blagopoluchiya?ysclid=lzpxuu7apw464592127 (дата обращения: 21.10.2024)

6. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования Интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. № 26 (3). С. 56 – 79. https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2018_n3/cpp_2018_n3_Gerasimova_Kholmogorova.pdf?ysclid=m0bg5cgt2t347781346 (дата обращения: 21.10.2024)

7. Громова Д.Б., Хоркина Н.А. Взаимосвязь индекса массы тела и удовлетворенности жизнью взрослых россиян // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69. № 1. С. 1 – 33. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53252806 (дата обращения: 14.10.2024)

8. Корниенко Д.С., Руднова Н.А., Горбушина Е.А., Дериш Ф.В. Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 75. С. 6. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46644239&ysclid=m0bfpwfz2o416136678 (дата обращения: 14.10.2024)

9. Корниенко Д.С., Чурсина А.В., Калимуллин А.М., Семенов, Ю.И. Взаимосвязь использования социальных сетей с удовлетворенностью жизнью и одиночеством у подростков // Российский психологический журнал. 2022. № 19 (3). С. 202 – 218. https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-ispolzovaniya-sotsialnyh-setey-s-udovletvorennostyu-zhiznyu-i-odinochestvom-u-podrostkov?ysclid=lzqvjg7d5k669801915 (дата обращения: 21.10.2024)

10. Мараница Л.В., Антонова Н.А, Ерицян К.Ю Общение в Интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности // Петербургский психологический журнал. 2013. № 5. С. 1 – 15. URL: ttps://www.elibrary.ru/item.asp?id=21073239 (дата обращения: 21.10.2024)

11. Меренкова В.С., Соложкова О.Е. Исследование феномена «удовлетворенность жизнью» // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2. № 1. С. 4 – 13. https://elibrary.ru/item.asp?id=44156905 (дата обращения: 23.10.2024)

12. Пикулева О.А. Самопрезентация личности пользователей сети Интернет // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 5. № 4. С. 77 – 81. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21559356&ysclid=m0bfv6f5ss386845818 (дата обращения: 21.10.2024)

13. Рассказова Е.И., Лебедева А.А. Скрининговая шкала позитивных и негативных переживаний Э. Динера: апробация рускоязычной версии // Психология. Журнал ВШЭ. 2020. № 2. С. 250–263. https://cyberleninka. ru/article/n/skriningovaya-shkala-pozitivnyh-i-negativnyh-perezhivaniy-e-dineraaprobatsiya-russkoyazychnoy-versii/viewer (дата обращения: 18.10.2024)

14. Розанов В.А., Рахимкулова А.С. Психологическое благополучие пользователей социальных сетей – проблема или возможность раннего выявления негативных тенденций? // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. № 1 (36). https://cyberpsy.ru/articles/psihologicheskoe-blagopoluchie-polzovatelej-socsetej/?ysclid=lkwm39ag8i954298005 (дата обращения: 17.10.2024)

15. Ростовцева Н.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А. Киберхондрия – самостоятельное явление или проявление ипохондрических особенностей онлайн? // Национальный психологический журнал. 2022. № 1. С. 76 – 93. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48519328&ysclid=m0bfmdd97q259997721 (дата обращения: 21.10.2024)

16. Сильченко Д.В., Шумский В.Б. Психологическое благополучие пользователей социальных сетей с разным уровнем вовлеченности // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 79. https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/522923026.pdf (дата обращения: 21.10.2024)

17. Хохлова Н.И., Шброва Н.В. Маркеры удовлетворенности жизнью в поздней зрелости // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 1 (49). С. 55 – 60. https://elibrary.ru/item.asp?id=48542763 (дата обращения 23.10.2024)

18. Шишкова А.Р. Самопрезентация пользователей социальных сетей Web 2.0 // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4. С. 221 – 225. https://cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiya-polzovateley-sotsialnyh-setey-web-2-0-2?ysclid=m0bg8pfd0899719344 (дата обращения: 21.10.2024)

19. Яковлева Е.А., Крячко В.И. Профессиональная продуктивность и субъективное благополучие // Journal of Economic Regulation. 2021. Т. 12. № 4. С. 110 – 120. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47503637 (дата обращения: 09.10.2024)

20. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook "friends": Social capital and college students' use of online social network sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 72 (4). P. 1143 – 1168.

References

1. Alekseeva K.A. Self-presentation in cyberspace: the boundaries of the real and the fictional. Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8 (36). No. 2. P. 175 – 186. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37623287&ysclid=m0bdjhoacr795516796 (date of access: 10/23/2024)

2. Andreeva O.S. Life satisfaction in adolescence in connection with the activity of using social networks. Human abilities and mental resources in the world of global changes. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 1419 – 1426. https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nlclmh&ysclid=lzqvnwf2qg75663064 (accessed: 21.10.2024)

3. Bochaver A.A., Dokuka S.V., Sivak E.V., Smirnov I.B. Use of social networks on the Internet and depressive symptoms in adolescents. Clinical and Special Psychology. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 1 – 18. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41358555&ysclid=m0bfxu42r397050364 (date of access: 20.10.2024)

4. Bocharova E.E. The relationship between discriminatory attitudes and characteristics of life satisfaction, happiness among young people. News of Saratov University. Nov. series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2020. Vol. 9. Issue 2 (34). https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-diskriminatsionnyh-ustanovok-i-harakteristik-udovletvorennosti-zhiznyu-schastya-u-predstaviteley-molodezhi?ysclid=m0bfdzidw0989638872 (date of access: 10/21/2024)

5. Vyazova N.V., Melikhova V.M. Features of the attitude towards the career of persons with different levels of psychological well-being. Psychological and pedagogical journal "Gaudeamus". 2021. Vol. 20. No. 3 (49). P. 14 – 25. https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otnosheniya-k-kariere-lits-s-razlichnym-urovnem-psihologicheskogo-blagopoluchiya?ysclid=lzpxuu7apw464592127 (date of access: 21.10.2024)

6. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. General scale of problematic Internet use: testing and validation in a Russian sample of the third version of the questionnaire. Consulting psychology and psychotherapy. 2018. No. 26 (3). P. 56 – 79. https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2018_n3/cpp_2018_n3_Gerasimova_Kholmogorova.pdf?ysclid=m0bg5cgt2t347781346 (date of access: 21.10.2024)

7. Gromova D.B., Khorkina N.A. The relationship between body mass index and life satisfaction in adult Russians. Social aspects of population health. 2023. Vol. 69. No. 1. P. 1 – 33. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53252806 (accessed: 14.10.2024)

8. Kornienko D.S., Rudnova N.A., Gorbushina E.A., Derish F.V. Psychometric characteristics of the self-presentation scale on a social network. Psychological studies. 2021. Vol. 14. No. 75. P. 6. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46644239&ysclid=m0bfpwfz2o416136678 (accessed: 14.10.2024)

9. Kornienko D.S., Chursina A.V., Kalimullin A.M., Semenov, Yu.I. The relationship between the use of social networks and life satisfaction and loneliness in adolescents. Russian Psychological Journal. 2022. No. 19 (3). P. 202 – 218. https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-ispolzovaniya-sotsialnyh-setey-s-udovletvorennostyu-zhiznyu-i-odinochestvom-u-podrostkov?ysclid=lzqvjg7d5k669801915 (accessed: 21.10.2024)

10. Mararitsa L.V., Antonova N.A, Eritsyan K.Yu. Communication on the Internet: a potential threat or a resource for the individual. Petersburg Psychological Journal. 2013. No. 5. P. 1 – 15. URL: ttps://www.elibrary.ru/item.asp?id=21073239 (date of access: 21.10.2024)

11. Merenkova V.S., Solozhkova O.E. Study of the phenomenon of "life satisfaction". Comprehensive studies of childhood. 2020. Vol. 2. No. 1. P. 4 – 13. https://elibrary.ru/item.asp?id=44156905 (date of access: 23.10.2024)

12. Pikuleva O.A. Self-presentation of the personality of Internet users. Bulletin of Leningrad State University. A.S. Pushkin. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 77 – 81. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21559356&ysclid=m0bfv6f5ss386845818 (accessed: 21.10.2024)

13. Rasskazova E.I., Lebedeva A.A. Screening scale of positive and negative experiences by E. Diener: testing of the Russian-language version. Psychology. HSE Journal. 2020. No. 2. P. 250 – 263. https://cyberleninka.ru/article/n/skriningovaya-shkala-pozitivnyh-i-negativnyh-perezhivaniy-e-dineraaprobatsiya-russkoyazychnoy-versii/viewer (date of access: 18.10.2024)

14. Rozanov V.A., Rakhimkulova A.S. Psychological well-being of social network users - a problem or an opportunity for early detection of negative tendencies? Medical psychology in Russia: electronic. scientific journal. 2016. No. 1 (36). https://cyberpsy.ru/articles/psihologicheskoe-blagopoluchie-polzovatelej-socsetej/?ysclid=lkwm39ag8i954298005 (date of access: 10/17/2024)

15. Rostovtseva N.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh., Emelin V.A. Cyberchondria - an independent phenomenon or a manifestation of hypochondriacal features online? National Psychological Journal. 2022. No. 1. P. 76 – 93. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48519328&ysclid=m0bfmdd97q259997721 (date of access: 10/21/2024)

16. Silchenko D.V., Shumsky V.B. Psychological well-being of social network users with different levels of involvement. Psychological studies. 2021. Vol. 14. No. 79. https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/522923026.pdf (accessed: 21.10.2024)

17. Khokhlova N.I., Shbrova N.V. Markers of life satisfaction in late adulthood. Northern region: science, education, culture. 2022. No. 1 (49). P. 55 – 60. https://elibrary.ru/item.asp?id=48542763 (accessed 23.10.2024)

18. Shishkova A.R. Self-presentation of users of social networks Web 2.0. Modern studies of social problems. 2010. No. 4. P. 221 – 225. https://cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiya-polzovateley-sotsialnyh-setey-web-2-0-2?ysclid=m0bg8pfd0899719344 (date of access: 21.10.2024)

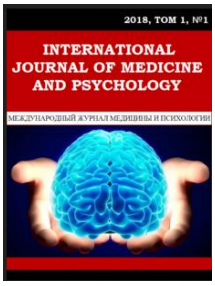
19. Yakovleva E.A., Kryachko V.I. Professional productivity and subjective well-being. Journal of Economic Regulation. 2021. T. 12. No. 4. P. 110 – 120. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47503637 (date of access: 10/09/2024)

20. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook "friends": Social capital and college students' use of online social network sites. Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 72 (4). R. 1143 – 1168.

Информация об авторе

Кравченко С.В., психолог, супервизор, индивидуальный предприниматель Кравченко С.В., г. Новосибирск, ул. Челюскинцев 44/1; соискатель, Новосибирский государственный педагогический университет, kravsve@gmail.com

© Кравченко С.В., 2025



Научно-исследовательский журнал *«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»*
https://ijmp.ru
2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 https://ijmp.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
УДК 159.9

[1] Ларионова Л.И.,
[2] Петров В.Г.,
[3] Леонова В.О.,
[1] Московский городской педагогический университет,
[2] Иркутский государственный университет,
[3] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал

Согласованность ценностно-смысловых ориентаций личности курсантов для работы в системе МВД

Аннотация: статья посвящена проблеме изучения ценностно-смысловых ориентаций личности курсантов системы МВД. Курсанты связывают свою жизнь со службой в правоохранительных органах. Что движет личность и насколько молодые люди готовы к реализации морально сложной профессии. Цель исследования: выявить степень согласованности ценностно-смысловых ориентаций личности курсантов с выбранной профессией. Методология построения исследования опирается на теоретическую концепцию ценностных ориентаций, разработанную учеными М. Рокичем и Ш. Шварцем. Ценностно-смысловые ориентации для более детального изучения в исследовании разделены на ценностные и смысложизненные ориентации. Для изучения ценностных ориентаций были выбраны следующие методики: М. Рокич «Ценностные ориентации», Ш. Шварц «Ценностный опросник». Для исследования смысложизненных ориентаций применялась методика Д.А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации». Полученные данные подверглись статистической обработке. Результаты исследования показали, что ценностно-смысловые ориентации личности курсантов имеют ряд особенностей, которые помогают достичь успеха в выбранной профессии. Учет степени согласованности ценностно-смысловых ориентаций личности помогут при профориентации, профотборе, выборе индивидуальной траектории образования.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, ценностные ориентиры, смысложизненные ориентации, личность, курсанты

Для цитирования: Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О. Согласованность ценностно-смысловых ориентаций личности курсантов для работы в системе МВД // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 2. С. 225 – 230.

Поступила в редакцию: 14 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 января 2025 г.; Принята к публикации: 18 марта 2025 г.

[1] ***Larionova L.I.,***
[2] ***Petrov V.G.,***
[3] ***Leonova V.O.,***
[1] *Moscow City Pedagogical University,*
[2] *Irkutsk State University*
[3] *Moscow State Institute of International Relations (University)*
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch

Consistency of the value-semantic orientations of the cadets' personality for work in the Ministry of Internal Affairs system

Abstract: the article is devoted to the problem of studying the value-semantic orientations of the personality of cadets of the Ministry of Internal Affairs system. Cadets associate their lives with law enforcement service. What motivates a person and how ready are young people to pursue a morally challenging profession? The purpose of the study is to identify the degree of consistency of the value-semantic orientations of the cadets' personality with the chosen profession. The research methodology is based on the theoretical concept of value orientations developed by scientists M. Rokich and S. Schwartz. For a more detailed study, the value-semantic orientations in the study are divided into value and life-meaning orientations. The following methods were chosen to study value orientations: M. Rokich "Value orientations", S. Schwartz "Value questionnaire". D.A. Leontiev's method "Semantic orientations" was used to study semantic orientations. The data obtained has been subjected to statistical processing. The results of the study showed that the value-semantic orientations of the cadets' personalities have a number of features that help them achieve success in their chosen profession. Taking into account the degree of consistency of a person's value and semantic orientations will help with career guidance, professional selection, and the choice of an individual educational trajectory.

Keywords: value-semantic sphere, value orientations, life-meaning orientations, personality, cadets

For citation: Larionova L.I., Petrov V.G., Leonova V.O. Consistency of the value-semantic orientations of the cadets' personality for work in the Ministry of Internal Affairs system. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (2). P. 225 – 230.

The article was submitted: December 14, 2024; Approved after reviewing: February 16, 2025; Accepted for publication: March 18, 2025

Введение

Ценностно-смысловые ориентации как целостный предмет научного исследования в психологии сформировался относительно недавно. Длительное время ученым было свойственно изучать отдельные компоненты ценностно-смысловой сферы: ценности и смыслы. Первую типологию ценностной системы предложил Э.Шпрангер, в которой представил шесть типов ценностных профилей личности: теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический, религиозный. Более полные классификации ценностей были разработаны в трудах М. Рокича [9] и Ш. Шварца [10], которые описали 36 и 10 ценностных ориентаций соответственно. Оба ученых сходились во мнении, что ценности тесно связаны с желаемыми целями, что является выражением мотивации. Ценности выходят за рамки конкретной ситуации и проявляются во всех жизненных ситуациях. Отечественные ученые С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Л.В. Карпушина, А.В. Капцова, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Н.А. Журавлева, С.М. Яницкий [2, 3, 4, 7, 8] и другие подробно изучали роль ценностных ориентаций в структуре личности. Ценностные ориентации помогают личности сориентироваться во внешнем мире, выстроить деятельность согласно собственным убеждениям, задают морально-этические границы. Ценностно-смысловые ориентации направляют личность для реализации выбранной деятельности и задают ей содержание.

Смысл как личностное образование изучали такие великие ученые, как В. Франкл, А. Адлер, К.Г. Юнг и другие. Ф.Е. Василюк пишет, что смысл – это пограничное образование, в котором сходится сознание и бытие, реальное и идеальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации [1]. Известный российский учёный Д.А. Леонтьев описывает смысл как структурный элемент сознания и деятельности личности. Так же ученый говорит о механизмах порождения смысла таких как замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация, инсайт, столкновение смыслов, полагание смысла [5, с. 133]. Само

понятие ценностно-смысловых ориентиров Д.А. Леонтьев трактует следующим образом, «это особым образом организованная совокупность смысловых образований и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах [5, с. 154]». Следом М.С. Яницкий определяет ценностно-смысловые ориентиры личности как детерминанту вектора развития личности, ее механизм, который консолидирует личность и социум, а также регулирует поведенческую деятельность [8]. Будущая профессиональная деятельности курсантов предъявляет высокие требования к ценностно-смысловой сфере их личности, как образцу поведения гражданина, как внутреннему регулятору поведения, как медиатору в сложных морально-этических дилеммах.

Материалы и методы исследований

Исследование проходило на базе Московского университета МВД России. В качестве респондентов выступали студенты 1 курса, в количестве 44 человек, в возрасте от 18 до 22 лет.

С целью изучения ценностно-смысловых ориентаций личности и составления ценностного портрета личности курсантов были выбраны следующие методики. «Ценностные ориентации» М.Рокича для изучения иерархии ценностей. В соответствии с методикой каждый испытуемый может сделать свой свободный выбор в списке терминальных и инструментальных ценностей. При обработке результатов, полученных по методике М. Рокича производился подсчет среднего арифметического значения и нахождение вторичного ранга по каждой ценностной ориентации. 1-6 ранги в иерархии занимают предпочитаемые ценности, а менее предпочитаемые ценности оказываются на 13-18 рангах. Меньший балл указывает на более высокое ее положение в иерархической ценностной структуре личности, а высокий балл средних значений свидетельствует о меньшей значимости в иерархии. В исследовании использовался «Ценностный опросник» Ш.Шварца, на основе которого выявлялись дополнительные ценностные ориентации. Для изучения смыслового компонента ценностного профиля была выбрана методика «Смысложизненные ориентации» Д.А.Леонтьева.

Результаты и обсуждения

Иерархия ценностных ориентаций позволяет зафиксировать степень значимости одной ценности над другой. В табл. 1 представлены средние значения и вторичные ранги по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Таблица 1

Результаты методики «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Table 1

Results of the “Value Orientations” method by M. Rokeach.

Терминальные ЦО	Ср.зн.	Ранг	Инструментальные ЦО	Ср.зн.	Ранг
Активная деятельная жизнь	9,6	9	Образованность	7,9	2,5
Жизненная мудрость	10,0	11	Воспитанность	7,4	4
Здоровье	5,1	2	Жизнерадостность	8,3	6
Интересная работа	8,9	7	Независимость	9,6	11
Красота природы и искусства	11,9	14,5	Ответственность	8,8	9
Любовь	3,7	1	Самоконтроль	8,0	5
Материально обеспеченная жизнь	9,7	10	Твердая воля	11,1	16
Наличие хороших и верных друзей	5,7	3	Честность	6,2	1
Общественное признание	11,3	13	Рационализм	10,3	12
Познание	11,9	14,5	Смелость в отстаивании своего мнения	7,9	2,5
Продуктивная жизнь	9,5	8	Широта взглядов	10,5	13,5
Развитие	8,3	5	Исполнительность	9,5	10
Свобода	12,3	16	Чуткость	10,5	13,5
Счастливая семейная жизнь	6,0	4	Эффективность в делах	8,5	8
Счастье других	12,9	17	Аккуратность	8,4	7
Творчество	14,0	18	Высокие запросы	13,2	17

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Уверенность в себе	8,5	6	Терпимость	10,7	15
Удовольствия	11,1	12	Непримиримость к недостаткам в себе и других	13,3	18

Исходя из табл. 1 видно, что в списке терминальных ценностей у курсантов на первое место выходит ценность «любовь», что говорит о них как о людях романтичных и стремящихся выстраивать глубокие межличностные отношения. Также в предпочитаемых ценностях оказались такие ценности как «здоровье», «наличие друзей», «счастливая семейная жизнь», что может указывать ориентацию курсантов на базовые человеческие ценности и их способность выдерживать социальный стандарт «хорошего человека».

Такие ценности как «творчество», «счастье других», «свобода» у курсантов попадают в разряд менее предпочитаемых, что может характеризовать их как людей не склонных к креативности, выражению собственной индивидуальности. Важно учесть, что будущая профессия курсантов и не предполагает выражения творчества в работе, а наоборот требуется соблюдение установленных протоколов.

В списке инструментальных ценностных ориентаций, которые М. Рокич пояснял как ценности-средства для достижения цели, курсанты отдали лидирующее место ценности «честность». Что соответствует духу выбранной ими профессии и говорит о готовности служить своей стране и соблюдать общественно-значимые моральные принципы. Так же для курсантов важны ценности «образованность», «смелость в отстаивании своего мнения», «воспитанность» и «самоконтроль», что характеризует их как людей, готовых к профессиональным требованиям выбранной специальности. Менее предпочитаемыми инструментальными ценностями оказались такие ценности как «непримиримость к недостаткам в себе и других», «высокие запросы», «твердая воля». Сделанный выбор показывает на ориентированность искоренять пороки общества, желание бороться с негативными чертами личности в себе и других при этом нет стремления к быстрому заработку, что говорит готовности к устойчивым зарплатным условиям на государственной службе.

Далее обратимся к результатам, полученным по методике «Ценностный опросник» Ш. Шварца и проанализируем дополнительные ценностные ориентации.

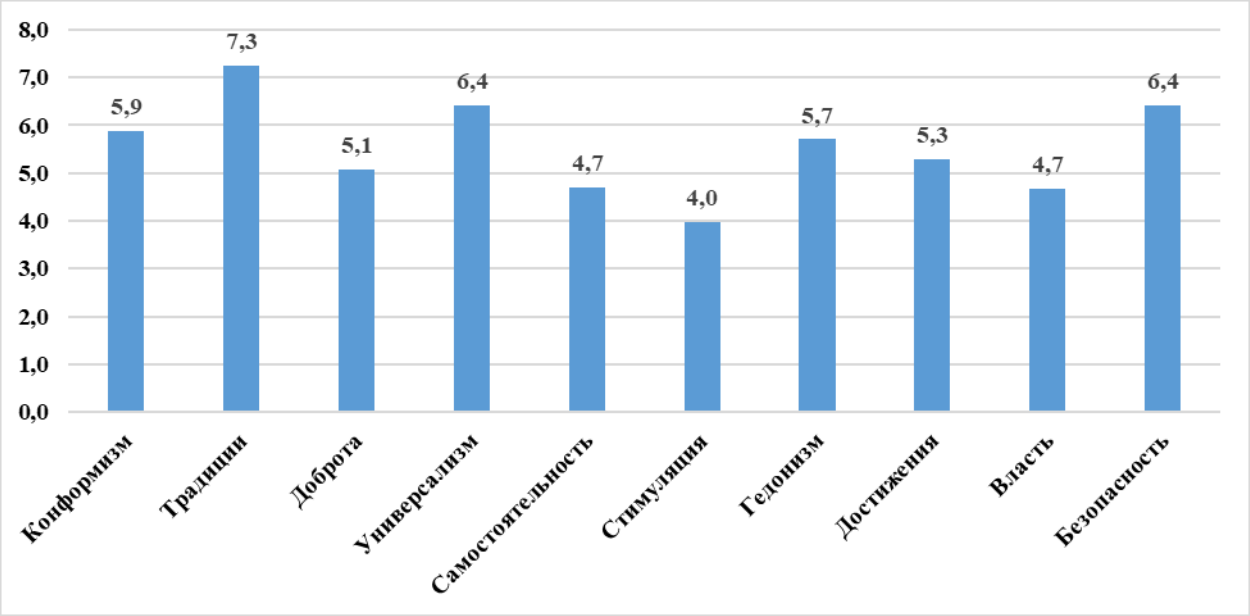


Рис. 1. Результаты методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца.
Fig. 1. Results of the “Value Questionnaire” method by S. Schwartz.

Исходя из рис. 1 видно, что такая ценность как «традиции» занимает лидирующее место, что характеризует курсантов, как людей, которые ориентированы на отношения с социумом и соблюдение законов. Такие ценности как «универсализм», «безопасность» занимают высокие позиции, что может указывать на стремление создавать безопасную социальную среду. Самый низкий балл получила ценность «стимуляция», что характеризует курсантов, как людей не стремящихся к постоянному поиску новых развлечений.

На рис. 2 представлены результаты, которые характеризуют смысложизненные ориентации курсантов.

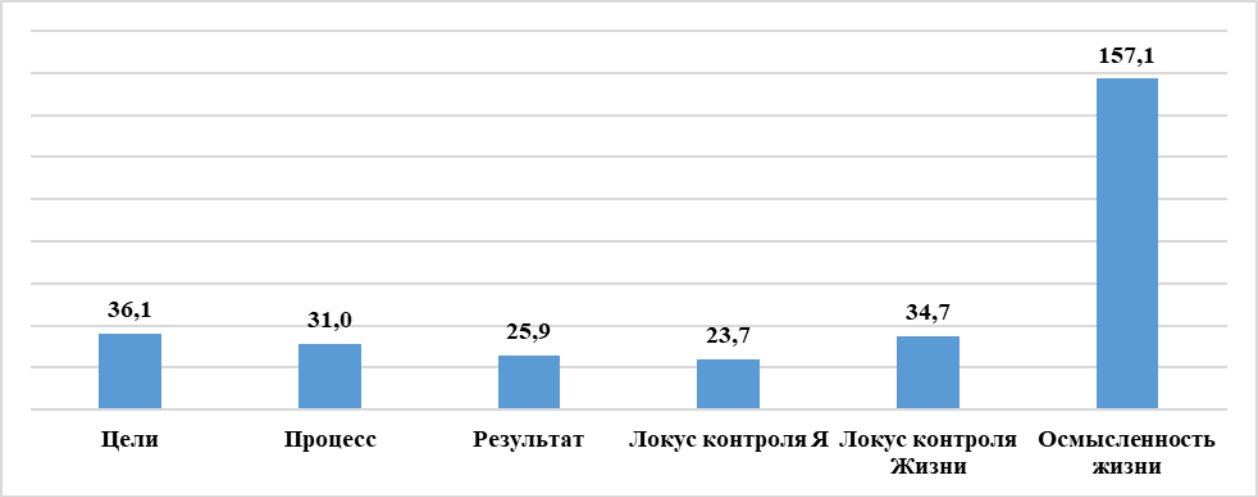


Рис. 2. Результаты методики «Смысложизненные ориентации» А.Н. Леонтьева.
Fig. 2. Results of the “Life-Meaning Orientations” method by A.N. Leontiev.

Исходя из рис. 2 ценностно-смысловой профиль курсантов можно охарактеризовать как людей, которые видят свою перспективу, ставят цели в будущем, ощущают, что могут контролировать свою жизнь, чувствуют, что многое зависит от них. Общий показатель осмысленности жизни выше средних значений (157,1 при среднем и стандартном отклонении для мужчин 103,10).

Полученные данные исследования ценностно-смысловых ориентаций личности курсантов при сопоставлении с результатами исследования ученых Лобза О.В.,Коротковой В.О. [6], полученных в гражданском Вузе, позволяют сделать вывод о существенных различиях в ценностных профилях студентов системы МВД и гражданских Вузов. Что указывает на ряд особенностей, которые присущие именно курсантам.

Выводы

Ценностно-смысловые ориентации личности курсантов имеют согласованность с выбранной профессией в правоохранительных органах, что является устойчивым фундаментом для успешного развития в профессиональной и личной жизни. Проведенное нами исследование не исчерпывает всей сложности проблемы и представляет интерес изучение факторов формирования ценностно-смысловых ориентаций, динамики развития ценностных ориентаций курсантов в процессе обучения в вузе.

Список источников

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.

2. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 524 с.

3. Здравомыслов А.Г. Потребности.Интересы.Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.

4. Карпушина Л.В., Капцов А.В. Психология ценностей российской молодежи: монография. Самара: «Изд-во СНЦ РАН», 2009. 252 с.

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М: Смысл,2003. 487с.

6. Лобза О.В., Короткова В.О. Ценностные ориентации и их взаимосвязь с личностными особенностями студентов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 2-1. С. 180 – 191.

7. Ядов В.А.Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция: кол. монография / М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики", ФГНУ Центр социологических исслед., Ин-т социологии РАН. 2-е расш. изд. Москва: ЦСП и М, 2013. 374 с.

8. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система: Научное издание. Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Авторское издательство Кузбассвузиздат", 2000. 204 с.

9. Rokeach M. Understanding human values: individual and societal. New York: Free Press, 1979. 322 p

10. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in countries // In M.P. Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Oriando, FL: Academic. 1992. Vol. 25. P. 1 – 65.

References

1. Vasilyuk F.E. Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations) Moscow: Moscow University Publishing House, 1984. 200 p.

2. Zhuravleva N.A. Psychology of social changes: value approach. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2013. 524 p.

3. Zdravomyslov A.G. Needs. Interests. Values. Moscow: Politizdat, 1986. 223 p.

4. Karpushina L.V., Kaptsov A.V. Psychology of values of Russian youth: monograph. Samara: "Publishing house of the Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", 2009. 252 p.

5. Leontiev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. 2nd ed. M: Smysl, 2003. 487 p.

6. Lobza O.V., Korotkova V.O. Value orientations and their relationship with personal characteristics of students. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 2-1. P. 180 – 191.

7. Yadov V.A. Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual: a dispositional concept: collective monograph. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, National Research University "Higher School of Economics", Federal State Scientific Institution Center for Sociological Research, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2nd extended ed. Moscow: CSP i M, 2013. 374 p.

8. Yanitsky M. S. Value orientations of an individual as a dynamic system: Scientific publication. Kemerovo: Limited Liability Company "Author's Publishing House Kuzbassvuizdat", 2000. 204 p.

9. Rokeach M. Understanding human values: individual and societal. New York: Free Press, 1979. 322 p

10. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in countries. In M.P. Zanna (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Oriando, FL: Academic. 1992. Vol. 25. P. 1 – 65.

Информация об авторах

Ларионова Л.И., доктор психологических наук, профессор, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, 123022, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, larionova.lign@yandex.ru

Петров В.Г., кандидат психологических наук, доцент, Педагогический институт, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6, veproff@mail.ru

Леонова В.О., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, 143007, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3, V.korotkova@odin.mgimo.ru

© Ларионова Л.И., Петров В.Г., Леонова В.О., 2025